БОРИС КАРЛОВ

Новые приключения НЕЗНАЙКИ

СНОВА НА ЛУНЕ

БОРИС КАРЛОВ

Новые приключения НЕЗНАЙКИ

СНОВА НА ЛУНЕ

Санкт-Петербург
Издательство
"АЗБУКА"
1999

УДК 82-93
ББК 84Р7
К 23

Оформление и рисунки
Вадима Пожидаева

Карлов Б.

К 23 Новые приключения Незнайки: Снова на Луне: Роман-сказка для детей и взрослых. – СПб.: Азбука, 1999. — 560 с.

ISBN 5-7684-0719-7

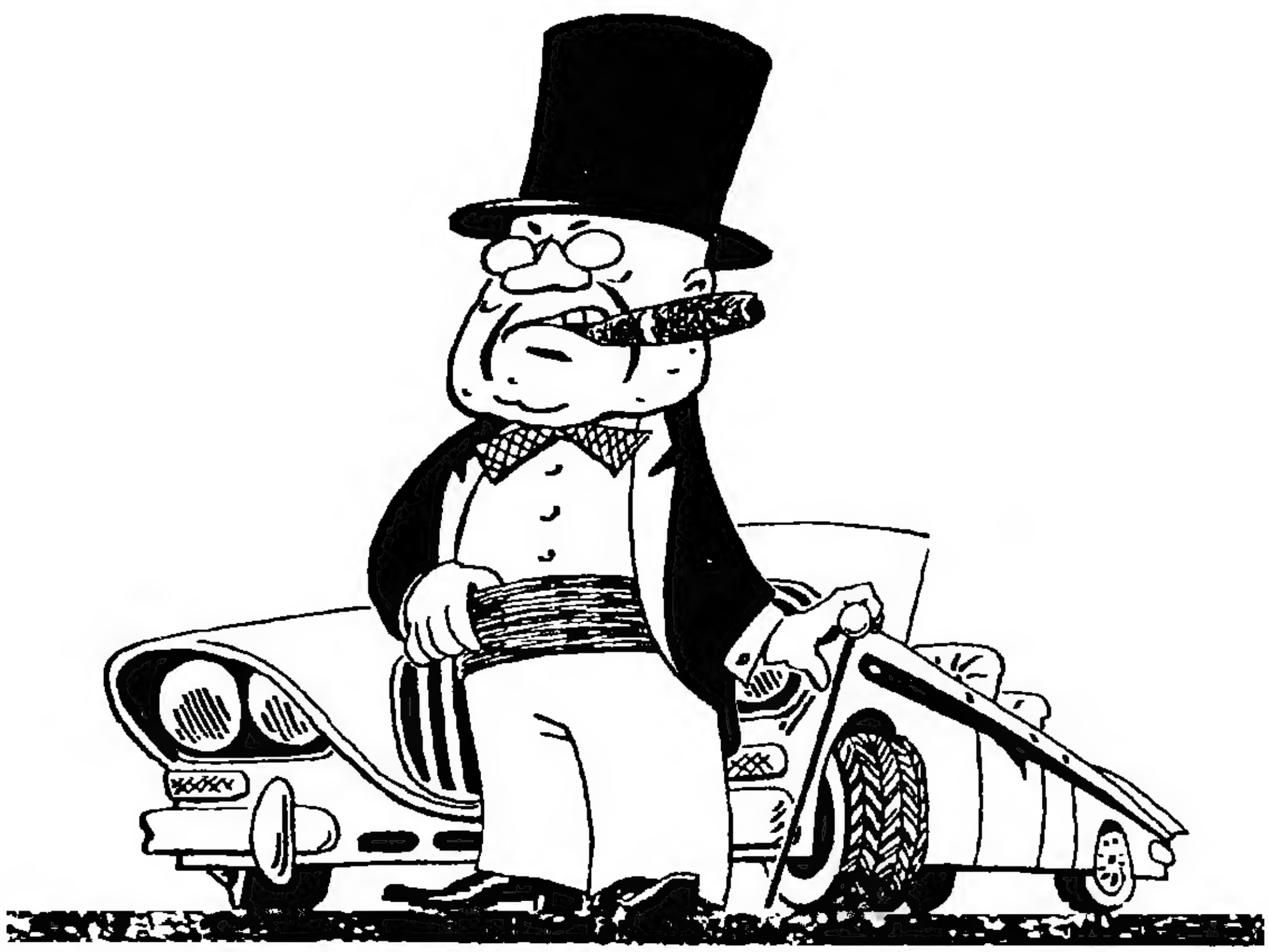
Остросюжетный роман «Снова на Луне» решен автором в жанре социально-психологической сатиры и рекомендован читателям всех возрастов.

ISBN 5-7684-0719-7

© Б. Карлов, 1999
© «Азбука», 1999

КНИГА ПЕРВАЯ

Дело о космических поставках



Часть первая

Вступление. Устройство подлунного мира и несколько попутных напоминаний об известных событиях

Луна, как некоторые знают, значительно меньше Земли. Условно говоря, они соотносятся приблизительно так, как яблоко и небольшой арбуз. Внутреннее ядро Луны-«яблока», населенное коротышками, и того меньше — с грецкий орех. Где же там размещаются города, леса, реки и горы? Это станет понятным, если мы, вооружившись точными приборами, обмерим «орех» по экватору. И тогда мы получим расстояние, очень приличное даже для нас с вами. А уж о маленьких коротышках, которые сами величиной с палец, и говорить нечего.

Лунные жители тоже называют свое запрятанное в оболочку небесное тело Землёй. Но поскольку они знают о существовании нашей Большой Земли, то свою называют Малой Землёй или просто Землёй. Внешнюю оболочку лунатики называют так же, как и мы, — Луной.

Под действием солнечных лучей оболочка светится изнутри, поэтому в подлунном мире происходят нормальные смены дня и ночи, однако солнца лунатики не видят, и небо у них всегда затянуто плотной дымкой облаков.

Если мы с высоты окинем взором поверхность Малой Земли, то увидим, что суша здесь представлена одним-единственным материком, раскинувшимся далеко с востока на запад и только в одном месте разделенным Большим Океанским проливом. Этот пролив соединяет Северный и Южный океаны. Береговые изгибы материка образуют моря и заливы, в которые кое-где впадают большие реки и маленькие ручейки.

В центральной части материка находится самый большой лунный город, он называется Давилон. Здесь рвутся в небо высотные дома, а глубокие ущелья улиц полны света даже глубокой ночью. От перекрестка к перекрестку снуют автомобили, а на мостовых полно местных коротышек и приезжих зевак. Многие помнят, что в пригороде Давилона на парашюте приземлился Незнайка, оказавшийся первым земным коротышкой на внутреннем ядре Луны. Именно здесь, благодаря стараниям двух отпетых мошенников Мигса и Жулио, открылось и вскоре лопнуло Акционерное общество гигантских растений.

Несколько южнее расположен Брехенвиль. Это промышленный городок, и фабричных труб здесь куда больше, чем небоскребов. В Брехенвиле находится знаменитое макаронное заведение Скуперфильда.

Пропустив почти совсем ничем не примечательный Паноптикум, спускаемся еще южнее и попадаем в приморский Сан-Комарик. Богачи тратят здесь свои денежки, а безработные стекаются сюда на звон монет, поглазеть на красивую жизнь. После того как Незнайку и Козлика обманули компаньоны, двое друзей провели здесь не самые приятные дни своей

жизни: укушенный крысой Козлик болел в грязной ночлежке, а Незнайка, нанявшись собачьей няней, зарабатывал ему на лечение.

На морском побережье расположились еще три курортных городка: Лос-Свинтос, Лос-Кабанос и Лос-Паганос. Неподалеку от Лос-Паганоса приземлился Пончик, после того как отправился на розыски Незнайки, и тоже провалился в ледяную пещеру. Воспользовавшись неизвестным лунным жителям свойством морской соли улучшать вкус блюд, Пончик быстро разбогател, но и так же быстро разорился, не выдержав конкуренции с монополистом Дракулой.

Поднявшись севернее, в самой глубинке восточной части материка обнаружим город Фантомас. Неподалеку от этого Фантомаса совершила посадку ракета спасательной экспедиции Знайки. Вооруженные приборами невесомости, земные коротышки легко отразили атаки местных отрядов полиции. Такие же приборы они раздали местным беднякам, и те прогнали хозяев со своих полей, фабрик и заводов.

Но тут мы прервем вступление, потому что оно может затянуться, а нам уже пора приступать к главному...

Как поспешные нововведения едва не погубили лунатиков. Восстановление хозяйства и появление «новых коротышек»

Когда земные коротышки улетели, жизнь на Луне стала быстро меняться к лучшему. Благодаря приборам невесомости всякая тяжелая работа превратилась едва ли не в развлечение. Лунатики понастроили себе новых домов (готовую постройку прямо с завода можно было тянуть за собой на веревочке), засеяли

поля и огороды семенами гигантских растений, плоды от которых за счет уменьшения веса должны были сделаться крупнее, чем на Земле, и наконец, по примеру земных коротышек, отменили деньги. После этого вещи и продукты питания не успевали довозить до магазинов, их расхватывали прямо на складах. Всем было радостно и весело.

Но вот не прошло и половины лунного года, как в работе приборов невесомости стали проявляться признаки неисправности. Поднятые в воздух грузы плавно заваливались на землю, будто выдохшиеся воздушные шарики. Давно не смазывавшиеся механизмы огромных заводских машин начали тревожно повизгивать и поскрипывать и вскоре совсем остановились. Один за другим приборы невесомости «садились», как изношенные батарейки.

Будто специально, в это самое время вышла из строя радиостанция, находившаяся на поверхности Луны и служившая для связи с коротышками на Большой Земле. Подняться же на внешнюю оболочку без прибора невесомости не представлялось возможным. Совета или помощи ждать было неоткуда.

Светила науки бросили все свои дела и съехались на экстренный ученый совет. Выводы его были неутешительны.

Прибор невесомости, напомним, состоит из двух основных элементов: лунита и магнитного железняка. При сближении они взаимодействуют и дают эффект невесомости. Беда заключалась в том, что завезенный на Луну магнитный железняк без подпитки от мощного магнитного поля Большой Земли быстро терял свои природные свойства. И луниту, которого на Луне было хоть отбавляй, становилось не с чем взаимодействовать.

Но как только вернулась сила тяжести, наспех понастроенные лунатиками дома стали давать трещины, а то и совсем разваливаться. После того как

нескольких жильцов таких домов едва не зашибло рухнувшими крышами, жить в них и вовсе никто не захотел.

Между тем высунувшиеся было из земли ростки второго урожая гигантских растений, главная надежда лунных коротышек, стали внушать серьезную тревогу. Сначали они остановились в росте, а затем, будто оглядевшись по сторонам, стали быстро чахнуть.

Экстренно был созван еще один ученый совет, в который вошли светила лунной ботаники и растениеводства. Их вывод тоже был неутешителен: для того, чтобы получить гигантские, да и просто жизнеспособные, растения, необходима кропотливая, многолетняя работа на земле. Даже растение, взятое из другого климата, трудно пересадить в свой огород; что уж тут говорить о семенах растений, взятых на другой планете...

Во всеобщей растерянности и начавшейся неразберихе не упустили возможности поднажиться некоторые сметливые и нахраристые коротышки. Еще тогда, когда только отменили деньги, они не стали по примеру других разбрасывать фертинги направо и налево, а, наоборот, прибрали бесхозные денежки к рукам. «Ничего, ничего, — говорили они, — все эти глупости когда-нибудь прекратятся, а денежки останутся при нас».

Так оно и вышло. Когда всем стало ясно, что надежды на быстрое, фантастическое изобилие не оправдались, деньги снова обрели прежнюю цену. И тогда эти коротышки в одночасье стали богачами — миллионерами и некоторые даже миллиардерами.

За бесценок они скупили у разорившихся хозяев фабрики, заводы и сельскохозяйственные угодья. А затем, когда работа повсюду опять закипела, начали и сами обустраиваться по-новому.

Поскольку в большинстве своем эти новые собственники прежде бедствовали и только издалека с

завистью поглядывали на шикарную жизнь, которую вели настоящие богачи, то, дорвавшись до вожделенных миллионов, они бросились наверстывать упущенное. Сначала они накупили себе домов и загородных вилл, в которых могли бы разместиться со всеми удобствами десятки и даже сотни коротышек, но вместо этого по роскошно обставленным пустым комнатам бегали только злые сторожевые собаки. А новые богачи с горящими от жадности глазами продолжали скупать совершенно ненужные им картины, скульптуры, мебель, ковры, технику, яхты, автомобили и личные самолеты. Даже обыкновенный унитаз, к примеру, у многих был оснащен сложной системой датчиков, которые в сопровождении приятной музыки докладывали, какая у сидящего на унитазе коротышки температура тела, давление, чем он пообедал и чем ему следовало бы поужинать, чтобы лучше спалось.

Все эти дорогие излишества новые богачи покупали не столько для собственного комфорта, сколько для того, чтобы пустить, как говорится, пыль в глаза своим знакомым. Так, например, самым шикарным считался у них не самый быстрый и надежный автомобиль, а тот, длина которого была не меньше двух обыкновенных, стоящих друг за другом. А у некоторых владельцев длина автомобиля достигала и трех, и даже четырех обыкновенных. Внутри таких неповоротливых конструкций находились просторные кровати, буфеты, игровые площадки и даже небольшие бассейны. Если такое, с позволения сказать, чудо на колесах двигалось по улице, то полицейские, понимая, что едет миллионер, а не простой коротышка, немедленно перекрывали все остальное движение и пропускали автомобиль, отдавая честь его владельцу.

Сами «новые коротышки» отличались от всех других по особым, ими самими придуманным внешним признакам. Этот стиль настоящего, заметного изда-

лека богача сложился в их воображении еще задолго до того, как они сами стали капиталистами. Большинство этих коротышек раньше жило в деревнях, и они видели миллионеров всего-то один-два раза в жизни, издалека, мельком, а то и вовсе в каких-нибудь телевизионных оперетках. Поэтому после внезапного обогащения они повели себя, с точки зрения окружающих, дико и странно.

Прежде всего, богач в их представлении был непременно толстеньким. Для того чтобы побыстрее растолстеть, «новые коротышки» принялись по нескольку раз в день завтракать, обедать и ужинать, требуя себе при этом самые калорийные продукты питания: торты, пирожные, сдобные булочки, намазанные маслом, и сладкое до приторности какао. При этом они старались как можно меньше двигаться и больше спать. Некоторые требовали подавать им завтрак прямо в постель, чтобы, не теряя времени, тут же всхрапнуть до обеда.

Результаты не заставили себя ждать, и вскоре даже самые неприметные заморыши приобрели вполне солидный и респектабельный вид. А те, у кого талии по каким-то причинам не хотели округляться до желаемых размеров, с нескрываемой завистью поглядывали на уже состоявшихся толстяков. Некоторые из них, не желая смириться со столь вопиющей несправедливостью, пускались на мошеннические уловки и носили под одеждой специальные надувные жилеты. Однако такое жульничество долго скрывать было невозможно, и таких самозванцев быстро разоблачали. В обществе новых богачей ценились только настоящие толстяки.

Другой важной отличительной особенностью «новых» была шляпа. Но не какая-то там обыкновенная, соломенная или фетровая, а настоящий, сияющий шелком, стоящий трубой цилиндр. Настоящего миллионера они представляли себе именно таким:

толстеньким, с тростью в руке, с бабочкой на шее и сияющим цилиндром на голове. А для того, чтобы все издалека видели, с кем имеют дело, эти цилиндры (а в тон им, соответственно, и бабочки) «новые коротышки» заказывали не черными, а с какой-нибудь броской, вызывающей расцветкой: в горох, в полоску, клетчатые, звездочками, крапчатые и так далее. Высота этих расширяющихся кверху нелепых головных уборов также имела значение; размеры их подчас становились немыслимыми и для ношения на голове чрезвычайно неудобными.

Намучившись, «новые коротышки» пришли к общему негласному соглашению о высоте цилиндров: не больше, чем расстояние, взятое от плеча до макушки его владельца. Этим решением все остались довольны, а если кто-нибудь нарушал правило, то на него специально показывали пальцем и смеялись. Тут уж бедняге становилось не по себе.

Среди новых богачей были, конечно, не только малыши, но и малышки, которым тоже хотелось похвастать своим достатком перед подругами. Для этого они даже в самую жаркую погоду надевали на себя пышные меха, обвешивались драгоценностями, а на голове сооружали какую-нибудь несусветную прическу в виде вазы с фруктами, парусного корабля или высотной башни. Кроме того, полагалось держать на руках маленькую, злобно тявкающую капризную собачонку, раскрашенную акварельными красками на манер попугая. Завидев поблизости еще более расфуфыренную дамочку, такая богачка считала себя смертельно обиженной и немедленно отправлялась домой, чтобы в следующий раз появиться в совсем уж невообразимом наряде.

Все эти новые богатеи не вызывали у нормальных коротышек ничуточки уважения. Наоборот, над ними втихомолку посмеивались, а про их глупые причуды рассказывали анекдоты.

Как господин Пупс стал самым богатым и уважаемым коротышкой в подлунном мире

Самым богатым и влиятельным из «новых» стал некто г-н Пупс. В прежние времена почти никто не знал о его скромном существовании; разве что только постоянные посетители большого универсального магазина в захолустном Фантомасе знали г-на Пупса в лицо. А лицо у него было широкое, гладкое, всегда расплывающееся в приятной улыбке. И голос у него был тоже приятный, бархатный и слащавый; прямо-таки не говорил, а пел этот симпатичный во всех отношениях толстенький коротышка.

В универсальном магазине Пупс работал управляющим. В его обязанности входило обслуживание солидных посетителей. Он должен был такого посетителя лично встретить, проводить вдоль стеллажей, рассказать о новых товарах, пошутить — короче, сделать все, чтобы покупатель не просто ушел из магазина с покупками, но и остался доволен обслуживанием. Настолько, чтобы ему захотелось заглянуть сюда еще разок и пообщаться с таким приятным коротышкой.

Обладая хорошей памятью, Пупс запоминал клиентов с первого раза, и, если покупатель снова появлялся в магазине, восторгам его не было конца. Он восторженно восклицал: «Ах! Вот и вы! Как приятно видеть вас снова! Со времени последней нашей встречи вы, несомненно, похорошели и пополнели!..» И затем, прохаживаясь с клиентом вдоль полок, Пупс рассказывал ему, как старому знакомому, местные сплетни и анекдоты, не забывая попутно расхваливать свой товар. После такого приема посетитель чувствовал себя обязанным этому замечательному коротышке и, чтобы в ответ сделать ему приятное,

старался купить побольше, иногда даже не очень нужных ему, вещей.

Уплатив в кассе, посетитель давал Пупсу фертинг «на чай» и прощался. А услужливый управляющий рассыпался в благодарностях и еще долго, стоя в дверях, кланялся и просил заходить еще. Покупателям такое обслуживание очень нравилось, и многие из них приходили в магазин снова и снова.

И все было замечательно до тех пор, пока в стране не начались уже известные нам беспорядки. Будучи при всем своем обаянии коротышкой умным и расчетливым, Пупс не устоял перед соблазном легкого и стремительного обгащения. Когда деньги отменили и вся торговля пошла прахом, хозяин сети фантомасских магазинов г-н Фунтик, по примеру многих других, все бросил и уехал в деревню выращивать гигантские фрукты и овощи. Совсем иначе повел себя наш герой. Понимая, что такая неразбериха долго продолжаться не может, он разыскал где-то за городом заброшенный авиационный ангар и начал свозить туда прямо со складов огромные партии бесхозных вещей и продуктов питания. Он также не стал разбрасываться обесценившимися на время фертингами и насобирал их несколько коробок из-под телевизоров, на сумму более полумиллиарда.

Когда надежды на второй урожай гигантских растений окончательно угасли, Пупс явился к своему бывшему хозяину Фунтику и предложил купить у него разорившиеся магазины. Не долго думая, изголодавшийся Фунтик уступил Пупсу документы на право владения за ящик консервированных бобов. Оба остались довольны этой сделкой.

Затем Пупс разыскал разорившихся владельцев из других городов и тоже скупил у них акции и прочие ценные бумаги. Таким образом, постепенно этот обходительный коротышка стал единоличным хозяином едва ли не всех универсальных магазинов,

расположенных в крупных и не очень крупных городах подлунного мира. И как только деньги опять вошли в силу, он начал торговлю своими припасами.

Впоследствии, когда все утряслось и встало на свои места, г-н Пупс оказался самым богатым коротышкой на Луне. Его состояние оценивалось в десять миллиардов фертингов. После него с большим отрывом шел г-н Спрутс, у которого было пять миллиардов фертингов.

Но если происхождение богатства г-на Пупса нам понятно, то каким же образом Спрутс сохранил и приумножил свои денежки? Тут следует напомнить, что половину своего капитала он в свое время припрятал. Кроме того, на секретных резервных складах у него до лучших времен сохранилось несметное количество производимых его предприятиями товаров — мануфактуры, хлопка, сахара, крупы... Эти товары в условиях дефицита он начал продавать по бешеным ценам через сеть магазинов Пупса. Став компаньонами, они работали в одной связке и нажили огромные деньги.

Интересно, что внешне эти двое коротышек выглядели совершенно по-разному. Спрутс был капиталистом «старой формации», то есть не признавал и даже с раздражением отвергал все эти новомодные штучки — уродливые сверхдлинные автомобили, пестрые шляпы и толстые животы. Спрутс ездил в нормальном, хотя и очень дорогом автомобиле, носил на голове строгий черный цилиндр, а от излишнего веса пытался избавиться различными массажами и диетами.

А вот г-н Пупс по всем внешним признакам выглядел как типичный «новый коротышка». Он ездил в сверхдлинном автомобиле, имел с десяток ненужных ему домов и загородных вилл, от природы он был толстенький, носил большой пестрый цилиндр на голове и пеструю бабочку на шее. При всем этом Пупс был совсем не глупым коротышкой: весь этот

маскарад требовался ему для того, чтобы «новые» принимали его за своего и в случае чего поддерживали его, а не Спрутса. Именно за «новыми» была, по его мнению, настоящая сила.

Господин Пупс с негодованием отвергает гнусное предложение незваных гостей

Однажды промозглым зимним вечером к дверям загородной виллы г-на Пупса подкатил длинный автомобиль, и перед камерой слежения явились двое коротышек в пестрых цилиндрах. Швейцар доложил хозяину, что гости представились как владелец парка аттракционов в Сан-Комарике господин Крабс и свободный коммерсант господин Мигс.

— Пусть подождут в гостиной, — приказал хозяин, рассмотрев их хорошенько, но не вспомнив. — Подайте им чего-нибудь согреться.

Гостей усадили и подали им горячего чаю.

Тем временем Пупс позвонил своему управляющему и попросил немедленно выяснить, что за типы к нему явились. Не прошло и пяти минут, как он держал в руках присланную по компьютерной сети подробную распечатку личных дел Миги и Крабса. Из этих досье следовало, что «свободный коммерсант» г-н Мигс в прошлом мелкий мошенник и несколько раз сидел в каталажке за плутовство. Став казначеем Акционерного общества гигантских растений, бежал с деньгами, прихватив попутно общественную кассу. Господин Крабс оказался бывшим управляющим делами Спрутса, также обворовавшим своего хозяина на несколько миллионов. В настоящее время Мига занимался аферами на бирже ценных бумаг, Крабс же имел в действительности не парк

аттракционов в Сан-Комарике, а игорный притон в Лос-Свинтосе, записанный на подставное лицо.

— Пусть войдут, — сказал Пупс и, чиркнув массивной золотой зажигалкой, прикурил сигару.

Огромный зал второго этажа был обставлен с невиданной роскошью, окна заменяла стена из сплошного тонированного стекла, по которой снаружи хлестал холодный дождь. Сам хозяин сидел в круглой, интенсивно пузырящейся снизу и подсвеченной изнутри ванне в окружении разнообразных плавающих игрушек. Круглое, блестящее лицо его выражало благодушие и довольство. При появлении незнакомцев он даже не подумал вылезти из ванны и одеться.

Когда остановившиеся в дверях Мига и Крабс робко прокашлялись, Пупс оторвал глаза от огромного телевизионного экрана, где транслировался веселенький кинофильм, и обратился к вошедшим:

— А! Господин Мигс! Господин Крабс! Рад вас видеть, проходите, проходите! Простите великодушно, что не встречаю вас лично: необходимо, знаете ли, соблюдать назначенный докторами режим. — Про режим он соврал из соображений деликатности.

Ободренные таким приемом, Мига и Крабс заулыбались и присели на краешки стоявших недалеко от ванны кожаных кресел. Свои пестрые цилиндры они сняли и поставили на колени.

— Нет, нет! — запротестовал Пупс и замахал руками. — Ни в коем случае никогда не делайте этого! Вы рискуете попасть где-нибудь в ужасно неловкое положение. Запомните: «новые коротышки» никогда и ни при каких обстоятельствах не снимают с головы цилиндры — ни в гостях, ни в театре, ни за обедом... Вы меня понимаете?.. Я сам сейчас, как видите, без цилиндра. Но! Если бы мне не было доподлинно известно, что вы, как бы там ни было, коротышки старой, я извиняюсь, формации (хи-хи), вы бы уж непременно застали меня вот в таком, — на голове

Пупса, откуда ни возьмись, появился огромный пестрый цилиндр, — вот в таком виде!

Гости переглянулись и молча нахлобучили на головы свои цилиндры. По правде говоря, они ожидали встретить здесь надутого и немногословного невежу, типичного «нового коротышку». Такая бурная словоохотливость и парадоксальность заявлений хозяина почему-то притупили их собственные мыслительные способности. Заходя в этот дом, они испытывали только естественную робость перед владельцем десяти миллиардов фертингов, а теперь они были напуганы и подавлены личностью этого странного коротышки.

— Однако! — Пупс поднял кверху указательный палец. — При данных обстоятельствах, — Пупс доверительно понизил голос, — мы не будем идти на поводу у глупых предрассудков, верно? Шляпы долой! — воскликнул он торжествующе и ловко подбросил вверх свой цилиндр, который закрутился и плавно повис на ветвях разросшегося прямо над ванной цветущего дерева.

Гости быстро сняли головные уборы и снова поставили их на колени.

— Пользуются ли успехом у посетителей ваши аттракционы, господин Крабс? — поинтересовался миллиардер.

— Благодарю вас. Вполне, — ответил Крабс, стараясь вложить в голос как можно больше деликатности.

— Крутятся карусели?

— Да... Крутятся.

— И никаких сбоев?

— Нет. Никаких.

— И все посетители довольны?

— Конечно. Вполне.

— И с полицией договорились?

— Да. Конечно. То есть... — Крабс осекся, попавшись на крючок. — А при чем тут полиция?

Пупс расхохотался:

— Ну, это дело понятное: если уж ты взялся содержать игорный притон, надо что-нибудь и местной полиции, гы-гы-гы, отмусоливать. — Пупс пошевелил мокрыми пальцами. — Иначе — прихлопнут! — Он весело хлопнул во воде ладошкой в сторону гостей.

Вода обрызгала Миге и Крабсу физиономии. Конфузливо улыбаясь, они утерлись платками. Не смея первыми заговорить, они терпеливо ждали, когда Пупс опять начнет задавать вопросы.

Досмотрев забавный эпизод транслировавшегося по телевизору кинофильма и вдоволь насмеявшись, Пупс приглушил звук и повернул свое добродушное лицо к мгновенно напрягшемуся изнутри Миге.

— Рад вас видеть, господин Мигс! — воскликнул он, будто только что вспомнив о своем втором посетителе. — Что же вы сидите и молчите? Игра на бирже все еще приносит доходы? В этом деле главное — иметь смекалку и стартовый капитал. У вас ведь был приличный стартовый капитал?

По всей видимости, Пупс намекал на деньги Акционерного общества гигантских растений.

Этот вскользь брошенный вопрос поставил Мигу в тупик. Не подтверждая и не отрицая, он вежливо вскинул брови, как бы выражая предельное внимание к собеседнику.

— Был? — нетерпеливо прикрикнул Пупс.

— Да, — быстро ответил Мига. — То есть нет. То есть... как вам будет угодно.

Пупс захлопал в ладоши и залился веселым смехом.

— Вы мне нравитесь, ребята! — проговорил он, чуть успокоившись. — Приятно иметь дело с коротышками старой, гы-гы, формации! Я ведь и сам был таким совсем недавно... Эх, хорошие были времена!..

Пупс чиркнул зажигалкой, пыхнул сигарой и, блаженно улыбаясь, задумался о тех временах, когда он

работал управляющим в магазине и получал из рук покупателей чаевые. Эти чаевые он заботливо откладывал в специальную шкатулочку, а когда в конце недели там накапливалось фертингов тридцать—сорок, он отправлялся в хороший ресторан — непременно такой, где весь вечер и всю ночь бывает представление на сцене. Он садился за отдельный столик в углу зала, который всегда специально для него бронировали на субботний вечер, и, поглядывая на сменяющиеся эстрадные номера, заказывал одно за другим свои любимые кушанья. Потом, уже глубокой ночью, он оставлял официанту фертинг чаевых (конечно, только в том случае, если официант был с ним достаточно любезен, а уж в этом деле Пупс знал толк, как никто другой); швейцару, который помогал ему одеваться и кланялся в дверях, — тоже давал фертинг; и наконец, еще один фертинг он оставлял отвозившему его домой шоферу такси. Потом, совершенно счастливый, он укладывался в кровать и некоторое время нежился в перине на чистом, крахмальном белье, припоминая отдельные детали приятно проведенного вечера. Потом он засыпал и видел во сне, как фертинги сыплются на него прямо с неба и он в них купается и в упоении подгребает под себя хрустящие бумажки... При этом во сне он сучил ручками и ножками и счастливо улыбался.

А что он имел теперь? Теперь, когда он мог в любое время потребовать для себя самые немыслимые яства, еда уже не доставляла ему прежнего удовольствия. Став богатейшим коротышкой на своей планете, он не знал, чего еще можно желать. Любая его дикая причуда, прихоть исполнялись мгновенно, окружающие только и ждали случая, чтобы ему угодить. Если он среди ночи требовал свежей земляники из леса, то земляника тут же находилась; если ему ночью не спалось и приходила фантазия поиграть с черепахой, то и черепаху откуда-то брали.

Такое рабское угодничество Пупсу давно наскучило, ему хотелось снова иметь какую-нибудь, пусть даже маленькую, цель в жизни. Вроде тех великолепных субботних ужинов в ресторане, которые он зарабатывал себе добросовестной и даже, можно сказать, творческой работой в универсальном магазине.

Сразу заметим, что при всей этой кажущейся на первый взгляд сентиментальности Пупс был чрезвычайно умным, а следовательно, циничным коротышкой. Он только и ждал случая, чтобы найти какое-нибудь необычное приложение своему уму и бьющей ключом энергии. Именно поэтому он не побрезговал разговором с отпетыми мошенниками, каковыми, несомненно, являлись Мига и Крабс. Кто знает, думал он про себя, может быть, именно они расскажут нечто такое, от чего всколыхнется наконец медленно затягивающая его трясина скуки...

Отогнав сладостную дымку воспоминаний, Пупс неожиданно развернулся в своей круглой ванне лицом к посетителям и, глядя на них в упор, осведомился:

— Итак, господа? Чему обязан вашим посещением?

Мига и Крабс вздрогнули и принялись незаметно подталкивать друг друга локтями. Пупс смотрел на них без улыбки, лицо его было абсолютно непроницаемо. Потухшая сигара застыла у него между пальцами.

Крабсу было прекрасно известно, сколько может стоить (условно, конечно) одна минута и даже одна секунда времени такого богатого коротышки, как Пупс, и он поспешно, хотя и неуверенно заговорил:

— Как вам, возможно, известно, господин Пупс, некоторое время назад я служил управляющим делами и личным секретарем господина Спрутса. Я был его ближайшим помощником...

Крабс на мгновение замолк и поднял глаза на собеседника. Тот чуть заметно кивнул, подтверждая, что такой факт из биографии Крабса ему известен.

— За время нашего... м-мм... продолжительного сотрудничества я по долгу службы... был в курсе всех без исключения, даже самых личных, дел господина Спрутса. Я знаю, в чем его сила и в чем слабость. Господин Спрутс — необычайно хитрый и, как бы это сказать... м-мм... не очень щедрый коротышка.

Пупс еще раз кивнул, подтверждая, что такая черта характера господина Спрутса ему хорошо известна. Ободренный, Крабс заговорил быстрее:

— Ну вот, вытянуть деньги у такого тертого и прожженного скупердяя — дело трудное и почти безнадежное. Однако, при определенных обстоятельствах, вполне выполнимое. Да, выполнимое. В здравом рассудке Спрутс, конечно, нипочем не расстанется со своими денежками, но в том-то и штука... Впрочем, я передаю слово господину Мигсу, который дальнейшее прояснит лучше меня.

Пупс перевел безучастный взгляд на Мигу, который в волнении крутил и без того засаленные поля своего цилиндра.

— Как-то раз, — начал Мига свой торопливый и сбивчивый рассказ, — как-то раз я засиделся в гостях у одного знакомого коротышки, химика. Я его давно знаю, вместе мотали срок в ката... то есть я хотел сказать, что мы и раньше встречались в одном очень приличном обществе. Так вот, было уже поздно, только карта мне шла что надо: денежки так и сыпались в мой карман. И тогда этот коротышка, а его зовут Кротик, предложил выпить по стаканчику лимонада. А потом он мне вдруг говорит: «Мига, сейчас ты проиграешь мне обратно все, что выиграл, а потом еще десять фертингов в придачу».

Я говорю: «Как же, разбежался...» Но тут со мной начинают происходить удивительные вещи: карта идет, а я ему нарочно проигрываю. Хорошие карты сбрасываю, беру мелочь, ставки увеличиваю... При этом ощущение такое, будто я все делаю правильно.

Ну и все вышло в точности, как он сказал: я проиграл обратно весь выигрыш и еще десять фертингов в придачу.

Ушел домой, лег спать. Проснулся на другой день только к вечеру. Голова ясная, все помню, а понять ничего не могу. Позвонил Кротику, тот смеется: как, говорит, самочувствие? Еще будем играть? Тут меня как обухом по голове: да ведь это он мне в лимонад вчера чего-то такого подсыпал! Ах ты, окись-перекись проклятая, думаю, сейчас я до тебя доберусь! Только в этот момент, на его счастье, ко мне явился с визитом господин Крабс, — Мига кивнул на своего спутника, — и я, конечно, сгоряча все ему рассказал.

— Да, — подхватил Крабс, — и я сразу смекнул, какие выгоды может принести использование подобного снадобья моему игорному заведению... Вы меня понимаете?..

Пупс кивнул.

— Мы немедленно отправились к господину Кротику и живо обговорили это дельце. Потом все сложилось как нельзя лучше: прибыль моего заведения возросла в десятки раз, и мы, все трое, прилично разбогатели. Лос-Свинтос — городок курортный: богачи приезжают, проматывают свои денежки и уезжают. Наши счета в банках растут, местной полиции тоже кое-что перепадает...

Пупс чиркнул зажигалкой и пыхнул окурком сигары. Он все понял и теперь прикидывал «за» и «против».

— Стало быть, вы хотите прикарманить денежки господина Спрутса?

— С вашего позволения, это так, — без обиняков ответил Крабс. — Но не все, а только половину. Ведь другая половина, а это больше двух миллиардов фертингов, вам тоже не помешает?

— Не помешает.

Мига и Крабс радостно переглянулись.

— Но почему вы пришли ко мне, а не к Спрутсу? Ведь мое состояние больше по крайней мере вдвое.

— Видите ли, — замялся Крабс, — дело в том, что, заручившись поддержкой господина Спрутса и попытавшись разорить, гм... я извиняюсь, вашу милость, мы тем самым восстановим против себя гильдию «новых коротышек». Объединенными усилиями они в два счета сотрут нас в порошок. Другое дело — при вашей личной поддержке. Ну и потом, мои личные отношения с господином Спрутсом... оставляют желать лучшего.

Крабс замолчал и в ожидании начал постукивать пальцами по донышку своего цилиндра. Пупс уже успел все хорошенько взвесить. Соблазн легкого обогащения уступил место тревоге. Сегодня эти двое явились к нему, завтра могут явиться к кому-нибудь еще, послезавтра к третьему... И когда-нибудь жертвой порошка станет он сам. Нет, необходимо немедленно пресечь деятельность этих прохвостов и взять изобретателя под свой личный контроль.

— Идея великолепна, — сказал Пупс.

Физиономии Миги и Крабса засветились радостью.

— Однако она требует всестороннего рассмотрения.

Мигс и Крабс настороженно переглянулись.

— А потому, — Пупс нажал какую-то потайную кнопку, — я попрошу вас на некоторое время задержаться у меня в гостях.

В тот же миг, откуда ни возьмись, из пола, из стен, с потолка — выпрыгнули, вбежали, спустились на веревках десятка два одетых в серые обтягивающие трико коротышек. На их головы были натянуты маски с круглыми дырками для глаз, в руках они держали коротенькие автоматы. Ощетинившийся стволами кружок вокруг Миги и Крабса сомкнулся.

Бедняги оцепенели, не в силах ни пошевелиться, ни что-либо произнести.

— Вот так, ребята! — бодро воскликнул Пупс и весело рассмеялся. — Не переживайте, будьте как дома. Постараюсь особенно не затягивать с этим делом.

Он дал знак, и обалдевших пленников вывели из дома. Под моросящим дождем, подталкивая сзади дулами автоматов, их повели в ночную тьму, откуда доносилось встревоженное блеяние, хрюканье и кудахтанье.

Господин Пупс снял телефонную трубку и распорядился:

— Полотенце. Нет, нет, другое. Да, да! Желтенькое в цветочек. Несите, несите скорей... Да! Вот еще что! Прикажите сейчас же доставить сюда этого химика... Кротика. Нет, нет, не ко мне, к этим. Хорошо. Я ужинаю в «Весёлом клоуне».

Минуту спустя розовенький, распаренный господин Пупс попал в объятия огромного мохнатого полотенца. Еще через час он сидел в ресторане и, потягивая в ожидании заказа свой любимый земляничный крюшон, с улыбкой следил за начинающимся на сцене представлением.

Господин Спрутс приносит известие о том, что лунатикам снова угрожает появление приборов невесомости

Как только в ресторане появился г-н Пупс, на сцену вышел конферансье и, прервав представление, провозгласил:

— Дамы и господа! Прошу внимания! Только что — своим посещением — нас удостоил — самый богатый коротышка на Луне — господин Пупс!!

Все поднялись со своих мест и, задрав головы, радостно зааплодировали. Пупс поблагодарил кивка-

ми головы и знаками выразил свою скромную признательность. Посетители снова расселись за столики, оркестр заиграл, жонглер закрутил в воздухе свои оклеенные разноцветной фольгой кегли.

В этом ресторане у Пупса был не просто столик, а целая ниша на манер ложи в театре, которая называлась люкс-кабинетом. Она располагалась прямо напротив сцены и была очень уютно отделана и обставлена изнутри. Никто не имел права занимать эту ложу даже во время длительного отсутствия хозяина. Благодаря г-ну Пупсу посещение этого ресторана было чрезвычайно престижным делом даже для самых богатых коротышек.

Пупс очень любил сладкое, поэтому его ужин состоял в основном из всевозможных пирожных, бисквитов, запеканок, муссов, желе, самбуков, парфе, суфле и заканчивался большим тортом из мороженого.

Закусив для начала своими любимыми фирменными блинчиками с абрикосовым вареньем, Пупс принялся было за сладкий, сочащийся вишневым сиропом фисташковый рулет, как в дверь люкс-кабинета осторожно постучали. Пупс недовольно обернулся и увидел метрдотеля.

— Господин Спрутс и его секретарь господин Жулио, — доложил тот. — Изволите принять?

— Да, пусть заходят, — с огорчением вздохнул Пупс. — Принесите для них приборы.

Появление здесь Спрутса, да еще в сопровождении личного секретаря, было делом необычным. Это могло означать, что стряслось нечто неприятное и не терпящее отлагательств. Так оно и вышло.

Вошедшие сухо поздоровались, сели за стол, сняли шляпы и положили их на колени. Пупс, разумеется, оставался в своем цилиндре. На его любезное приглашение присоединиться к ужину Спрутс мрачно проговорил: «Благодарю вас, я не голоден». Однако его секретарь Жулио от угощения не отказался,

и официант водрузил ему на тарелку кусок сливочного торта.

На сцене началось выступление факира, который заглатывал целиком лезвия сабель и выдыхал клубы пламени. В полумраке зала разносились возгласы напуганных малышек.

— Дело чрезвычайно неприятное, — заговорил Спрутс, приблизив лицо к собеседнику. В отблесках пламени опущенные уголки его рта и маленький крючковатый нос приобретали зловещие очертания. В ближайшее время на Луне могут опять появиться приборы невесомости!..

— Да что вы говорите! — удивился Пупс. Это известие его не испугало, он подумал, что земные коротышки решили возобновить полеты на Луну, и тут же начал быстро прикидывать, какие выгоды можно будет извлечь из этого факта, если подойти к делу с умом и без паники. — Что вы говорите! Неужели к нам опять летят эти неугомонные земные коротышки?

— Нет, теперь все обстоит как раз наоборот. Это у нас тут нашлись умники, которые хотят лететь на Большую Землю. Они собираются наладить поставки магнитного железняка с Земли. Расфасовывать его маленькими аккуратными кусочками, затягивать в фирменную упаковку и продавать как обыкновенные батарейки, только в сотни, в тысячи раз дороже!

— И тогда...

— Не мне вам это объяснять. Свободная торговля невесомостью приведет к ужасной, невообразимой катастрофе!

Пупс перестал есть и на минуту задумался. Пустить такое дело на самотек, конечно, нельзя. Следовало либо перекупить эту идею, либо похоронить ее раз и навсегда. Первый вариант сулил фантастическую прибыль, однако был чреват новым воцарением на Луне полнейшей неразберихи, которая на этот раз

еще неизвестно чем кончится... Да, конечно, необходимо пресечь эту идею с самого начала.

— Кто же додумался продавать невесомость? — спросил Пупс.

— Двое ученых ослов из нашего давилонского планетария — Альфа и Мемега. Им вроде бы перестали выделять деньги на их дурацкие изыскания, вот они и додумались открыть свой собственный бизнес. Как только им пришла в головы столь дикая мысль!..

— Так что за проблема? Нужно просто дать им денег на эти изыскания и еще немного на личные нужды... Пусть занимаются наукой и не суют нос в чужие дела.

— Поздно! — Спрутс достал из-за пазухи вечернюю газету и развернул. На первой странице красовался броский заголовок:

АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО
«КОСМИЧЕСКИЕ ПОСТАВКИ».

Заголовки помельче были тоже довольно выразительны: «Карманная невесомость для каждого состоятельного коротышки!», «Даровая энергия вскладчину на каждый бедняцкий хутор!», «Новые перспективы развития науки и техники!», «Остановите безумный проект Альфы и Мемеги!» — и тому подобные противоречивые лозунги, вопиющие радостью или отчаянием, бросались в глаза читателю.

Продажа акций объявлялась с завтрашнего утра, представительства компании и пункты продаж открывались одновременно во всех двенадцати крупных городах подлунного мира.

В газете был также рисунок новой, карманной модели прибора невесомости в виде небольшой коробочки со сменным элементом магнитного железняка. Срок годности такой магнитной «батарейки» мог колебаться от трех месяцев до полугода. Ее ожидаемая цена была тысяча фертингов.

— А почему Альфа и Мемега не обратятся к земным коротышкам, с тем чтобы они сами доставили сюда вещество? — сказал Пупс. — Ведь их приборы невесомости, надо полагать, находятся в исправности и осуществить рейс-другой ради дружеской помощи не составило бы для них труда?

— Все дело в том, — пояснил Спрутс, — что находящуюся на внешней оболочке Луны радиостанцию разрушил метеорит. Таким образом, единственный канал связи между нами и Большой Землей прервался навсегда. Альфа и Мемега полагают, что при наличии средств, полученных от продажи акций, можно будет построить большую трехступенчатую ракету и частями переправить ее на внешнюю оболочку. К тому же они опасаются, как бы земляне не перехватили у них столь выгодную финансовую инициативу.

— Сколько же этого вещества можно доставить за один рейс? — проговорил вслух, пытаясь сосчитать в уме прибыль, господин Пупс.

— Не трудитесь, я уже все посчитал. Один рейс принесет чистую прибыль порядка двадцати миллиардов фертингов. Это на пять миллиардов больше, чем наши с вами денежки, вместе взятые. Однако дело, как я уже говорил, совсем не в деньгах. Никто не против того, чтобы у нас появились новые богатые и уважаемые коротышки. Дело в том, что если каждый кому не лень начнет устраивать где попало невесомость...

— Да, конечно, вы правы, — согласился Пупс. — Я целиком и полностью разделяю ваши опасения. Как же все-таки много ходит по земле опасных сумасшедших! Судите сами: только несколько часов назад ко мне явились два негодяя и предложили травить коротышек гипнотическим порошком!

И Пупс рассказал, как было дело, утаив на всякий случай тот факт, что заговор был направлен против самого Спрутса.

— Крабс?! — воскликнул Спрутс.

— Мига?! — воскликнул Жулио.

— Эти животные?!! — воскликнули оба разом.

— О, я вижу, что они вам хорошо знакомы, — отметил Пупс.

— Стало быть, — оживился Спрутс, — эти животные, вместе с изобретателем порошка, находятся у вас под замком?

— Да, я надеюсь, что к этому времени уже все трое.

— Но ведь это меняет дело! Мы сейчас же выколотим из этого Кротика его порошок, и тогда два ученых осла в наших руках!

— К сожалению, для такого маневра у нас не осталось времени, — подал голос Жулио. — Акции напечатаны, завтра утром их начнут продавать. Единственное, что могло бы отсрочить распродажу акций, — это... — Жулио неуверенно запнулся.

— Ну!! — требовательно рявкнули на него оба миллиардера.

— Похитить всю партию акций прямо из типографии. И сделать это нынешней ночью.

Несколько секунд Пупс раздумывал, а затем обратился к официанту:

— Позовите сюда Красавчика. Передайте, что есть срочное дело.

Знаменитый бандит и налетчик по прозвищу Красавчик был хозяином «Весёлого клоуна». Несмотря на то что все прекрасно знали, кто он такой на самом деле, формально он считался честным и уважаемым коротышкой. Если он даже где-то и попадался, его сразу освобождали благодаря взяткам и личным связям. Взять с поличным Красавчика было мечтой каждого полицейского, но не потому, что это было делом профессиональной чести, а потому что это был верный способ разжиться миллиончиком-другим фертингов и уйти с работы.

Ресторан-кабаре «Весёлый клоун» был нужен Красавчику для создания видимости честного коммерческого предприятия. Если это заведение приносило в месяц десять тысяч фертингов, то в документах значилось, будто оно принесло все сто тысяч. С этих ста тысяч, девяносто из которых были где-то украдены, Красавчик выплачивал налоги и взятки. Такая мошенническая процедура называлась в преступном мире «отмыванием» денег. После такого «отмывания» все были довольны, за исключением, конечно, тех, кого банда Красавчика обчистила до нитки.

Поговаривали, что Пупс и Красавчик не просто знакомы, но и связаны между собой какими-то темными делишками. Поговаривали, что г-н Пупс пользовался услугами Красавчика для такого же «отмывания» своих не совсем честно заработанных денег, а также для запугивания конкурентов по бизнесу. Но поскольку все это ходило на уровне слухов и догадок, мы не беремся ни подтвердить это, ни опровергнуть.

Сколько может стоить весь тираж свежеотпечатанных акций вместе с типографией, если посмотреть на дело с определенной точки зрения

Красавчик приоткрыл дверь люкс-кабинета и внимательно осмотрел его содержимое через щелочку. Убедившись, что опасность ему не грозит, он вошел и остановился с безразличным, отсутствующим видом. У него были большие скучающие глаза с длинными ресницами, над верхней губой чернели тоненькие усики, и к этой губе, казалось, прилипла длинная тоненькая сигаретка.

Пупс поднялся со своего места, сделал шаг навстречу и прижал Красавчика к груди. Тот в ответ слегка похлопал Пупса по спине, затем они молча разошлись, и Красавчик развалился в кресле, стоявшем в самом углу кабинета. На потупивших глаза Спрутса и Жулио он даже не взглянул.

— Дорогой друг, — заговорил Пупс, — у меня к вам есть небольшое, но чрезвычайно важное и срочное дело.

— Да, да, чрезвычайно срочное! — подтвердил Спрутс.

Красавчик медленно, всего на одну секунду, перевел на него свой взгляд, и Спрутс понял, что ему следует сидеть молча.

— Завтра утром должна начаться массовая распродажа акций компании «Космические поставки», — начал излагать дело Пупс. — До этого времени необходимо выкрасть все акции прямо из типографии, вы понимаете?

Красавчик ухом не повел.

— Возьмите сколько вам надо своих людей, наймите два грузовика и вывезите коробки куда-нибудь подальше, в поле. Побрызгайте коробки бензином... ну и так далее, вы меня понимаете.

— Сколько? — нехотя процедил сквозь зубы Красавчик.

— Тридцать... нет, пятьдесят тысяч.

— Вам нужно сжечь этих акций?

Красавчик всегда говорил в особой манере, свойственной только коротышкам его круга. Пупс согласно закивал головой.

— Так зачем куда-нибудь везти? Пусть их горят прямо там, в типографии. Вам же обойдется дешевле.

Пупс хлопнул себя по лбу:

— Как же я сам не догадался!

— Пишите чек.

Перед тем как заполнить листок в чековой книжке, Пупс на мгновение заколебался, прикидывая цифру, и покосился на Красавчика. Тот небрежно оттопырил два пальца. «20.000 фертингов», — вывел Пупс, оторвал листок и протянул Красавчику.

— Читайте утренних газет, — обнадежил тот и, не прощаясь, вышел.

Пупс, Спрутс и Жулио высунулись в зал и увидели, как Красавчик поманил кого-то пальцем. Двое в пестрых цилиндрах тотчас к нему приблизились. Выслушав короткие наставления, они кивнули и исчезли.

Пупс тоже удовлетворенно кивнул и предложил занять места за столом.

— Вот так, — сказал он, когда все трое расселись. — Теперь у нас в запасе по крайней мере несколько дней. Используем их так, чтобы ученые ослы Альфа и Мемега забыли все, чему их когда-то учили.

Мы узнаем, что иногда г—н Пупс помещает своих гостей в несравненно худшие условия, нежели те, в которых проживает он сам

Мигу и Крабса поместили в крошечную постройку на хозяйственном дворе — будку, предназначенную для хранения инструмента и орудий труда. Здесь были свалены лопаты, грабли, тяпки, мотыги и одна трехколесная тачка. Здесь не было ни электрического освещения, ни окон, зато в носы гостей сразу шибанул крепкий до головокружения запах навоза.

Снаружи опустился крючок, и охранники преспокойно удалились. Стало тихо.

— Ушли? — недоуменно сказал Мига.

Он осторожно подергал дверь, отметив, что хлипкий запор заскрипел, легко поддаваясь нажиму.

— Дайте-ка сюда что-нибудь...

Крабс нащупал черенок лопаты и протянул Миге. Тот просунул лопату в щель, надавил на рукоятку — и крючок со звоном отлетел в сторону. Мига и Крабс вышли на порог и на секунду остановились, прикидывая в темноте, куда следует дать деру.

— Ерунда какая-то, — проворчал Крабс. — Этот Пупс строит из себя непонятно кого, а приличный замок купить не может.

— Богачи все такие скряги, — подтвердил Мига.

И тут в ночной тишине со всех сторон послышались какие-то странные звуки: множественные шаги и учащенное дыхание. Скользнувший по участку свет дежурного прожектора осветил картину, от которой у беглецов мороз продрал по коже: со всех сторон к ним целеустремленно бежали черные поджарые собаки. Их было много, они были высокие и мускулистые. Движения у них были тренированные, пружинистые и уверенные.

Мига и Крабс метнулись обратно в будку, но вместо того, чтобы захлопнуть за собой дверь, принялись в панике выталкивать друг друга вперед. В этой глупейшей и постыдной потасовке, когда злобное рычание собак приблизилось вплотную, Крабс в бешенстве и отчаянии зашипел:

— Дайте же что-нибудь... лопату...

Решив, что Крабс отважился отбиваться от собак, Мига быстро сунул ему в руки лопату. Крабс захлопнул дверь и подпер изнутри. Порычав и потоптавшись, собаки разбежались. Обессиленные пленники прислонились к дощатой двери.

— Теперь я понимаю, почему мне рекомендовали не иметь с вами никаких дел, — заявил Крабс, тяжело дыша. — Такого трусливого подонка мне еще в жизни не приходилось видеть.

— Ладно, лучше заткнитесь, — огрызнулся Мига, — еще неизвестно, кто больше перетрусил.

— А мне известно, — настаивал Крабс.

Мига сделал шаг вперед, чтобы к нему развернуться и поговорить начистоту, но при этом в темноте наступил на грабли и получил сильнейший удар в переносицу. Полагая, что это Крабс ударил его кулаком, Мига взвыл от боли, а затем бросился на обидчика. Не понимая происходящего, но и не дожидаясь расправы, Крабс изо всех сил лягнул ногой в темноту наугад и попал Миге в живот...

Неизвестно, чем бы все это закончилось, если бы за дверью не послышались шаги и голоса. Крабс быстро убрал подпиравшую дверь лопату, и внутрь, слепя фонарями, затолкали еще одного коротышку.

— Что такое?! Куда вы меня привели? — разорялся новый пленник. — Я требую адвоката! Слышите?..

Но охранники уже убрались восвояси, а привлеченные запахом еще одного чужака, собаки вновь стали собираться вокруг будки.

То, чего не удалось сделать двоим недотепам, удается сделать при помощи третьего

Подперев дверь, Крабс чиркнул спичкой, и лицо нового пленника осветилось.

— Кротик? — удивленно воскликнул Мига.

Кротик в свою очередь разглядел Мигу и Крабса, а затем сокрушенно всплеснул руками:

— Так я и знал, попались с порошком! — Он обхватил голову и застонал: — И зачем я только связался с такими идиотами!..

Мига и Крабс молчали, так как добавить к сказанному им было совершенно нечего. Кротик заметил

у Миги на лице синяк и немного смягчился, полагая, что беднягу не иначе как пытали.

Время шло далеко за полночь, и всем троим, как бы там ни было, зверски хотелось спать. Ворча и зевая, стали, как могли, устраиваться на ночлег. Крабс завладел трехколесной тачкой, подставив под нее для устойчивости несколько перевернутых пустых ведер. В тачке оказалось мягко, рыхло и как-то по-особенному тепло. Разгоряченные Мига и Кротик завалились прямо на землю, подложив какое-то тряпье. Скоро все захрапели.

Под утро Мига и Кротик так закоченели, что зуб не попадал на зуб. Между тем устроившийся в тачке Крабс так сладко похрапывал, что обоим стало завидно.

— Чего это он один занял всю плацкарту? — пихнул Кротик Мигу локтем. — Там места для всех троих хватит.

Они поднялись с земли и, стуча зубами, полезли в тачку. Крабс начал отпихивать их ногами, тачка потеряла равновесие, и все трое, под грохот покатившихся ведер, скатились на пол. Послышался лай сбегающихся собак.

Только сейчас пленники обратили внимание на то, что снаружи посветлело и между досок кое-как сколоченной постройки проявились щели. Скотный двор начал оживать: загорланили петухи, закрякали утки, захрюкали свиньи. Послышались шаги и ворчливый голос коротышки:

— Будет вам... сейчас... уже загалдели... несу, несу...

Коротышка, в рваном ватнике и резиновых сапогах, принялся кормить животных, а потом куда-то сходил и вернулся с кастрюлей, наполненной костями, обрезками и объедками. Его тут же окружили собаки, наперебой засовывая морды в кастрюлю и стараясь оттуда что-нибудь ухватить. Коротышка

высыпал объедки прямо у дверей в будку и скрылся в свинарнике.

Кротик вдруг резко оживился:

— Хватайте лопату, быстрее!

Еще ничего не понимая, Мига схватил лопату и замер с нею наперевес. Кротик достал из потайного кармана бумажный пакетик и высыпал его содержимое на лопату.

— Порошок! — разом воскликнули Мига и Крабс.

— Ну, что стоишь! — в нетерпении зашипел Кротик. — Сыпь быстрее порошок в их жратву!

Мига не заставил повторять два раза: он моментально просунул лопату через приоткрытую Крабсом дверь и высыпал порошок на кучу объедков. С жадным хрипом пожиравшие корм, собаки не обратили на это внимания.

— Теперь порядок, — прошептал Кротик. — Через пару минут будут как шелковые.

Когда собаки поели и разбежались, Кротик сказал «Пора!», все трое вышли из будки и направились к виднеющейся неподалеку зеленой изгороди Несколько собак тотчас побежали в их сторону.

— Сидеть! — крикнул им Кротик, собаки послушно сели и жалобно заскулили.

Та же самая история повторилась со всеми другими собаками: поначалу они свирепо бросались преследовать беглецов, но, услышав команду «Сидеть!», послушно садились на траву и жалобно скулили.

Продравшись через зеленую изгородь и нахватав заноз и колючек, Кротик, Мига и Крабс рванули бегом по незнакомой лесистой местности, рассчитывая где-нибудь выбраться на шоссе и остановить попутную машину. Подумать о дальнейших планах времени у них еще не было.

Вскоре они уткнулись в ограду птицефермы, из-за ворот которой выезжал грузовик. Все это время они бежали вдоль шоссе, даже не подозревая об этом.

Пока водитель закрывал ворота, беглецы вскарабкались в кузов и зарылись в мягкие тюки. Машина тронулась, и только теперь они заметили, что все с ног до головы перепачканы навозом, к которому постепенно начал прилипать отделявшийся от тюков гусиный пух.

Грузовик двигался по направлению к окраинам Давилона, на фабрику пуховых изделий «Тепло и уют».

Версии газет, которые вполне удовлетворили г–на Пупса, за исключением одной, из которой ровным счетом ничего не следовало

Утренние газеты буквально взорвались сенсационным известием о пожаре в типографии. В огне погиб весь тираж только что отпечатанных акций общества «Космические поставки», а заодно и оказавшаяся случайно поблизости партия этикеток мыла Грязинга.

Сторож показал, что двое неизвестных стукнули его чем-то по голове, связали и выволокли на улицу. Потом он услышал фразу: «Вот так, отдохни пока что здесь, на травке». При этом он ощутил отчетливый запах не то бензина, не то керосина.

Потом коротышки сели в легковой автомобиль марки «Пудл» и умчались в неизвестном направлении.

После этого в складском помещении типографии начал бушевать пожар, и сторожу стало жарко. При помощи торчавшего из забора гвоздя он освободился от веревок и вызвал пожарную команду.

Благодаря умелым действиям пожарных оборудование типографии не пострадало, но от мощных

струй пены и воды пришел в негодность свежеотпечатанный тираж газеты «Давилонские юморески».

Первой версией газетчиков стал умышленный поджог с единственной целью — уничтожение акций самими владельцами общества «Космические поставки». Некто Сухарик убедительно и остроумно доказывал, что «ученые ослы» Альфа и Мемега надавали сгоряча невыполнимых обещаний, а когда опомнились и подсчитали хорошенько все предстоящие расходы, решили, что им остается только одно: уничтожить в якобы случайном пожаре все акции еще до того, как они поступят в продажу. В своей обстоятельной статье Сухарик также утверждал, что таких опасных фантазеров, как Альфа и Мемега, необходимо вообще изолировать от общества. «А что если в другой раз им взбредет в головы печатать деньги, чтобы их было больше и всем было хорошо? — вопрошал автор статьи. — Или превратить всю имеющуюся на Луне воду в сладкий сироп?..»

Высмеивая ученых при помощи таких нелепиц, автор сеял недоверие к самой идее этого коммерческого предприятия. Прочитав статью, многие коротышки задумались, стоит ли на самом деле покупать акции у столь сомнительных чудаков.

Не скроем, что автором этого материала был не кто иной, как управляющий делами Пупса господин Гризль, укрывшийся под псевдонимом Сухарик. Статья эта была так называемой «заказной», то есть за ее публикацию платили не автору, а, наоборот, сам автор платил владельцу газеты. Излишне говорить, что статья была заказана и оплачена г-ном Пупсом.

В другой газете писали, что пожар, несомненно, устроил сам хозяин типографии, так как все имущество было им застраховано на весьма кругленькую сумму, а оборудование давно пришло в негодность и его оставалось только выбросить.

Этот материал особенно пришелся по душе владельцам страховой компании, однако в вечернем выпуске газеты хозяин типографии отверг эти подозрения, представив экспертную оценку стоимости своего имущества, которая на самом деле значительно превышала величину страховки.

Еще кто-то предположил, что пожар возник по вине сторожа, который неосторожно обращался с огнем, а вину свалил на им же самим выдуманных злоумышленников в масках.

В двух заметках высказывалось предположение, что типографию запалил фабрикант Грязинг для рекламы своего мыла, которое никто не покупает. Здесь же крутились похожие версии, касающиеся марки автомобиля, на котором скрылись преступники. Поскольку плохой автомобиль для такого опасного дела никто не возьмет, всю эту историю можно было с натяжкой представить как рекламу автомобилей марки «Пудл».

Стоит ли говорить, что все эти версии как нельзя лучше устраивали г-на Пупса, который просматривал газеты за утренней чашкой кофе. Но среди прочих была одна заметка, которая его все же насторожила.

В опасную для настоящих виновников поджога сторону копнул знаменитый репортер Болтик, имевший собственную газету «Правдивые расследования» и программу «Момент секретности» на телевидении. Болтик напомнил, что наряду с акциями и этикетками, которые сгорели, в типографии намок и пришел в негодность тираж газеты «Давилонские юморески». И на этот факт, по его убеждению, следовало обратить особое внимание. «Кто являлся совсем недавно редактором упомянутой газеты? — вопрошал репортер Болтик. — Господин Гризль. А чем занимается теперь господин Гризль? Служит управляющим делами у господина Пупса, ближайшего друга

и компаньона г-на Спрутса, негласного владельца газеты „Давилонские юморески“!..»

Из этой путаной цепочки ровным счетом ничего не следовало, однако чтение заметки заставило Пупса не раз болезненно поморщиться. «Надо будет хорошенько прощупать этого Болтика, — подумал Пупс. — Возможно, он о чем-то догадывается...»

Господин Гризль появляется в спальне своего хозяина. Альфа, Мемега и репортер Болтик появляются на экранах ТВ

Покончив с газетами и утренним кофе, еще не поднимавшийся с постели Пупс нажал кнопку громкой связи:

— Где Гризль?

— Уже здесь, — отозвался господин Гризль, просовывая голову в спальню.

— Читали? — Пупс тряхнул пачкой утренних газет.

Гризль прикрыл за собою дверь и присел на краешек стула.

— Так точно, читал.

Следует заметить, что Гризль от природы обладал неприятным скрипучим голосом, но со своим хозяином говорил тихо и вкрадчиво. Пупс, как мы знаем, всегда говорил приятным тенорком, нараспев, даже если был чем-то недоволен.

— Что это еще за Болтик мутит нам воду? Вы его знаете?

— Так точно, знаю. Чрезвычайно негибкий и неуживчивый коротышка. Одно время работал у меня в «Давилонских юморесках». Перессорился с редакторами всех газет и теперь учредил свою собствен-

ную — «Правдивые расследования». Теперь поливает грязью честных и уважаемых коротышек сколько ему вздумается.

— Кто же оплачивает эти... «Правдивые расследования»?

— Вы знаете, хозяин, этот Болтик имеет на телевидении огромные гонорары. Передача «Момент секретности» имеет чрезвычайно высокий рейтинг.

Интерес зрителей можно было понять, Пупс и сам старался не пропустить ни одного выпуска этой скандальной передачи со множеством тайн и разоблачений.

— Выходит, что наш герой-правдоискатель ровным счетом ни от кого не зависит?

— Увы, это так.

— И все же... — Пупс прикурил толстую сигару и выпустил облако дыма, от которого Гризль закашлялся. — И все же подбросьте ему несколько цифр в конфиденциальной беседе. В пределах... ну, скажем, двух миллионов.

— Я вас понял, хозяин. Кстати, его передача сейчас в прямом эфире.

Пупс включил телевизор, и на экране за лесом микрофонов появились растерянные физиономии Альфы и Мемеги. Столпившиеся перед ними в студии журналисты, не слыша друг друга, наперебой кричали:

— ...Господин Альфа, это верно, что вы печатаете фальшивые деньги? ...Господин Мемега, правда ли, что из всех кранов скоро потечет сладкий сироп? ...Скажите, какую жидкость вы использовали для поджога типографии — бензин или керосин? ...Правда ли, что автомобили марки «Пудл» обладают самой надежной конструкцией?..

Глядя на экран, Пупс улыбнулся, а Гризль угодливо захихикал в ладошку. Но тут ведущий передачи Болтик — белобрысый, спортивного вида малыш — потребовал, чтобы все заняли свои места и замолчали.

— Прежде всего, — сказал он, — по правилам нашей передачи гости должны сделать заявление от своего имени. Только после этого каждый имеет право поднять руку, представиться и задать свой собственный вопрос.

Стало тихо, Болтик кивнул ученым, и первым слово взял астроном Альфа.

— Вы... все... — указал он слабым, дрожащим пальцем в зал, — дураки! Что вы понимаете в астрономии? Дураки и неучи!.. — Отвернувшись, он взял под руку Мемегу: — Уйдемте отсюда, коллега, уйдемте немедленно...

Под неодобрительный гул и свист журналистов, поддерживая друг друга, ученые стали выбираться из студии. Болтик тщетно пытался остановить их, уговаривая вернуться на свои места. Оскорбленные в лучших чувствах, эти светила науки поклялись больше никогда не появляться перед журналистами — «этой сворой оголтелых собак». Впрочем, они сказали напоследок, что в вечерних газетах дадут обстоятельную письменную информацию о дальнейших шагах акционерного общества «Космические поставки».

Пупс выключил телевизор и некоторое время лежал в глубокой задумчивости.

— А все-таки за ними кто-то стоит, — произнес он наконец. — Эти недотепы до такого бы сами не додумались. Кто бы это мог быть?..

— В любом случае, хозяин, следует подобраться к ним поближе, — сказал Гризль. — И мне кажется, что у вас имеется для этого достаточно убедительное средство, — прибавил он многозначительно.

Хозяин и секретарь понимающе посмотрели друг на друга.

— А вы уже видели этого... изобретателя? — поинтересовался Пупс.

— Еще не видел, но, думаю, сейчас к нам его приведут... Но кому вы поручите столь деликатное

дело? После обработки гипнотическим порошком ученым следует дать четкие установки, касающиеся их последующей деятельности и публичных заявлений...

— Целиком полагаюсь на вас в этом трудном деле.

Гризль послушно склонил голову.

Неожиданно в доме послышались крик и беготня. В спальню без стука ворвался старший охранник Хныга:

— Хозяин! Хозяин! Ужасное происшествие! Этого просто не может быть! Собаки как будто сошли с ума!

— Где пленники? — сухо произнес Пупс.

— Их нет, нет нигде! Собаки будто...

— Вон.

Хныга умолк на полуслове и, пятясь задом, удалился из спальни, осторожно прикрыв за собой дверь.

— Наверное, они плохо обыскали этого Кротика, — предположил Гризль. — Гоните в шею этих бездельников без выходного пособия.

Пупс поднялся с кровати, босиком, в ночной рубашке подошел к окну и потянулся.

— Что будем делать? — сказал он безразличным тоном, означавшим высшую степень недовольства.

— Я знаю одного толкового сыщика, — сказал Гризль. — При хорошей оплате берется за любые безнадежные дела и сомнительные делишки. И самое главное, умеет держать язык за зубами.

— Его имя?

— Бигль, с вашего позволения.

— А если они направились прямиком в полицию?

— Не думаю, что они настолько глупы. Скорее всего попытаются раздобыть денег и смыться с поддельными документами куда-нибудь подальше.

— В таком случае не скупитесь на расходы, положение слишком серьезно. Если мы не возьмем их за шиворот до сегодняшнего вечера, дальше будет гораздо труднее.

Ни слова не говоря, Гризль торопливо вышел.

Пупс снял телефонную трубку и вызвал Спрутса.

— Дело осложнилось, — сказал он, не вдаваясь в подробности. — Встретимся вечером в «Весёлом клоуне».

Оперативный метод работы сыщика Бигля. Г–н Гризль имеет говорить с Красавчиком. Похоже, что беглецы уже в ловушке

Сыщик Бигль считался лучшим сотрудником агентства «Хитрый лис» в Сан-Комарике. Кроме того, он был известен своей бесцеремонностью в делах личного порядка. Это последнее качество особенно ценилось клиентами агентства в тех щепетильных случаях, когда вмешивать полицию было бы бессмысленно и даже опасно.

Выслушав Гризля по телефону и сторговавшись в цене, Бигль не помчался сломя голову в Давилон на поиски беглецов, а для начала заглянул в картотеку и узнал много чего интересного о личностях Миги, Крабса и Кротика. Потом он расспросил своих платных осведомителей и только после этого сел в поезд и поехал, но опять-таки не в Давилон, а в Лос-Свинтос, где, как ему удалось выяснить, находилось подпольное игорное заведение г-на Крабса.

Подбросив там кое-кому деньжат, Бигль узнал, что заведение находится под «крышей» знаменитого бандита Красавчика и ежемесячно выплачивает прибывающим из Давилона курьерам определенный процент от прибыли.

«Вот теперь все встало на свои места, — сказал себе Бигль. — Несомненно, эти недотепы явятся к Красавчику и попытаются продать ему игорный притон за бросовую цену, а затем дать деру. Но Красавчик не

будет вставлять палки в колеса господина Пупса, следовательно...»

Бигль снял трубку и набрал давилонский номер Гризля.

— Ну, что? Как дела? — в нетерпении закричал тот, едва схватив трубку. — Нигде не могу вас найти!..

— Я в Лос-Свинтосе.

— Где?!.

— Послушайте, Гризль, что если я прямо сейчас скажу вам, где искать ваших недотеп, мой гонорар от этого не пострадает?

— Ни в коем случае. Для нас важнее всего выиграть время. Вы интеллектуал, и у вас свои методы, а для грязной работы охотники всегда найдутся, да и стоит она недорого...

— Хорошо. Надеюсь, мы с вами работаем не в последний раз. Записывайте.

Гризль нетерпеливо водил карандашом по бумаге.

— Они должны явиться к Красавчику в заведение под названием «Весёлый клоун»...

— Что?!. — Гризль выронил карандаш.

Бигль коротко, но обстоятельно рассказал о проделанной им за день работе. Пообещав немедленно перевести на его счет оговоренный гонорар и распрощавшись, Гризль немедленно связался с «Весёлым клоуном». Он представился и попросил подозвать к телефону Красавчика. После минутной паузы, во время которой в трубке звучало доносившееся с эстрады выступление певицы, хозяин ресторана-кабаре подошел к телефону:

— Господин Гризль имеет говорить с Красавчиком.

— Добрый вечер, господин Красавчик, рад вас слышать.

— Не сомневаюсь, господин Гризль. И вечер тоже выдался славный.

— С вашего позволения, я перейду к делу.

— Валяйте, а чего тянуть.

— Известны ли вам такие личности, как Мигс, Крабс и Кротик?

— Впервые слышу.

— Простите за нескромный вопрос: а когда вы их видели в последний раз?

— О! Вы бы еще спросили, когда я в последний раз радовался в этой жизни чему-то хорошему... А чего такого натворили эти пижоны?

— Пока еще ничего страшного, господин Красавчик, просто господин Пупс хотел бы их срочно видеть.

— И каким же боком в этом деле Красавчик?

— Видите ли, есть серьезные подозрения, что этой ночью они будут искать встречи лично с вами.

— Они ее найдут, если вы просите.

— Это будет чрезвычайно любезно с вашей стороны. И пожалуйста... поаккуратней.

— Так и быть, для вас побрызгаем их одеколоном и перевяжем розовой ленточкой.

Рассыпавшись в любезностях, Гризль бросил трубку, хлопнул в ладоши и поспешил в «Весёлый клоун», где господа Пупс и Спрутс проводили в это время срочное совещание.

Как Мига, Крабс и Кротик превратились в ученых птиц, которые зарабатывают в цирке неплохие деньги

Миновав ворота фабрики пуховых изделий «Тепло и уют», грузовик остановился, и двое коротышек принялись сбрасывать тюки под складской навес.

— А товарец-то не первой свежести, — заметил один из них.

— Это точно, перо с душком, — подтвердил второй, прекратив работу и принюхиваясь. — Надо бы

позвать бригадира, пускай он решает, что с ним делать.

Пришел бригадир, распорол один из тюков и стал ворошить пух, который немедленно полетел по фабричному двору. Все стали чихать, в административном здании захлопали форточки.

— Нет, пух первосортный, — уверенно заявил бригадир. — Это, наверное, шофер какую-нибудь дрянь возил, а кузов не вымыл. Из-за этого оттуда и воняет...

Водитель начал ругаться с бригадиром, и от этого шума проснулись зарывшиеся в тюки Мига, Крабс и Кротик. После мучительной ночи их сморил сон, и теперь они, поднявшись, озирались по сторонам, ровным счетом ничего не понимая. Все трое были с ног до головы перепачканы навозом и вываляны в пуху.

Первым опомнился бригадир.

— А ну-ка, ребята, — проговорил он взволнованно, — держите их хорошенько...

Двое рабочих и водитель грузовика стащили дикованных коротышек на землю и крепко заломили им руки за спины. Потом их затолкали в пустой гараж, заперли и встали посреди двора, недоуменно отряхиваясь.

— Это инопланетяне, братцы! — зашептал водитель. — Я про них в газете «Для досуга» читал: они живут в канализационных трубах и охотятся за воробьями. Надо сообщить побыстрее куда следует!..

— Ладно, — сказал бригадир, — кто бы они ни были, пойду в контору и составлю акт. Спишу на них весь порченый товар и еще партию бракованных наволочек за ту неделю. Вот так, попались наконец, вредители. А вы тоже идите со мной, распишетесь в акте...

Оказавшись запертыми в гараже, Мига, Крабс и Кротик принялись ругаться на тему, кто проспал и кто во всем виноват. Затем, ощущая невыносимую жажду, все трое напились из стоявшего на земле

ведра с накапавшей туда когда-то с крыши дождевой водой. Когда ведро поставили на место, из него выпрыгнула лягушка и, недовольно квакнув, ускакала. Мига и Крабс снова начали ругаться, а Кротик тем временем осмотрел металлическую дверь, подергал запор, снял с ведра металлическую дужку, просунул в щель и ловким движением отодвинул запор.

Без лишних разговоров все трое бегом пересекли двор, перемахнули через забор и что было духу помчались по узенькой улочке. Редкие прохожие испуганно шарахались.

Миновав промышленную зону, беглецы вылетели прямо на середину оживленного перекрестка. Не успели они оглядеться по сторонам, как возле них заскрипели тормоза большого полицейского автомобиля. Из кабины вылез, небрежно покручивая резиновую дубинку, обер-атаман Дригль, из дверей крытого кузова выпрыгнули рядовые Фигль и Мигль.

— Это что еще за чучела? — прохрипел Дригль, медленно обходя троих облепленных перьями субъектов. Час назад в полиции получили негласное указание о розыске неких мошенников — Миги, Крабса и Кротика; давалось также подробное описание их внешности, одежды и особых примет.

Несколько раз обойдя незнакомцев и брезгливо потыкав их резиновой палкой, Дригль убедился, что ни один из них не соответствует разосланным описаниям. Скорее эти существа напоминали ему каких-то диковинных птиц.

— Осмелюсь доложить, господин обер-атаман, — обратился к Дриглю рядовой Мигль, — что из цирка сбежали три какие-то огромные птицы. Ходят и бегают на двух ногах, совсем как коротышки. Штраусы или страусы... Предупреждали, что они могут больно лягаться.

Полицейские опасливо посторонились.

— Послушайте! — не выдержал Крабс. — Мы не страусы, мы обыкновенные граждане. Отпустите нас, мы очень спешим по делам!

— Ого! — удивился Фигль. — Они еще и говорить умеют.

— Это еще что, — подтвердил Дригль. — На той неделе я видел по телевизору собаку, которая знала наизусть всю таблицу умножения, с какого места ни

спросишь! Вот ты, Мигль, к примеру, знаешь таблицу умножения?

Мигль неуверенно поморщился и пожал плечами.

— Вот то-то и оно. А собака могла пролаять ответ с любого места. И если какая-то паршивая собака умеет считать лучше иного коротышки, то почему бы таким дорогим и редким птицам не сболтнуть какую-нибудь ерунду? Вот что, ребята, отвезем-ка их в цирк и получим причитающееся нам вознаграждение. Эй, Мигль! Сколько там за них обещали?

— Осмелюсь доложить, господин обер-атаман, по сотне за каждую птицу.

— По сотне?! А чего тут еще раздумывать. Эй, вы, чуда в перьях, полезайте в фургон живо! Цып-цып-цып! — обратился он к птицам-пленникам, у которых уже ум заходил за разум.

Когда автомобиль подъехал к зданию цирка, Дригль вылез из кабины и открыл дверь кузова. Оттуда пулей выскочили Фигль и Мигль, зажимая носы.

— Ну и воняют же эти птицы! — пожаловались они. — Не верится, что кто-нибудь выложит за них триста фертингов...

Вызвали хозяина сбежавших страусов, и тот долго с удивлением рассматривал трех облепленных пухом и распространяющих запах навоза коротышек.

— Нет, — решил он в конце концов. — Это не наши. Наших, вообще-то, привели еще позавчера. Пришлось раскошелиться на триста фертингов. Ничего, вычту из жалованья у сторожа, в другой раз не будет таким растяпой. А этих вы бы лучше помыли в бане да спросили у них документы. — И с этими словами хозяин страусов ушел обратно в цирк.

— Что за ерунда! — топнул ногой Дригль. — Какие могут быть у птиц документы! Вот что, надоело мне с ними возиться, отвезем сейчас же этих вонючек в зоопарк и посадим в клетку...

— Погодите! — взмолился Крабс. — Вы хотели триста фертингов? Вот, возьмите пятьсот, мы сами выкупим себя за вознаграждение. Мы сейчас же сами вернемся в цирк и не доставим вам больше никаких неудобств. — И Крабс похрустел перед носом Дригля пятью стофертинговыми бумажками.

Тот взял деньги, повертел их в руках и сунул по одной бумажке Фиглю и Миглю. Потом все трое полицейских молча залезли в автомобиль, который зафырчал мотором и умчался прочь.

— Неплохо же зарабатывают в этом цирке, — ворчал себе под нос Дригль, сидя за баранкой, — если какие-то вонючие птицы имеют при себе набитые деньгами бумажники!..

Необходимы срочные переговоры с Альфой и Мемегой. Красавчик имеет кое-что показать г-ну Пупсу

В люкс-кабинете «Весёлого клоуна» Гризль застал Пупса и Спрутса за чтением вечерних газет. Он поздоровался с беспечно закусывающим Жулио и шепотом спросил:

— Что случилось?

— Ученые ослы заказали новую партию акций, — объяснил Жулио, наклонившись к уху Гризля. — Тираж будет втрое больше прежнего.

— Зачем так много?

— Паршивые газетчики так раздули это дело, что теперь каждый коротышка хочет иметь у себя акцию «Космических поставок», хотя бы из любопытства. Цена пока еще плевая — фертинг за штуку.

Тут Пупс со словами «какие мерзавцы!» отшвырнул газеты и сделал плаксивое лицо.

Гризль, чтобы обратить на себя внимание, деликатно прокашлялся в кулак.

— А, это вы! — оживился Пупс. — Ну, как дела? Есть какие-нибудь зацепки?

— Косвенным образом я... да, я надеюсь, что в ближайшее время вы, вероятно, их увидите.

— Что вы такое бормочете, Гризль! — вмешался Спрутс, лицо у которого пылало огнем. — Говорите толком, где эти животные! Ага! Не знаете? Так вот что я вам скажу: надо прихлопнуть астрономов, и точка! — Спрутс ударил по столу так, что оркестр перестал играть.

— Тише, умоляю вас! — зашептал Гризль и сделал оркестру знак продолжать. — Поймите: во-первых, расправа над Альфой и Мемегой еще более повысит стоимость акций, а во-вторых, несомненно, что ученые ослы всего-навсего подставные марионетки и за ними стоит куда более серьезный и опасный противник.

— Гризль прав, — согласился Пупс. — Я уже не раз говорил вам, коллега, что тут замешаны новые коротышки. Узнаю их тяжелый стиль: стремительный напор, размах и бесцеремонность. Это коротышки из нашей гильдии. Но кто бы это мог быть? Пока мы этого не знаем.

— Наверное, об этом следует поинтересоваться у самих ученых ослов, — высказал свое предположение Жулио.

— Сначала нужно разыскать треклятый порошок! — кипятился Спрутс. — Что они скажут вам без порошка? «Вы трус, вор, негодяй и мерзавец, господин Жулио!» — вот что они вам скажут в лучшем случае. В полиции у меня есть кое-какие связи; сегодня целый день химики из отдела криминальной экспертизы шуровали у этого Кротика на квартире. Все впустую! Утверждают, что там полная неразбериха: склянки не подписаны, в тетрадях такие кара-

кули, что не ясно, какой стороной их держать... Двоих растяп увезли с отравлением, и чему только учат проклятых идиотов!..

Гризль наклонился и что-то шепнул на ухо своему хозяину.

— Официант! — тут же распорядился Пупс. Пригласите Красавчика.

Официант исчез и через минуту вернулся:

— Господин Красавчик велел передать, что он имеет вам кое-что показать там, внизу.

Гризль многозначительно посмотрел на Пупса, тот кивнул, и все четверо поспешили следом за официантом.

Как беглецы все—таки добрались до заведения Красавчика и как последний проявил гостеприимство

Отделавшись от полиции, Мига, Крабс и Кротик спрятались в кустах находившегося поблизости пустынного парка. Они решили дождаться вечера и под покровом темноты пробраться в город. Но не тут-то было: именно в это время в парке собирались для ночлега бродячие собаки со всего города. Они учуяли и быстро окружили место, где затаились беглецы. Стая увеличивалась, лай усиливался, кольцо сжималось.

Деньги в данном случае были бессильны, кто-то должен был пожертвовать собой для отвлечения голодной стаи. Дрожа всем телом, никто из троих не решался первым высказать это единственное спасительное для двух других решение. Никто из троих не мог быть уверен, что выбор не выпадет именно на него. Вдруг Крабс почувствовал, что все уже решено

и сейчас эти двое вытолкнут его из кустов на съедение собакам. Конечно, они уже все решили! Ведь он из троих самый откормленный и наименее полезный. Ему стало казаться, что Мига и Кротик на него недобро скосились и вот-вот подтолкнут сзади...

В этот момент Крабс уперся спиной в торчащий сук, дико взвизгнул и задал такого стрекача, что в одно мгновение скрылся из виду. Миге и Кротику не оставалось ничего другого, как последовать за ним, и теперь собаки должны были растерзать того, кто бежал последним. Все трое с места взяли такую скорость, что собаки сразу остались далеко позади.

И — о чудо! — впереди блеснула поверхность речушки. Беглецы с разгону влетели в воду и, побарахтавшись хорошенько на мелководье, вылезли на противоположном берегу.

Под лай метавшихся в бессильной злобе собак они перемахнули через ограду парка и оказались на слепящей огнями фар оживленной трассе. Остановить попутку было минутным делом, и вскоре они уже колотили в служебную дверь ресторана «Весёлый клоун».

Это случилось еще до звонка Гризля, и, коротко расспросив нежданных гостей, Красавчик сообразил, что на этом деле можно будет неплохо нажиться. Он накормил визитеров, дал им возможность выстирать одежду и высушить ее на горячих трубах, а потом запер всех троих в подвале.

О том, как трудно купить только одного коротышку, когда вам навязывают сразу трех

Но вот дверь подвала заскрипела, и в освещенном проеме показались Пупс и Спрутс вместе со своими секретарями. Пленники бросились на каменные сту-

пени к их ногам, наперебой горланя что-то жалобное и клятвенно-преданное.

— Как вы себя чувствуете, господин Кротик? — поинтересовался Пупс, не обращая ни малейшего внимания на двух других пленников.

— Не обижал ли вас кто-нибудь? — высказал несвойственную ему озабоченность Спрутс.

Из невнятных междометий Кротика можно было понять, что он готов делать все, что ему прикажут.

— Мы подумаем о вашем предложении, — милостиво согласился Пупс.

Затем дверь захлопнулась, и пленники, поколотив в нее и покричав, снова впали в отчаяние.

Тем временем в кабинете г-на Красавчика происходил торг.

— По десять тысяч за трех бестолковых проходимцев? — возмущался Спрутс. — Мигу и Крабса я не возьму даром, пускай сидят в подвале. Я еще приплачу, чтобы вы их не кормили.

— Все трое продаются в комплекте, — торговался Красавчик. — А если вам нужно именно Кротика, так берите его за тридцать. Тех я отпущу просто так, чтобы они болтали направо и налево, если вам это надо.

— Но почему же за тридцать! — волновался Спрутс. — Вы умеете считать до одного, господин Красавчик? Я желаю купить только одного коротышку, а не трех, понимаете? Так почему же за одного я должен платить как за трех?

— Стало быть, он того стоит. Имейте в виду, что Красавчик никогда не запросит лишнего.

Тут Пупс поднял руку, сделав знак всем замолчать:

— Господин Красавчик, уступите мне всех троих за двадцать, и дело в шляпе.

Красавчик сразу перестал торговаться, и они пожали друг другу руки.

— Вам их доставить?

— Да, пожалуйста. Я распоряжусь, чтобы для них подготовили соответствующие апартаменты.

Пупс сделал по телефону необходимые распоряжения, и вскоре пленников доставили на его загородную виллу. Кротик оказался в роскошной гостевой комнате с ванной, буфетом и гидрокроватью. Ему в срочном порядке доставили необходимые для производства порошка инструменты и химикаты. Что касается

Миги и Крабса, то их опять затолкали в ту самую будку для садового инвентаря. Собаки, строго наказанные за бегство пленников, ходили кругом, некормленые и злые.

Бывает, что двое ненужных тоже могут пригодиться

Тем временем совещание в люкс-кабинете приняло более решительный оборот.

— К утру первая партия гипнотического порошка будет в нашем распоряжении, — сообщил Пупс. — Необходимо будет сразу направить к ученым наших доверенных лиц для переговоров.

— Правильно, траванем лопухов гипнотическим порошком, — брякнул Спрутс. — Кстати, кто поедет травить?

— Не травить, коллега, не травить, — поправил его Пупс. — Не травить, а выяснять, кто на самом деле стоит за «Космическими поставками». Порошок, к вашему сведению, абсолютно безвреден.

Все помолчали, а потом посмотрели на Гризля. Тот спокойно отпарировал:

— Польщен вашим доверием, но вынужден поставить вас в известность, что дела господина Пупса ежесекундно находятся в поле моего внимания. Пусть он решает, могу ли я поехать.

— Нет, нет, господин Гризль, я вас не отпускаю, — забеспокоился Пупс. — Но может быть, господин Жулио возьмет на себя столь деликатную миссию? Я знаю, что господин Спрутс прекрасным образом самостоятельно справляется со всеми своими делами.

Жулио подготовился к ответу не хуже Гризля.

— Ученые шимпанзе знают меня как облупленного, — сообщил Жулио. — Во-первых, когда-то я представлял им космического пришельца Незнайку, а во-вторых, продал им порядочное количество акций «Гигантских растений». Это общество, как вам известно, впоследствии... м-м... прекратило свое существование.

Спрутс и Жулио понимающе переглянулись.

— Погодите! — сообразил Гризль. — Но ведь у нас теперь есть Мигс и Крабс. Должны ведь они на что-то пригодиться!

— Верно! — подхватил Спрутс. — Мы уже потратили на этих животных кучу денег. Вот и для них найдется непыльная работенка. Только не сбегут ли они тотчас, оказавшись на воле?

— Если предложить им достаточно выгодные условия, они будут работать, — уверенно заявил Пупс. — Собственно, за этим они ко мне и явились.

Это последнее решение удовлетворило всех присутствующих.

Глазам репортера Болтика являются зловещие фигуры настоящих владельцев акционерного общества «Космические поставки»

Вечером того же дня на территорию расположенного в пригороде Давилона Научного городка въехали три сверхдлинных автомобиля. Солидно прошелестев по гравию, они остановились перед колоннадой центрального входа в здание обсерватории. Из ведущего и замыкающего автомобилей выскочили коротышки, одетые в черные костюмы, черные кожаные перчатки и очки с черными стеклами. Из центральной машины вылез шофер и услужливо открыл заднюю дверцу.

Продолжая о чем-то неспешно беседовать, изнутри вышли трое коротышек в огромных пестрых цилиндрах. Это были набирающие силу авторитеты преступного мира, члены гильдии «новых коротышек», теневые магнаты Жмурик, Тефтель и Ханаконда.

Со стороны эта троица выглядела довольно необычно. Жмурик был щуплым, плюгавым субъектом с черной повязкой на левом глазу. Из-за гнилых зубов он сильно пришепетывал, как маленькая, но очень злая и ядовитая змея, только и выискивающая, кого бы ужалить.

Тефтель был плотным, абсолютно лысым коротышкой с широким лицом, покрытым волдырями, и с толстыми складками на затылке. Он мало говорил и обладал большой физической силой. Все зубы у него во рту были золотые.

Ханаконда отличался высоким ростом, худобой и даже некоторым изяществом. Движения у него были плавные, осторожные, но как бы готовые к мгновенному прыжку в сторону жертвы. Он был умен, гибок и непредсказуем. Поскольку глаза его смотрели в разные стороны, Ханаконда носил маленькие темно-зеленые очки, какие бывают у слепых. Он был главным в этой троице.

Никто толком не знал, чем занимаются эти темные личности, но ходили слухи, что вокруг Жмурика, Тефтеля и Ханаконды постепенно объединяются различные бандитские группировки со всего подлунного мира. Наибольшим авторитетом в преступном сообществе пока еще пользовался Красавчик, но Ханаконда уже наступал ему на пятки...

Их ждали: дворник и секретарша сбежали по ступенькам парадного входа и сопроводили их в совещательную комнату, где за большим резным столом сидели астроном Альфа и лунолог Мемега, официальные владельцы акционерного общества «Космические поставки».

Сделав небрежные приветственные жесты пальцами, «новые» заняли места вокруг стола и закурили сигары, от вонючих клубов дыма которых Альфа и Мемега тут же закашлялись. Недоуменно переглянувшись, курильщики пожали плечами и затушили сигары в горшке с коллекционной мимозой. При виде этого профессор Альфа не сдержался и сделал попытку резко отчитать посетителей.

— Что вы себе позволяете, милостивые государи! — подскочил он на месте, вскинув кверху трясущуюся от негодования бородку. — Вы находитесь в Храме Науки, господа коммерсанты, а не в пивной!.. И прошу вас немедленно снять головные уборы! Будь вы моими студентами...

— Не надо кипятиться, профессор, — спокойно перебил его Ханаконда. — Мы никогда не были и никогда не будем вашими студентами. У вас вообще никогда не будет студентов, если мы сейчас встанем и уйдем отсюда.

Альфа сел на место и покрылся пятнами.

— Поговорим о делах, — негромко произнес Ханаконда, убедившись, что никто больше не собирается нарушать тишину. — Для упрощения ситуации пожар в типографии будем временно считать случайностью. Новый тираж акций будет готов к утру и немедленно поступит в продажу. Если же кто-то на самом деле хочет испортить нам праздник, он проявит себя снова. На этот раз мы его поймаем, и поверьте, — Ханаконда посмотрел на ученых так, что им сделалось страшно, — поверьте, он расскажет нам все, что знает.

На некоторое время стало совсем тихо, каждому казалось, что остальным слышно, как колотится сердце в его груди.

— Хорек! — отрывисто крикнул Ханаконда, и оба ученых разом вздрогнули.

В комнате появился коротышка из охраны.

— Возьми еще одного и оставайся здесь. Господа Альфа и Мемега представляют слишком большую ценность для науки, чтобы оставлять их без присмотра. Никаких контактов, особенно с журналистами.

Ученые сидели опустив глаза и не смея ничего возразить.

— Росомаха!

Вошел еще один коротышка из охраны.

— Поезжай в типографию. Если там опять случится пожар, опять будет наводнение или землетрясение, если хотя бы одна акция пропадет или придет в негодность — ты сам отправишься в космос вместо ракеты. Все, иди.

Коротышка молча развернулся и вышел. В его плотной фигуре и уверенных движениях чувствовалось знание своего дела.

— Теперь обсудим некоторые детали, — сказал Ханаконда.

Окна и двери совещательной комнаты захлопнулись, плотные шторы опустились.

О несомненном вреде плотных штор и дворников, но при этом хвала архитектурным излишествам

Когда окно внезапно хлопнуло, репортер Болтик едва не свалился на землю. Последние пятнадцать минут он балансировал на протянувшемся вдоль второго этажа обсерватории каменном карнизе. На голове у него были наушники, в руке он сжимал раздвижной телескопический штатив с микрофоном, при помощи которого подслушивал и записывал на магнитофонную пленку происходящий в совещательной комнате разговор.

— Вот невезуха! — сказал он сам себе, укладывая аппаратуру в болтающуюся за спиной репортерскую сумку. — Но по крайней мере удалось выяснить, кто настоящие хозяева «Космических поставок». Ой! А где же лестница?

Осторожно, шаг за шагом продвигаясь по карнизу, он добрался до того места, где должна была находиться приставленная им к стене садовая лестница. Теперь ее здесь не было.

— Вот это номер! — растерялся Болтик. — Лестницу скорее всего унес дворник, но как же я теперь отсюда слезу?

А высота была приличной, в четыре роста нормального коротышки. Прыгать с такой высоты в темноту было делом совершенно немыслимым.

Продвигаясь дальше по периметру здания, Болтик миновал поворот, другой и оказался на освещенном фонарями центральном фасаде здания. В нескольких шагах от него находился небольшой балкончик, а дальше начиналась колоннада.

Стараясь оставаться незамеченным для разгуливающих внизу охранников, Болтик залез в каменный кораблик балкона. Скорее всего на этот балкончик никто давно не выходил, потому что он был наполовину заполнен слоями сухих листьев. Расположенный выше уступ защищал каменное гнездышко от дождя и снега. Дверь, ведущая внутрь здания, была плотно закрыта, забита гвоздями и завешена изнутри шторами. Не оставалось ничего другого, как отсидеться здесь, пока все разъедутся, а потом докричаться до дворника и как-нибудь с ним договориться.

Ночь выдалась теплой и безветренной. Болтик улегся в мягкие листья, подложил под голову сумку и начал раздумывать о том, что он успел сегодня увидеть и услышать. Постепенно глаза его начали слипаться, и он не заметил, как уснул крепким сном.

Мига и Крабс платят наличными согласно утвержденному обеими сторонами договору, хотя могли бы уйти совершенно даром

Только поздним утром Болтика разбудили доносившиеся снизу голоса – грубые выкрики и угрозы. Он осторожно высунулся из-за каменного бортика и увидел следующую картину: двое коротышек в измятой одежде и неловко сидящих на них пестрых цилиндрах пытались пройти в здание обсерватории, а охранники их не пускали.

Достав из сумки видеокамеру, Болтик начал снимать эту перепалку, а по ходу дела вспомнил, где он видел раньше одного из этих двоих. Несомненно, это был Крабс, бывший управляющий делами миллиардера Спрутса, сбежавший от своего хозяина во времена смуты. Второго коротышку Болтик вроде бы тоже когда-то видел, но так и не смог припомнить.

Неожиданно, в самый разгар перепалки, этот второй коротышка выхватил из-за пазухи револьвер и заставил троих охранников лечь на землю. Затем их связали по рукам и ногам и обезоружили. Посовещавшись, оттащили их в колючие кусты, а потом второй коротышка треснул каждого охранника рукояткой револьвера по голове.

Избавившись от колючек и отряхнувшись, Мига и Крабс степенно поднялись по широкой парадной лестнице в здание обсерватории.

— Вот это да! — возбужденно прошептал Болтик и, обвесившись своим снаряжением, двинулся в обратный путь по карнизу.

Окно в совещательную комнату было, по счастью, открыто. Болтик нацепил наушники, раздвинул штатив микрофона и стал слушать.

— Удивляюсь, как вас сюда пропустила охрана, — говорил Мемега посетителям довольно сухо. — Но раз уж вы здесь, объясните, кто вы такие и какое дело привело вас сюда.

— А мне кажется, — прошамкал астроном Альфа, указывая на Мигу, — что вот этого чернявенького я уже где-то видел. Вы, случайно, никогда не присутствовали на моих лекциях?

— Не имел удовольствия, — нехотя ответил Мига.

Последовала пауза. Альфа и Мемега стали ждать, когда гости объяснят причину своего визита. Те в свою очередь также, казалось, чего-то дожидаются.

— Не хотите ли чего-нибудь выпить? — сказал наконец Мемега.

— Да, да, хотим! — с неожиданным энтузиазмом наперебой подхватили Мига и Крабс.

Пока секретарша накрывала на стол, опять продолжалось неловкое молчание. Только астроном Альфа изредка покрякивал, вспоминая, где же он видел раньше чернявого коротышку.

Наконец принялись за чаепитие, и разговор на некоторое время был отложен. У Болтика в наушниках звучали прихлебывания, похрустывание, а также изредка вкрадчивый голос Крабса: «Пейте, пейте чай, профессор...»

Потом со стола убрали, и посетители наконец приступили к разговору. И этот разговор показался Болтику в высшей степени странным.

— Как? — сказал Мига.

— По-моему, готовы, — сказал Крабс.

— Встать, сесть, — приказал Мига.

Прогремели отодвигаемые и задвигаемые стулья.

— Послушайте, на каком основании... — возмущенно воскликнул было профессор Альфа, но Мига приказал ему молчать, и стало тихо.

— Теперь будете делать все, что я скажу, — приступил к делу Крабс. — Вот бумаги. Здесь написано,

что все права на «Космические поставки» вы передаете господину Пупсу. Цена сделки — один фертинг. Прочитали? Все правильно?

— Все правильно, — каким-то вялым и отрешенным голосом согласился Мемега, и Альфа вторил ему как эхо.

— Стало быть, и вы, господин Альфа, ничего не имеете против такого поворота событий? Не могли бы вы произнести ваше мнение на этот счет более отчетливо?

— Я ничего не имею против такого поворота событий, — произнес Альфа будто по-заученному.

— Отлично, — похвалил Крабс. — Это именно то, что мне хотелось от вас услышать. Стало быть, поставьте ваши росписи здесь, здесь и вот здесь...

Послышалась возня с бумагами.

— Теперь достаньте из сейфа печать...

Открылся сейф, и послышались удары печати.

— Порядочек, — сказал Мига, встряхнув бумагами.

Щелкнули замки «дипломатов», два мошенника поднялись из-за стола.

— Теория, господа академики, теория прежде всего! — ободрил Мига ученых. — Что такое деньги? Сегодня они есть, а завтра — пшик, и их нету! Я верю в будущее нашей науки.

— Кстати, — вспомнил Крабс и захрустел бумажником. — Вот ваш фертинг. Мы вовсе не собирались вас надувать. Пожмем друг другу руки как деловые партнеры. Вот так. Приятно иметь дело с культурными людьми.

Послышались удаляющиеся шаги, и дверь хлопнула.

Болтик оставил сумку на карнизе и, больше не таясь, перемахнул через подоконник внутрь комнаты. Альфа и Мемега сидели обхватив головы руками.

— Что это было? Что сейчас здесь произошло? — закричал Болтик. — Почему вы их слушались? Да очнитесь же вы!

Он стал трясти ученых за мантии и даже хлопать их по щекам, но все было бесполезно: злоумышленники для верности подсыпали беднягам в чай по лошадиной дозе гипнотического порошка и добиться от них сейчас чего-либо не представлялось возможным. Болтик махнул рукой и поспешил к выходу.

Тут Альфа вдруг поднял голову и стал трясти ослабевшим пальцем в сторону дверей, за которыми скрылись обворовавшие их мошенники. Он вспомнил, где видел раньше чернявого коротышку: Мига представлял космического путешественника Незнайку на пресс-конференции, посвященной учреждению Акционерного общества гигантских растений. Ах, как давно это было... Альфа снова уронил голову и впал в забытье.

Когда Болтик выскочил на ступеньки колоннады, сверхдлинный автомобиль злоумышленников уже скрылся за воротами Научного городка. Охранники только что освободились от веревок и растерянно смотрели ему вслед. Их собственный автомобиль стоял поблизости со спущенными шинами. Осыпая друг друга упреками, они со стонами начали доставать из всех частей тела колючки и прикладывать к ссадинам листья подорожника. Болтик предусмотрительно укрылся за одной из колонн.

На ступеньках появился заспанный дворник с метлой. Завидев прячущегося коротышку, он стал шумно требовать, чтобы тот покинул территорию Научного городка.

— Давай, давай, проваливай, пока не вызвал полицию! — покрикивал он, взяв на изготовку метлу. — Посторонних пускать не велено!

Болтик зашипел было и принялся делать дворнику выразительные знаки, но было поздно: охранники подбежали к нарушителю границы с двух сторон и крепко схватили его за руки.

— Вы не имеете права! — закричал Болтик и попытался вырваться, предпочитая в данном случае иметь дело с официальной полицией. — Пустите! Я требую, чтобы сюда немедленно...

Но тут ему заломили руки за спину с такой силой, что вместо слов у него вырвался крик боли. Он понял, что сам попал в такую историю, хуже которой не случалось даже в его самых отчаянных телевизионных сюжетах.

Часть вторая

О том, как в течение нескольких секунд замечательное настроение троих коротышек может перемениться на полностью противоположное

Этим же утром во всех городах подлунного мира открылись пункты продажи акций общества «Космические поставки» и началась их бойкая распродажа. Ударная волна рекламы, подогретая сенсационным пожаром в типографии, сделала свое дело: акции раскупались с невиданной быстротой. Кое-где за ними выстраивались длинные очереди, цены росли, но до полного удовлетворения спроса было еще далеко. К полудню стоимость одной акции возросла с одного фертинга до десяти, а к вечеру специалисты предсказывали рост курса до пятидесяти фертингов за акцию. Богачи скупали их на давилонской бирже целыми пакетами, рассчитывая уже завтра продать втридорога.

Жмурик, Тефтель и Ханаконда были вне себя от радости. Когда на их мобильные телефоны начали поступать первые сводки о продажах, они завтракали в отдельном кабинете одного из дорогих ресторанов в центре Давилона. В очередной раз все трое чокнулись за успех

предприятия, и раздобревший Ханаконда решил сказать что-нибудь теплое по телефону Альфе и Мемеге.

— Аллоу, — манерно протянул он, распластавшись в кресле и весело подмигивая своим компаньонам. — Господин Альфа? Как ваше ничего? Как вы спали? Не появилось ли у вас ощущения... как бы это сказать... некоторого превосходства, некоторого ощущения достатка, растущего благосостояния?.. Не в полном, не в полном объеме, конечно. Но ведь мы обещали, вам тоже кое-что перепадет на науку... Купите себе это... как его... астролябию. Совершенно новенькую. Или даже... Что? Ха-ха-ха! Как-как? Ха-ха-ха! Ой, не могу!.. Не ожидал, господин профессор, что вы умеете так замечательно хохмить. Что? Ну хватит, уже не так смешно. Как вы говорите? Продали час назад? Ну хватит... Слушай, ты... А ну дай трубку второму. Мемега? Что мне говорил сейчас этот идиот? Как соответствует... Что у вас там происходит?! Как?!! Почему?!! На каком основа...

Ханаконда побледнел и схватился за сердце. Ему не хватало воздуха.

— Они продали наше дело Пупсу, — с трудом выговорил он, задыхаясь от волнения. — Только что, этим утром, за один фертинг.

Заглянувший в кабинет минутой спустя метрдотель был вынужден вызвать всем троим карету «скорой помощи».

Упущение Миги и Крабса стоит пять тысяч фертингов, которые честно заработал г—н Бигль

В то время как бывшие владельцы предприятия переживали столь внезапно и непостижимо обрушившуюся на них катастрофу, Пупс и Спрутс в присутствии

своих секретарей выслушивали доклад Миги и Крабса об их посещении Научного городка. Все шестеро находились в рабочем кабинете г-на Пупса, при этом рассказчикам не было предложено сесть.

Помня выучку управляющего делами, Крабс излагал коротко и по-деловому. Имевший довольно темное прошлое, Мига то и дело вворачивал свои собственные пояснения типа: «Попались, как глупые пескари на крючок» или «Длинноухие ослы прохлопали ушами миллионное дельце!»

Крабс рассказал, как их сначала не пускали охранники, «но это препятствие нам удалось довольно быстро устранить».

— Получили по репе и прилегли отдохнуть, — пояснил Мига.

— А что, разве в Научном городке имеется своя охрана? — удивился Спрутс.

— Думаю, что эта охрана была приставлена непосредственно к господам ученым, — высказал предположение Крабс.

— И вы не попытались выяснить, кем она приставлена?

— Вы не ставили нам такой задачи, — смутился Крабс. — Подобное «выяснение», как вы понимаете, могло осложнить и даже поставить под удар выполнение главного задания.

— Нас бы самих запросто укокошили, — пояснил Мига.

— Гризль, — обратился Пупс к своему секретарю, — свяжитесь, пожалуйста, с этим сыщиком...

— Биглем, — подсказал Гризль.

— Да, да. И попросите его немедленно прояснить это дело.

— Сию же минуту свяжусь с ним по телефону. — Гризль поднялся и быстро вышел из кабинета.

— Итак, вы явились к профессору Альфе и академику Мемеге, — напомнил Пупс рассказчикам.

— Да, — продолжил Крабс, — но приняли они нас довольно прохладно. Было похоже, что их уже хорошенько проинструктировали в отношении визитов...

— Морды у них так и вытянулись, — сказал Мига.

— При этом у меня создалось впечатление, — Крабс покосился на Мигу и опустил глаза, — что господин Мигс и раньше имел контакты с академиком Мемегой.

Наступила нехорошая тишина. Все повернулись к Миге и стали в упор на него смотреть. От такого поворота событий бедняга потерял дар речи.

— Что?! — крикнул он наконец срывающимся от волнения голосом. — Да вы что!.. Вы что подумали?!

Все продолжали молча смотреть на него в упор.

— Что вы его слушаете!.. Это... провокатор!

И Мига с разворота ударил Крабса в солнечное сплетение. Тот согнулся и застонал.

— Сейчас я все объясню, — сказал Мига, немного успокоившись. — Дело в том, что когда-то мы с господином Жулио показывали ученым ослам космического пришельца. С него еще начались «Гигантские растения»! Вы сами могли все это видеть по телевидению. Господин Жулио, да подтвердите же вы!

Все посмотрели на Жулио, и тот нехотя кивком подтвердил сказанное его бывшим приятелем.

— Хорошо, хорошо, — отмахнулся Пупс. — Кажется, я и сам припоминаю. Теперь это уже не имеет ни малейшего значения. Вернемся к нашим... ученым.

Исполнив неприятную обязанность доносителя, Крабс продолжил рассказ:

— Ну а дальше все пошло гладко: господин Мигс ловко подсыпал порошок, ученые попили чаю и стали со всем соглашаться. Мы быстренько оформили документы по всем правилам и удалились.

— Все-таки следовало напоследок взять их за жабры, — проворчал Спрутс. — Кто платит? Кто приказывает? Вопрос — ответ, все дела.

Крабс виновато ударил себя ладошкой по лбу. Мига, опустив глаза, хмыкнул носом.

— Больше там никого не было? — поинтересовался Спрутс.

— Только секретарша и дворник.

— Хорошо, — подвел итог Пупс. — Вашей работой, как бы там ни было, я доволен.

Крабс сдержанно улыбнулся, Мига расплылся до ушей.

— Однако в ближайшие дни вам не следует появляться в городе.

Улыбка у обоих сменилась выражением испуга. В глазах у них мелькнул силуэт будки на скотном дворе.

— Нет, нет, — заулыбался Пупс, догадавшись об их опасениях. — Никаких заточений больше не будет. Вы сами можете выбрать себе апартаменты в моем доме. Кстати, господин Кротик до сих пор у меня в гостях и, как мне кажется, весьма доволен своим положением. Бассейн, бильярд, теннисный корт — все в вашем распоряжении. Прошу вас только об одном: во время прогулок по парку держитесь подальше от ограды и не забредите по случайности на скотный двор, там довольно грязно...

Пупс улыбнулся, подмигнул и поднялся с места, давая этим понять, что разговор окончен. На звонок явилась приветливая малышка-горничная, которая проводила Мигу и Крабса в гостевую часть дома.

Не успели Мига и Крабс выйти из кабинета и понять, что они приняты на хорошо оплачиваемую работу, как в дверях появился Гризль. Лицо его, как всегда, было непроницаемо, он молча дожидался вопросов.

— Итак? — сказал Пупс. — Бигль взялся за это дело?

— Взялся, хозяин, конечно взялся.

— Гонорар? Сроки?

— Видите ли, хозяин, — начал пояснять ситуацию Гризль, — господин Бигль еще вчера заинтересовался делом о «Космических поставках»... Короче говоря, за пять тысяч фертингов он готов назвать имена прямо сейчас.

— Что? Как вы сказали? Назвать сейчас?

— Именно так. Выписывайте чеки, господа.

Зная Гризля как чрезвычайно умного и делового коротышку, Пупс и Спрутс выписали по чеку на две с половиной тысячи фертингов и протянули Гризлю. Тот молча взял чеки, улыбнулся и вышел за дверь. Через минуту он вернулся, одновременно засигналил факс и из него поползла какая-то распечатка. Это были изображения физиономий, а также подробные досье на Жмурика, Тефтеля и Ханаконду — набирающих силу главарей преступного мира и теневых владельцев акционерного общества «Космические поставки».

Гризль напоминает своему хозяину о его обязанностях по отношению к акционерам. Резиновое лицо клоуна кажется г—ну Жулио очень знакомым

В течение всего дня новые владельцы «Космических поставок» следили за сводками продаж своих акций, подсчитывали барыши и потирали руки. Вечером они направились в «Весёлый клоун», чтобы отметить там удачно обстряпанное дельце.

После нескольких смен на столе, когда лицо у Пупса стало особенно розовым, гладким и блестящим, а глазки, устремленные на сцену, удовлетворенно затуманились, Гризль наклонился к его уху и прошептал:

— Что вы теперь собираетесь делать, хозяин?

Как раз в эту минуту на сцене начался гвоздь программы — аттракцион «Резиновое лицо». Номер заключался в том, что специально нанятый коротышка просовывал голову через дырку в фанерном щите и все желающие посетители ресторана бросали в лицо этого коротышки всевозможные объедки, фрукты и овощи. Весело размалеванный щит с дырой устанавливался на самом краю сцены, чтобы до него было легко добросить, и всем были видны уморительные кривляния «резинового клоуна». Этот коротышка как мог уворачивался, растягивая и сжимая лицо, кричал, острил и всячески веселил публику.

Это был любимый номер г-на Пупса. Он тут же стал хлопать в ладоши и громко, заливисто смеяться. Время от времени он совал в руки кому-нибудь из прислуги яблоко, огурец или кусок пирога и требовал: «Иди, иди скорее! Брось это за меня!..» Пупс утирал слезы и подносил к глазам театральный бинокль, а доверенное лицо отправлялось вниз и запускало снаряд в «резиновое лицо». Если попадание случалось удачным, Пупс прямо-таки визжал от восторга и раздавал щедрые чаевые.

Выждав, когда Пупс несколько успокоится после трех неудачных бросков, Гризль повторил:

— Что вы теперь собираетесь делать, хозяин?

— Что? — повернулся Пупс к секретарю. Он подумал, что Гризль имеет в виду неудачные броски, и его удивила серьезность тона.

— Что будет с «Космическими поставками», хозяин?

— Ах, вы об этом! Послушайте, Гризль, вы что, не могли выбрать другое время?

Тут кто-то удачно запустил в лицо клоуна половинкой арбуза, и тот пронзительно заверещал: «Убили! Убили! Последняя просьба умирающего: умоляю, перечислите весь мой сегодняшний заработок фирме

„Космические поставки“! Пусть они быстрее везут сюда гигантские арбузы и ананасы! Клянусь вам, нет большего наслаждения в жизни, чем дать кому-нибудь по морде гигантским ананасом!»

Шутка вызвала бурную одобрительную реакцию в зале, а Пупс вдруг сообразил, что именно хотел сказать ему Гризль, и сделался серьезным.

— Вы полагаете, что мы зашли слишком далеко? — насторожился он.

— Утром всем будет известно, что «Космические поставки» принадлежат вам и господину Спрутсу. Уже сегодня почти все акции распроданы, следовательно, от вас потребуют этих самых космических поставок, то есть постройки многоступенчатой ракеты на поверхности Луны и полета на Большую Землю за магнитным железняком.

— Что за ерунда! — испугался Пупс. — Мы ведь собирались уничтожить эти дурацкие поставки, а не возить сюда железняк!

— Но тогда вам следовало еще утром объявить акционерное общество несостоятельным, изъять акции из продажи и уничтожить. Вместо этого вы изволили подсчитывать барыши.

— Кто же мог знать, что их начнут раскупать так стремительно? — Пупс растерянно развел руками. — От этих цифр у любого голова пойдет кругом. Кто мог знать, что их расхватают за несколько часов? Предполагалось, что это дело по крайней мере года или месяца...

Гризль молчал, и от этого Пупс начинал волноваться все сильнее. Только теперь он понял, какую глупость совершил, распродав акции.

— Да, конечно... глупо получилось... Но что, что же теперь делать? — испуганно бормоча, обратился он к Гризлю.

— Теперь придется пойти по более сложному пути, — бесстрастно ответил Гризль.

— Как-как? Говорите, говорите.

— Нужно вернуть права и все вырученные деньги прежним владельцам.

— Вернуть?! Десятки миллионов фертингов?!

— Дело складывается таким образом, что можно потерять все, — зловещим голосом проговорил Гризль.

Пупс напряженно потер лоб ладошкой:

— Хорошо, допустим, мы вернем им деньги и права. Что дальше?

— Если они не смоются с деньгами, а рассчитывать на это не приходится по многим причинам, так вот, если они не смоются, мы их попросту разорим. Объединенных вашего и господина Спрутса капиталов хватит на то, чтобы разорить сотню таких предприятий. У нас хватит для этого и связей, и финансовых возможностей. А если у них не будет денег, то не будет и никакой ракеты, а стало быть, и никаких космических поставок.

Пупс смотрел на Гризля с восхищением.

— Гризль, вы очень умный коротышка. Когда Спрутс рекомендовал мне вас как управляющего, я даже не предполагал в вас столь выдающихся деловых способностей. Теперь же я все более склоняюсь к мысли о том, чтобы когда-нибудь наделить вас полномочиями равноправного компаньона...

Не в силах сдержать улыбку, Гризль склонил голову.

В течение этого важного разговора Спрутс, перевесившись через барьер ложи, прямо-таки рыдал от смеха. Номер с резиновым клоуном он видел впервые. Конечно, он ничего не мог слышать из разговора и все еще находился в приятном осознании свалившихся с неба сказочных барышей. Время от времени он посылал своего секретаря Жулио в зал что-нибудь бросить в физиономию клоуна, а после

броска заходился в новой истерике. Вокруг «резинового лица» в его глазах водили хороводы радужные банковские упаковки тысячных купюр...

Жулио нехотя таскался вниз и бросал в клоуна объедки, не очень-то стараясь попадать в цель. Эти поручения были для него обидны и унизительны, однако проявить как-либо свое недовольство он не решался, а только ворчал себе под нос: «Господин Пупс не пошлет Гризля бросаться в клоуна... Надо будет как-нибудь напомнить Спрутсу об их совместных похождениях во времена смуты, пусть не очень-то задирает нос...» Но вот его мозг стала все больше занимать одна мысль. Жулио начал все дольше задерживаться перед сценой, внимательно вглядываясь в перепачканное «резиновое лицо» клоуна, и прислушиваться к его голосу. И это лицо, и этот голос казались ему до боли знакомыми.

Когда аттракцион закончился, Жулио попросил у Спрутса разрешения и отправился за кулисы.

Репортер Болтик как ценный свидетель. По мнению Ханаконды, суд признает сделку недействительной

Теперь мы покинем на некоторое время «Весёлый клоун». Вспомним, что утром этого дня мы оставили репортера Болтика в довольно затруднительном и даже опасном для него положении. Бросить на произвол судьбы такого отважного и честного коротышку было бы с нашей стороны последним делом.

Итак, двое охранников жестоко заломили Болтику руки, и тотчас за спиной у него щелкнули наручники. Один из громил взял несчастного за галстук и, как собачонку, потянул вверх по лестнице. Другой громи-

ла двигался сзади и время от времени припечатывал Болтика тяжелым башмаком в заднюю часть. Рядом семенил дворник и трусливо тыкал арестованного метлой под колено.

Проведя через пустой гардероб, Болтика завели в умывальную и пристегнули одной рукой к трубе батареи отопления. Потом охранники несколько раз ударили его по лицу, вымещая собственные неудачи, и направились к машине, чтобы по телефону доложить боссам о случившемся. Дворник же, увидев, как беззащитного коротышку избивают в кровь, перепугался и счел за благо больше ни во что не вмешиваться. Он тихонечко убрался куда подальше в парк и принялся там сгребать листья в кучи.

Когда охранники дозвонились своим хозяевам, трубку снял только что пришедший в себя и окруженный врачами «скорой» Ханаконда.

— Это Росомаха, хозяин, — послышался унылый голос старшего охранника. — Там, в типографии, все хорошо, хозяин. Все акции на месте, целехоньки, я сам лично проследил, чтобы их отправили...

— Где ты? — устало выдавил из себя Ханаконда.

— В Научном городке, хозяин, давно уже...

— Что там?

— К сожалению, не могу вам сказать, что все в порядке: на нас тут напали какие-то сумасшедшие и мы на некоторое время потеряли контроль над объектом...

— Кто?

— В том-то и штука, хозяин, что на нас напали неожиданно, сзади. Мы даже не знаем, хозяин, кто бы это мог быть. Но мы тут изловили одного типа, который все видел, репортера... Знаете, он еще ведет эту дурацкую передачу на телевидении... как ее...

— Где академики?

— Да у себя, наверное, где им быть-то... Вот, вижу их секретаршу.

— Дайте ей трубку.

Послышался взволнованный голос малышки-секретарши:

— Алло! Алло! Это «скорая»?

— Что случилось? — сказал Ханаконда, не уточняя.

— Приезжайте скорее! Профессор Альфа и академик Мемега... — Голос у малышки сорвался на всхлипывания.

— Что с академиками?

— С ними очень плохо! Температура, пульс... Почти совсем не могут говорить...

— Хорошо, — сказал Ханаконда. — Оставайтесь возле них до приезда врачей.

Малышка убежала, взволнованно причитая и прижимая к глазам платочек. Трубку снова взял Росомаха.

— Вызовите врачей и ждите нас, — приказал ему Ханаконда и дал отбой.

После этого Ханаконда мрачно обвел глазами своих компаньонов и пояснил ситуацию:

— Ученых траванули какой-то химией и велели подписать бумаги. Если репортер и врачи это подтвердят, суд признает сделку недействительной. Едем туда.

О надежности креплений металлических труб и безусловной пользе машин «скорой помощи», если они оказываются в нужное время и в нужном месте

Очнувшись, Болтик поднял голову и огляделся. Он сидел на полу умывальной комнаты, под раковинами, пристегнутый наручниками к трубе парового отопления. Нос и скула болели, на распухших губах

чувствовался вкус крови. Пристегнутая рука совершенно затекла и онемела. Было тихо и слышно, как кое-где у него над головой капает вода в раковины. На часах была половина первого дня.

Послышались шаги, мимо Болтика в туалет протопал один из охранников. Он даже не повернулся в сторону пленника, будто его не существовало, хотя скорее всего незаметно покосился на него за стеклами темных очков. Послышался шум воды, дверца кабины хлопнула, и охранник вышел.

Болтик подумал, что сейчас эти гориллы дожидаются своих хозяев — тех самых, которые приезжали вчера к Альфе и Мемеге на своих сверхдлинных автомобилях. Наверное, его начнут допрашивать, и тогда уж точно на нем живого места не останется... Но сумка с записями — его последний козырь в этой жестокой игре. И расставаться с этой картой было бы вовсе безрассудно. Теперь его мог спасти только побег.

Болтик кое-как поднялся на ноги и осмотрелся. Труба, к которой он был пристегнут, в нескольких шагах от него спускалась с потолка и, свернув под прямым углом, тянулась под раковинами. Этот участок, как показалось Болтику, имел существенную слабость: если крепления в стене не очень надежны, можно попытаться расшатать трубу, а затем воспользоваться ее прямым углом как рычагом.

Подтягивая за собой онемевшую руку с браслетом наручников, Болтик подобрался к выбранному участку и стал не спеша расшатывать трубу. Несколько державших ее креплений в стене легко поддались, с потолка в углу посыпался мел. Болтик дернул решительнее, и все крепления вылетели.

Теперь в его руках имелся рычаг достаточной длины. Перед главным рывком Болтик достал из кармана платок, разорвал его пополам и подложил под руки; его ладони были уже порядком обожжены о горячую трубу.

На улице послышался вой сирены «скорой помощи». Двое охранников и секретарша протопали вниз по лестнице. Не теряя больше ни секунды, Болтик уперся ногами в стену и что было сил рванул на себя трубу. Раздался металлический скрежет, из батареи с шипением вырвался пар, с потолка посыпались куски штукатурки... Еще несколько решительных движений — и один конец трубы свободен.

Болтик протащил кольцо наручников к бьющей струей пара трубе под раковинами. Ожогов он уже не чувствовал; сорвав кольцо со злополучной трубы, он выскочил из умывальной и захлопнул за собой дверь.

По ступенькам уже поднимались; Болтик перескочил через деревянный барьер гардероба и пригнулся. Мимо него торопливо прошагали врачи, что-то взволнованно объяснявшая им секретарша и два молчаливых охранника. Топот ног и разносившиеся гулким эхом голоса заглушили свист пара в умывальной, и, как только процессия скрылась в глубине коридоров, Болтик выскочил из-за барьера и стремглав помчался вниз по лестнице.

Перед входом стояли два автомобиля: принадлежавший охранникам и «скорая». Шины у первого проткнули побывавшие здесь утром Мигс и Крабс, из-под второго торчали ноги водителя. Не долго раздумывая, Болтик влез в кабину «скорой» и засигналил в клаксон. Как только шофер выскочил из-под колес, машина рванула с места и, оглушительно стреляя выхлопной трубой, умчалась по шоссе в направлении города.

На звуки пальбы выскочили охранники. Увидев на месте «скорой» перепачканного и обалдевшего шофера, они развернулись и через три ступеньки помчались обратно. Шарить наугад в умывальной, обжигаясь клубами густого пара, было пустым делом.

Болтик мчится вперед, Росомаха рыдает и клянется

Выжимая предельную скорость, Болтик гнал машину вперед с риском потерять управление и разбиться. Его левый глаз распух, косил и слезился, правая рука вся горела от ожогов.

Навстречу ему со свистом промчались два сверхдлинных автомобиля, и Болтик догадался, что это те самые вчерашние «боссы» едут в Научный городок разбираться во всем случившемся. Но если в их машинах вряд ли можно было кого-нибудь разглядеть через тонированное стекло, то они-то успели увидеть избитого коротышку за рулем «скорой».

— Стой! — приказал шоферу Ханаконда и вызвал по телефону старшего охранника.

— Босс! Я только что хотел вам звонить! — закричал Росомаха из умывальной, срываясь на рыдания. — Это кошмар, босс! Тут сплошной пар, я уже весь обварился! Вы слышите меня, босс? Он свистит! Я ничего не вижу!.. Босс! Он сбежал!.. Накажите меня!.. Я его найду!.. Я его загрызу!.. Я его...

Ханаконда дал отбой и связался с охранниками затормозившей впереди машины.

— Это Хорёк, босс. Есть какие-нибудь проблемы?

— Видели «скорую»?

— Так точно, босс.

— Возьмите сидящего за рулем коротышку и отвезите к нам в офис. Начинайте допрашивать, но поосторожнее, чтобы я тоже мог с ним поговорить.

— Вас понял, босс!

— Выполняйте.

Машина охраны с визгом развернулась и пулей рванула по направлению к городу.

Избежав смертельной опасности, Болтик снова ввязывается в рискованную игру

Тем временем автомобиль Болтика начал беспрерывно стрелять выхлопной трубой и терять скорость. Небезосновательно опасаясь погони, Болтик свернул с шоссе на одну из неприметных проселочных дорог, и машина, еще несколько раз конвульсивно дернувшись и чихнув, остановилась.

С помощью имевшихся под рукой инструментов он избавился от наручников, вылез наружу и сел на подножку.

В лесу было тихо, пахло грибами и прелыми листьями, от едва заметной в воздухе мороси с деревьев капала вода, и каждая капля глухо ударяла по крыше автомобиля. По шоссе промчался сверхдлинный автомобиль с охранниками, посланный за ним в погоню. Болтик обхватил голову руками и сосредоточился.

«Итак, — начал рассуждать он про себя, — допустим, что я сегодня как-нибудь доберусь до телестудии и попаду в прямой эфир раньше, чем меня поймают и прикончат эти бандиты. Я расскажу обо всем, что видел и слышал... Но кто мне поверит? Сумка с видеокамерой и магнитофонными записями осталась там, на карнизе... С голословными заявлениями, без доказательств, редактор вообще не выпустит меня в эфир...»

— Да! — Он решительно поднялся на ноги. — Необходимо вернуться и во что бы то ни стало забрать сумку с карниза. Пока это не сделал кто-нибудь другой.

Болтик приблизился к обочине и огляделся. Со стороны города по шоссе двигался автомобиль. Кажется, их было два или даже три. «Скорая помощь»! Очевидно, те, у которых он угнал автомобиль, вызвали себе подмогу. Помедлив мгновение, Болтик

выполз на асфальт и стал махать рукой приближавшимся машинам.

Избитого и обожженного коротышку взяли без разговоров и оказали ему первую помощь: смазали и перебинтовали ожоги, обработали ссадины. Врачи узнали известного репортера и принялись расспрашивать о сенсации, которая привела его в это пустынное место. Особенно не задумываясь, Болтик соврал, что его выбросили из собственной машины и избили попутчики, которых он по доброте подобрал на дороге. Поскольку такие происшествия за городом были не в диковинку, ему легко поверили. Кстати, он сообщил врачам, что там же неподалеку он видел брошенную кем-то «скорую», облегчив таким образом мучившие его по этому поводу угрызения совести. Вылезая из машины неподалеку от въезда на территорию Научного городка, Болтик попросил врачей не говорить никому, что его здесь видели. Врачи охотно согласились и даже пообещали подбросить его обратно до города, потому что хорошо знали Болтика по телевизионным репортажам и газете «Правдивые расследования».

Как Росомаха выпустил в репортера Болтика всю обойму из пистолета, но ни разу не попал

Территорию Научного городка окружал тянущийся прямо по лесу высокий деревянный забор. Болтик долго брел по мокрым листьям вдоль забора, пока не услышал с той стороны какую-то возню и не почувствовал запах дыма. Заглянув в щелку, он увидел дворника, который сгребал листья в кучи и пытался их жечь. Кучи из-за сырости едва дымили, дворник ворчливо разговаривал о чем-то сам с собой.

— Эй! — окликнул его Болтик.

Дворник схватился за лопату.

— Что!.. Кто!.. — дернулся он испуганно по сторонам.

— Хотите десять фертингов? — сказал Болтик как можно миролюбивей и просунул в щелку десятифертинговую бумажку.

Дворник тотчас ее увидел, подкрался к забору и осторожно ее вытянул. Рассмотрев на свет, аккуратно сложил и спрятал куда-то далеко в недра своих ватных штанов.

— Хотите еще десять?

Дворник настороженно осмотрелся:

— Чего... надо?

— Я репортер Болтик, вы меня знаете?

— Нет... не знаю.

— Я здесь был сегодня, ведь вы меня видели.

— Ну, может, и видел. А может, и нет. Мне господа ученые платят за то, чтобы посторонних здесь не было. Ну и чтобы порядок...

— Зачем же вы тех троих пустили? — не удержался Болтик от язвительного вопроса, который мог испортить всю его хрупкую дипломатию.

— А тех мне сами господа ученые и велели слушаться, — ничуть не смутился дворник. — Те господа ученых охраняют от бандитов и репортеров.

— Охраняют?! Они же сами и есть бандиты!.. Ты вот что, голубчик... Я тут свою сумку оставил. Мне бы только ее забрать, а потом будто меня и не было. Понимаешь?..

Из щелки стала медленно просовываться пятидесятифертинговая бумажка. К тому моменту, когда она высунулась наполовину, в мучительных колебаниях дворника произошел решительный и окончательный перелом.

Не прошло и пяти минут, как Болтик уже карабкался по садовой лестнице на знакомый карниз, а

дворник топтался внизу, пугливо озираясь по сторонам. Сумка оказалась на месте. Перебросив ее ремень на плечо через голову, Болтик не удержался от любопытства и заглянул в окно совещательной комнаты.

Мотавших из стороны в сторону головами в мучительном забытьи Альфу и Мемегу санитары выносили из комнаты на носилках; Жмурик, Тефтель и Ханаконда смотрели на них, повернувшись спинами к окну. Здесь же, в комнате, толклись несколько охранников. Посторонившись, чтобы пропустить санитаров с носилками, к своим боссам повернулся Росомаха и что-то произнес. У него было красное и распухшее от пара лицо. Неожиданно при ярком свете лампы он увидел за оконным стеклом Болтика, и глаза их встретились.

— Вот он!!! — взревел Росомаха, выхватил огромный пистолет и принялся палить в окно над головами своих боссов, которые немедленно попадали на пол, решив, что это конец.

Грохот, дым, звон стекла — все это обрушилось на Болтика в одно мгновение. Он потерял равновесие, взмахнул руками и полетел вниз.

Ему повезло так, как везет раз в жизни: ухнув в бездну, он свалился на кучу сухих листьев. Прокатившись кубарем, он вскочил на ноги и, петляя, бросился в сторону деревьев. Росомаха продолжал палить в него до тех пор, пока не кончилась вся обойма.

Начинало смеркаться, и Болтик легко затерялся в пестроте осеннего леса. Домчавшись до забора, он повернул к главному входу и там стал дожидаться выезда автомобилей «скорой». Врачи посадили его к себе в машину и даже поменяли повязки, только удивляясь, как это быстро он успел изорвать и перепачкать старые. Догадываясь, что недавняя стрельба каким-то образом связана с появлением здесь отчаянного репортера, врачи все же из деликатности не лезли с вопросами. От них же Болтик узнал, что находившиеся в

третьей машине Альфа и Мемега только что уснули и о характере их недомогания можно будет говорить не раньше завтрашнего дня, после того как появятся результаты анализов.

— Почему-то мне кажется, — многозначительно намекнул Болтик, — что им стало плохо после утреннего чая. После утреннего чая, понимаете, доктор?..

По прибытии в город Болтик поспешил в свою телевизионную студию и принялся монтировать сенса-

ционный репортаж обо всем, что ему удалось узнать за истекшие сутки. Мы же вернемся в ресторан «Весёлый клоун», где в это время за кулисами происходила неожиданная встреча старых знакомых.

Печальная история Козлика, один эпизод которой особенно заинтересовал господина Жулио, но как раз в это время начался налет

— Козлик!

— Господин Жулио!..

Оба тотчас узнали друг друга, в голосе Жулио прозвучала искренняя радость, в голосе Козлика — удивление и настороженность. Жулио шагнул в гримерку, приблизился к Козлику и сгреб его в дружеских объятиях.

— Осторожно, господин Жулио, вы меня задушите, — робко попытался отстраниться от него Козлик.

— Ах, брось эти церемонии, мы ведь старые друзья! Как же тебя угораздило стать клоуном?

— Да, я вижу, вам повезло больше, — осторожно заметил Козлик, высвободившись наконец из объятий и разглядывая дорогой костюм своего бывшего компаньона по «Гигантским растениям».

— С работой полный порядок, — сказал Жулио. — Служу секретарем у самого Спрутса.

Козлик уважительно покачал головой.

— Хочешь, устрою и для тебя какую-нибудь не очень пыльную работенку? Мне это раз плюнуть. Курьером, лифтером... или что-нибудь вроде того. По крайней мере, не придется подставлять под огрызки свою физиономию. Я ведь, честно говоря, и сам пару раз запустил в тебя какой-то дрянью по незнанию...

Жулио смущенно заулыбался и прикрыл рот ладошкой.

— Погодите, господин Жулио, — вспомнил Козлик, — а почему вы служите у кого-то секретарем? Разве вы сами не отхватили тогда несколько миллионов от «Гигантских растений»? На такие деньги вы бы и сами могли нанять себе секретарей.

— Какие там миллионы, дорогой Козлик! Эти животные Мига и Крабс надули меня так же, как и всех остальных. Подумай, смог бы я называть тебя другом, совершив такую подлость? Я был без гроша, скитался, голодал... Пока случай не свел меня с этим кровопийцей Спрутсом. — В голосе Жулио появились страдальческие нотки.

— И вы с тех пор больше не встречали этих... двоих? Вы не пытались их разыскать?

— Мигу и Крабса? А что толку? После всей этой смуты, голода и отмены денег — что с них возьмешь? Кстати, сейчас они выполняют кое-какие поручения моего хозяина... Я еще подумаю, как с ними обойтись впоследствии. Но что же мы все время обо мне! Расскажи наконец о себе, Козлик: как ты жил все это время? Как тебя занесло на эту ужасную, неблагодарную должность? Ты даже не представляешь, как приятно видеть нормального коротышку после всех этих надутых индюков!

— Да чего уж тут рассказывать, — погрустнел Козлик. — Трудное было время. Когда улетели земные коротышки, я, как и многие другие, взялся за выращивание гигантских растений, стал фермером. Засадил поле гигантской к-кукурузой...

Воспоминания привели Козлика в такое волнение, что он начал заикаться.

— Ладно, ладно, — похлопал его по плечу Жулио. — Про гигантские растения можешь не рассказывать.

Козлик высморкался в платочек и продолжил:

— Потом снова объявили деньги. А когда еще их отменили, многие их просто на радостях разбрасывали. Думали, что они больше никогда не пригодятся и все всегда будет даром. У меня дома, например, целая стена над кроватью была деньгами обклеена. Пятерки, десятки, даже сотни попадались. И вот, когда деньги снова объявили, я обрадовался и бросился их отдирать. Куда там! Клей, как назло, очень хороший попался: дерет вместе с обоями, бумагу насквозь пропитал. С одной стороны вроде бы деньги как деньги, а с другой не поймешь что. Под обоями ведь еще и старые газеты оказались... Пробовал я и так и сяк, и мылом, и растворителем — ничего не берет! И вот так, бывало, лежишь на кровати, голодный как собака, а вокруг купюры, купюры, сотни, тысячи... Говорят, после меня в этой комнате какой-то бедолага спятил. Ну а я подался в Научный городок.

При последних словах Жулио насторожился.

— Если помните, господин Жулио, — начал объяснять Козлик, — земные коротышки перед отлетом оставили на поверхности Луны небольшую радиостанцию. Через нее можно было держать связь между Звёздным городком на Большой Земле и нашей давилонской обсерваторией. На первых порах я все собирался туда съездить поговорить со своим другом Незнайкой, да только дел на ферме было невпроворот. А потом в газетах написали, что станцию накрыло метеоритом и никакой связи больше нет.

Жулио кивнул, припоминая этот случай.

— Но я все равно поехал в Научный городок. Хотел добиваться, чтобы радиостанцию во что бы то ни стало починили. Ведь земные коротышки могли прилететь снова и помочь нам наладить жизнь. Сами-то мы лететь к тому времени уже не могли: приборы невесомости вышли из строя. Так что ни связи, ни полетов.

Господа ученые приняли меня хорошо, угостили морковным чаем с сухарем. Я тогда уже, по правде

говоря, был готов ноги протянуть от голода. Я им говорю: надо чинить передатчик, собрать команду специалистов... Я ведь сам когда-то был неплохим электриком, работал на заводе Грязинга. А те только усмехнулись. Конечно, какой там передатчик, если кругом голод и разруха.

Идти мне было некуда, и я остался при Научном городке, в планетарии. Наладил электропроводку, вычистил планеты, смазал шарниры. Все опять закрутилось, замигало. Изредка стали приезжать из города экскурсии. Двадцать сантиков за вход, конечно, не деньги... А где я спал, господин Жулио, вы не поверите! В модели Большой Земли! Прямо под куполом! Постелил внутри матрас, кое-какое бельишко — и вот так парил каждую ночь в космическом пространстве.

Когда жизнь стала налаживаться, начали выделять деньги для Научного городка, крохи конечно. И мне опять не повезло: оклады положили только господам ученым, секретарше и дворнику. Ко мне в планетарий тоже зашла комиссия. Посмотрели, что все горит, все крутится, — и сказали, что электрик не нужен. Я бы еще пожил там какое-то время и без оклада, только дворник очень вредный оказался, выжил меня в два счета.

Я еще долго перебивался случайными заработками, голодал, пока не устроился сюда, в «Весёлый клоун», со своим номером. Дело знакомое, я когда-то уже так зарабатывал в Сан-Комарике.

— Вот что, Козлик, — сказал Жулио, выслушав приятеля. — Ты мне рассказал сейчас очень важные вещи. Может случиться, что тебе удастся здорово заработать. Только, самое главное, ты никуда не пропадай, чтобы я мог тебя в любое время найти.

— Вообще-то, я здесь ночую, — признался Козлик. — Не хочу тратиться на жилье, пока нет постоянной работы. На кухне кой-чего помогаю, так что кормежка идет даром. Все, что зарабатываю, откла-

дываю на черный день. Ведь когда-нибудь мой номер здешней публике наскучит...

Козлик хотел еще что-то добавить, но в этот момент со стороны зала грохнули выстрелы, и оркестр перестал играть.

Жулио выхватил из-за пазухи револьвер и высунул голову за дверь гримерки.

— Всем сидеть на местах, это налет! — доносились крики из зала.

— Дело дрянь, — пробормотал Жулио. — Кажется, кто-то не поладил с Красавчиком.

— Идите за мной, — шепотом позвал Козлик.

Они прошли какие-то коридорчики, винтовые лесенки под сценой и оказались в темноте, среди пыльной рухляди, за фанерным задником кулис. Кое-где в фанере были просверлены дырочки, через которые тьму иголками пронзали лучи света. Оба прильнули к дырочкам и стали наблюдать за происходящим.

Как Жмурик, Тефтель и Ханаконда совершенно бесплатно получили назад «Космические поставки», а все сопровождавшие их охранники — памятные жесты внимания от заведения (тоже совершенно бесплатно)

Жулио ошибался: вооруженный налет был совершен не против Красавчика и его заведения. Разъяренные потерей «Космических поставок», Жмурик, Тефтель и Ханаконда решили поговорить таким образом со своими обидчиками Пупсом и Спрутсом.

Крепкие, приземистые коротышки в темных очках, черных костюмах и кожаных перчатках, с автоматами в руках, выстроились по краю сцены и хмуро направили стволы в сторону зала и ложи-люкс. Еще

несколько налетчиков перекрывали выходы. Охранник по прозвищу Хорёк грубо командовал в микрофон:

— Всем сидеть на местах, оружие на пол, руки на стол!

Удивительно было то, что находившиеся в ложе-люкс Пупс, Спрутс и Гризль не проявляли ни малейшего беспокойства в отношении происходящего. Они беседовали, закусывали и с интересом наблюдали за тем, как развиваются события. Причиной их странного поведения было то, что при первом же сигнале опасности их ложу перекрыло опустившееся сверху толстое пуленепробиваемое стекло. Стены, пол и потолок ложи имели внутри надежный слой брони.

В зале появились Жмурик, Тефтель и Ханаконда. На них были длинные шерстяные пальто, франтоватые белоснежные шарфики и пестрые цилиндры. Ханаконда что-то сказал Хорьку, и тот объявил через микрофон:

— Мои хозяева ничего не имеют против господина Красавчика, они имеют интерес вон к тем господам. — И Хорёк указал дулом автомата в сторону ложи-люкс. — Эй, вы! — окликнул он довольно грубо. — Вылезайте-ка оттуда, пока вас не вытянули за уши!

Услыхав эту дерзость, Пупс в удивлении вскинул брови и сказал своему компаньону:

— Не пора ли прекратить это безобразие, господин Спрутс?

Тот с готовностью закивал, Пупс вынул из кармана портативную рацию и спокойно произнес:

— Начинайте.

В ту же секунду стоящий в вызывающей позе Хорёк почувствовал, как вокруг его шеи затянулась петля, а затем сцена и микрофон стремительно провалились куда-то. Он выпустил автомат и обеими руками схватился за душившую его петлю. Оглядевшись по сторонам, он убедился, что все налетчики,

подобно куклам-марионеткам, болтаются на спустившихся с двойного потолка капроновых шнурах. Многие пытались звать на помощь, дергались и извивались, как червяки, что весьма рассмешило публику, которая стала воспринимать происходящее как новую инсценировку, придуманную для увеселения посетителей ресторана. Все стали аплодировать, а во все еще манерно стоявших возле сцены Жмурика, Тефтеля и Ханаконду полетели объедки и огрызки. (В этот момент следивший за происходящим через дырочку Козлик одобрительно хмыкнул.)

Убедившись, что хозяином положения стал Пупс, к микрофону вышел Красавчик и объявил:

— Я рад, что уважаемой публике понравился новый аттракцион под названием «Налет».

Последовал взрыв аплодисментов, одобрительные крики, свист, и новый шквал объедков обрушился на «главарей» налетчиков, которых все теперь воспринимали как переодетых клоунов.

— Только хватит, — шутя прикрикнул на публику Красавчик, — хватит пачкать польты моим артистам! Приходите в «Весёлый клоун», и я обещаю вам еще не так повеселиться!.. Оркестр! Продолжайте вечер!

Красавчик поклонился и уступил место конферансье, который начал уморительно смешить публику по поводу «налета», и программа пошла своим чередом.

Тем временем коротышки в серых трико и таких же масках, обтягивающих головы, принимали снизу трепыхавшихся налетчиков и уводили из зала. Невидимая, но вездесущая охрана господина Пупса сработала, как всегда, четко и эффективно.

Жмурика, Тефтеля и Ханаконду привели в люкс-кабинет и толкнули на кожаный диван.

— Снимите с них наручники, — мягко попросил Пупс.

Пока главари усаживались и разминали руки, Спрутс велел убраться за дверь всем лишним. За столом остались Пупс, Спрутс, Гризль и незаметно появившийся откуда-то Жулио. Спрутс был уже в курсе дел и почти смирился с тем, что вырученные сегодня за акции миллионы придется вернуть. «Лучше потерять эти деньги сегодня, чем завтра всё», — повторял он про себя фразу, услышанную от Гризля, и она его немного успокаивала.

— Итак, господа, мы вас слушаем, — пропел своим медовым голоском Пупс и принял вежливо-выжидательную позу.

Спрутс злобно улыбался, глядя в упор на потерявших весь свой лоск и самоуверенность «теневых магнатов». Гризль и Жулио скромно перелистывали бумаги, не поднимая глаз.

— Вы украли у нас семьдесят миллионов, — угрюмо и зло произнес Ханаконда, глядя в пол.

— Семьдесят? — удивился Пупс. — Нет, не семьдесят, а гораздо больше! Ведь акции дорожают с каждым часом, с каждой минутой! Я уже не говорю о десятках миллиардов, которые вы намерены выручить от реализации всего проекта!..

— Сволочи, вам это не сойдет с рук, — прошипел Ханаконда. — Сегодня ваша взяла, а завтра мы еще посмотрим...

— Ой!.. — Пупс сделал круглые глаза и схватился за сердце. — Ой!.. Сейчас со мной будет приступ. Ведь это угроза? — С выражением изумления и испуга Пупс повернулся к Спрутсу: — Это угроза?

Спрутс скривил губы в едва заметной усмешке.

— Но ведь если от вас действительно исходит реальная опасность, — озабоченно продолжал Пупс, — я должен срочно, немедленно что-нибудь предпринять! Не ждать же завтрашнего дня, когда вы возьметесь за меня по-настоящему! Вы — такие крутые и серьезные!.. Но что же делать? — Пупс заерзал на стуле и завертелся по сторонам. — Бежать, бежать! Срочно рассовать по карманам сотню-другую фертингов и бежать куда глаза глядят!..

Пупс вскочил с места, испуганно озираясь. Но вдруг он успокоился и хлопнул себя по лбу:

— А что это я вдруг так перепугался? Ведь можно поступить и по-другому... И что это на меня такое нашло?..

Он снова уселся в кресло, спокойно срезал кончик толстой сигары и прикурил от огня услужливо протянутой ему Гризлем зажигалки.

— Как же я не подумал сразу? Вот сейчас впопыхах и наделал бы глупостей, садовая голова. По-другому-то выйдет и дешевле, и спокойнее, да и надежнее, пожалуй, выйдет. Возьмем корыто... Гризль, у нас найдется в хозяйстве подходящее корыто?

— На скотном дворе я видел именно то, что нужно, хозяин, — немедленно отозвался Гризль.

— Прекрасно. Поставим вас, таких красивых и стильных, в это корыто и навалим туда ведер двадцать цементного раствора вмеремешку со щебнем. А когда раствор схватится, отвезем вас на ближайший мост, где нет полицейского. И — бултых в реку! В самый омут! Вот смеху-то будет!..

Пупс залился своим заразительным смехом, Спрутс захохотал, секретари захихикали в ладошки.

— И главное, — Пупс едва выговаривал, захлебываясь, — и главное — никаких расходов!..

С трудом успокоившись, Пупс утер глаза платочком, раскурил сигару и предложил вдруг без всяких предисловий:

— Хотите получить назад «Космические поставки»?

Магнаты подняли бледные как бумага лица.

— Да, да, все права вместе с сегодняшней выручкой, — небрежно подтвердил Пупс.

— Шутишь, начальник? — процедил Жмурик, злобно прищурив свой единственный глаз.

— Гризль! — распорядился Пупс. — Оформите немедленно все бумаги как полагается. Так ведь, господин Жмурик? Ведь вы вернете липовые права Альфе и Мемеге?

Жмурик очумело посмотрел на своих компаньонов, ища поддержки.

— Что за дурацкий треп? — презрительно повысил голос Ханаконда. — Говорите, чего вам надо, и точка.

Но разговоров больше не последовало. Пупс вызвал охрану, магнатам вручили обещанные бумаги и вытолкали всех троих на улицу.

Тем временем обезоруженных и основательно помятых охранников в черном по одному выводили из подвала, ставили на порог заведения, и Красавчик с чувством припечатывал каждого пинком под зад.

Для этой процедуры он специально одолжил у швейцара тяжелые, подбитые железом ботинки, которые надел поверх своих лакированных туфель. Когда очередной коротышка в черном кубарем скатывался вниз по ступенькам, Красавчик приговаривал что-нибудь вроде того: «Был счастлив от вашего посещения» или «Наш каждый клиент должен остаться доволен нашим обслуживанием»... Вокруг собирались гулявшие по ночным улицам зеваки, которые так и покатывались со смеху.

В это же время главари быстро нырнули в свой автомобиль, и Ханаконда прорычал водителю: «Гони живо». Мысли в их бедных головах перепутались, они никак не могли сообразить, кто остался в выигрыше.

Как Болтик преодолел в себе мучительные переживания в пользу одного миллиона фертингов и перестал быть независимым журналистом

Этой же ночью Болтик готовил к эфиру сенсационный выпуск передачи «Момент секретности». Он тщательно смонтировал все последние материалы, а затем снабдил их архивными вставками и собственными комментариями. Материал получался взрывной, и это было только начало... Но вот в первом же выпуске утренних новостей сообщили о событиях нынешней ночи в ресторане «Весёлый клоун». Встреча финансовых воротил и непонятный налет перепутали Болтику все карты. Теперь передача не могла выйти в эфир в прежнем виде. Все, что он разведал с таким трудом, подвергая себя смертельной опасности, внезапно устарело и потеряло связь с сегодняшним днем. Необходимо было срочно и любой ценой разведать

что-то о ночных переговорах, а затем вставить этот фрагмент в передачу и расставить все точки над «i». И Болтик стал лихорадочно перебирать в уме всех, кто имел какое-либо отношение к ночным событиям. Гризль, Гризль... Они были знакомы по работе в «Давилонских юморесках». Гризль был редактором и часто хвалил Болтика за хорошие материалы. Вспомнит ли он его сейчас?..

Болтик в задумчивости грыз кончик карандаша, когда раздался звонок по местному телефону и вахтер с проходной сообщил, что Болтика желает видеть некто господин Гризль.

— Что?! — закричал Болтик. — Как вы сказали? Пропустите, пропустите его немедленно! — И он сам побежал навстречу нежданному гостю.

— Рад вас снова видеть, коллега, — сказал Гризль, когда оба вернулись в кабинет и уселись в кресла. — С интересом слежу за вашей творческой деятельностью. И в прессе, и на телевидении... Очень впечатляет, очень...

— Благодарю вас. — Болтик расплылся в улыбке, удивляясь собственной угодливости. — Но и вы были в свое время выдающимся мастером своего дела. Ваши статьи, фельетоны, редакторская работа... Я всегда откровенно восхищался вашим умением повернуть тему нужным образом и вашим неподражаемым юмором.

Гризль поднес руку к груди и слегка поклонился.

— Однако в жизни наступает время, — произнес он, подняв вверх указательный палец, — когда информационный бизнес перестает удовлетворять широкую, неординарную натуру... Не кажется ли вам, господин Болтик, что такое время для вас уже наступило?

Болтик растерялся. Он все еще не понимал, к чему клонит управляющий делами миллиардера Пупса.

— Работая на публику, — продолжал Гризль, — вы направляете свой талант в никуда, бесцельно рас-

пыляете его, получая взамен жалкую популярность и жалкие гроши. Но публика неблагодарна: как только она вами насытится и у нее появится новый кумир по части сенсационных разоблачений, про вас забудут. Вас даже никто не пожалеет, потому что вы для них бесцеремонный и циничный проныра, который всегда найдет для себя какое-нибудь грязненькое, но хорошо оплачиваемое дельце. Вы останетесь без капитала и положения в обществе, в лучшем случае на должности редактора какой-нибудь дешевенькой желтой газетенки, в суете ежедневной текучки и в полнейшем забвении. Горение яркой звезды внешне эффектно, но — увы! — весьма быстротечно, господин Болтик. Подумайте о своем будущем, пока не поздно, ведь вы очень смышленый коротышка.

Болтик не нашелся что сказать и почесал карандашом за ухом.

— А между тем многие коротышки очень ловко устраиваются в этой жизни, — продолжал Гризль свое мягкое давление.

— Конечно, господин Гризль, вам в жизни очень повезло.

— Я, конечно, не имел в виду себя, но раз уж вы сами заговорили... Знаете, почему мне повезло?

Болтик пожал плечами.

— Потому что я не пытался угодить всем сразу. Я служил интересам одного-единственного, но достойного во всех отношениях коротышки.

— Я понимаю, «Давилонские юморески» принадлежали господину Спрутсу...

— Да, для многих это не являлось секретом. Господин Спрутс вкладывал в газету хорошие деньги, а я печатал добротные материалы, хорошо отражавшиеся на авторитете и благосостоянии господина Спрутса.

— Ничего не имею против, — согласился Болтик.

Тут надо заметить, что и тот и другой были уверены, что у собеседника имеется портативный

магнитофон, а потому отзывались обо всех упоминаемых коротышках весьма корректно.

— И чем все это для меня закончилось? — продолжал г-н Гризль.

— Чем?

— Тем, что господин Спрутс рекомендовал меня для работы секретарем и управляющим делами богатейшему коротышке нашей планеты господину Пупсу.

— Да, вы неплохо устроились.

— Хотя об этом не принято говорить, хотите знать, какой у меня теперь оклад?

Болтик сделал вежливо-заинтересованное лицо.

— Сто тысяч фертингов в месяц, или один миллион двести тысяч фертингов в год. И это не считая доходов от ценных бумаг!

Болтик выронил карандаш, который все это время машинально вертел в руках.

— Как вы понимаете, такие деньги не очень-то легко потратить. Приходится вкладывать в недвижимость, золото, произведения искусства. Господин Пупс мог бы легко удвоить сумму моего оклада, если бы я попросил его об этом, но я не прошу.

— Наверное, вы очень ценный работник, — глухо произнес Болтик, опустив глаза. Сам он давно уже влез в долги, его газету могли закрыть со дня на день, и доходы собеседника его ошеломили.

— Разумеется, — согласился Гризль. — Иначе я бы просто не взял денег. Эти деньги являются лишь малой частью той прибыли, которую получает господин Пупс благодаря моей неустанной и весьма плодотворной деятельности.

— Чего же вы хотите от меня? — спросил Болтик напрямик, устав от разговора, который его изматывал своей неопределенностью.

— Я хочу, чтобы вы начали работать на господина Пупса, — так же напрямик ответил Гризль.

— Что?

— Да, да. Я здесь по поручению именно этого господина. Миллиардера и, скажу вам по секрету, очень, очень неглупого коротышки.

Болтик наконец все понял, однако находился в нерешительности. Его буквально разрывали внутренние противоречия. Он еще не знал, чем закончится этот разговор.

— Стало быть, вы хотите купить меня со всеми потрохами? — произнес он, оттягивая время.

— Это уж как вам угодно, — сказал Гризль, — но за эти самые потроха, как вы изволили выразиться, господин Пупс для начала выплатит вам один миллион фертингов.

Карандаш в руках Болтика хрустнул пополам.

— В дальнейшем, — продолжал Гризль, — в процессе совместной работы, суммы выплат, разумеется, уже значительно реже будут исчисляться миллионами... Но обещаю вам, они будут очень, очень существенны.

Болтик поднялся, шагнул к окну, раскрыл его настежь и вдохнул полную грудь осенней прохлады. Постояв так немного, он прикрыл окно и сказал:

— Я могу обдумать это предложение?

— Разумеется, — с готовностью согласился Гризль. — Пока я здесь, в кабинете, можете обдумывать.

Болтик понял, что после столь откровенного разговора его отказ может иметь довольно опасные последствия. К тайному его облегчению, ходу назад уже не было, и он решил прямо сейчас заручиться маленьким и столь необходимым ему информационным авансом.

— Что за разговор был сегодня ночью в «Весёлом клоуне»? — спросил он, решительно повернувшись к Гризлю.

Тот кивнул, молча вынул подписанный Пупсом чек на миллион фертингов, протянул Болтику и сказал:

— Возьмите чек, и мы поговорим обо всем обстоятельно.

Впервые в жизни испытывая подобные внутренние переживания, Болтик принял чек и трясущейся рукой запихал его в свой бумажник.

— Итак, господин Болтик, — сказал Гризль с некоторой торжественностью, — с этого момента вы находитесь на негласной службе у господина Пупса. Поздравляю вас от души, коллега.

Гризль поднялся из кресла и пожал совершенно взмокшую ладонь честного и неподкупного еще минуту назад репортера.

— Присаживайтесь, господин Болтик. — В тоне Гризля торжественность уступила место сугубо деловому настрою. — Вот теперь мы поговорим о событиях сегодняшней ночи и нашем первом совместном выпуске передачи «Момент секретности». Возможно, кое-что придется перемонтировать, а также придать несколько иную окраску закадровому тексту... В дальнейшем я буду просматривать подготовленные вами материалы еще на подготовительной стадии, и совместными усилиями...

Но тут мы незаметно удалимся, не дослушав всех подробностей этого сугубо профессионального разговора.

Вечером того же дня, в самое удобное для зрителей время, вышел в эфир сенсационный выпуск передачи «Момент секретности». Предварительные ежечасные анонсы подогрели интерес публики настолько, что транслировавшуюся в тот же час любимую всеми игру «Колесо обалдения» никто не смотрел.

Под руководством Гризля Болтик перемонтировал передачу так, что все факты и события перевернулись вдруг с ног на голову. По новой версии выходило, что проект «Космические поставки» изначально при-

надлежал миллиардерам Пупсу и Спрутсу, которые исключительно из любви к науке намеревались безвозмездно передать его ученым Альфе и Мемеге. Но это якобы не понравилось главарям преступного мира Жмурику, Тефтелю и Ханаконде, которые задумали силой завладеть правами на это сулящее огромные прибыли предприятие. Для этой цели преступники решили отравить ученых ядом. Попытка не удалась, потому что на месте предполагаемого преступления оказался он, репортер Болтик.

Болтик помешал отравить ученых до смерти, но был схвачен и подвергнут жестоким пыткам. Ему удалось бежать благодаря его собственной ловкости, а также самоотверженности врачей «скорой помощи».

Но преступные главари не угомонились — рассказывалось далее. Той же ночью они совершили налет на ресторан-кабаре «Весёлый клоун», где в это время мирно отдыхали господа Пупс и Спрутс. Под дулами автоматов бандиты вынудили их передать права на «Космические поставки» Жмурику, Тефтелю и Ханаконде, прикрывающимся именами находящихся в больнице ученых Альфы и Мемеги...

Вся эта невразумительная чехарда была настолько ловко смонтирована, что не вызывала ни малейших сомнений в достоверности. Здесь были видеосъемки, сделанные Болтиком в Научном городке, видеозаписи налета на ресторан, сделанные камерами слежения службы охраны, кадры из архива, интервью с прямыми и косвенными участниками событий — от врачей «скорой помощи» до хорошо заработавшего на этом деле дворника. Последние сомнения рассеивал убедительный закадровый текст.

Передача имела потрясающий успех, и когда через несколько часов на другом канале выступили с яростными опровержениями Жмурик, Тефтель и Ханаконда, зрители над ними только посмеялись.

Пупс и Спрутс были чрезвычайно довольны проделанной работой. Болтика и Гризля пригласили на ужин в «Весёлый клоун» и всячески обласкали. Главная цель была достигнута: у публики сложилось устойчивое представление о двух добреньких миллиардерах-меценатах и трех отпетых бандитах (каковыми Жмурик, Тефтель и Ханаконда на самом деле и были).

Таким образом, г-да Пупс и Спрутс с блеском выкрутились из щекотливого положения, в которое чуть было не угодили благодаря некстати подвернувшемуся на карнизе Болтику. За историю с порошком их могли запросто отдать под суд, а теперь главный свидетель и общественное мнение были на их стороне.

Обнаружен действующий прибор невесомости! Набор «космических строителей». Козлик получает предложение, от которого бывает трудно отказаться

Когда поступившие в продажу акции «Космических поставок» были полностью распроданы, заговорили всерьез о техническом воплощении этого дерзкого проекта. Главная трудность заключалась в том, что строительство большой многоступенчатой ракеты предполагалось вести на внешней оболочке Луны. То есть готовые к сборке части ракеты необходимо было каким-то образом переправить на лунную поверхность, а затем смонтировать в единое целое. Но вот эту-то задачу и не могли, как ни бились, разрешить ученые и конструкторы: добраться до внешней поверхности Луны не удавалось.

Дело в том, что воздух на высоте бывает чрезвычайно разрежен, а под внешней оболочкой Луны имеется пространство, где его нет совсем. Поэтому само-

лет или вертолет не могли подняться на необходимую высоту, так как их лопасти и крылья попросту провалились бы в пустоту, не имея своей привычной опоры — воздуха.

Если бы ракету построили внизу, то она, взяв старт, могла не вписаться в пещеру, и произошла бы неминуемая катастрофа. Таких пещер, соединяющих внутреннюю и внешнюю части Луны, в оболочке существует несколько, но ни одна из них не была достаточно просторна для пролета многоступенчатой ракеты. К тому же все пещеры имели повороты и выступы. Без прибора невесомости затея казалась немыслимой.

В то время, когда разработчики проекта во главе с известным физиком Квантиком основательно приуныли, газеты начали публиковать присылаемые читателями способы решения проблемы.

Так, читатель Бомбарда предлагал расширить одну из ведущих наружу пещер путем интенсивного обстрела ее крупнокалиберными разрывными снарядами из специально построенной для этой цели гигантской пушки. Как только дыра, писал он, увеличится до необходимых размеров, ракета свободно пролетит через нее и устремится в космическое пространство. По утверждению этого читателя, пожарного по профессии, его проект сулил лунатикам еще массу удивительных открытий: во-первых, через образовавшуюся дыру они смогли бы наслаждаться неповторимой красотой звездного неба, а во-вторых, в дневное время через нее свободно проникали бы солнечные лучи, что значительно улучшило бы климат и настроение коротышек.

Ответ недавно выписавшегося из больницы академика Мемеги был резко категоричным: во-первых, подобная бомбежка лунной оболочки могла бы накрыть обвалом целые города вместе с их населением; во-вторых, через такую огромную дыру мог постепенно улетучиться весь воздух и жизнь на Малой Земле прекратила бы свое существование.

Читатель Топсик предлагал подтягивать грузы на поверхность Луны при помощи металлического троса и лебедки. Единственное, чего не объяснил этот читатель, так это того, каким образом доставить на поверхность Луны лебедку и металлический трос умопомрачительной длины.

Предложений было много, но все они при ближайшем рассмотрении оказывались по той или иной причине абсолютно невыполнимыми.

И вот, когда надежда на создание своей лунной ракеты почти угасла и все чаще стали поговаривать о возвращении денег акционерам, молнией пронеслось сенсационное известие: на Малой Земле обнаружен действующий прибор невесомости! Прибор этот существовал и до сих пор работал!

Из последовавшего шквала информации выяснилось, что на крупнейшей в стране макаронной фабрике Скуперфильда существовал электромагнитный подъемник, в который для облегчения процесса главный инженер когда-то вмонтировал небольшой прибор невесомости. Огромная металлическая шайба примагничивала сверху контейнер с готовой продукцией и по воздуху переносила его на склад. В условиях мощного электромагнитного поля магнитный железняк в приборе невесомости не размагнитился и продолжал эффективно действовать, облегчая работу подъемника.

Скуперфильд, скрывавший до этого существование прибора, теперь предлагал его фирме «Космические поставки» за десять миллионов фертингов, каковые были незамедлительно ему выплачены.

После совершения сделки Скуперфильд вдруг сообразил, что глупейшим образом продешевил с этим делом и легко мог бы получить за прибор (кстати сказать, доставшийся ему совершенно даром) как минимум еще десять миллионов, а то и больше. После этих подсчетов Скуперфильд едва не слег в боль-

ницу и, совершенно потеряв голову, отправился в Давилон для встречи со Жмуриком, Тефтелем и Ханакондой. Разумеется, его даже не приняли, и он до вечера околачивался перед воротами их загородного офиса, ругался на охранников и грозил своей тростью кому-то за оградой.

Тем временем кто-то пронюхал, что огромный пакет акций «Космических поставок» в первый же день продаж скупил через подставных лиц фабрикант Пудл. Тут газетчики натешились вволю, припомнив пожар в типографии и тот факт, что поджигатели акций скрылись тогда именно на машине марки «Пудл». Никто теперь не сомневался, что господин Пудл каким-то образом замешан в этом деле. С подачи Гризля Болтик в своей передаче между прочим упомянул, что пытавшие его охранники прибыли в Научный городок на автомобиле марки «Пудл»...

Но все эти домыслы лишь сопутствовали главной теме постройке и запуску космической ракеты. Пока крупнейшие заводы выполняли срочные заказы на изготовление ее узлов и корпуса, необходимо было подготовить команду специалистов для ее монтажа на лунной поверхности. Для этого был объявлен специальный конкурс на должности «космических строителей». Пятнадцать коротышек самых различных профессий, от электронщика до каменщика, должны были прибыть первыми на поверхность Луны, подготовить стартовую площадку, принять доставляемые снизу части и смонтировать ракету.

После объявления конкурса в Научный городок начали стекаться со всей страны коротышки, пожелавшие записаться в команду. В основном это были искатели приключений и безработные. А поскольку вознаграждение за этот краткосрочный подряд было объявлено чрезвычайно высокое, по десять тысяч фертингов на брата, желающих собралось

огромное количество. Уставший гонять их с территории, дворник вызвал наряд полиции, который с помощью электрических дубинок живо выстроил претендентов вдоль шоссе. Стоявший первым претендент упирался носом в ворота, последний же находился далеко за поворотом.

Примерно в это же время произошла важная встреча двух старых знакомых. Жулио заехал за Козликом в «Весёлый клоун» ранним утром, поднял его с грязного матраса за кулисами, заставил умыться, причесаться и повез завтракать в хороший ресторан.

Покончив с едой и поболтав о том о сем, Жулио заказал по второй чашечке кофе с мороженым и заговорил о главном.

— Козлик... — начал он, неуверенно подбирая слова.

— Да, господин Жулио?

— Помнишь, я предлагал тебе работать у господина Спрутса?

— Да, господин Жулио, помню. Вы предлагали работать посыльным, лифтером или что-нибудь вроде того.

— Да, да... Что-нибудь вроде того... Но все эти должности, как ты сам понимаешь, не очень-то доходны и престижны, не говоря уже о перспективах роста...

— Именно поэтому, господин Жулио, я не тороплюсь бросать свою работу в «Весёлом клоуне», Красавчик платит мне пятьдесят фертингов за выход, я никогда раньше не зарабатывал таких денег.

— Разумно, разумно. Но что ты скажешь, если я предложу тебе работу... Нет, скорее это будет разовое поручение. И за успешное выполнение этого, прямо скажу, опасного во всех отношениях поручения ты получишь сразу...

Козлик с интересом дожидался конца фразы.

— Ну, сколько ты думаешь?

Может быть, сто фертингов... или тысячу? — неуверенно предположил Козлик.

— Сто... тысяч.

Последовала пауза, во время которой собеседники молча смотрели друг на друга.

— И еще столько же в случае успешного завершения всей операции, — прошептал Жулио.

— Стало быть, всего двести... тысяч? — тоже шепотом сказал Козлик.

— Стало быть, двести.

Жулио утер рот салфеткой, хлопнул в ладоши и заказал официанту по третьей чашечке кофе с мороженым.

— Вот так, — сказал он, придавая своему голосу бодрую уверенность. — Всегда будешь иметь кусок хлеба с маслом на одни только банковские проценты. А то и откроешь свое собственное дело, будешь расширяться... Имея такие знакомства, — Жулио подмигнул, — ты быстро пойдешь в гору.

Козлик помолчал, усердно обдумывая все услышанное.

— А это как-нибудь не связано с... — Он со страхом и неприязнью провел ребром ладони по горлу.

— О, нет! улыбнулся Жулио. — На этот счет можешь не беспокоиться. Для подобных поручений существуют мерзавцы особого рода, и платят им гораздо меньше. Кроме того, мой хозяин и его компаньон никогда и ни при каких обстоятельствах не совершат столь ужасного злодеяния, даже чужими руками.

Козлик облегченно вздохнул и помешал ложечкой в своей чашке.

— Напротив, — продолжал Жулио, — конечная цель моего хозяина и его компаньона господина

Пупса как раз и состоит в том, чтобы избавить коротышек от нависшей над ними катастрофы!

И Жулио, не жалея красок, расписал Козлику, какие беды может принести коротышкам осуществление проекта «Космические поставки».

— Да, — выслушав его и подумав, согласился Козлик, — что-то похожее уже было, не хотел бы я, чтобы все это повторилось. Надо как-нибудь сообщить земным коротышкам, чтобы они ни за что не давали нашим магнитного железняка. Жаль, что передатчик на поверхности поврежден метеоритом, иначе можно было бы с ними связаться...

— Да, жаль... — пробормотал Жулио.

Он прекрасно знал, что никакого метеорита не было. Что радиостанцию, оставленную земными коротышками перед отлетом, тайно привели в негодность по указанию Спрутса, а слух о метеорите был специально пущен для отвода глаз.

— Но даже если бы радиостанцию удалось починить, — заметил Жулио, — переговоры вряд ли к чему-нибудь бы привели. Земные коротышки не понимают в деньгах и в настоящем бизнесе. Вспомни своего друга Незнайку: для того чтобы хоть немного что-то здесь понять, ему пришлось пройти через огонь и воду...

— Да, господин Жулио, вы правы, — согласился Козлик. — Нельзя, чтобы эти мерзавцы, Жмурик, Тефтель и Ханаконда, впутали в это грязное дело земных коротышек. Нельзя допустить того, чтобы их ракета отправилась на Большую Землю.

— Знаете, господин Козлик, — сказал Жулио, внезапно переходя на «вы», — вы гораздо умнее, чем я думал. Поэтому буду краток: вы запишетесь электриком в команду космических строителей и сделаете так, чтобы ракета потерпела аварию на старте. Жертв не будет, потому что все пилоты по сигналу тревоги катапультируются. По рукам?

Но Козлик не торопился с ответом. Несколько минут он напряженно раздумывал, глядя перед собой в одну точку.

— Задача не из легких, — сказал он наконец.

Жулио смотрел на него с надеждой и в нетерпении.

— Но и деньги того стоят, — улыбнулся Козлик.

Они поднялись и пожали друг другу руки.

Козлика зачисляют в бригаду космических строителей. Некоторые технические подробности

Миновав выстроившуюся вдоль мокрого шоссе очередь претендентов, сидевший за рулем Жулио уверенно въехал на территорию Научного городка и остановился перед колоннадой главного входа. Незадолго до этого Козлик поговорил с Альфой и Мемегой по телефону, и его зачисление в бригаду космических строителей было делом решенным. Оставалось только подписать контракт и пройти специальный ускоренный курс подготовки.

Альфа и Мемега приняли Козлика очень тепло, прервав собеседования с претендентами и попросив секретаршу принести чаю. Они рассказали, что энергия прибора невесомости на исходе, поэтому он будет использован только два раза: для подъема на поверхность Луны частей ракеты и для ее старта с последующим выходом в космос. Для торможения во время посадки будут использованы реактивные двигатели и, уже в воздушном пространстве над Большой Землей, несколько парашютов. Обратный путь с грузом магнитного железняка не вызовет трудностей, поскольку у космонавтов появится неограниченный запас невесомости. В обмен на железняк

посланцы Луны доставят на Большую Землю запас лунита. Имена космонавтов Жмурик, Тефтель и Ханаконда почему-то до сих пор держали в строжайшей тайне.

— Как же строители достигнут ледяной пещеры? — поинтересовался Козлик. — Ведь вы сказали, что невесомость будет использована всего два раза — для подъема частей ракеты и старта.

— Для подъема коротышек-строителей разработан специальный реактивный ранец, — пояснил Мемега. — Вот, кстати, образец такого ранца вы можете сейчас же на себя примерить.

Мемега снял со стены предмет, больше похожий на маленький катер, и помог Козлику застегнуть на себе его многочисленные ремни.

— Имейте в виду, что этот прибор надевается поверх космического комбинезона со скафандром и баллонами, — пояснил ученый. — Поэтому сейчас вы можете испытывать некоторые неудобства.

Козлик действительно чувствовал себя неловко, поэтому поспешил избавиться от тяжелого реактивного ранца, который был величиной с нормального коротышку.

Подписав все положенные бумаги и получив авансом тысячу фертингов наличными, Козлик распрощался с Альфой и Мемегой. Выбегая на улицу, он не заметил внимательных глаз, следивших за ним из-за колонны.

— Порядок? — спросил его дожидавшийся в машине Жулио.

Козлик протянул ему контракт и сопутствующие документы, а также показал банковскую упаковку с тысячью новеньких фертингов.

Убедившись, что бумаги в порядке, Жулио торжественно вручил Козлику чек на сто тысяч.

Всю дорогу до города Козлик взволнованно молчал, пропуская мимо ушей бесконечную болтовню

своего нового патрона: он внезапно, в одночасье стал богачом и теперь напряженно пытался осознать для себя это невероятное событие.

Затея снова попахивает тюрьмой, но г–н Гризль уверен, что Мига и Крабс возьмутся за работу совершенно бесплатно

Вечером того же дня в люкс-кабинете ночного кабаре «Весёлый клоун» Жулио докладывал своим боссам о проделанной работе.

— Этот Козлик, — поинтересовался Спрутс, — он, вообще-то, толковый коротышка?

— Когда надо, он очень хорошо соображает, — заверил его Жулио.

— Не выйдет ли так, что мы впустую потратим на него сто тысяч фертингов?

— Я уверен, что Козлик справится с заданием. К тому же он хорошо знаком с земными коротышками, и, если удастся наладить межпланетный передатчик, Козлик смог бы поговорить со своими друзьями. Он рассказал бы земным коротышкам, что затея с поставками чрезвычайно опасна...

— Хотел бы я знать, какой идиот сломал радиостанцию! — стукнул кулаком по столу Пупс. — Понятное дело, что никакого метеорита не было, просто какая-то трусливая сволочь перестраховалась на будущее.

Спрутс промолчал и густо покраснел.

— Я дам Козлику на этот счет соответствующее поручение, — пообещал Жулио. — Он попытается восстановить передатчик и выйти в эфир. Конечно, это было бы важное очко в нашу пользу.

— Позвольте высказать мнение, — подал голос Гризль.

Все обратились к нему, уже зная по опыту, что каждое его слово дорогого стоит.

— Мне кажется, господа, вы забываете о приборе невесомости. О том единственном исправном приборе, сохранившемся на фабрике Скуперфильда, без которого всей этой затее грош цена. Если бы прибор удалось выкрасть или уничтожить на месте, дело было бы решенным.

— Но разве прибор все еще находится на фабрике? — удивился Спрутс.

— Именно так, — подтвердил Гризль. — Они опасаются преждевременно вынимать прибор из электромагнитного поля подъемника в цехе готовой продукции.

— Кто же возьмется за это дело? — спросил Пупс. — Затея мне кажется безнадежной, да и здорово попахивает тюрьмой...

— Попросим сделать это Мигса и Крабса. Я почему-то уверен, что они не откажутся. И мало того, возьмутся за это дело совершенно бесплатно. Сегодня же они отправятся в Брехенвиль на фабрику Скуперфильда, устроятся на работу в ночную смену, а остальное будет зависеть от их везения и сообразительности. Если попадутся — пускай сами выкручиваются, выдать кого-нибудь из нас они не посмеют. Лично мне показалось, что это необычайно живучие и изворотливые коротышки.

Возразить было нечего, и оба миллиардера, скептически поморщившись, пожали плечами.

— По крайней мере, — сказал Спрутс, — если это действительно не будет нам ничего стоить...

— Мы в целом полагаемся на вас в этом деле, господин Гризль, — поставил Пупс точку в этом разговоре.

Подали десерт, и на сцене начался любимый всеми аттракцион «резиновое лицо». Однако в роли резинового клоуна сегодня выступал уже не Козлик, а другой, срочно нанятый коротышка.

Г–н Гризль ударяет кулаком по столу г–на Пупса, имея для того достаточно веские основания

Около пяти часов утра Гризль, только что возвратившийся из «Весёлого клоуна», велел разбудить Мигу и Крабса. Слуги привели их, кое-как запахнувших халаты и отчаянно зевающих. Гризль восседал за огромным рабочим столом в кабинете Пупса.

— Присаживайтесь, господа, — предложил Гризль, указывая на глубокие гостевые кресла перед десертным столиком. — Сейчас принесут кофе. Надеюсь, вам хорошо спалось?

Гризль уже знал, что всю ночь эти двое прохиндеев, заодно с Кротиком, играли в карты. Он даже знал, кто сколько выиграл и проиграл. Все трое легли спать, разбежавшись по своим комнатам, пятнадцать минут назад — после того, как машина Пупса засигналила перед воротами.

— Благодарю вас, — пробормотал Крабс, — неплохо.

Оба только успели заснуть, и теперь зевота едва не выламывала у них челюсти.

— Вот и прекрасно, — сказал Гризль. — Сейчас нам надо обговорить одно срочное дельце. И в зависимости от результатов этого разговора вы отправитесь либо на макаронную фабрику в Брехенвиль, либо на все четыре стороны.

После такого странного заявления Мига и Крабс перестали зевать и начали усердно тереть глаза. Подали кофе, и они, обжигаясь, заглотили свои маленькие двойные порции. Гризль многие годы выпускал утреннюю газету, поэтому привык к ночной работе, и голова его была ясной.

— Еще кофе? — предложил он.

Мига и Крабс энергично закивали и что-то замычали. Гризль распорядился и подбодрил их словами:

— Просыпайтесь, просыпайтесь же, господа! Вас ждут великие дела!

Выпив по второй чашке, мошенники стали смотреть на Гризля более осмысленно и настороженно.

— Итак, — начал тот без особых предисловий, — ближайшей ночью необходимо выкрасть с макаронной фабрики Скуперфильда некую вещицу. Зная вашу прыть и сообразительность, я и мой хозяин полагаем, что вы легко справитесь с делом. Как, беретесь?

— Пошел ты к черту, — хмуро ответил Мига. — И ты, и твой хозяин. Сначала рассчитайтесь с нами за прошлое; мы что, даром травили для вас этих ученых ослов, Альфу и Мемегу? А между прочим, у меня здесь появились уже кое-какие долги...

— Полегче на поворотах, — предупредил Гризль, сменив тон. — Сейчас позову собаку, она тебе нос откусит. И вообще, по вам уже давно тюрьма плачет.

— Это по вам тюрьма плачет, — тоже сменил тон Мига, слегка перетрусив. — За насильственное удерживание заложников можно схлопотать такой срок, что не хватит денег на адвокатов.

— А разве вас кто-нибудь удерживает? Идите с миром на все четыре стороны, скатертью дорожка. Только я боюсь, что особенно далеко вы не уйдете, потому что за вами очень быстро приедут. Ведь *ГОСПОДИН СПРУТС*, — Гризль сделал страшную паузу, — пока еще не знает, что вы предлагали моему хозяину травить его порошком. Я даже не уверен, что, узнав об этом, господин Спрутс будет делать официальное заявление в полицию...

Мига и Крабс испугались по-настоящему и даже потеряли дар речи.

— Да, да! Вы собирались травить его порошком и затем грабить! Так-то, дорогие мои. Весь разговор с вашими гнусными предложениями вот здесь! —

Гризль поднял над головой коробку с видеокассетой. — Вот здесь все подробности и неопровержимые доказательства вашего гнусного преступления!..

С минуту в воздухе висела звенящая тишина.

— Благодаря исключительной доброте и деликатности моего хозяина, господин Спрутс не знает об этом чудовищном преступлении, которое вы готовили за его спиной. Но как только он узнает, — Гризль снова повысил голос, — разве он не раздавит вас в тот же час, как омерзительных, ядовитых скорпионов, — в тот же час, в ту же минуту, медленно и мучительно?!!

Гризль с силой ударил кулаком по столу.

Мига и Крабс обмякли.

— Вот что, — Гризль опять заговорил спокойно. — Вы сейчас же наденете на себя этот реквизит, — он кивком указал на сваленную на полу кучу тряпья, — и первой же электричкой отправитесь в Брехенвиль. Там вы явитесь на макаронную фабрику Скуперфильда и устроитесь на любую работу в ночную смену. Не будет вакансий, придумайте что-нибудь. А теперь запоминайте главное...

Будущие бухгалтеры согласны работать за половину оклада. Вечер тянется долго, если двум коротышкам не о чем говорить. Цель перед самым носом, но непредвиденные обстоятельства меняют планы

В середине дня на железнодорожную платформу Брехенвиля сошли два ничем не примечательных типа. На первом было коротенькое полупальто грязно-коричневого цвета, на другом — длинный не по размеру клеенчатый плащ и лыжная шапочка с оторванным помпоном. По их заспанным физиономиям можно

было догадаться, что все пять часов езды в электричке они добросовестно проспали. Разузнав у носильщика, как добраться до макаронной фабрики, они купили себе по свежей булке и, закусывая на ходу, направились вдоль протянувшейся через жиденький лесок узкоколейки в сторону дымящих фабричных труб.

Дойдя по шпалам до железных ворот, они спросили у сидевшего в зеленой будке сторожа, нельзя ли устроиться здесь на какую-нибудь работу. Сторож сказал, что вакансии всегда имеются, потому что платят мало и народ здесь не задерживается. В конторе Мига и Крабс назвались студентами курсов бухгалтеров и попросили определить их в ночную смену. Начальник смены долго крутил вокруг да около, повторяя, что ночные уборщики в цеху ему, конечно, нужны, да только очень много приходит желающих и не всякому он работу эту доверит... Тогда Мига напрямую предложил ему половину их ночного заработка, после чего начальник смены в считанные минуты оформил каждого на тридцать фертингов, пятнадцать из которых при утреннем расчете отходили в его карман. Ночные уборщики назвались Рохлей и Лопушком, они заступали в полночь и заканчивали работу в восемь часов утра.

Вечер Мига и Крабс скоротали в привокзальном буфете, потягивая яблочную шипучку и закусывая бутербродами. До начала смены была еще уйма времени, и они старались пить как можно медленнее, специально вооружившись для этого сосательными трубочками, которые предлагались здесь даром.

После того как они выцедили по первой порции, возле них тут же оказалась уборщица с тележкой и забрала стаканы. Сидеть за пустым столом в буфете не принято, поэтому Крабс сходил к стойке и купил еще по стаканчику шипучки.

Пить не хотелось, и они старались тянуть через трубочки как можно медленнее, но еще медленнее двигались стрелки часов... Чтобы не привлекать к себе внимания, Мига и Крабс поочередно ходили к стойке, покупали яблочную шипучку, а затем молча цедили ее за своим столиком.

Буфетчик стал думать, что к нему явились грабители, которые теперь дожидаются закрытия заведения, чтобы потом выхватить пистолеты и забрать всю выручку. Теперь каждый раз, когда кто-нибудь из этих двоих подходил к стойке, буфетчик начинал нервничать и вглядываться в лицо клиента, пытаясь угадать его намерения. Клиенту такое повышенное внимание к себе было явно не по душе: он опускал голову, отводил глаза и делал вид, что утирается носовым платком.

Когда стрелки часов приблизились к одиннадцати, настала пора закрывать буфет, и перетрусивший буфетчик собрался уже было позвать полицейского, но подозрительные клиенты вдруг поднялись из-за стола и вышли.

Два десятка стаканов выпитой шипучки давали о себе знать. Мигс и Крабс кое-как брели по темной узкоколейке, шипучка то и дело ударяла им в носы, а животы у них раздулись так, что на куцем полупальто Крабса отлетели две пуговицы.

Предъявив разовые пропуска, они беспрепятственно прошли в огромный корпус цеха готовой продукции.

Внутри, под высоченной железной крышей, было темно и гулко. По личному распоряжению Скуперфильда огни во всех помещениях фабрики гасили на ночь из экономии. По этой же причине никто здесь, за исключением уборщиков и вахтеров, не работал в ночную смену, так как за ночную смену полагалось платить вдвое больше, чем обычно.

— Как же мы будем подметать в темноте? — удивились Мига и Крабс, обращаясь к провожавшему их вахтеру-кладовщику.

Тот вынул из карманов и вручил им по электрическому фонарику, которые крепились на поясе специальным ремешком. Тут же выяснилось, что за батарейки взимается отдельная плата — по тридцать пять сантиков за штуку. Удивляясь необычайной скупости, вошедшей здесь, как видно, в обыкновение, уборщики уплатили требуемую сумму. Засветив фонариками, они наконец осмотрелись.

Помещение напоминало по форме авиационный ангар, по одну сторону которого располагался упаковочный конвейер. Всю остальную площадь занимали громоздившиеся как попало металлические контейнеры, каждый высотой с коротышку. В течение дня движущиеся по конвейеру макароны рабочие укладывали в коробки, запечатывали целлофаном и укладывали в контейнеры. Затем подъемник в виде огромной электромагнитной шайбы поднимал такой контейнер в воздух и переносил на склад по укрепленным под потолком рельсам на манер фуникулера. Этот довольно протяженный по длине цех заканчивался гигантскими воротами, ведущими на склад. В складском помещении заканчивались и рельсы известной нам узкоколейки.

— Вот, — указал вахтер на один из контейнеров, весь черный, будто вымазанный сажей. — Вот сюда соберете мусор, а утром откатите его на дрезине в лесок. Мусор там сожжете, и все дела, понятно? До утра-то управитесь?

Уборщики опустили глаза и увидели, что весь пол усыпан мукой, макаронной крошкой, обрывками бумаги и целлофана. Мигс присвистнул, вглядываясь в темноту показавшегося теперь бескрайним упаковочного цеха.

— Управимся, — с солидной уверенностью промолвил Крабс и пихнул своего приятеля.

— Конечно сделаем, начальник, какие разговоры! — живо подтвердил Мига. — Нам не впервой!

Как только вахтер прошуршал по мусору к выходу и хлопнул дверью, уборщики побросали швабры и начали шаг за шагом изучать внутреннее устройство цеха.

— Если на верхний контейнер поставить еще два и передвинуть на несколько шагов влево, — прикинул Мига на глаз, — окажемся аккурат возле шайбы.

Они стояли на одном из контейнеров и, задрав головы, разглядывали подъемник, хранивший в себе вожделенный прибор. Вдруг им показалось, что вдалеке скрипнула небольшая дверь, врезанная в складские ворота. Мига и Крабс погасили фонарики и замерли.

— Эй! — послышался чей-то неприятный скрипучий голос. — Эй, уборщики! Где вы?.. Тьфу!.. Чтоб вас!..

Послышался грохот жестяного поддона. В такие поддоны рабочие дневной смены смахивали щетками с конвейера муку и макаронные крошки.

— Кто здесь? — осторожно спросил Мига.

— «Кто, кто»!.. Уволю вас всех к чертям собачьим! Это я, Скуперфильд, хозяин фабрики...

Мигс и Крабс включили фонарики, спрыгнули на пол и подбежали к Скуперфильду. Перед ними стоял, брезгливо отряхиваясь и озираясь, обсыпанный с ног до головы мукой коротышка в цилиндре и с тростью.

Скуперфильд затевает опасную игру, потому что получил десять миллионов фертингов при том, что мог получить все пятьдесят

Тут мы сделаем небольшое отступление, для того чтобы напомнить читателю о существовании столь заметной фигуры, как Скуперфильд. Легкомысленно

ввязавшись когда-то в игру с акциями «Гигантских растений» и потеряв все, что у него было, бедняга остался на собственной фабрике простым рабочим. Поскольку макаронное дело Скуперфильд хорошо знал и любил, работал он исправно и добросовестно.

Сначала он был подручным на тестомешалке, потом ему доверили самостоятельную работу на прессе. С интересом вникая в премудрости производства, он сделал несколько толковых предложений по переустройству своего цеха. Скуперфильда стали уважать и некоторое время спустя даже выбрали бригадиром. На этой должности он проработал целый год. За это время дело, благодаря его стараниям, пошло так хорошо, что, когда настало время выбирать директора, рабочие дружно проголосовали за него.

Многие, конечно, смеялись над его чудачествами и скупостью, вошедшей в поговорку, однако теперь его бережливость шла всем только на пользу, а знание дела приносило фабрике невиданные доселе прибыли. Макаронное заведение Скуперфильда было едва ли не единственным, сохранившим и даже приумножившим свое богатство во время всеобщей неразберихи. В отличие от других продуктов питания, макароны Скуперфильда не переводились на прилавках магазинов. А как только деньги снова вошли в оборот, фертинги потекли в кассу макаронного заведения золотой рекой.

Тут натура Скуперфильда взяла свое, и он, наняв хорошего юриста, тайно скупил все акции макаронной фабрики, ловко взяв для этого ссуду у своего собственного предприятия.

Став опять полноправным хозяином-капиталистом и переложив заботы на заместителей, Скуперфильд, как и раньше, все больше времени начал проводить в безделье и праздности. А такое времяпрепровождение, как известно, быстро и пагубно влияет на характер и состояние мыслительных способностей даже

самого трудолюбивого и сообразительного коротышки. Превращаясь в дармоеда и бездельника, Скуперфильд одновременно приобретал уже почти забытые им идиотские привычки. Он снова стал подозрителен, мелочен, скуп и сварлив. На каждом шагу ему мерещилось, что все вокруг пытаются его в чем-то надуть, недоплатить или недовесить... Он опять начал подбирать повсюду кривые гвозди, исписанные ручки и яркие металлические банки из-под лимонада. Весь этот хлам он складывал в свой видавший виды цилиндр, а затем нахлобучивал его на голову.

Несмотря на все свои вопиющие недостатки, Скуперфильд по-прежнему очень любил животных. До тех пор пока он трудился на своей фабрике, в его доме было полно разнообразной живности — рыбок, ежей, кроликов, морских свинок и даже один козленок. Однако всю эту веселую компанию приходилось ежедневно кормить, и эта необходимость постепенно стала вызывать у Скуперфильда приступы жадности. Пока он мучительно разрывался между любовью к деньгам и любовью к животным, его питомцы заметно отощали и начали разбегаться. Мелкую живность приютили соседи, а оставшегося последним козленка Скуперфильд, скрепя сердце, продал за двадцать фертингов местному фермеру. Добрый фермер разрешил Скуперфильду, когда он только захочет, приходить к козленку, угощать его лакомствами и гладить. Однако для таких визитов нужно было тратиться на угощения, и свидание всякий раз откладывалось.

Потеряв однажды все свое состояние на биржевой игре, Скуперфильд с понятным недоверием следил за шумно развернувшейся вдруг кампанией по продаже акций «Космических поставок». А когда из репортажей Болтика он узнал, что этим делом тайно заправляют «авторитеты» преступного мира Жмурик, Тефтель и Ханаконда, решил и вовсе держаться подальше от этой затеи. Каковы же были его

удивление, растерянность и испуг, когда все заговорили о том, что единственный пока еще действующий прибор невесомости принадлежит ему и находится внутри электромагнитного подъемника в цехе готовой продукции! Забыв про свой страх перед преступным миром, Скуперфильд радостно потирал руки, предполагая, что выручит за прибор никак не меньше миллиона фертингов.

И действительно, не прошло и суток, как к нему явились два юриста, представлявших интересы акционерного общества «Космические поставки». После утомительных переговоров обе стороны сошлись на десяти миллионах и разошлись, чрезвычайно довольные этой сделкой.

Столь значительная сумма объяснялась несоразмерно большей стоимостью всего проекта. Десять миллионов были всего лишь крошечной песчинкой в этой умопомрачительной по размаху финансовой игре. И от этой песчинки теперь целиком зависел успех всего многомиллиардного предприятия.

Когда слегка оглушенный внезапно свалившейся на него суммой Скуперфильд стал из любопытства читать публиковавшиеся в газетах материалы о «Космических поставках», он вдруг понял, что, продав прибор за десять миллионов, глупейшим образом продешевил и что если бы он затребовал пятьдесят, то легко получил бы и такую сумму. Открытие привело его в такое смятение, что он едва не заболел. Он ходил по фабрике мрачнее тучи, ничего не разбирая перед собой. Постоянные размышления об утраченных сорока миллионах надоумили его на одну рискованную идею, суть которой была в следующем.

Поскольку десять миллионов уже были на его счете, а прибор новые хозяева забирать не торопились (конструкторы ракеты опасались пока что вынимать его из благоприятного для хранения электромагнитного поля), Скуперфильд мог выкрасть его, а затем

продать «Космическим поставкам» еще раз, но уже не за десять, а за сорок миллионов, заполучив таким образом желаемую сумму. Совершить эту сделку можно было через подставное лицо, так чтобы ни у кого не возникло подозрений по его адресу.

Для осуществления непосредственно кражи Скуперфильду были необходимы сообщники, которые в случае разоблачения отвечали бы за все, а он сам опять же остался ни при чем. Он знал, что в цехе готовой продукции каждую ночь работают два уборщика, нанятые чаще всего из слонявшихся по территории в поисках случайного заработка безработных. Подкупить за пустяковую плату парочку таких растяп и подговорить их выкрасть прибор из подъемника было бы плевым делом. А для того, чтобы запутать последующее разбирательство, Скуперфильд придумал заменить исправный прибор старым, списанным, но внешне ничем не отличающимся от исправного. Затем, когда обнаружится, что прибор в подъемнике пришел в негодность, возникнет некое подставное лицо и предложит «Космическим поставкам» еще один исправный прибор, о происхождении которого можно будет придумать подходящую легенду.

Продумывая в деталях этот план, Скуперфильд заметно повеселел, у него улучшился аппетит, он все время что-то возбужденно бормотал про себя и удовлетворенно потирал сухие ладошки. Он подобрал на свалке старый, списанный прибор невесомости, почистил его, упрятал в сейф и стал дожидаться подходящего случая для осуществления своего замысла.

В конце каждого рабочего дня он садился перед компьютером в своем кабинете и просматривал данные на коротышек, взятых на работу в ночную смену. Он ждал момента, когда на работу заступят новички, которых будет легко обвести вокруг пальца.

Прошло несколько дней, и на экране высветились два новых имени: Рохля и Лопушок. Из сведений о

них значилось только то, что днем они обучаются на бухгалтерских курсах и не имеют постоянного места жительства. Скуперфильд решил, что лучших кандидатур он вряд ли дождется, и решил действовать незамедлительно, этой же ночью.

С наступлением полуночи Скуперфильд, стараясь быть незамеченным, направился в сторону цеха готовой продукции. Свою фабрику он знал вдоль и поперек, поэтому найти дорогу без посторонней помощи не составляло для него труда. Несколько тусклых фонарей почти совсем не освещали территорию, и Скуперфильд постоянно влезал в глубокие лужи, начерпав полные ботинки воды. Чертыхаясь и стуча перед собою тростью, как слепой, он кое-как допрыгал до склада и отпер дверь собственным ключом.

Если на улице хоть как-то светили фонари, то на складе была почти совсем кромешная тьма. Скуперфильд постоянно стукался о ящики, спотыкался и проклинал все на свете. В довершение всего, набив себе шишек и уже оказавшись в цехе готовой продукции, он опрокинул на себя поддон с мукой.

Рохля и Лопушок вступают в преступный сговор с хозяином фабрики. Все проходит чересчур гладко для того, чтобы благополучно закончиться

— Ну что же вы стоите как идиоты! — разорялся Скуперфильд, белый, как снеговик. — Вот, возьмите щетки, и за работу. Что... что вы делаете! Это потом! Меня, меня отряхните!..

Совершенно растерявшиеся, Мига и Крабс приблизились вплотную к хозяину фабрики и начали счищать с него муку.

— Вы ночные уборщики? — обратился к ним Скуперфильд, не желая терять времени.

В ответ уборщики еще усерднее замахали щетками, согласно закивали и замычали что-то невразумительное.

— Рохля и Лопушок?

На секунду уборщики замерли в недоумении, а затем громче прежнего замычали «угу» и замахали щетками с удвоенной энергией.

Еще днем в конторе им рассказывали, что Скуперфильд любит ходить по цехам, переодевшись в фирменный комбинезон, и следить за тем, кто как работает и кто о чем говорит. Разумеется, хотя он и прятал лицо, хитрость не удавалась и о его приближении узнавали еще до того, как он появлялся на рабочих местах. После этого всякие перерывы прекращались и все начинали работать так хорошо и слаженно, что придраться было совершенно не к чему. Скуперфильда удивляла такая замечательная добросовестность, потому что во времена, когда он сам стоял у пресса или тестомешалки, рабочие вели себя совершенно по-другому: частенько бросали работу, халтурили, болтали и смеялись. Теперь же работа ни на секунду не прекращалась, а если кто-нибудь и заговаривал, то исключительно ради того, чтобы похвалить хозяина фабрики за доброту, справедливость и знание своего дела. Такая обстановка на фабрике Скуперфильда, с одной стороны, радовала, но с другой — казалась ему чрезвычайно странной.

Полагая, что нынешний визит хозяина носит подобный же конспиративно-проверочный характер, ночным уборщикам Миге и Крабсу оставалось только досадовать на то, что проверка пришлась аккурат на их смену. Записавшись на работу под вымышленными именами, они опасались, что в темноте Скуперфильд узнает их голоса.

— Да вы, случаем, не глухонемые? — испугался Скуперфильд.

Такая досадная неожиданность могла бы полностью сорвать его планы. Мига и Крабс испугались другого: они подумали, что их могут сейчас же прогнать, потому что глухонемых работников здесь не держат.

— Что молчите? — повысил голос Скуперфильд. — Отвечайте быстро: можете говорить?

— Да! — неожиданно высоким фальцетом отозвался Крабс.

— Да! — хриплым басом вторил ему Мига.

От неожиданности Скуперфильд отшатнулся.

— Что! Что такое у вас с голосами?

— Простыли немного!.. — ответили уборщики в два голоса.

Их фонарики слепили Скуперфильду глаза, иначе он тотчас узнал бы своих заклятых врагов, пытавших его в лесу вонючей тряпкой и вымогавших у него три миллиона фертингов за освобождение.

— Ну все, все, хватит! — прервал он идиотскую заминку и поспешил перейти к делу, то есть для начала быстро допросить незнакомцев: — Первый раз здесь?

— Ага, — пискнул Крабс.

— Угу, — прорычал Мига.

— Понятно...

Скуперфильд находился в растерянности. Только ли дело в простуде и не являются ли эти странные субъекты какими-нибудь непредсказуемыми кретинами? Для прояснения этого дела он решил задать уборщикам несколько вопросов:

— Деньги... любите?

Уборщики с готовностью закивали головами и замычали. Поставив эту реакцию им в плюс, Скуперфильд продолжил:

— Ну а как вам это... работать нравится?

Мига и Крабс растерялись: не понимая, к чему клонит хозяин фабрики, им было трудно понять, какой ответ его сейчас больше устроит Поэтому Крабс неуверенно пискнул «да», а Мига прорычал «нет». Не обратив внимания на эту несогласованность, Скуперфильд в нетерпении ударил напрямик:

— А хотите запросто заработать по сотне фертингов? Прямо сейчас? — зашептал он взволнованно. — Получите по сотне наличными — и свободны. А? Что? Вы что-то сказали?

Но Мига и Крабс молчали, лихорадочно соображая.

— Так вы согласны? А, уборщики? Надо только слазить кое-куда за одной вещицей. Ну и это... потом держать язык за зубами. Хотите? А? Что?..

Начиная смутно догадываться, о какой «вещице» может здесь идти речь, Мига и Крабс, позабыв об осторожности, переглянулись, направив друг на друга фонарики. На секунду их лица осветились, и Скуперфильду показалось, что он раньше уже где-то видел этих коротышек.

— Вы первый раз на фабрике? — быстро спросил он, отступив на шаг и взяв на изготовку свою трость с тяжелым набалдашником.

— Нет, нет, хозяин, — шепотом наперебой заверили его уборщики. — Мы вас видели раньше, здоровались даже. Мы ведь давно здесь ходим, только никак не могли оформиться. Все хотят у вас работать, хозяин, уж очень хорошая у вас фабрика, и макароны тоже очень вкусные...

Скуперфильду надоело их слушать.

— Хорошо, хорошо, — нервно отмахнулся он. — Хватит болтать. Вон там, — он указал в дальний угол цеха, — там лестница, которая ведет под крышу. Под крышей рельсы; по этим рельсам ползите до цепи. По этой цепи спуститесь на подъемник.

Это такая железная болванка, вроде шайбы, понимаете?

Мига и Крабс взволнованно закивали. Теперь они знали, как добраться до подъемника.

Между тем Скуперфильд вынул из-за пазухи старый прибор невесомости. Это была пластмассовая коробочка, похожая на пенал, приводящаяся в действие нажатием кнопки или с дистанционного пульта. От действующего этот прибор отличался только тем, что при включении лампочка-индикатор в его кнопке не загоралась.

— Вот, — протянул Скуперфильд прибор. — Возьмите эту коробочку и найдите в подъемнике такую же. Ту сбросьте мне вниз, а эту поставьте на ее место. Вот и вся работа...

Тут Скуперфильду показалось, что платить двести фертингов за такую пустячную работу совершенно нелепо... Ему очень сильно захотелось уменьшить сумму наполовину или даже на две трети... Однако время для мелочных препирательств было самое неподходящее, и, тряхнув головой, он продолжил:

— Так вот, работа пустячная. И я плачу вам за нее семьдесят пять... то есть, я хотел сказать, двести фертингов. Вы понимаете, о чем я говорю?

— Нет, хозяин, мы не понимаем, — простодушно пропищал Крабс, — но сделаем все в точности, как вы сказали.

— Не понимаете? Ну, это даже хорошо, что вы не понимаете. Главное, делайте все, как я говорю. Вот, видите? Двести фертингов. Я их оставлю вот на этом месте, после того как вы сбросите мне коробочку. Идет? А? Что?..

Мига и Крабс пихнули друг друга в бока и согласно замычали. Они уже смекнули, что к чему, и были невероятно рады свалившейся вдруг на них удаче. Облапошить Скуперфильда при таких обсто-

ятельствах было раз плюнуть, к тому же в случае чего можно было свалить на него всю вину.

Скуперфильд проводил их к отвесной металлической лестнице и, прошептав вдогонку еще несколько наставлений, направился в середину цеха, под шайбу подъемника.

Добравшись до самого верха, Мига и Крабс убедились, что лестница здесь поворачивает под прямым углом и ведет к рельсам подъемника. Эти рельсы крепились к стенам и крыше надежной металлической арматурой, поэтому лезть дальше, хватаясь за эту арматуру, было куда как просто.

Через окна пробивался свет тусклых уличных фонарей, внизу же была кромешная тьма. Панически боявшийся высоты, Крабс дрожал всем телом. Скуперфильд следил снизу за их передвижениями по свету фонариков и, стиснув зубы, помалкивал, хотя его распирало от желания поторопить медлительных недотеп.

Спустившись по цепи, в каждое звено которой свободно проходила ступня, лазутчики очутились на подъемнике. Там они замерли и принялись о чем-то шептаться. Задравший голову и вытягивавший шею Скуперфильд забыл про осторожность и крикнул во весь голос:

— Ну! Что? Нашли?..

Это было ошибкой: его каркающий голос эхом разнесся по всему корпусу, хлопнула дверь и вахтер, засветив большим фонарем, начал звать уборщиков:

— Эй! Вы чего шумите? Эй, вы где? Уборщики?

Мига и Крабс молчали, не выдавая своего местонахождения. Напряжение возрастало, надо было срочно что-то придумать, иначе вахтер мог поднять шум и сорвать все планы.

— Здесь! — отвратительным фальцетом вдруг пискнул Скуперфильд. — Мы здесь!

— Это еще что за дурачества? — удивился вахтер. — Сейчас как накостыляю вам за такие шуточки! Почему не работаете?

— Мы работаем! — пискнул Скуперфильд и принялся наугад махать ногами, создавая шуршание мусора.

— Вот я сейчас посмотрю, как вы работаете! — пригрозил вахтер и решительно двинулся на звук.

Услыхав его решительное сопение и увидев быстро приближающийся свет фонаря, Скуперфильд юркнул за один из контейнеров, пропустив вахтера вперед, а затем, выскочив из укрытия, изо всех сил треснул его по голове палкой с костяным набалдашником.

Оглушенный вахтер без чувств рухнул на пол. Его фонарь разбился и погас.

Наблюдавшим сверху за этой сценой Миге и Крабсу стало не по себе. Дело принимало нежелательный оборот.

— Ну!.. — в нетерпении закричал Скуперфильд срывающимся голосом. — Вы нашли прибор? Бросайте, бросайте его скорее сюда!..

Теперь следовало бросить вниз старый, неисправный прибор и, воспользовавшись темнотой, дать деру. Мига стал шарить вокруг себя, но коробочки нигде не было. Крабс мелко дрожал, обхватив руками цепь; Мига запустил ему руку под комбинезон и нащупал прибор. Другой он хорошенько упрятал у себя за поясом.

— Вот он, держите! Считаю до трех, а вы уж как-нибудь ловите!

— Да, да, бросайте, бросайте скорее прямо сюда! Вот, видите, я ловлю его в шляпу!

Мига посветил вниз и увидел, что Скуперфильд стоит наготове, подставив свой видавший виды цилиндр.

— Раз, два... три!

На счет «три», одновременно с попаданием прибора в шляпу, случилось нечто ужасное: в цеху вспыхнул большой свет, защелкали затворы автоматов и, откуда ни возьмись, буквально изо всех щелей, словно тени, выступили вооруженные до зубов коротышки в черных костюмах, черных очках и черных кожаных перчатках. Это были специально подготовленные для охраны прибора шпионы, присланные сюда Жмуриком, Тефтелем и Ханакондой.

Чудеса воздушной акробатики и свойства магнита обезоруживать преследователей. Пока все сломя голову несутся по узкоколейке, Скуперфильд заваривает себе чаек

Скуперфильд колебался не больше мгновения. Мысль о возможных финансовых потерях прояснила его сознание раньше, чем страх успел сковать его намертво.

— Держите!! — завопил он, указывая на растерявшихся Мигу и Крабса. — Держите уборщиков! Они украли прибор невесомости! Я следил за ними, я проверял их...

Продолжая создавать панику своими воплями, он быстро нахлобучил цилиндр с прибором себе на голову и кинулся к электроциту с выключателями. Он повернул рукоятку, и шайба стремительно понеслась в сторону начавших автоматически раздвигаться складских ворот. Сейчас ему было важно отвлечь внимание от себя и одновременно позволить скрыться уборщикам, ставшим теперь опасными свидетелями.

Поддавшиеся скуперфильдовской провокации, коротышки в черном все разом сыпанули за беглецами,

задирая головы, спотыкаясь и беспорядочно стреляя в воздух. Включенный на полную мощность электромагнит стал притягивать к себе металлические предметы, и автоматы вдруг разом повыскакивали из рук шпионов.

Пролетая под потолком, шайба подъемника зацепила полураскрывшуюся створку ворот и стала раскачиваться, одновременно продолжая свое стремительное поступательное движение. Мига и Крабс не удержались и с воплями посыпались вниз.

Им повезло: оба приземлились на коробки с макаронами в прицепленном к дрезине и готовом к отправке контейнере. Шайба стрелой пролетела через весь склад и разбила в щепки наружные деревянные ворота. За нею следом промчалась ватага охранников в черном.

Мига и Крабс некоторое время лежали, притихнув. Медленно подняв головы, они увидели, что охранники подбирают свои автоматы вокруг оторвавшейся и отлетевшей далеко в кусты шайбы подъемника.

— На дрезину! — шепнул Мига.

Оба вскочили на дрезину и несколькими отчаянными рывками заставили ее набрать скорость. Запрыгнув обратно в прицеп с макаронами, беглецы юркнули под брезент и замерли. Рельсы шли под уклон, маленький состав начал плавно набирать скорость, постукивая колесами. Охранники молча смотрели, как состав прокатился мимо, и недоуменно повернулись к возникшему в проеме разломанных складских ворот Скуперфильду. Подождав, когда беглецы минуют опасный участок и скроются в темноте, он вдруг взорвался:

— Что же вы стоите, идиоты? Преступники уходят у вас из-под носа! Догоняйте же их, догоняйте! Они к тому же увозят мои макароны! Бегите за ними! Хватайте их!! Стреляйте!..

Скуперфильд еще долго кричал и размахивал палкой, пока вся ватага коротышек в черном, паля из автоматов в темноту, не скрылась из виду. После этого он спокойно поправил цилиндр на голове и отправился в свой офис. Оттуда он позвонил в полицию и заявил, что на его фабрику только что совершен вооруженный бандитский налет. Потом он позвонил в страховую компанию и повторил то же, прибавив, что налетчики произвели на фабрике ужасные разрушения, а также угнали по железной дороге транспорт, груженный первосортными макаронами. Потом он запер прибор невесомости в свой личный потайной сейф и, заварив себе чайку, стал дожидаться приезда полиции.

Похоже, что ночные уборщики все-таки заработали свои двести фертингов, но так их и не получили

Тем временем Мига и Крабс, оставив далеко позади свору беспрестанно палящих из автоматов шпионов, катились вперед в кромешной тьме, набирая скорость. Высунувшись из-под брезента и озираясь по сторонам, они не видели ничего, кроме плавно исчезающих вдали огоньков фабрики Скуперфильда. Колеса стучали все быстрей и быстрей, в лица беглецов бил встречный ветер. Но вот откуда-то сбоку яростно загудел, заступчал и засветился огнями большой железнодорожный состав. Казалось, что еще немного, и столкновение будет неизбежным. Мига и Крабс перелезли через борт контейнера, встали на край платформы и очертя головы прыгнули в свистящую темень.

Кубарем прокатившись по мокрой траве, они некоторое время лежали, не чувствуя под собой холодной

воды. Мимо по шпалам протопотали коротышки с автоматами. Мига и Крабс поднялись на ноги и, чавкая ботинками по болотистой почве, выбрались на насыпь узкоколейки. Большой поезд проехал, дрезины тоже не было видно.

Мига ощупал себя и убедился, что он хотя и весь мокрый, но целый и невредимый.

— Прибор у нас? — мрачно сказал уставший от всего Крабс.

— Что?.. — От мысли о приборе Мигу бросило в жар. За поясом ничего не было.

— Я говорю, где прибор невесомости?

— Сейчас, — пробормотал Мига. — Сейчас я его найду.

Он быстро почавкал по болоту к тому месту, где они кубарем катились с прицепа. Битый час он ползал по воде, ощупывая каждую кочку и травинку и повторяя бессмысленно: «Сейчас, сейчас... Он должен быть здесь...»

Начинало светать, и беглецы, стуча зубами от холода, отправились на поиски дрезины. Была еще надежда на то, что прибор остался в контейнере с макаронами.

Дрезину с прицепом они нашли неподалеку от большой грузовой платформы, в тупичке. На подъеме она замедлила ход, повернула и, проехав еще немного вдоль путей, плавно остановилась. Миге и Крабсу стало досадно и стыдно, что они перетрусили большого поезда и прыгнули раньше времени. Брезент с прицепа был снят и отброшен, — очевидно, коротышки с автоматами прекратили здесь погоню и ушли рыскать по городу.

Мига залез в контейнер, и вскоре послышался его торжествующий вопль:

— Есть!!! — Но уже в следующее мгновение он сменился воплями отчаяния: — Не тот!.. Не то-от!!. Не то-о-от!!!

Две коробочки непонятно как и когда перепутались: Скуперфильд получил свой, исправный прибор; Мига и Крабс — ни к чему не годный хлам, подобранный на свалке.

Полиция, страховые агенты и репортер Болтик с разной степеньe успеха ведут следствие. Благодаря лошадям Мига и Крабс уже далеко

Вспомнив про зашибленного палкой сторожа, Скуперфильд сделал еще один телефонный звонок и вызвал «скорую». Через час со стороны города к макаронной фабрике начали съезжаться страховые агенты, полиция и кареты «скорой помощи».

Сторож, по счастью, не очень сильно пострадал: врачи обнаружили у него шишку на голове и возможное легкое сотрясение мозга. Чтобы не гонять машины впустую, за неимением других пострадавших его все-таки увезли в больницу для всестороннего обследования за счет макаронного заведения.

Полицейские составили акт о краже прибора невесомости, контейнера с макаронами, а также о невиданной по размаху перестрелке. Утром они обещали прислать сыщика для более обстоятельного разбирательства.

Когда медики и полицейские уехали, за дело принялись явившиеся сюда самыми первыми агенты страховой компании. Все имущество Скуперфильда, за исключением прибора невесомости, который уже ему не принадлежал, было застраховано на кругленькую сумму. Теперь дотошные агенты замеряли, фотографировали и скрупулезно заносили в свои бумаги каждую испорченную вещь, дырку от пули и продранную упаковку макарон. Хозяин фабрики бегал от одного агента

к другому, требуя зафиксировать то облупившуюся где-нибудь краску, то застарелую вмятину или царапину, не говоря уже о разбитом фонаре и двух фирменных комбинезонах. Он был бы рад приписать сюда еще много чего, но страховая компания специально прислала к Скуперфильду самых опытных и въедливых сотрудников, заморочить которых было непросто. Но даже и эти видавшие виды сотрудники уезжали на другой день, дергаясь, как контуженные, и давая себе слово бросить навсегда эту проклятую работу...

После полудня на фабрику начали съезжаться репортеры. Среди них был и Болтик, которого специально прислал сюда Гризль, обеспокоенный исчезновением Миги и Крабса. Скуперфильд к этому времени уехал домой спать, а на месте происшествия, оцепленном полицией, работал теперь сыщик Дигль. Без показаний находящегося в больнице сторожа и отправившегося домой Скуперфильда он не мог уяснить для себя ровным счетом ничего. Деловито прохаживаясь по цеху с трубкой в зубах и подолгу разглядывая сквозь лупу дырки от пуль, Дигль мечтал только о том, чтобы этот еще один проклятый рабочий день быстрее закончился, а завтра, получив показания сторожа и хозяина фабрики, он уж как-нибудь сочинит рапорт...

Куда успешнее вел свое расследование репортер Болтик. Он нашел в раздевалке одежду Миги и Крабса, осмотрел найденную в тупике дрезину с прицепом, нашел затоптанный болотистый участок возле узкоколейки. Восстановив в своем воображении события по обнаруженным следам и фактам, Болтик угадал практически все, за исключением существования в этом деле двух, а не одного прибора невесомости. Таким образом, по результатам его следствия выходило, что Мига и Крабс решились на безумный поступок и попросту украли прибор, чтобы продать его «Космическим поставкам».

Вернувшись в телестудию, где его с нетерпением дожидался Гризль, Болтик доложил о результатах своей деятельности. Гризль только покачал головой, а затем отправился к Пупсу, разрешив Болтику предать огласке все известное ему о событиях на макаронной фабрике, за исключением, разумеется, имен похитителей. Ему также рекомендовалось делать упор на то, что прибор невесомости безвозвратно утерян и, следовательно, никаких космических полетов в ближайшее время не предвидится, а общество «Космические поставки» прогорело окончательно и можно вообще забыть о его существовании. Эта тема была искусно вплетена в ткань увлекательного повествования о краже, погоне и перестрелке и выглядела чрезвычайно убедительно.

Материалы Болтика появились одновременно на экранах ТВ и в вечерних газетах (четыре полосы текста, потесненного обилием фотографий). Кстати сказать, с наибольшим интересом и удовлетворением эти материалы просматривал, сидя дома в любимом кресле и попыхивая трубкой, сыщик Дигль из Брехенвильского отделения полиции. Теперь он был уверен, что завтра, после допроса участников событий, он составит далеко не худший в своей жизни рапорт.

Весь этот день Мига и Крабс тряслись в товарном вагоне прочь от страшного места. Пока коротышки в черном бегали по спящему Брехенвилю в поисках беглецов, те запрыгнули в состав товарного поезда, направляющегося в Сан-Комарик. На открытой платформе со щебенкой холод и сырость продирали их до костей, и они полезли вдоль состава в поисках хоть какого-нибудь тепла. Вскоре им удалось обнаружить вагон, в котором перевозили лошадей. Лошади надышали здесь теплого воздуха, от них самих и даже от досок под ними клубился пар. Зарывшись в

жиденькую копну сена, Мига и Крабс постепенно согрелись и уснули, одежда на них высохла. Они не знали, для чего едут в Сан-Комарик; не знали, что их ожидает в ближайшие часы. Но позади снова была погоня, месть и ужасная расправа...

Привыкший ко всему и в свое время не вылезавший из каталажек, Мига храпел во все сопелки. Изнеженный, хотя и изрядно потрепанный за последнее время, Крабс во сне дергался и скулил. Ему снилось, что мучители все-таки поймали его и посадили в клетку с бешеными собаками, обступили вокруг, тыча длинными палками с гвоздями, и собаки вот-вот его загрызут.

Скуперфильд блестяще доводит до конца свой мошеннический план. По ускоренной программе ракета должна стартовать через три дня

Утром на давилонской бирже произошел стремительный обвал цен на акции «Космических поставок». Никто не хотел брать их даже даром, поскольку прибор невесомости был похищен и космический полет теперь не представлялся возможным. Но к полудню цены вдруг снова подскочили, достигнув прежней цены и даже ее превысив. Причиной этого невиданного явления было сенсационное заявление Скуперфильда о существовании на его фабрике еще одного действующего прибора невесомости.

Выспавшись днем и хорошенько поразмыслив ночью, Скуперфильд решил не рисковать, продавая, пусть даже через посредника, заведомо краденый прибор. Он сделал смелый и неожиданный ход, предложив его к продаже совершенно открыто. Он рассудил так: если на фабрике существовал один исправный

прибор невесомости, то почему бы там не обнаружиться еще одному?

Продумав все до мелочей, Скуперфильд прокрался ночью на фабрику и спрятал прибор в кладовой для хранения запасных деталей. Выдвижной ящичек, в который он сунул прибор, находился поблизости от электрического щитка-распределителя, на это должны были клюнуть ученые и журналисты, пытаясь объяснить еще один феномен появления исправного прибора.

Так оно и вышло. К полудню на макаронную фабрику съехались съемочные бригады, и Скуперфильд подробно прокомментировал свое заявление. Его рассказ подтверждался свидетельством еще двоих коротышек. Дело обстояло следующим образом.

Будучи образцовым хозяином своего макаронного заведения, Скуперфильд, невзирая на недавние потрясения, начал утро с плановой ревизии кладовой запасных деталей. Он вызвал кладовщика, подсобного рабочего, и они вместе взялись за дело. Кладовщик читал наименование предмета, подсобник открывал ящик, и Скуперфильд убеждался в наличии вещи. Так они продвигались вдоль ящиков и стеллажей, пока не обнаружили прибор невесомости. И в тот момент, когда кладовщик нажал кнопку и все воспарили в воздух, Скуперфильд понял, что является счастливым обладателем еще одного исправного прибора невесомости.

Он немедленно предал этот факт огласке и, по его словам, был счастлив уже тем, что случай даровал ему возможность внести свою посильную лепту в дело процветания родной науки и экономики. Слова его, передаваемые в прямом эфире, были встречены благосклонными аплодисментами журналистов.

Версия, конечно, звучала вымученно и нелепо, однако наличие двух свидетелей делало ее для закона неуязвимой. (Кладовщик точно знал, что прибора

еще вчера в этом ящике не было, но у него хватило ума промолчать и намекнуть потихоньку хозяину о сотне-другой фертингов прибавки к зарплате.)

В середине дня к Скуперфильду приехали те же самые, что и в первый раз, юристы для осуществления покупки прибора. Снова начался мучительный торг. Скуперфильд требовал пятьдесят миллионов фертингов, ему предлагали двадцать. Скуперфильд стучал по столу тростью, плакал, ругался, вставал на колени, угрожал револьвером. Силы были неравные, и после многократных телефонных согласований с Ханакондой, когда уже стемнело, а пиджаки юристов были насквозь мокры от пота, остановились на цифре сорок миллионов фертингов.

Чек на эту сумму был вручен Скуперфильду незамедлительно, прибор же — в специальном бронированном сейфе, под охраной двух взводов полицейских, а также бесконечной вереницы автомобилей коротышек в черном — был доставлен в мрачный загородный офис Жмурика, Тефтеля и Ханаконды.

После экстренно проведенного совещания было решено завтра же отправить на лунную поверхность строителей и начать доставку туда готовых частей ракеты. Собранная ракета должна была стартовать через три дня. Любой виновный в промедлении коротышка объявлялся личным врагом семьи. «Семья» — так называли себя главари преступного мира и их подручные, а на самом деле они мечтали превратить всех живущих на Луне коротышек в своих рабов.

Часть третья

Приключения на поверхности Луны. Девятый спасает Козлика от гибели. Диверсия подготовлена. Разоблачение. Козлик ликвидирует Девятого. Имена космонавтов объявлены

Согласно новому, ускоренному плану, уже на следующий день бригада космических строителей достигла внешней поверхности Луны. Готовые к монтажу части ракеты поднимали, используя прибор невесомости, и подносили прямо на стартовую площадку. Работа закипела, у всех появилась уверенность в успехе.

Для Козлика, проходившего специальную подготовку в Научном городке, это утро началось с сигнала тревоги — пронзительной трели полицейского свистка. Всех космических строителей в количестве пятнадцати коротышек подняли затемно и велели одеваться; реактивное снаряжение за спину, рюкзаки — на грудь. Командиром бригады был назначен известный физик, конструктор космической ракеты Квантик; его заместителем для поддержания дисциплины — обер-атаман Пшигль, образцовый полицейский

в начищенной медной каске, с выпученными глазами и красной квадратной физиономией.

— Подъем! — орал Пшигль поставленным голосом. — Минута на сборы, минута на построение! Фить-фить! А ну живо, не зевать!..

Тех, кто замешкался, Пшигль колотил дубинкой по скафандрам, и находившиеся внутри коротышки болезненно морщились от производимого грохота. Но поскольку дисциплина в таком деле была на первом месте, никто не обижался.

Пока Квантик, Альфа и Мемега инструктировали выстроившихся в шеренгу строителей, Пшигль натянул свое снаряжение поверх полицейской формы, умудрившись втиснуть свою голову в медной каске в шлем скафандра из прозрачного сверхпрочного пластика.

Оказавшийся рядом с Козликом крепкий, широкий в плечах коротышка сказал:

— Я Девятый, будем соседями.

Козлик был Десятым. Внешне неразличимых строителей отличали крупно выведенные цифры на обмундировании. Любого из пятнадцати было достаточно окликнуть по номеру, и это упрощало общение, происходившее теперь исключительно по радио.

— Очень рад, меня зовут Козлик, — сказал Козлик Девятому.

— Росомаха, — представился крепкий коротышка и протянул руку.

Они пожали друг другу руки, одетые в толстые резиновые перчатки.

— Р-рразговорчики!! — рявкнул Пшигль разом во все наушники, и все притихли.

Тренировочные полеты с реактивными ранцами еще не проводились. Спешка и отсутствие опыта привели к тому, что микротурбина за спиной одного из

поднявшихся в воздух отказала на первой минуте. Этот коротышка с номером четыре на комбинезоне был вынужден раскрыть парашют и приземлиться обратно на лужайку перед зданием планетария. Коротышка под номером «три» был вынужден раскрыть парашют во время прохождения через слой облаков. Ветром его отнесло в лес, и он повис на верхушке березы, после чего за ним пришлось посылать вертолет. Номер «восемь» ухнул вниз, как булыжник, на подлете к внешней оболочке Луны. Здесь не было воздуха, и бедняга, одурев от страха, падал в пустоту до тех пор, пока по мере снижения не начала сгущаться атмосфера и его парашют не раскрылся. Невезучего «четырнадцатого» ветер понес к Давилону, и он шлепнулся прямо посредине оживленного перекрестка в центре города. Строго засекреченное начало программы перестало в эту минуту быть тайной. «Четырнадцатого» подхватили стремительно съехавшиеся репортеры и повезли в телестудию, где он, растерявшись, выложил в прямом эфире утренних новостей все, что знал. За разглашение ему грозила денежная неустойка, но телевизионная компания обещала выплатить «Космическим поставкам» сполна все, что причитается по суду. Жмурик, Тефтель и Ханаконда были в ярости.

Поиски сквозной ледяной пещеры, ведущей наружу, заняли не более получаса. Затем оставшиеся четырнадцать коротышек, включая Квантика и Пшигля, начали залетать в нее, как пчелы в леток улья. Продвигаясь на малой скорости вверх по ледяному колодцу, Козлик вдруг почувствовал, что его реактивный ранец дает сбои.

— Эй! — закричал он к микрофон. — У меня, кажется, мотор глохнет!

— Это кто еще там? — послышался в наушниках строгий голос Пшигля.

— Это я, Козлик! То есть Десятый!

— Вот что, Десятый. Если совсем заглохнешь, падай себе спокойно вниз. Потом вернешься вторым заходом, вместе с теми тремя.

Козлик проверил, на месте ли шнурок, при помощи которого раскрывается парашют, стал шарить рукой по плечу и... не нашел шнурка на обычном месте. Наверное, он сложил парашют неправильно, и теперь, если турбина заглохнет окончательно, его ждет падение и неминуемая гибель...

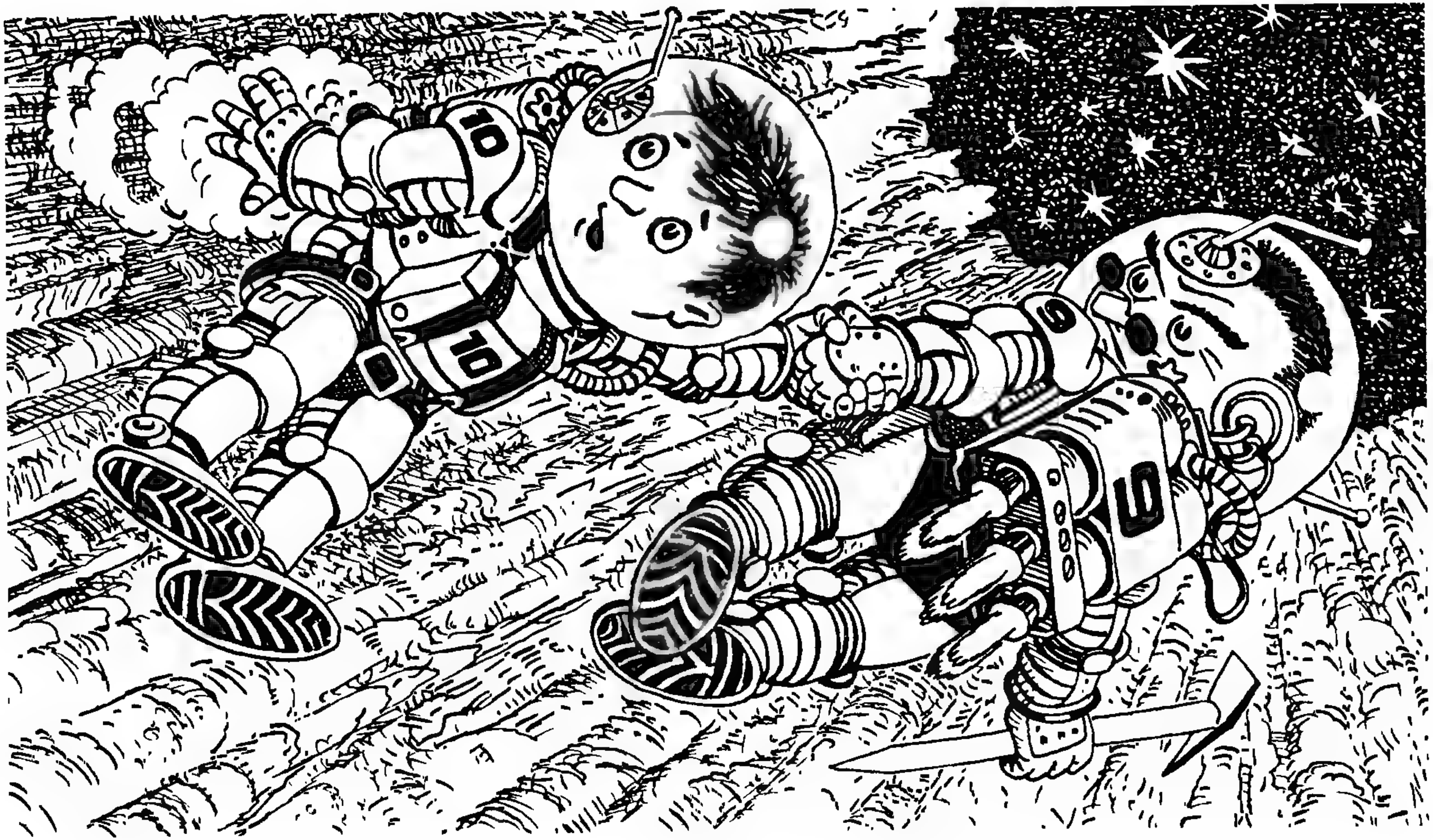
Еще не успев хорошенько испугаться, краем глаза Козлик заметил, что возле него плавно пошел на обгон номер «девять». В то же время ледяной колодец стал расширяться и плавно переходить в горизонтальную плоскость. Еще десяток-другой шагов, и можно будет удержаться на льду без помощи турбины... Но как раз в это самое время ранец за спиной чихнул, издал протяжное змеиное шипение и заглох. Распластавшись на ледяной поверхности, Козлик начал съезжать в смертельную бездну...

— Как дела, приятель? — услышал он вдруг бодрый голос в наушниках. — На-ка вот, держись, да покрепче...

Козлик поднял глаза и увидел перед собой девятый номер. Росомаха уверенно стоял на покатой поверхности, вонзив в ледяную толщу альпеншток и протягивая Козлику руку. Как только тот ухватился, Росомаха прибавил газу своему реактивному ранцу, и оба в два счета вылетели на ровное место, где дожидались последних все остальные.

— Образцовое поведение, Девятый! — похвалил Пшигль Росомаху. — Этот похвальный поступок будет отражен в моем рапорте, и дело не обойдется без специальной премии. А теперь всем построиться и слушать команды господина Квантика. Становись живо!..

В отличие от обер-атамана Пшигля, Квантик был коротышкой мягким и интеллигентным. Если он от-



давал кому-либо распоряжение, то звучало это не как приказание старшего, а как личная просьба. Пшигль обычно повторял эту просьбу по-своему — так, что звенели скафандры. Эти два командира отлично дополняли друг друга, и работа с самого начала пошла четко и слаженно.

Первым делом выбрали подходящее место для стартовой площадки, без торчащих скал и впадин. Затем вокруг этого места раскинули особые космические палатки, в которых можно было отдыхать, сняв с себя обмундирование и скафандр. Эти палатки были изготовлены из сверхпрочной воздухонепроницаемой ткани и надувались изнутри воздухом. Для входа и выхода в палатках имелись шлюзовые камеры, похожие на те, что имеются в подводных лодках. Пройдя через шлюзовую камеру, коротышка мог спокойно снять с себя космическое снаряжение и отлично выспаться на надувной кровати.

Поскольку на поверхности Луны не бывает дня и ночи (она всегда обращена к Солнцу одной своей половиной), строители разделились на две команды по восемь коротышек, одна из которых могла перекусывать и отдыхать в то время, пока другая работала. Продолжительность одной смены составляла четыре часа.

К тому времени когда палатки были установлены, а стартовая площадка расчищена от камней, снизу начали поступать готовые к сборке части ракеты и оборудование. Действие прибора невесомости могло неожиданно прекратиться, поэтому работа в первые двенадцать часов шла беспрерывно в одну рабочую смену. Части корпуса, двигатель, жилые отсеки, запасы воды, воздуха и продовольствия — все это переносилось к месту сборки и под руководством Квантика постепенно превращалось в единое целое.

Когда наступило время для отдыха смены, в которой работал Квантик, коротышки с номерами от

седьмого до четырнадцатого (двое упавших уже вернулись в строй) отправились в палатки, где с удовольствием стащили с себя тяжелое, неудобное снаряжение, поели и растянулись на мягких надувных кроватях. Соседом Козлика снова оказался Росомаха.

— Послушайте, — обратился к нему Козлик, — я вам очень благодарен за то, что вы сделали. Без вашей помощи мне бы и вправду была крышка.

— Не стоит благодарности, приятель, — с готовностью повернулся к нему Росомаха. — Любой бы сделал то же самое, верно? А вообще-то, можешь говорить мне «ты», мы ведь с тобой не буржуи какие-нибудь, а нормальные рабочие коротышки.

Козлик внимательно посмотрел на Росомаху. Что-то не очень он смахивал на рабочего коротышку. Его развязные манеры и панибратство выглядели как-то фальшиво. Козлик хорошо знал рабочих коротышек, и они вели себя совсем по-другому, а уж для того, чтобы завязать дружеские отношения с настоящим рабочим коротышкой, нужно было проработать с ним бок о бок не один день и не одну неделю... Кроме того, Козлику не давала покоя одна странность: он много раз вспоминал, как на земле готовил свой парашют. Он вспомнил каждое свое движение и положение каждой складки его шелковой поверхности. И вдруг потом оказалось, что парашют смят, стропы его запутаны, а шнурок с кольцом, за которое следует дергать, чтобы в воздухе он раскрылся, упрятан на самое дно ранца. С отказом реактивного двигателя тоже не все было понятно: механик сказал, что у Козлика просто-напросто был вывернут на «ноль» регулятор подачи топлива. Сам Козлик его, естественно, в полете не крутил; стало быть, это мог сделать только кто-нибудь другой, находившийся рядом. А рядом находился Росомаха, они залетали последними в ледяную пещеру... Но если Росомаха

на самом деле все это затеял, то что за игру он ведет?..

— Устал? — добродушно спросил Росомаха.

— Так, ничего... Бывало и потяжелее.

— Конечно, оно бывает. Хочешь энергетическую таблетку? — Росомаха протянул ему горсть маленьких белых пилюль. — Особая разработка для спортсменов и космонавтов, усталость как рукой снимает.

Козлик пожал плечами и подставил ладошку. Росомаха отсыпал ему несколько пилюль.

— Только ты сейчас не глотай, — предупредил он, — спать не сможешь. Это, брат, понимаешь, такая штука... Короче, действует очень сильно: будто десять чашек кофе подряд выпил.

— Понятно, — сказал Козлик и спрятал пилюли в карман комбинезона. — А сколько штук их глотать надо?

— Одну штуку на четыре часа. Усталость как рукой снимет.

— Спасибо.

— Ну, спокойной ночи.

— Спокойной ночи, — сказал Козлик, повернулся на другой бок и крепко задумался.

По большому счету, он находился здесь для того, чтобы ракета не взлетела. Он должен был испортить электрическую систему зажигания так, чтобы полет стал невозможен, а сама ракета если и не взорвалась, то пришла бы в полную негодность. Кроме этого, ему нужно было найти расположенный где-то поблизости передатчик. Жулио почему-то был уверен, что поломку легко исправить, и Козлик обещал выйти с ним на связь при первой возможности. Ему разрешили также связаться с земными коротышками и предупредить их об опасностях, которые грозят лунатикам в случае появления у них новых приборов невесомости.

Козлик заснул и, проспав положенное время, был вместе с другими разбужен свистком Пшигля для заступления на работу.

Внешне ракета казалась уже полностью собранной, однако внутри еще предстояли работы по наладке систем двигателя. Пока Козлик возился в хитросплетениях проводов, рядом назойливо вертелся Росомаха, который больше создавал видимость, чем работал на самом деле. Было странно, что при этом ни Пшигль, ни Квантик ни разу не сделали ему замечания. «Наверное, он делает что-то такое, чего я не понимаю», — подумал Козлик.

В эту смену Козлик подстроил хитроумную неполадку в электрической сети, обнаружить которую было бы трудно даже специалисту. Теперь зажигание сработает так, что топливо начнет гореть беспорядочно, как елочная петарда. Это произойдет на старте, и у космонавтов будет время покинуть ракету, но сам космический корабль уже никогда не поднимется над лунной поверхностью.

Когда смена кончилась и семеро коротышек-строителей залезли в палатку, Козлик решил на этот раз не спать, а отправиться на поиски разбитого метеоритом передатчика. Он сделал вид, что заснул, а когда остальные захрапели, проглотил одну из тех бодрящих пилюль, которые дал ему Росомаха. Почувствовав через несколько минут прилив бодрости, Козлик тихонько оделся, прихватил рюкзак с инструментами и выбрался из палатки.

Солнце било в глаза, как огромный ослепительный прожектор. Козлик повернулся и увидел Большую Землю. До сих пор у него не было свободной минуты, чтобы смотреть на небо. По сравнению с мириадами далеких холодных звезд Земля казалась большой, доброй и гостеприимной соседкой. Там жил его настоящий, проверенный тяжелыми испытаниями

друг. Сколько же они не виделись?.. Здорово будет все-таки, если он сможет наладить радиостанцию и связаться со Звёздным городком. Сейчас там, наверное, зима, и если Незнайка куда-нибудь не уехал, может быть, им удастся поболтать немножко по радио...

Козлику показалось, что у палатки шевельнулась тень, и он, опасаясь, как бы его не заметил обер-атаман Пшигль, поспешил к расположенной неподалеку каменистой гряде и укрылся в тени.

По нарисованному рукой Жулио плану местности Козлик приблизительно знал, где находится передатчик, и вскоре обнаружил его по торчащей над камнями антенне-«тарелке». Сама радиостанция находилась в небольшой пещере, надежно защищенной сверху толстыми каменными сводами. Понятно, что метеорит, если бы он упал сюда на самом деле, повредил бы скорее антенну, но никак не радиостанцию.

Козлик засветил фонарик, взглянул на аппаратуру и сразу все понял: верхняя панель была снята и отброшена в сторону, а по электронным внутренностям был нанесен сокрушительный удар каким-то металлическим предметом, скорее всего ледорубом. Разложив инструменты и подключив свои наушники к радиостанции, Козлик начал ремонт. Что-то запаял, что-то поменял — и вот она ожила, замигала огоньками, а в динамиках загудели, зашипели, засвистели шумы радиоэфира.

Первым делом Козлик настроился на волну своих нанимателей. Одновременно он подумал, что где-то рядом должен быть сквозной колодец или хотя бы щель, ведущая внутрь Луны, в которую можно было бросить моток проволоки, послужившей антенной для местной связи. На сигнал вызова Жулио немедленно откликнулся по своему мобильному радиотелефону:

— Да! Говорите!

— Господин Жулио? Как слышно?

— Да, да, Козлик, отлично слышно, как дела? Вам удалось подготовить сюрприз для наших друзей?

— Все в порядке, господин Жулио, дело сделано.

— Козлик, вы — молодчина! Когда они намерены, ха-ха, лететь?

— Скорее всего завтра утром. Все уже готово к старту.

— Ха-ха-ха! Надеюсь, это будет забавно; здесь обещают прямую трансляцию. Кстати, кто полетит?

— Как... Но мы об этом ничего не знаем. Разве там, у вас, имена еще не огласили?

— Нет, никто ничего не знает. Они держат имена в секрете, чтобы на них никто не мог оказать влияния.

— Признайтесь, господин Жулио, ведь это вы сами испортили станцию?

— Ха-ха-ха! Вы очень догадливы. Я или кто-то другой, но не обижайтесь: кто же мог знать, что вам придется ее ремонтировать. Кстати, будьте осторожны в этой пещере: неподалеку от вас ледяная расщелина, можно запросто угодить в нее, поскользнувшись. К тому же она сквозная: полетите со свистом прямо сюда, на землю!

— Я буду осторожен, господин Жулио. Теперь я попытаюсь связаться с Большой Землей.

— Желаю успеха! Если выйдет все, как задумано, обещаю выхлопотать для вас премиальные. Еще пятьдесят тысяч вам не помешают?

— Не помешают, господин Жулио. Спасибо.

Козлик выключил станцию и в нерешительности замер. Предстоящее сейчас событие волновало его куда больше, чем разговор с Жулио. Пытаясь унять учащенное сердцебиение, он настроился на нужную волну, запустил в эфир позывные и стал дожидаться

ответа. Прошла минута, другая, но вот в динамиках скафандра послышались заглушаемые помехами слова:

— Слышу вас, слышу. На связи обсерватория Космического городка, говорит астроном Стекляшкин. Говорите, я вас слушаю, говорите!

— Я Козлик!.. На Луне, понимаете?

— Повторите, повторите, Луна! Вы наладили передатчик? Луна! Повторите!

— Не давайте им ничего! — крикнул Козлик. — Если прилетят — не давайте ничего! Понимаете?

— Луна! Не понимаю вас, не слышу! Переходите в диапазон...

Но в этот момент Козлик получил сильнейший удар по скафандру и кубарем откатился в глубину пещеры. Снова заработало местное переговорное устройство. В проеме пещеры Козлик увидел знакомый силуэт приземистого широкоплечего коротышки. Это был Росомаха.

— Значит, говоришь, ничего не давать? — сказал он и, не спеша приблизившись, нанес еще один удар тяжелым космическим сапогом по гермошлему.

— Помогите! — крикнул Козлик, откатившись от удара еще дальше.

— Кричи громче, — процедил Росомаха. — Все равно никто не услышит. Мы от них далеко, вне зоны слышимости.

— Ты... зачем дерешься?..

— Верно, зачем драться? — согласился Росомаха. — Ты ведь и без того мне все расскажешь. Кто тебя прислал, зачем... Иначе свинчу скафандр, понял?

Понимая, что силы неравные, Козлик говорил только для отвода глаз, стараясь незаметно нащупать в нагрудном рюкзаке что-нибудь подходящее из инструментов.

— Хорошо, хорошо, я все скажу. Меня сюда прислал Скуперфильд...

Он не успел договорить, потому что Росомаха изо всех сил пнул его ногой в бок, и Козлик откатился еще на несколько шагов. Рука его нащупала ледяную кромку той самой сквозной расщелины, о которой предупреждал его Жулио. Еще один такой удар, и он полетит вниз без парашюта.

— Я здесь по поручению Спрутса! — крикнул он, используя последний шанс.

— Вот так-то оно лучше, — отступил Росомаха на полшага. — Говори, что он велел тебе сделать?

— Испортить ракету.

— Ну и как, испортил?

— Да.

— Надо будет починить.

— Хорошо, я все сделаю.

— Иди сюда.

С облегчением Козлик отполз от края ужасной пропасти и приблизился к радиостанции.

— Выходи на связь с нашей землей и скажи Спрутсу, что затея сорвалась.

— Какая же тебе от этого выгода?

— Такая, что мои хозяева должны быть всегда довольны моей работой. Мои хозяева не будут долго разбираться, если до них дойдет информация о том, что я прозевал диверсию.

— Хорошо, хорошо, я все сделаю.

Козлик связался с Жулио и, не дав ему опомниться, сообщил, что его полностью разоблачили и ракета вылетит в назначенное время. Потом Росомаха тоже подключился и для убедительности добавил от себя какую-то грубую угрозу, на этом связь закончилась.

— Пожалуй, я все-таки свинчу тебе скафандр, — сказал Росомаха и шагнул к Козлику.

— Но тогда я не смогу починить систему зажигания, — залепетал тот, шаг за шагом отступая.

— Починят без тебя.

— Но здесь больше нет электрика, полет придется отложить!

— Ничего, так будет вернее.

— Тогда скажите мне вот что: сколько времени может находиться коротышка в скафандре без доступа воздуха?

— Что?..

— А вот что!

Козлик сделал неожиданный выпад и зажатыми в руке кусачками перекусил воздухопроводную трубку Росомахи, ведущую от баллонов со сжатым воздухом к его скафандру. Воздух засвистел, с силой вырываясь наружу, Росомаха завертелся на месте, схватил шланг и зажал его в кулаке. С ревом он бросился на Козлика, но тот ловко отскочил, подставил подножку, и Росомаха с воем полетел в бездонную расщелину. Козлик успел заметить у него за спиной ранец с парашютом и не особенно беспокоился за участь негодяя.

Бросившись к радиостанции, он принялся вызывать на связь Жулио, но телефон его был теперь все время занят. Подошло время рабочей смены, и необходимо было возвращаться.

Никто не заметил отсутствия Козлика, что же касается пропавшего Росомахи, то здешнее начальство за его судьбу особенно не переживало. Квантику и Пшиглю еще на стадии подготовки Росомаху представили как «секретного наблюдателя, представляющего интересы владельцев общества „Космические поставки“». Теперь они решили, что «секретного наблюдателя» по каким-то причинам срочно отозвали и он спрыгнул вниз с парашютом. В каком-то смысле так оно и случилось.

Через восемь часов, или две рабочие смены, ракета была готова к полету. А за несколько часов до объявленного старта разразилась сенсация: по радио, телевидению и в газетах были объявлены имена

космонавтов, отправляющихся на Большую Землю. В списке значилось тринадцать «космических строителей», борт-инженер Квантик и его помощник обер-атаман Пшигль. Командиром корабля и начальником экспедиции назначался Росомаха.

Лунным коротышкам грозит незамедлительное всеобщее тотальное и беспощадное отравление гипнотическим порошком

Поздним вечером в «Весёлом клоуне» состоялась совсем невеселая встреча Пупса и Спрутса. Только что поступившее от Жулио известие о разоблачении Козлика лишило их последней надежды на благополучный исход дела, то есть на крушение ракеты во время старта. Имена космонавтов еще не были оглашены, но теперь это уже не имело значения: времени и возможностей для их подкупа или устранения уже не было. Обхватив головы руками, двое богатейших на Луне коротышек думали о приближающемся экономическом крахе и переходе власти в руки преступников.

— Что же теперь будет? — бормотал Спрутс, закрыв лицо руками.

— Перспективы довольно безрадостные, — не пытался утешать его Гризль. — Сначала они скупят источники сырья, а потом поставят всех на колени. В том числе и нас с вами.

— Но ведь надо что-то делать! — паниковал Спрутс, готовый разрыдаться от отчаяния.

Совсем недавно разбогатевший Пупс и видавший виды Жулио хотя и были еще далеки от истерики, но всеми клеточками своих организмов ощущали, как почва уходит у них из-под ног.

— Но неужели нет никакого выхода? — заколотил Спрутс своими тяжелыми кулаками по столу.

Откинувшись в кресле, Пупс смотрел на него безмолвно и мрачно.

— Есть выход, — подал голос Гризль.

Все обратились к нему, готовые уцепиться за соломинку в этом ужасном, затягивающем на темное дно водовороте.

— Да, да, выход есть, — подтвердил Гризль. — Но я должен предупредить, что мера может показаться вам чрезмерно жестокой, и я даже не решаюсь сейчас...

— Говорите! — выдохнули разом Пупс, Спрутс и Жулио.

Гризль обвел их своими маленькими умными глазками и произнес:

— Порошок.

Пупс понял, Спрутс и Жулио переглянулись в недоумении.

— Порошок, — повторил Гризль и отчеканил с расстановкой: — НЕЗАМЕДЛИТЕЛЬНОЕ — ВСЕОБЩЕЕ — БЕСПОЩАДНОЕ — ОТРАВЛЕНИЕ — ГИПНОТИЧЕСКИМ ПОРОШКОМ.

С минуту все молчали.

— Но как же вы... как же мы... Как можно практически осуществить столь грандиозную акцию? — пролепетал Спрутс, вытирая платком взмокшее лицо. — У нас в запасе лишь несколько часов.

— Первую дозу можно распылить с вертолетов и самолетов. Коротышки ничего не поймут, а в первом же выпуске новостей мы дадим им четкую поведенческую установку.

— Но разве у нас есть такое огромное количество порошка? — удивился Жулио.

— Есть.

Теперь настало время г-на Пупса сделать круглые глаза. Изобретатель порошка Кротик находился на его вилле под неусыпной охраной.

— Я надеюсь, вы простите меня, господин Пупс, — обратился Гризль к своему хозяину. — Я не поставил вас в известность только потому, что приберег этот план на самый крайний случай. Являясь коротышкой чрезвычайно... м-м... милосердным, вы нипочем бы не дали своего согласия на подготовку подобного мероприятия. Порошок синтезировался и накапливался по моему личному указанию. Теперь у нас его достаточно много, для того чтобы спасти наш мир от ужасной катастрофы, от всеобщего безумия, от гибели... — Произнеся этот заранее подготовленный монолог, Гризль склонил голову.

— Хорошо, — произнес Пупс, разрешив мучительные для себя колебания. — Все правильно, другого выхода у нас нет. Техника готова к вылету?

— Самолеты и вертолеты ждут во всех крупнейших городах. Порошок доставлен специальными курьерами два дня назад в Давилон, Хрумстик, Гопстоун, Грабенберг, Брехенвиль, Паноптикум, Сан-Комарик, Лос-Свинтос, Лос-Кабанос, Лос-Паганос, Фантомас и на полуостров Клушка. Вылет и тотальное опыление может состояться по команде в любую минуту.

— Я вижу, вы все хорошо продумали, — заметил Пупс не очень уверенно; размах предстоящей акции пугал его. — Каково же время действия препарата?

— Приблизительно десять—двенадцать часов.

— А потом?

— Полагаю, что в ближайшее время мы должны решить эту проблему.

— Да, да. — Лицо у Пупса сделалось бледным, глаза лихорадочно блестели. Он торопливо прикурил сигару и запыхтел, распространяя вокруг себя густые клубы дыма. — Все правильно. Но необходимо срочно созвать большой бредлам, судьба экономики в руках хозяев крупных предприятий, необходимо срочно собраться и поставить их в известность. Кстати, как

можно обезопасить себя от действия распыленного в воздухе порошка?

— Очень легко: обыкновенный противогаз или разработанная Кротиком принятая внутрь таблетка. — Гризль положил на стол круглую жестяную коробку из-под леденцов. — Действует в течение суток, стопроцентная гарантия, и никаких побочных эффектов.

Пупс, Спрутс и Жулио немедленно взяли по зеленому шарику и проглотили. Гризль для убедительности тоже сунул шарик в рот, разгрыз и проглотил, запив крюшоном из бокала. Спрутс подозрительно на него посмотрел и спросил:

— Таблетку нужно было разгрызть?

— Не имеет значения... Смотрите, смотрите! По телевизору передают что-то важное!

В ресторанном зале происходило оживление: посетители столпились у стойки бара, за которой работал телевизор. Жулио отдернул драпирующую стену занавеску, и за нею зажегся большой телеэкран. Зазвучал торжественный голос дикторши, сидевшей на фоне заставки с изображением готовой к запуску ракеты на поверхности Луны:

> «...таким образом, уже никто и ничто не сможет помешать космонавтам выполнить их восхитительную миссию — совершить коммерческий полет на Большую Землю. Полет, который сделает богачами миллионы коротышек — владельцев акций общества „Космические поставки“. Полет, который подарит нашим гражданам дешевую и эффективную энергию невесомости! И я снова повторяю имена космонавтов, которые нам передали всего минуту назад. Это: командир корабля и начальник наземной экспедиции Росомаха; борт-инженер Квантик...»

Дикторша продолжала читать список, в котором прозвучало имя Козлика, а лица у четверых собравшихся в люкс-кабинете заговорщиков все больше вы-

тягивались. Такого хитрого и предусмотрительного хода со стороны противника они не ожидали.

— Больше никаких разговоров, надо действовать! — воскликнул Пупс, затоптав вывалившуюся изо рта сигару. — Господин Гризль, я болван, но я очень благодарен судьбе за то, что она свела меня с таким умным коротышкой, как вы.

Гризль поклонился, чрезвычайно польщенный.

— Делайте от моего имени все, что считаете нужным. Мы с господином Спрутсом сейчас же экстренно созываем большой бредлам. Сбор через час в конференц-зале моего центрального офиса.

Через час в высотном офисе г-на Пупса, имевшем подземный гараж и вертолетную площадку на крыше, начали собираться члены большого бредлама. Пока еще только те, которые оказались неподалеку от Давилона. Каждый из них получил сообщение с пометкой «срочно, секретно». Согласно уставу бредлама, такая депеша должна была настигнуть его участника, где бы он в данную минуту ни находился: в пути, в теплой постели, в море, в лесу или даже на операционном столе.

Текст составленного Гризлем сообщения начинался словами: «Если Вы дорожите своим состоянием...» — и заканчивался жестоким предупреждением о том, что «в ближайшие часы может произойти ужасная катастрофа, которая лишит Вас не только денег, но и поставит под угрозу Вашу жизнь». В особой приписке настоятельно предлагалось иметь с собой противогаз и, в случае непредвиденной задержки где бы то ни было, воспользоваться им не позднее шести часов утра.

Все тридцать депеш, по количеству членов бредлама, были зашифрованы, и, на взгляд непосвященного, в них говорилось о каких-то дополнительных поставках резиновых клизм. Но те, кому эти депеши предназначались, прекрасно поняли, о чем идет речь,

и сообщения о грозящей неведомой катастрофе произвели на них ужасное впечатление. Самолеты и вертолеты поднимались в воздух и сквозь пелену дождя, вспыхивая отблесками грозовых разрядов, летели в ночи со всех концов подлунного мира.

Прибывавшие к месту собрания, не находя себе места от волнения, ходили по пустому офису и пытались что-нибудь выяснить у других, однако никто ровным счетом ничего не знал и не понимал.

После обрушившегося на подлунный мир экономического краха состав большого бредлама обновился почти наполовину. Наряду с привычными физиономиями фабрикантов старой формации теперь здесь во множестве пестрели крикливые цилиндры «новых». Эти коротышки вели себя, как и везде, шумно и вызывающе. Им казалось, что, обругав и унизив буфетчика, прислугу или даже своих коллег по бредламу, они тем самым возвышаются над другими и приобретают некий авторитет.

К четырем часам утра прибыли последние участники. По звону председательского колокольчика расселись вокруг большого круглого стола и приготовились к худшему. Пометка в разосланных сообщениях о необходимости иметь при себе противогазы наводила на мысль о близкой войне с инопланетянами.

Как Мига и Крабс превратились в змею, а потом в зайцев, которые сожрали змею и были готовы приняться за лошадей

— ...Лошади совсем отощали, — говорил кто-то поблизости, слышалось лошадиное фырканье и постукивание копыт по деревянному помосту. — Интересно, почему они не сожрали сено? Может, они заболели?

— Если заболели, надо составить акт, — сказал второй. Теперь мы отвечаем за скотину, с нас и спросят.

— Ты еще не вздумай назвать их скотиной на ипподроме. Если хозяин услышит, получишь хлыстом по морде так, что потом лошади будут шарахаться.

— Ладно, не пугай, а то сам получишь...

— Ах ты, малек! Работаешь без году неделю, а уже задираешь старшего конюха?

— Плевать я на тебя хотел. А если пожалуешься хозяину, я тебе такое устрою...

— Чего-чего? А ну говори, что ты мне такое устроишь?

— А вот тогда и узнаешь.

— Нет, ты мне сейчас покажи...

Конюхи начали наскакивать друг на друга, как петухи, и дело, наверное, закончилось бы дракой, если бы в углу вагона не зашевелился насыпанный там для лошадей ворох сена. Драчуны замерли и посмотрели на него с испугом.

— Это еще что там шевелится? — зашептал первый конюх.

— Наверное, змея, — шепотом предположил второй и взял на изготовку лопату.

— Да, это может быть, — согласился первый. — Теперь понятно, почему лошади не стали есть сено. Давай-ка ее на вилы...

Первый, он же старший, конюх осторожно приблизился к куче и замахнулся вилами, прицеливаясь в самую ее середину. Неожиданно из-под сена послышались испуганные голоса, и на свет выскочили двое коротышек, одетых в грязные комбинезоны скуперфильдовской фабрики.

— Эй! Не надо вилами! — завопили они наперебой. — Мы здесь ничего не трогали, мы — зайцы!..

— Стало быть, зайцы сожрали змею, — сказал первый конюх.

— И превратились в коротышек, — подхватил второй.

— Еще неизвестно, чем все могло закончиться для лошадей, — покачал головой первый.

— Что вы говорите! — еще больше заволновались «зайцы». — Если полагается штраф, мы заплатим!

— А кто заплатит неустойку за нарушение режима питания элитных беговых лошадей? — грозно спросил старший конюх.

— Каждая кляча тянет на два миллиона фертингов, — приврал второй и вдруг изо всех сил огрел Крабса по спине лопатой. Тот тяжело охнул.

Конюхи с самого начала были не в духе и только искали случай, чтобы выместить на ком-нибудь свое настроение. Перетрусившие безбилетники были сейчас для них настоящим подарком.

Старший легонько ткнул Мигу вилами в живот, и тот испуганно завопил: «Ой-ой-ой!!!» После этого «зайцы» один за другим перемахнули через вагонные перила и угодили в кучу угля. Не давая опомниться, конюхи с двух сторон начали дубасить их лопатой и колоть вилами. Бедняги вопили и кувыркались в угле до изнеможения, пока мучители не удовлетворили полностью свои кровожадные потребности. Мига и Крабс вылезли из кучи и, пошатываясь, заковыляли куда глаза глядят.

В южном курортном городке Сан-Комарике, где они теперь оказались, в это время года было довольно пустынно. Редкие прохожие с интересом поглядывали на двух черных с ног до головы коротышек, которые с трудом ковыляли по улице, поддерживая друг друга и всхлипывая. На их черных физиономиях слезы промыли белые дорожки от глаз до подбородка, и они стали похожи на печальных клоунов.

Разгуливать долго в таком виде им не пришлось, потому что первая же патрульная машина отвезла их в полицейский участок.

Дежурный взялся за составление протокола, но задержанные впали в слезливую истерику, и допросить их не представлялось ни малейшей возможности. Тогда их отвели в одну из пустующих камер, чтобы они там посидели.

Как только за тяжелой дверью прогремели засовы, Мига сразу перестал плакать и хорошенько встряхнул Крабса за пухленькие плечи:

— Слушайте, Крабс, вы видели там на стене наши портреты?

— Ка-а-кие порт-реты?

— Какие? Да перестаньте же вы скулить! Такие, что мы в розыске! Наверное, раскручивают кражу прибора на макаронной фабрике. Разослали фоторороботы во все участки, назначили премию, и теперь каждый паршивый фараон может заработать на нас кучу денег.

Крабс перестал рыдать и старательно размазал грязь по лицу. Мига сделал то же самое. Скуперфильдовские комбинезоны были совершенно черные, на первое время это могло сбить с толку полицейских.

— Вот какое дело, Крабс, — заговорил Мига, припоминая что-то. — Здесь, в Сан-Комарике, живет один толковый сыщик, его зовут Бигль. За хорошую плату он вытащит нас отсюда и поможет с документами. Смоемся куда-нибудь подальше и на время затихнем.

— Где же мы возьмем деньги?

— Продайте свой притон, это ваше «игорное заведение». В тюрьме вам от него проку не будет. Уступите шарашку Красавчику за полцены; он не откажется, если Бигль возьмется за переговоры. Ну, решайте быстрее, что тут думать!..

— Хорошо, делайте все, что считаете нужным. Только не в тюрьму, — Крабс опять разрыдался, — я этого не вынесу!..

Мига заколотил в дверь:

— Эй, фараоны! Нам положен телефонный звонок! Хотите вылететь со службы? Мне положен адвокат! Я не буду говорить без адвоката!..

Сыщик Бигль дает Миге и Крабсу бесплатный совет, которому они незамедлительно следуют

Ближе к вечеру вымытые, одетые с иголочки Мига и Крабс вместе с сыщиком Биглем сидели под навесом открытого ресторанчика на морском побережье и разговаривали. Прохладный ветерок гонял мусор по опустевшему пляжу, рабочие снимали парусиновые зонтики с креплений и уносили деревянные лежаки. Сезон окончился, и отдыхавшие разъехались. Игорный дом Крабса был продан за бесценок Красавчику, деньги получены в местном банке. Часть суммы ушла на подкуп полицейских, часть на гонорар Биглю, и еще около десяти тысяч фертингов лежали в новеньком скрипучем бумажнике Крабса. Ужин с несколькими сменами блюд был позади, стол был уставлен чашечками и вазочками с десертом. Допив кофе, Бигль достал из жилетного кармана массивные часы на цепочке и поднял глаза на своих клиентов.

— А теперь мой вам последний и, заметьте, абсолютно бесплатный совет, господа, — сказал он тоном коротышки, у которого есть множество других, не менее важных дел. — Не пытайтесь удрать.

Мига и Крабс переглянулись: как раз именно это они и намеревались сделать в ближайшие часы.

— Да, да, не пытайтесь удрать. Сейчас вас разыскивает полиция, агенты господина Пупса и агенты Ханаконды. Кто-нибудь найдет обязательно, будьте уверены, и довольно скоро. Кстати, вы и меня поставили в неловкое положение: не далее как полчаса назад мне звонил господин Гризль и просил разыскать вас как можно быстрее. Но не пугайтесь, я вас не выдал. Я вообще не вижу смысла что-либо делать для господина Гризля, а также для господина Пупса, господина Спрутса... и многих других господ. Попомните мои слова: в случае успешного возвращения ракеты «Космические поставки» сметут их всех за одну неделю. Ханаконда заставит их всех лизать себе пятки, и они будут лизать. Ползать на коленях и лизать, все по очереди.

— Что же... теперь делать? — пробормотал снова изменившийся в лице Крабс. Приятное ощущение сытости и благополучия сменилось подкатывающим к горлу испугом.

— Ах да, я ведь обещал вам бесплатный совет! — вспомнил Бигль. — Поезжайте сейчас же в Давилон. Разыщите офис «Космических поставок» и вымаливайте, вымаливайте себе прощение: Сдайтесь на милость победителя; девять шансов из десяти, что вас помилуют и даже примут на работу. Поверьте, нет большего удовольствия, чем принимать к себе на работу бывших противников. Все-таки это ваш последний шанс... Кстати, поезд на Давилон отправляется через сорок минут. И не забудьте сказать им, что это я вас надоумил!.. — крикнул он уже вдогонку своим клиентам.

Оставшись один, Бигль на несколько секунд задержался.

— Если только мои сведения о секретно рассылаемых Гризлем опечатанных контейнерах не связаны с работой Кротика... — в задумчивости пробормотал он про себя что-то такое, понятное только ему.

Как Мигу и Крабса едва не бросили в камин, не утопили в фонтане, а потом не бросили в реку и как все закончилось поцелуями

Этой ночью в офисе акционерного общества «Космические поставки», занимавшем под это дело мрачный старинный замок в пригороде Давилона, никто не спал. Под его тяжелыми каменными сводами происходило необычайное оживление: повсюду шныряли охранники в черном, служащие, перебегая из кабинета в кабинет, натыкались друг на друга и рассыпали бумаги. В ближайшие часы должна была решиться участь — триумф или позорное банкротство — этого нашумевшего предприятия. Теперь все зависело от того, стартует ли в назначенное время ракета и хватит ли для ее подъема остатков энергии последнего на Луне прибора невесомости.

Жмурик, Тефтель и Ханаконда расположились в большом центральном зале, оборудованном электроникой, экранами слежения, вентиляцией, буфетом и подсвеченным фонтаном. В огромном камине полыхал огонь, отбрасывая на каменные стены зловещие тени трех негодяев...

На большинстве экранов транслировалось взятое с нескольких точек изображение готовой к запуску ракеты. Экипаж находился в палатках, отдыхая перед стартом.

— Черт побери, куда подевался Росомаха? — сказал в раздражении Ханаконда. Он сам назначил Росомаху командиром и теперь начинал об этом сильно жалеть. — Когда его видели в последний раз?

— Ближе к вечеру он мелькал на экранах, — припомнил Тефтель. — Нажрался своих таблеток, вот и бродит повсюду, вместо того чтобы спать.

— Плевать на Росомаху, он погоды не делает. Просто лишняя пара глаз. Командир... И кому это вообще пришла в голову идиотская мысль назначить его командиром? Такому командиру десять нянек надо. Молчать! — рявкнул Ханаконда на Жмурика, который открыл было рот, чтобы напомнить, кто назначил Росомаху командиром.

— Хозяин! — послышался голос охранника в динамике громкой связи. — Хозяин, взгляните на восьмой экран. Там у ворот вас спрашивают какие-то подозрительные типы. Говорят, что их зовут Мигс и Крабс.

Ханаконда взглянул на экран и увидел смущенно переминавшихся у ворот Мигу и Крабса. Такси они отпустили и теперь мокли под дождем, не имея при себе зонтов.

— Сами пришли? — удивился Жмурик.

— Дайте их мне, хозяин, я их зубами загрызу, — прорычал Тефтель.

— Если только это не какой-нибудь подвох... — наморщил лоб Ханаконда. — Ладно, ведите их сюда и постоянно держите на мушке. Оружия при них не было?

— Нет, все чисто.

Охранники ввели Мигу и Крабса. Оба тряслись от страха, а Крабса буквально передергивало.

— Говорите, с чем пришли, — потребовал без вступлений Ханаконда. — Только короче, не уложитесь в минуту — брошу в камин.

Ноги у Крабса подкосились, и он свалился бы, не подхвати его Мига под руку.

— Такие дела, господин Ханаконда, — начал Мига, который в свое время основательно пообтерся в каталажках, и бандитские замашки его не смущали. — Такие дела, что нас самих подставили на этой фабрике...

И Мига рассказал историю кражи прибора невесомости с последующим бегством в Сан-Комарик.

— А чего же вы теперь пришли к нам, а не к Пупсу? — недоверчиво поинтересовался Жмурик. — Наверное, он сам и прислал вас сюда шпионить?

— Это господин Бигль посоветовал нам идти сюда. Он сказал, что вы скоро прихлопнете Пупса, а заодно и всех других капиталистов.

— Сыщик Бигль — умный коротышка, — сказал Ханаконда. — После бучи я о нем вспомню.

— А кроме того, — пожаловался Мига, — Пупс держал нас под замком и травил собаками. А Спрутс нас вообще прикончит, когда узнает, что мы хотели разорить его при помощи порошка...

— Это какого еще порошка?

Мигс рассказал про гипнотический порошок, и этот рассказ произвел на Ханаконду куда большее впечатление, чем все предыдущее. Однако времени на разговоры уже не было, приближался старт ракеты.

— Вот что, ханурики, — сказал Ханаконда и одновременно незаметно подмигнул стоявшим в дверях охранникам, — сейчас сюда приведут одного коротышку. И вы докажете нам, что все это не треп. Если докажете, будете работать с нами; если нет — утопим обоих в этом фонтане, а потом бросим в реку. Договорились?

Ввели связанного коротышку и поставили лицом к стене. Миґе и Крабсу сунули в руки по пистолету и подвели вплотную к связанному. У Крабса руки заходили ходуном, и он выронил оружие. «Стреляйте вместе со мной, идиот! — зашептал ему Мига. — Или нас самих сейчас прикончат!» Крабс закусил губу, подобрал пистолет и сжал его в обеих руках.

— Это враг, — не вдаваясь в подробности, сказал Ханаконда. — Пристрелите его. Ну?!

Раздались два холостых хлопка, после чего Крабс снова выронил пистолет, упал на колени и разрыдался.

— Спасибо, Губошлёп, — похвалил «застреленного» Ханаконда. — Можешь идти.

Губошлёп сбросил веревки, отдал честь и вышел.

— Поздравляю вас, господа, — объявил Ханаконда торжественным голосом. — Вы прошли собеседование и приняты на работу. С этой минуты вы члены большой, могущественной семьи, и теперь никто, даже полицейские, не посмеет обидеть вас безнаказанно. Новый Порядок не за горами; вы встали на правильный путь и не пожалеете об этом. Чтоб я сдох.

Закончив речь, он протянул руку, и Мига с Крабсом, у которых ум заходил за разум, приложились к ней губами. Крабс потянулся, чтобы целовать руки Жмурику и Тефтелю, но Ханаконда мягко его отстранил:

— Не надо, это лишнее.

Большой бредлам обсуждает, что чаще всего едят коротышки, хотя все уже решено и остается только проголосовать

Большой бредлам начался с небольшого скандала, который затеял новый коротышка по имени Попрыгунчик. Он не позволял объявить начало в отсутствие «наиболее достойных членов собрания» Жмурика, Тефтеля и Ханаконды. Выхватив у председательствующего Спрутса деревянный молоток, троекратными ударами которого открывался большой бредлам, он грозил треснуть по голове любого, кто приблизится к нему хоть на шаг. Попрыгунчика окружили, шумно требуя, чтобы он вернул молоток. Спрутс звонил в колокольчик, поднялся шум и неразбериха. Внезапный оглушительный грохот заставил всех затихнуть и вжать головы в плечи. С потолка посыпалась

штукатурка, а господин Пупс преспокойно убрал за пазуху огромный револьвер и предложил всем занять свои места. Пупс был «новым коротышкой» и пользовался у своих авторитетом.

— Господин Попрыгунчик! — пропел он своим медовым голосом, добродушно улыбаясь. — Дорогой мой коротышка! Обстоятельства таковы, что в следующий раз я, не раздумывая, выстрелю вам в голову. Вы меня понимаете?

Попрыгунчик немедленно вернул Спрутсу молоток и тихонько сел на свое место. Спрутс дал отмашку сбежавшимся охранникам и в наступившей тишине три раза ударил молотком по специальной дощечке.

— Слово предоставляется господину Гризлю, управляющему делами господина Пупса, — объявил председательствующий.

— Но Гризль не состоит членом большого бредлама! — раздался чей-то странный, скрипучий и приглушенный голос. — С чего это Гризль будет учить меня жизни? А если все притащатся сюда со своими секретарями, водителями, массажистками и начнут болтать?.. Не собираюсь я здесь слушать никакого Гризля!..

Все повернулись на этот голос и увидели торчащее из-за стола жутковатое резиновое рыло противогаза с круглыми стеклянными иллюминаторами. Поскольку перед каждым из заседавших, согласно правилам, стояла табличка с его именем и сферой деятельности, нетрудно было определить, что недовольным коротышкой в противогазе является Скуперфильд, владелец макаронного заведения. В связи с известными событиями его имя в эти дни не сходило с заголовков газет.

— Господин Скуперфильд, зачем вы надели противогаз? — удивился Спрутс.

— Как это зачем? Как это зачем? — закаркал Скуперфильд. — Сначала пугаете войной с инопланетянами, а потом спрашиваете «зачем»!

Заметив, что еще несколько фабрикантов после этих слов начинают натягивать на себя противогазы, Спрутс поспешил всех успокоить, заверив, что никакой войны с инопланетянами, по крайней мере в ближайшие дни, не намечается. После этого все, за исключением Скуперфильда, убрали противогазы, и слово взял наконец г-н Гризль. Он просто и убедительно описал сложившуюся ситуацию и ожидающие всех перспективы в случае успешного осуществления проекта «Космические поставки».

Последовало тягостное молчание, только Скуперфильд ерзал на скрипучем кожаном кресле и ворчал что-то в свой противогаз, а со стороны казалось, что он похрюкивает. Имея кое-какой опыт, Скуперфильд решил, что сейчас начнется сбор денег для Жмурика, Тефтеля и Ханаконды.

Будто отгадав его мысли, слово взяли господа Гога и Магога, «новые коротышки», владельцы крупнейшего давилонского банка:

— А что если предложить им отступного? Пусть возьмут деньги и закроют свой дурацкий проект.

Скуперфильд еще сильнее заерзал в своем кресле и недовольно захрюкал.

— К сожалению, это не выход, господа, — возразил Спрутс. — Поймите, что их не устроят несколько миллионов или даже миллиардов. Им нужны ВСЕ ваши деньги, ВСЕ до единого фертинга. Они собираются сделать вас нищими. Понимаете, господа? Нищими!..

Последние его слова сопровождала нарастающая волна тревожного ропота, а Скуперфильд сорвал с головы противогаз и, откинувшись в кресле, схватился за горло, будто он задыхается. Попрыгунчик снова поднял крик, требуя на этот раз немедленного исключения Жмурика, Тефтеля и Ханаконды из членов бредлама. «Новый коротышка» Пистон, владелец оружейного завода, предложил расстрелять загородный

офис «Космических поставок» из крупнокалиберных пушек, а хозяйка аптечной торговли г-жа Минога намекнула, что у нее имеется приличный запас очень хорошего яда, после которого некоторым расхочется не только грабить своих соотечественников, но и вообще жить на этом свете...

Ухватившись за последние слова г-жи Миноги, Пупс сделал всем знак замолчать и ласково пропел:

— Нет, не-ет, зачем же, это слишком жестоко. Зачем же травить коротышек насмерть? Есть другие, гораздо более гуманные средства, совершенно безвредные и даже в какой-то мере приятные, которые пойдут только на пользу нашим коротышкам. Эти средства заставят их забыть о минувших невзгодах и радоваться наступившему счастью бытия. Мы подарим счастье и покой нашим гражданам, оставаясь сами в здравом уме и рассудке... То есть, я хотел сказать, оставаясь в трудах и заботах о всеобщем благополучии и преуспеянии. Господин Гризль, поясните подробнее мою мысль, — закончил Пупс.

Гризль опять очень доступно и понятно разъяснил бредламу суть идеи тотального распыления гипнотического порошка. После прозвучавших здесь предложений о стрельбе из пушек и травле ядом план всеобщего «умиротворения» гипнотическим порошком выглядел вполне разумно.

— А потом я возьму всех троих за шиворот, — мечтательно пробасил миллионер Дубс, — и буду лупить их головами друг о друга до тех пор, пока не устанут руки...

Все уважительно посмотрели на саженные плечи и похожие на весла руки Дубса.

Потом слово взял Дрянинг, владелец трущоб с ночлежками для бедняков, или, как их именовали тамошние жители, «клоповников»

— Выходит, что нас каждый день будут опылять, как паршивых тараканов? — заволновался он. — А

я не желаю ходить все время в противогазе, вы меня не заставите!..

— Опыление с воздуха будет производиться только в первый день, — успокоил его Спрутс. — Потом мы траванем водопровод, а потом что-нибудь еще.

— Что же еще? — полюбопытствовал владелец нескольких газет, теле- и радиоканалов г-н Гадкинз. — Это важный вопрос, давайте решим его сейчас.

— Хорошо, — согласился Спрутс. — Какие будут на этот счет предложения?

Все стали думать, поглядывая друг на друга.

— У меня есть предложение, — заявил хлебный фабрикант Жадинг. Он жил вместе со Скуперфильдом в Брехенвиле и недолюбливал своего соседа. — Я предлагаю добавлять порошок в макаронные изделия. Мука и порошок внешне малоотличимы, поэтому...

— Это провокация! — взвизгнул Скуперфильд, вскочив со своего места. — Жадинг специально копает под меня, потому что не любит макароны. Я знаю, он собирается взорвать и поджечь мою фабрику! Обычно коротышки едят макароны без хлеба, а это ему страшно невыгодно! Я ему сейчас морду побью!..

Размахивая тростью, Скуперфильд начал выбираться из-за стола, но соседи удержали его, крепко схватив за руки.

— Между прочим, господин Жадинг, — заметил Спрутс, — ваш хлеб тоже выпекается из муки, очень похожей на порошок. И хлеб, в отличие от макарон, имеется каждый день на столе у всякого коротышки.

— Идите к черту, — огрызнулся Жадинг. — Я не могу выпекать столько хлеба, чтобы хватило на всех. Ищите дураков в другом месте.

После этого все начали кивать друг на друга, убеждая остальных, что их продукция совершенно не пригодна для добавок в нее гипнотического порошка. Слово попросил Гризль, и Спрутс прервал галдеж звоном колокольчика.

— Несомненно, — сказал Гризль, — что один из нас должен принести себя в жертву. И этот поступок будет подвигом во имя народного счастья, подвигом возвышенным и благородным. И для возмещения неизбежных моральных и материальных издержек этого героя... — Гризль сделал паузу, — предлагается отчислять на его счет по одному проценту от доходов каждого из вас ежемесячно.

После этих слов все достали из карманов калькуляторы и начали считать.

— Господа! — воскликнул Скуперфильд, отлично считавший в уме без помощи калькулятора. — Господа! Я был не прав! Я согласен быть этим благородным коротышкой! Отчисляйте мне этот жалкий один процент от ваших доходов, и я буду лепить макароны хоть из одного порошка, без добавления муки. Понимаете, господа, я согласен! Кто «за»?

Скуперфильд сам первый поднял руку, но никто не последовал его примеру. После расчетов дело выглядело куда более заманчиво, и любой из присутствующих был теперь не прочь взвалить на себя эту жертвенную миссию.

— К сожалению, мы вынуждены отклонить ваше великодушное предложение, — сказал председательствующий Спрутс. — Сейчас, ко всеобщему вниманию, господин Гризль вынесет на голосование единственно правильное, по нашему мнению, решение бредлама. Прошу вас.

Гризль поднялся с места, поблагодарил Спрутса и заговорил:

— Задумайтесь, господа, что каждый из нас потребляет ежедневно? Воду, скажете вы и будете правы. Но мы не можем травить... я хотел сказать, обогащать воду порошком долго, потому что сами в том или ином виде ею пользуемся. В ближайшие двое-трое суток мы должны обогатить порошком именно тот вид продукции, который попадает в организм

коротышки ежедневно, независимо от его вкусов и материального достатка. Что же это?

— Да, что это? — послышались заинтересованные голоса.

— Это *ОБЫКНОВЕННАЯ ПОВАРЕННАЯ СОЛЬ!* — торжествующе объявил Гризль.

Капиталисты замолчали и медленно повернулись к соляному монополисту Дракуле, бледному коротышке с красными губами и непроницаемым взглядом.

— Да, да, именно так, господа, — подтвердил Гризль. — Обыкновенная поваренная соль. Ее содержат все без исключения продукты питания — от супов и макарон до напитков и сладких пирожных. Я полагаю, что это простое решение не требует дополнительных разъяснений и обсуждений.

— Чего ж тогда я должен ему платить, — проворчал Скуперфильд из вредности, — если порошок все равно будет попадать в макароны...

— Помолчите, господин Скуперфильд, — одернул его Спрутс. — У вас уже было время высказаться. Дело не в макаронах, а в том, что господин Дракула возьмет на себя организацию этого весьма обременительного процесса, а также ответственность за его последствия. Так, господин Дракула?

— Не так, — процедил Дракула сквозь зубы. — Я возьму на себя организацию. А за последствия отвечайте сами.

— Что ж, именно это я и имел в виду, — поспешил уточнить Спрутс. — Конечно же, ответственность за принятое решение поделят между собой все члены большого бредлама.

Дракулу все немного побаивались, поэтому проголосовали молча и единогласно. Разъяснения по остальным вопросам и раздача зеленых шариков споров не вызвали. Все проглотили по шарику, а Скуперфильд для верности натянул на свою голову

противогаз. С минуты на минуту должна была начаться тотальная акция по распылению гипнотического порошка.

Как ведущая теленовостей впервые сказала правду о себе в прямом эфире, а Ханаконда против своей воли вдохнул полной грудью воздух свободы

В это время зазвенели будильники почти у всех населяющих подлунный мир коротышек. На шесть часов утра был назначен старт ракеты, отправлявшейся на Большую Землю по программе акционерного общества «Космические поставки», а поскольку деятельность этого общества постоянно сопровождалась шумными скандалами и сенсациями, каждый, даже самый бедный, коротышка купил себе из любопытства хотя бы одну однофертинговую акцию. И теперь поголовно все жители подлунного мира, за исключением бездомных бродяг, сидели в пижамах перед телевизорами, чтобы своими глазами увидеть в прямом эфире запуск ракеты. Никто не обращал внимания на тарахтение вертолетов, начинавших назойливо кружить над большими городами и отдаленными населенными пунктами. А те из жителей, кто все-таки выглядывал на улицу и задирал голову к небу, видели, как по воздуху стелется, плавно опускаясь, какой-то беселый туман. Но смотреть было некогда, потому что на телевизионных экранах уже появилась заставка первых утренних новостей.

— Доброе утро, дамы и господа, — с милой улыбкой приветствовала зрителей симпатичная дикторша. — Меня зовут Фиалка, сегодня прекрасный день, и я рада новой встрече с вами.

И после этих ее слов всем вдруг стало понятно, что день на самом деле замечательный, как бы там ни было, и что у каждого из телезрителей нет лучшего друга, чем эта замечательная малышка-дикторша.

— Хотя, говоря по правде, все это чепуха, — заявила Фиалка, и голос у нее сделался вдруг капризным. — Надоело каждый день врать и притворяться. Утро сегодня паршивое, сами видите, а я не выспалась, потому что допоздна вертелась на вечеринке и строила глазки своему начальнику. По дороге сюда порвала новый чулок. Хотите, покажу? — Грохнув каблуком, Фиалка закинула ногу на стол и продемонстрировала «стрелку», расползшуюся от туфли до колена. — Вот так, два фертинга коту под хвост. Думаете, мне нравится эта паршивая работа? Говорят, что она престижная, а мне из-за этого приходится все время врать и подлизываться. Я ведь на самом деле люблю готовить, да только стоять у плиты почему-то считается зазорным. Скажут: дура необразованная. А я думаю, что лучше стоять у плиты, да на своем месте, чем подличать ради карьеры. Ладно, все чепуха. Сейчас же пойду и наймусь поварихой в какую-нибудь забегаловку; честное слово, они не пожалеют. По крайней мере, буду заниматься любимым делом и жить в свое удовольствие, а не ради видимости.

Фиалка решительно поднялась из-за стола, сняла с воротника микрофон и, радостно напевая, выбежала из студии.

Ее место тут же занял известный репортер Болтик. Этому тоже никто не удивился, все отчего-то понимали, что так и надо.

Наблюдавшие за происходящим Жмурик, Тефтель и Ханаконда недоуменно переглянулись. Двери и окна в их каменном замке-офисе были закрыты, а система вентиляции по трубам еще не донесла до них

отравленный воздух. Ханаконда прислушался к рокоту пролетавшего над замком вертолета и, мучительно растирая пальцами виски, забормотал: «Порошок, порошок... Что они говорили про порошок...» И вдруг, все поняв, закричал срывающимся голосом:

— Вентиляция! Выключите вентиляцию! Быстрее, кто-нибудь!.. — Он заметался, хватаясь за все выключатели на стенах. — Воздух! Перекройте воздух!..

В отчаянии он стащил с себя пестрый фрак и бросил в расположенную высоко под потолком вентиляционную решетку.

— Здравствуйте, сограждане! — провозгласил Болтик с телеэкрана. — Дорогие мои коротышки! Вы, конечно, очень рады меня видеть. Откройте окна и двери в ваших домах, вдохните полной грудью долгожданный воздух свободы...

— Все, это конец, — прошептал Ханаконда, вытирая лоб, по которому струились капли пота. Он уже чувствовал, что на самом деле рад видеть проклятого Болтика и что хочет вдохнуть полной грудью...

— Эй! — устало сказал он сбежавшимся на его крики охранникам. — Открывайте все настежь. Это последний приказ, вы все свободны...

Большой бредлам слушает Манифест и называет Пупса «ваше сиятельство». У репортера Болтика на душе скребут кошки

Зачитанный Болтиком текст назывался Манифестом Свободных Граждан и содержал в себе следующие основные пункты:

все законопослушные коротышки должны работать, являясь образцами для подражания в своих полезных профессиях;

все безработные должны заняться сельскохозяйственным трудом на специально отведенных для этой цели пустующих участках земли;

все коротышки обязаны забыть о существовании приборов невесомости и акционерного общества «Космические поставки»;

все нарушившие закон коротышки обязаны явиться с повинной в ближайшие полицейские участки;

все добропорядочные граждане должны относиться друг к другу с уважением и сочувствием;

Верховным Правителем Малой Земли волею народа избран его сиятельство господин Пупс. Личные указания нашего Возлюбленного Руководителя, равно как и указания его доверенных лиц, должны выполняться всеми безоговорочно и добросовестно.

Все еще сидевшие за совещательным столом члены большого бредлама внимательно выслушали текст Манифеста. После этого последнего и совсем уж неожиданного и вызывающего заявления все повскакивали со своих мест, готовые бурно протестовать. Но в ту же секунду за их спинами плотным кольцом выстроились коротышки в серых трико. Увидев наставленные со всех сторон стволы автоматов, капиталисты медленно осели в свои кресла и подавленно притихли.

— Ну зачем же так волноваться, — ласково пристыдил их Пупс. — Вы не знали!.. Конечно, ведь это специально подготовленный мною для вас приятный сюрприз! Но неужто вы не рады? А кого бы вы хотели выбрать, если бы вопрос поставили на голосование? Нет, это даже невозможно себе представить, это была бы безобразная сцена, господа, уверяю вас, безобразная! И потом: я сам раздал вам нейтрализующие шарики. Я рассчитывал на вашу порядочность, на ваш ум и здравый расчет. Но я

бы мог вообще не ставить вас в известность о происходящем... Разве такая мысль не приходила в ваши головы? Подумайте об этом, господа, прошу вас. И последнее. Если кто-нибудь из вас при посторонних обратится ко мне иначе, нежели «ваше сиятельство», я заставлю его горстями жрать порошок!.. — Пупс неожиданно перешел на крик, лицо его вдруг сделалось злым. — Я сделаю его безмозглым рабом! Таким же, какими стали сегодня все! Все, кроме нас!.. — Тут же взяв себя в руки, Пупс добродушно улыбнулся и ласково добавил: — Но ведь мне не придется прибегать к таким мерам, правда?

Все успели увидеть настоящее лицо господина Пупса и теперь напряженно молчали.

— Вы согласны со мной, господин Гадкинз? — обратился он к ближайшему от себя члену бредлама.

— Да... ваше сиятельство.

— А вы, господин Дубс? — спросил он следующего.

— Да, ваше сиятельство.

— Господин Попрыгунчик?

— Да, ваше сиятельство.

Этот вопрос г-н Пупс задал всем по очереди членам большого бредлама и незамедлительно получил от каждого три желаемых слова: «Да, ваше сиятельство».

Когда унизительная процедура была закончена, Гризль наклонился к уху «его сиятельства», что-то шепнул и почтительно предложил взять трубку мобильного телефона.

— Да? — вежливо осведомился Пупс. — Ах, это вы, дорогой друг! Рад вас слышать! Неужели? Что вы говорите? Это можно увидеть? Прекрасно, мы ждем.

Пупс вернул трубку Гризлю и объявил:

— Итак, господа, как вам известно, час назад на поверхности Луны состоялся запуск ракеты. Телевидение не транслировало это долгожданное событие по вполне понятным причинам, однако мы с вами имеем возможность наблюдать этот торжественный момент в записи. Надеюсь, что зрелище вас не разочарует... Подождем...

Ко всеобщему удивлению, Пупс едва сдерживал душившие его приступы смеха, фыркал и зажимал рот кружевным платочком. Бредлам смотрел на него мрачно и неприязненно.

В просторном салоне новенького сверхдлинного автомобиля к высотному офису фирмы «Пупс» мчался репортер Болтик. На коленях у него лежала коробка с так и не пошедшей в эфир видеозаписью старта ракеты. В его расширенных зрачках все еще отражались увиденные на экране вспышки, похожие на огни праздничного фейерверка. Но у Болтика не было ощущения праздника; колени у него дрожали, а на душе скребли кошки. Он мучительно пытался понять, что страшнее: грозившее коротышкам рабство физическое или наступившее для них теперь рабство духовное...

Старт ракеты. Экипаж остается на поверхности. Козлик отказывается от могущественного покровительства. Мы расстаемся с Луной

Незадолго до запуска двигателей назначенные накануне старта космонавты заняли свои места в ракете. Росомаха так и не появился, поэтому командование полетом и наземной экспедицией возлагалось теперь на Квантика. В этом не было ничего удивительного,

потому что Квантик был главным конструктором ракеты, а также автором инструкций для каждого члена экипажа. Ничего не умевший Росомаха мог быть только помехой. Для поддержания порядка было достаточно образцового обер-атамана Пшигля.

Занимая свое место в ракете, Козлик попадался в расставленную его собственными руками западню. Исправить что-то в системе зажигания теперь не представлялось возможным, а признание повлекло бы за собой страшную месть со стороны владельцев предприятия. Козлик уповал на то, что авария будет не слишком опасной и никто серьезно не пострадает. По его расчетам, после начала беспорядочного горения топлива в двигателях автоматически должно было сработать катапультирующее устройство, отделяющее головную часть ракеты от трех взрывоопасных ступеней, наполненных горючим. С помощью прибора невесомости экипаж мог спокойно прилуниться, а затем прыгнуть на землю с парашютами.

И все-таки, когда начался отсчет последних секунд перед запуском ракеты, Козлик так волновался, что был готов закричать: «Стойте! Стойте!» — и он бы закричал, если б не сковавшее его оцепенение.

— ...ТРИ, ДВА, ОДИН — НЕВЕСОМОСТЬ — ПУСК! — скомандовал Квантик.

Послышалось шипение, ракету тряхнуло вправо, влево...

— Держись! Отстегиваемся! — крикнул Квантик, предупреждая экипаж о катапультировании.

Хлопок, удар снизу — и верхушка ракеты с пятнадцатью коротышками на борту отстрелилась от горящего корпуса. Квантик плавно посадил аппарат на лунную поверхность, все выскочили наружу и спрятались за развалинами древней каменной стены. Широко раскрыв глаза, коротышки смотрели на взбесившийся огненный вихрь, закруживший разорванную в

клочья ракету. Рассыпаясь искрами, падали вниз куски горящего металла, и развалины уже не могли служить надежным укрытием от огненного смерча.

— Эй! — крикнул Козлик. — Здесь рядом есть пещера. Идите за мной, я Десятый!

Не раздумывая, все устремились за ним следом. По счастью, обломки никого не задели, и минуту спустя экипаж ракеты собрался в тесноватой, но вполне надежной пещере с радиостанцией. Убедившись, что все благополучно достигли укрытия, Квантик выглянул наружу и увидел, как на то самое место у каменной гряды, где они минуту назад стояли, упал огромный, полыхающий пламенем обломок корпуса. Квантик подошел к Козлику, пожал ему руку и сказал:

— Только что вы спасли всем нам жизнь.

Козлик опустил голову и промолчал.

Как только огненный вихрь утих, экипаж собрался в одной чудом уцелевшей палатке. Все были растеряны и подавлены, никто не находил слов.

— Плакали теперь наши денежки, — промолвил кто-то наконец.

— Да уж, размечтались... — вторил ему другой. — Хорошо еще, что остались живы.

— Да чего теперь здесь сидеть, — поднялся с места третий. — Давайте вниз прыгать.

— Прыгать нельзя, — поспешил предостеречь всех Квантик. — Еще неизвестно, куда вы сейчас угодите, в океан или в болото. Внутреннее ядро-то вертится! Надо связаться с землей, чтобы нас встречали, да только как теперь... Что это там за радиостанция в пещере, Десятый?

— Это та, которую оставили коротышки с Большой Земли, — пояснил Козлик.

— Но ведь говорили, что ее накрыло метеоритом.

— Стало быть, накрыло какую-нибудь еще. А эта целехонька. Сейчас пойду туда и все разузнаю.

— Я пойду с вами, — поднялся с места Квантик. — Пшигль, оставайтесь с экипажем и проследите, чтобы никто не выкинул никаких глупостей.

— Не сомневайтесь, господин Квантик. Мне заплатили вперед, и я пока еще на службе.

Козлик настроил станцию на волну Научного городка, и Квантик позвал к радиотелефону Альфу или Мемегу.

— Да, — прошамкал Мемега, — я слушаю.

— Господин академик! — взволнованно начал Квантик. — Нам необходима ваша поддержка! Вы видели, что здесь произошло?

— Кто это?

— Это я, Квантик!

— А, господин Квантик! Как ваши дела? Почему так редко у нас бываете в последнее время?

— Господин Мемега! Я пока еще здесь, на Луне! Вы видели, что произошло с ракетой? Запуск транслировали по телевидению?

Мемега прикрыл трубку ладонью и что-то сказал своему коллеге. Рядом послышался недоуменный голос профессора Альфы.

— Я вас плохо расслышал, — сказал Мемега. — О какой ракете идет речь?

— Господин Мемега, что с вами? Передайте трубку профессору Альфе!

— Алло! — послышался некоторое время спустя голос Альфы. — Кто это?

— Это Квантик! Я нахожусь на поверхности Луны!

— Эка, голубчик, как вас далеко занесло! Как вы себя чувствуете?

— Вы что, издеваетесь надо мной?! — потерял терпение Квантик. — Я никогда не совал нос в финансовую подоплеку этого дела, но формально вы —

вы лично и академик Мемега! — являетесь учредителями и владельцами акционерного общества «Космические поставки»! Или вы все там сошли с ума?!

— Я не расслышал, голубчик: какие поставки? Вы все перепутали! Это Научный городок, здесь занимаются наукой, а не поставками! А кто, вы говорите, сошел с ума? Доцент Носик сошел с ума? Весьма, весьма прискорбное известие!..

Квантик выдернул свои провода из передатчика и выругался. Козлик решил позвонить Жулио и начал крутить настройку. В эфир ворвались торжественно-приподнятые нотки диктора, зачитывавшего по Центральному радио какое-то важное сообщение. Козлик сделал знак Квантику, тот снова присоединил провода к станции, и оба стали слушать:

> «...Таким образом, высокие моральные качества нашего Возлюбленного Руководителя Его Сиятельства господина Пупса не оставляют сомнений в правильности выбора наших замечательных коротышек. Всеобщее и единодушное голосование за избрание Его Сиятельства господина Пупса Верховным Правителем нашей страны в очередной раз продемонстрировало...»

Что за ерунда... — пробормотал Квантик, а Козлик, не находя слов, яростно почесал скафандр над макушкой.

На волнах всех теле- и радиостанций разными голосами, но на один лад дикторы долдонили о выдающихся качествах «Возлюбленного Руководителя», о правильном выборе граждан и ожидающем их светлом будущем.

— Но ведь мы не выходили на связь не больше часа! — растерянно прошептал Квантик. — Что же могло произойти за это время? Может быть, взрыв ракеты привел к хроноаномальному сдвигу и мы оказались в будущем?..

— Это слишком мудрено, господин Квантик, — покачал головой Козлик. — Сейчас я попробую связаться с одним коротышкой, который вертится поблизости от «его сиятельства». Он должен что-нибудь понимать...

— Как! — воскликнул Жулио, услышав голос Козлика. — Это вы?! Но я только что видел, как взорвалась ракета на старте!

— Весь экипаж успешно катапультировался, — объяснил Козлик и поспешил прибавить: — Рядом стоит господин Козлик, он нас слышит.

Последовала пауза.

— Вот что, — пришел к какому-то решению Жулио. — Господин Квантик, если вы меня слышите...

— Да, я вас слышу.

— Уничтожьте радиостанцию и спускайтесь вниз на парашютах. Я укажу время, координаты и организую встречу экипажа.

— Что у вас происходит? Что за единодушное избрание верховного правителя?

— Почему вас это волнует? С каких пор вы интересуетесь политикой, господин Квантик?

— Объясните немедленно или мы сами все узнаем!

— Отложим этот разговор до нашей встречи.

— Встречи не будет! Ваши хозяева-капиталисты запугали или загипнотизировали коротышек, и мы не спустимся до тех пор, пока не узнаем всю правду!

— Ах, как вы меня напугали, — ухмыльнулся Жулио. — К сожалению, никто, кроме меня, не сможет оценить столь оригинальную форму протеста. А вы, господин Козлик? Вы тоже не намерены спускаться?

Козлику было стыдно, что он ввязался в это дело и едва не угробил весь экипаж ракеты. Надо было, набравшись решимости, выбираться из этой затянувшей его трясины вранья. И он принял решение:

— Я остаюсь с экипажем, господин Жулио.

— Вот как? Странно, я был о вас более высокого мнения, господин Козлик. Вы даже не догадываетесь, какой шанс вы сейчас упустили. Прощайте.

Жулио выключил радиотелефон.

— Мы продержимся здесь еще недели две, — сказал Квантик. — От силы месяц. За это время необходимо во всем разобраться и что-то предпринять...

— А что если позвать на помощь коротышек с Большой Земли? — предложил Козлик. — Земляне наши друзья, а своих друзей они нипочем не оставят в беде.

Козлик запустил позывные и в ожидании ответа вышел из пещеры, чтобы посмотреть, в порядке ли космическая антенна. Подняв глаза, он оторопел: о ужас! Тарелка точно направленной межпланетной антенны была смята и искорежена обломками взорвавшейся ракеты.

Только неделю спустя отремонтированная общими усилиями антенна начала посылать в эфир короткое, но отчаянное воззвание:

«Я ЛУНА! Я ЛУНА! ВЫЗЫВАЮ КОСМИЧЕСКИЙ ГОРОДОК! ЛУННЫЕ КОРОТЫШКИ ПРОСЯТ У ЗЕМЛЯН ПОМОЩИ И ЗАЩИТЫ! ШАЙКА ДЕНЕЖНЫХ МЕШКОВ ВО ГЛАВЕ С ПРОВОЗГЛАСИВШИМ СЕБЯ ВЕРХОВНЫМ ПРАВИТЕЛЕМ САМОЗВАНЦЕМ ДЕРЖИТ НАСЕЛЕНИЕ В СОСТОЯНИИ ГИПНОЗА! МЫ НЕ ЗНАЕМ, ОТКУДА ИСХОДИТ ВРЕДОНОСНАЯ СИЛА, И ВСКОРЕ САМИ ПОПАДЕМ ПОД ЕЕ ВЛИЯНИЕ. НАЙДИТЕ ОТ НЕЕ ЗАЩИТУ И СПАСИТЕ НАСЕЛЯЮЩИХ ПОДЛУННЫЙ МИР КОРОТЫШЕК! ТОРОПИТЕСЬ, ИЛИ ВСЕ ПОГИБНУТ, ОКОНЧАТЕЛЬНО ПОТЕРЯВ РАССУДОК!»

Этот текст, записанный на закольцованную магнитофонную ленту, повторяясь бесконечно, уходил в

космическое пространство. Большая Земля была рядом, перед глазами, и в то же время она была далеко. «Слушайте, слушайте, мы здесь... — шептал Козлик, с надеждой глядя на укутанный пеленой облаков голубовато-зеленый диск, и в глазах у него блестели слезинки, которые он не мог вытереть. — Незнайка, ты должен услышать!.. Я здесь, помоги мне еще один раз, я очень тебя прошу...»

Огромный земной шар с удивлением взирал на горстку собравшихся на безжизненной лунной поверхности коротышек. Как они туда попали и будут ли услышаны их отчаянные призывы? Впрочем, это дело не его, а самих коротышек. Наступал вечер, и шар отворотился от них и от Солнца одним из своих полушарий, чтобы спокойно вздремнуть до следующего утра.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ КНИГИ

КНИГА ВТОРАЯ

Зима в стране коротышек

Часть первая

Зима в стране коротышек. Не самый удачный день. Личная корреспонденция Пончика. Незнайка видит сны, один из которых имеет отношение к ближайшему будущему, а другой — к весьма отдаленному настоящему

В сказочной стране коротышек зима бывает короткая: под Новый год выпадает снег после случаются морозы, а потом начинается оттепель — солнце припекает, снег подтаивает и по земле бежит столько ручьев, что Огурцовая река едва не выходит из берегов.

Теперь стоял конец декабря, и выпавший ночью большой снег никого не удивил. Жители Цветочного города привыкли к тому, что в это время года их дома, каждый из которых всего-то величиной с тыкву, заносит до самой трубы. Если же снег поднимается еще выше (а бывает и такое), то они разводят в своих печах столь жаркое пламя, что выходящий из труб дым пополам с искрами протапливает в снегу дырки наружу. И тогда со стороны можно видеть, как от гладкой снежной поверхности то там то здесь струйкой поднимается дымок.

В такие дни коротышки роют между домами тоннели и ходят друг к другу в гости. В солнечную погоду снег светится, и внутри таких ходов бывает особенно красиво.

Если на поверхности появляется наст — плотная ледяная корка, — все высыпают наружу с лыжами и санками. Если же снега выпадает немного, на реке расчищают лед и устраивают большой каток с музыкой и иллюминацией.

Из-за выпавшего ночью большого снега за окнами казалось темно, и Незнайка, к своему собственному огорчению, проснулся только к полудню. В доме было пусто и тихо, только за стеной, в комнате Пончика, слышался шум настройки радиоприемника.

— ...К вечеру температура воздуха повысится до плюс пяти градусов, однако ночью ожидаются заморозки до минус десяти, — докладывала малышка из бюро погоды. — В дальнейшем сохранится умеренно морозная погода с температурой от минус трех до минус семи градусов. Желаем вам приятной встречи Нового года!

Пора было вставать и одеваться.

В зимнее время Незнайка (как, впрочем, и все другие коротышки) носил валенки. В валенках было тепло и удобно, а главное, не нужно было возиться со шнурками и застежками. Поверх рубашки он надевал толстый вязаный свитер мышиного цвета, доходящий едва ли не до колен, а вокруг шеи обматывал ярко-красный шарф в полоску, столь длинный, что концы его путались в ногах. Поскольку Незнайка, вообще-то, любил одеваться броско, этот шарф отчасти заменял ему канареечный галстук и любимую голубую шляпу, которые бережно хранились до весны. Зимнюю шапку Незнайка почему-то не любил, так что в одежде у него, как и во многом другом,

все выходило шиворот-навыворот: летом он носил шляпу, а зимой разгуливал с растрепанными волосами.

Одевшись, Незнайка заглянул к Пончику, который успел позавтракать и теперь валялся на кровати, покручивая настройку стоящего на животе радиоприемника.

— Слушай, а куда это все подевались? — рассеянно поинтересовался Незнайка, позевывая в ладошку.

— Ходы роют, будто бы не знаешь, — ответил Пончик.

— Да?.. И давно рыть пошли?

— Давно.

— Чего же меня не разбудили?

— Тебя, пожалуй, добудишься. Между прочим, Пилюлькин сказал, что ты сегодня дежурный по кухне.

— Да?.. — Незнайка почесал затылок. — Слушай, а сам-то ты чего здесь разлегся?

— Спина болит, — соврал Пончик.

Незнайка спустился в столовую (его комната была на втором этаже), поковырял без аппетита холодную кашу и занялся уборкой: подбросил в печку дров, поставил греться котел с водой, свалил в раковину грязную посуду, повозил мокрой тряпкой по столу.

Из расположенного поблизости сарая, который Винтик и Шпунтик приспособили под мастерскую, пахло краской и доносилось шипение распылителей. Почти месяц друзья-механики сооружали там скоростные самоходные сани новейшей конструкции, а теперь красили корпус эмалевыми красками по специально вырезанному художником Тюбиком бумажному трафарету.

По наспех прорытому механиками ходу Незнайка перебежал в мастерскую и стал смотреть на их

работу, наблюдая, как на серую поверхность металлического корпуса постепенно ложится яркий, похожий на рвущуюся вперед стрелу рисунок. «МЕТЕЛИЦА» — прочел он выведенное синими с красным ободком буквами название снегохода.

Постояв в сторонке и насмотревшись, Незнайка решил подать голос.

— Значит, скоро можно будет прокатиться с ветерком? — сказал он приветливо, наводя, как говорится, мосты для последующих полезных контактов.

Винтик и Шпунтик, не прерывая работы, оглянулись, но не ответили. Из-за шипения распылителей они сказанного не расслышали, а если бы и расслышали, то не смогли бы ответить, потому что лица у них были закрыты специальными фильтрами.

Незнайка этого не понял и решил, что с ним не желают разговаривать.

Ему это показалось обидным, и он сказал:

— Только не надо делать умные лица; всем известно, что снегоход придумал Знайка. И чертежи он вам нарисовал. По готовым чертежам любой дурак бы склепал.

Винтик и Шпунтик снова оглянулись и промолчали.

Незнайка между тем распалялся все сильнее:

— По чертежам бы и я сообразил, что к чему... Хотел бы я посмотреть, что бы вы без чертежей делали.

Ни в каких чертежах он, конечно, не разбирался, а говорил только из вредности. Что же касается Знайки, то он вообще давно был в отъезде и в сооружении снегохода участия не принимал. Причина его отсутствия была в следующем.

Когда опасность похищений перестала угрожать, в Каменный город стали возвращаться его прежние жители. Им на помощь туда отправились добровольцами специалисты со всех концов страны. Работа закипела, и уже к зиме серые громады кварталов

преобразились: на улицах засияло электрическое освещение, на крышах домов появились солнечные батареи, а убранство квартир сделалось современным и удобным для проживания.

Многие коротышки, поработав на восстановлении города, сами обустраивались и оставались там жить. А поскольку от Знайки давно не было вестей, друзья опасались, как бы он тоже не покинул их навсегда.

Винтику показалось, что Незнайка говорит про Знайку, и он выключил насос распылителя.

— Что ты говоришь? — спросил он, подняв на лоб очки и опустив маску респиратора.

— Я говорю, что такую ерундовину и любой дурак бы склепал, — не совсем уверенно произнес Незнайка, догадываясь, что произошла какая-то путаница. Но поскольку он был чрезвычайно упрям, то решил идти напролом до конца.

Винтик удивился.

— Слушай, — обратился он к своему другу Шпунтику, который тоже опустил маску и начал прислушиваться к разговору, — слушай, ты случайно не помнишь, кто здесь вертелся целый месяц и мешал работать? Кто тут приставал и надоедал, когда можно будет покататься на снегоходе?

— Да, — сказал Шпунтик, — такая личность мне знакома.

— А не кажется ли тебе, что у этой личности от безделья начало развиваться слабоумие?

— Очень похоже на то. И знаешь, что я думаю, Винтик?

— Да, да?

— Что такие личности представляют опасность и что их вообще нельзя подпускать близко к технике.

— Стало быть, о катании не может быть и речи?

— Категорически отказать. И знаешь еще что?

Отложив распылители, Шпунтик, а за ним и Винтик начали медленно приближаться к Незнайке.

— Да, да?..

— В целях скорейшего выздоровления предлагаю надавать этой выдающейся личности по шее.

Не дожидаясь исполнения угрозы, Незнайка выскочил за дверь. Припустив к дому, он на ходу крикнул:

— Не очень-то и хотелось! Катайтесь сами на своей развалюхе! Подумаешь, умники нашлись, как-нибудь обойдемся...

Вернувшись на кухню, Незнайка увидел, что вся вода, гревшаяся для мытья посуды, выкипела, а жестяной котел распаялся и сделался никуда не годным. Винтик и Шпунтик могли бы запаять его сейчас в два счета, но день, похоже, не клеился с самого начала.

Незнайка взял накалившийся бак прихватом и бросил его за дверь в снег. Послышалось яростное шипение и треск. Пожалуй, теперь его в два счета не запаять...

Вконец расстроенный, Незнайка поднялся к себе, лег на кровать и уставился в потолок.

Приемника за стеной не было слышно, теперь оттуда доносилось шуршание бумаги. Нетрудно было догадаться, что Пончик занялся своей почтой, или, как он сам ее называл, «личной корреспонденцией».

Тут следует пояснить кое-что. После выхода на телевизионные экраны многосерийного фильма о путешествии на остров Голубой звезды все участники экспедиции сделались знаменитыми и каждый из них получил огромное количество писем от зрителей. Но почти все они по разным причинам — кто из скромности, кто из-за занятости, а кто из-за лени — писать ответы не стали.

Иначе обстояло дело с Пончиком.

В фильме было показано, как он, спасая от гибели своих товарищей, бросился под ноги вышедшему

из-под контроля взбесившемуся роботу, и такой поступок, конечно, не остался незамеченным.

Благодаря этому подвигу Пончик обрел десятки и даже сотни поклонников, а вернее, поклонниц, которые буквально засыпали его своими восторженными письмами.

Правду о его «подвиге» знали трое: корреспондентка Кроха, Знайка и Огонёк. Отсматривая по возвращении из путешествия рабочие материалы, Кроха несколько раз подряд прокрутила эпизод, предшествовавший гибели «Шестого» робота. Момент, когда робот на бегу резко и внезапно изменил направление, ясно показывал истинную картину событий. А именно то, что Пончик в тот момент не собирался жертвовать собой, как это ошибочно поняли окружающие, а, наоборот, струсил и бросился бежать.

После недолгих размышлений Кроха вырезала из фильма несколько разоблачительных кадров, показав их только Знайке и Клюковке. Без этих кадров эпизод выглядел в самом выгодном для Пончика свете. И хотя слава его была незаслуженна, это было все-таки лучше, чем выставлять его на посмешище, бросая тень на всех остальных участников экспедиции.

Все письма, приходившие Пончику, были в кокетливых изящных конвертах, отчаянно пахли духами, и почти все начинались словами: «Здравствуйте, господин Пончик! Вы меня не знаете, но я все равно решила написать вам это письмо». Даже почерки (довольно аккуратные, надо признать) и грамматические ошибки были в этих письмах одинаковые. При помощи цветных карандашей они обводились красивыми рамками, а заканчивались игривой фразой: «Жду ответа, как соловей лета!»

Таких писем приходило огромное количество, и поскольку Пончик был впервые удостоен столь лестного и приятного внимания, то старался ответить на

каждое, не растеряв ни одной поклонницы и, наоборот, подогревая их интерес к своей особе. Каким же образом он добился столь блистательных результатов в этом деле, мы узнаем из дальнейшего.

Ввиду того что Пончик не мог связать на бумаге трех слов (говорил он, кстати, тоже бестолково и поэтому мало), он однажды явился к поэту Цветику и рассказал о своих затруднениях.

— Нет ничего проще! — сказал Цветик. — Я сочиню образец ответного письма, а тебе останется только переписывать столько экземпляров, сколько требуется. Не каждому ведь дано изящно и красиво изъясняться, — прибавил он не без самодовольства. — Приходи завтра.

Сочиненный Цветиком образец Пончику очень понравился, однако его смутило количество слов, которые ему предстояло переписывать собственноручно. Когда Цветик закончил чтение, Пончик его искренне поблагодарил, но тут же попросил текст сократить, поскольку такую писанину (у него насчитывалось более ста корреспонденток) просто физически не осилить.

Цветик пожал плечами и вычеркнул несколько не самых удачных, по его мнению, абзацев.

Сокращенный вариант Пончику понравился больше, но все еще был чересчур обременителен.

В конце концов в результате долгих препирательств письмо было сведено к нескольким абзацам, красивым и предельно лаконичным (в смысле поэтическом, конечно). Оно начиналось словами: «О прекрасная невидимая Собеседница!» — а заканчивалось надрывным воплем: «Вы вселили в меня надежду и заставили биться сердце, очерствевшее в жестоких испытаниях! Благодарю Вас, о, благодарю...»

Несколько ошарашенный столь высокопарным стилем, Пончик все же от души поблагодарил автора и

собрался было уходить, но Цветик неожиданно предъявил ему непременное условие:

— Вот что, братец, погоди. Я постарался, так уж и ты будь любезен, выполни мою просьбу.

Пончик нехотя вернулся; он уже раньше подумал, что даром ничего не делается и Цветик обязательно потребует от него какую-нибудь услугу.

— Видишь ли, Пончик... — начал неуверенно развивать свою мысль Цветик. — Дело в том, что нас, поэтов, не очень-то жалует читатель. Для того чтобы получить широкую известность, нужно буквально в лепешку расшибиться...

— Зачем же в лепешку, — возразил Пончик. — Тебя все и так знают.

— Ах, да кто меня знает! Знают только здесь, в этом захудалом городишке. А попробуй-ка заставь кого-нибудь, допустим, в Солнечном городе взять с полки книжку никому не известного поэта Цветика, когда рядом стоит роскошно изданный том стихов знаменитого Пегасика! В то время когда мои стихи ничуть, ничуть не хуже! Ты согласен?

Пончик поспешно закивал головой, хотя стихов никогда не читал, а о Пегасике слышал впервые. Он силился понять, чего именно может потребовать от него Цветик.

— Так вот, не затруднит ли тебя, дорогой друг, дополнительно вкладывать в каждый конверт листок с моими стихами? Понимаешь, если мои стихи будут под рукой у столь огромного количества романтически настроенных читательниц, появится хороший шанс утереть нос этому зазнавшемуся Пегасику.

Уяснив, что делать ему, в сущности, ничего не придется, Пончик легко согласился вкладывать в письма стихотворения Цветика. Тем более, рассудил он, что увлечение поэзией пойдет только на пользу его собственному образу.

И Пончик принялся за работу.

Старательно, высунув язык, он выводил на бумаге текст, начинавшийся словами: «О прекрасная невидимая Собеседница!» — а затем вкладывал письмо вместе со стихотворением Цветика в конверт. Помимо краткости текст письма был удобен еще и тем, что в нем не указывалось имя адресата, и это гарантировало от неизбежной путаницы с именами поклонниц, которые в последнее время буквально громоздились в голове Пончика и водили там хороводы. Имя и адрес он писал уже на конверте, каждый из которых аккуратно облизывал и приглаживал. (Эти облизывания не прошли даром: язык у него однажды распух от клея, и Пончик не спустился к обеду, впервые в жизни лишившись аппетита. Осмотрев язык, доктор Пилюлькин строго-настрого запретил ему лизать клей, посоветовав употреблять для этой цели кисточку и стакан с водой.)

В описываемое время Пончик работал уже над вторым кругом корреспонденции, но к этому мы вернемся несколько позже.

Под шелест бумаги и конвертов, доносившийся из-за стенки, Незнайка заснул. Ему приснилось, что Знайка опять придумал воздушный шар, но теперь изготовленный почему-то не из резины, а из бумаги. Такой огромный заклеенный почтовый конверт с адресом и печатью. Адрес кажется Незнайке знакомым: «Зелёный город, Синеглазке».

Вот гигантский конверт надулся, поднялся в воздух, и коротышки полезли в привязанную к нему корзину. Один только Незнайка не успевает и хватается за болтающуюся из корзины веревку. Под ним оказываются санки, и веревка тянет его за воздушным шаром.

Шар-конверт с трудом летит, вернее, тащится по ветру и теряет пассажиров. Наконец он окончательно

рассыпается маленькими конвертами и листочками писем, а Незнайка отпускает веревку и продолжает скользить вперед. Он понимает, что скоро попадет в Зелёный город и увидит Синеглазку, с которой когда-то подружился, но так и не написал ей письмо, хотя обещал.

Вот и ее дом, почему-то весь ледяной. Синеглазка встречает его на пороге, зовет в дом, а Незнайка говорит, едва ворочая языком: «Сейчас, сейчас, еще чуточку посплю...» Откуда-то появляется доктор Пилюлькин и говорит сердито: «Видали? Он спит! Навторил делов, а теперь спит!»

Он хорошенько встряхивает Незнайку, пружины кровати взвизгивают, и тот просыпается.

Никакого ледяного дома и Синеглазки. Над ним стоит Пилюлькин, позади еще несколько коротышек.

— Когда все работали, он спал! Посуду не вымыл! Котел испортил! И опять спит! — отчитывал его Пилюлькин, который стал старшим по дому после отъезда Знайки. — Ну что с таким лодырем и вредителем прикажете делать?

Незнайка вскочил с кровати и принялся тереть глаза.

Поругавшись еще и поворчав, Пилюлькин вышел, и вместе с ним вышли еще несколько любопытных, среди которых Незнайка заметил тихоню и притворщика Пончика. Укоризненный вид этого лицемера, выходившего из своей комнаты только на завтрак, обед и ужин, подействовал на Незнайку худшим образом: готовый секунду назад раскаяться, теперь он решил обидеться на весь мир.

На следующий день, после короткой оттепели, на снегу образовался наст. Это всех обрадовало, потому что теперь можно было подготовить на Огурцовой

реке место для новогоднего праздника — залить каток прямо на поверхности снежной корки. Такой метод был для жителей Цветочного города не в новинку, поэтому за дело взялись дружно и уверенно. Незнайка тоже хотел пойти, но вспомнил о своей обиде и вместо того, чтобы трудиться вместе со всеми, целый день катался на санках с гор.

Вернувшись домой голодный и усталый, он принялся искать в столовой свою порцию обеда, которую всегда оставляли опоздавшему. Но здесь все уже было вымыто и прибрано, запаянный котел с остывшей водой стоял на плите.

Наевшись всухомятку хлеба с вареньем, Незнайка отправился к себе в комнату, рухнул на кровать и заснул как убитый.

За ужином Пилюлькин поинтересовался:

— А где у нас Незнайка пропадает? Я и за обедом его не видел.

— Он весь день на санках катался, а теперь спит, — сообщил Пончик.

— Ну тогда пусть спит, — сказал Пилюлькин. — Вы его не будите. Я вчера на него наорал сгоряча, вот он, наверное, и рассердился.

— На сердитых воду возят, — заметил Шпунтик.

— Нет, нет, вы его не обижайте, — заступился Пилюлькин. — Он коротышка неплохой, только очень уж легкомысленный. Обед ему оставить не забыли?

— Не забыли, — сказал дежурный Сиропчик. — Я ему хорошую порцию оставил.

— Погоди, погоди, — встревожился Шпунтик. — Получается, что это я его обед стрескал. Я ведь в мастерской задержался, а потом увидел на столе обед и съел... Я ведь подумал, что это для меня оставили.

Все забеспокоились, что Незнайка остался без обеда, но Пончик сказал, что волноваться тут совершенно нечего, поскольку он сам видел, как Незнайка ел хлеб и варенье.

— Ну тогда ничего, — успокоился Пилюлькин и все остальные. — Тогда пускай спит. Только вы ему ужин обязательно оставьте.

После этого все разошлись по комнатам.

Незнайка открыл глаза глубокой ночью. Он хорошо выспался и теперь стал думать, чем можно заняться в такое время. Ничего толкового на ум не приходило, а потому он стал думать обо всех своих настоящих и выдуманных обидах.

Незнайка нянчил свои обиды до тех пор, пока ему не захотелось отомстить. Но ему совсем не хотелось устраивать обычный скандал или драку. Он решил повести дело так, чтобы все чувствовали себя виноватыми.

«Если я здесь никому не нужен и все мечтают о том, чтобы от меня избавиться, — рассуждал он, решительно сжимая кулаки, — то они это получат. Напишу записку, будто ушел в лес, а сам спрячусь где-нибудь хорошенько. Утром они хватятся, переполошатся... Тогда еще посмотрим».

И Незнайка мстительно улыбнулся, вообразив, какой поднимется переполох, как все пойдут его искать в лес, а потом, когда они вернутся, раскаявшиеся и подавленные горем, он выскочит откуда-нибудь и скажет: «А вот и я!»

И тогда, конечно, все начнут просить прощения и все такое... А он только пожмет плечами и произнесет негромко: «Не стоило нарушать режим питания из-за такого пустяка...»

Нет, это не годится, могут подумать, что он затеял все только из-за того, что ему не оставили порцию... Ладно, у него еще будет время обдумать эту фразу.

Незнайка выдрал из тетради листок бумаги и аккуратно вывел карандашом: «Ухожу от вас на всегда. Может быть я замерзну в лесу и не вернус. Но вы обомне не беспокойтесь. Досвидание».

Он оставил записку на тумбочке, набросил на плечи полушубок, сгреб в охапку лыжи и, стараясь не скрипеть ступеньками, спустился по лестнице.

Из-за соседней двери высунулся Пончик. Он тоже спал днем и от этого теперь мучился бессонницей. Увидев, что Незнайка уходит куда-то с лыжами посреди ночи, Пончик растворил дверь в его комнату и включил свет. От произведенного им легкого дуновения записка слетела с тумбочки и упорхнула под кровать. Не заметив этого, он тихонько вышел и спустился вниз. В темноте скрипнула наружная дверь и послышались удаляющиеся шаги.

Пончик включил свет, огляделся и увидел на столе ужин, оставленный для Незнайки. Недолго поколебавшись, он сел за стол и в две минуты умял чужую порцию.

Затем Пончик вернулся к себе в комнату и улегся в кровать. Приятное ощущение сытости заглушило тревогу, его снова стало клонить ко сну. По поводу увиденного он решил на всякий случай никому ничего не говорить.

Выбравшись на ощупь из дома, Незнайка пробрался в мастерскую Винтика и Шпунтика и залез в салон подсыхающей после покраски «Метелицы». От удушливого химического запаха голова у него слегка закружилась, он лег на заднее сиденье, прикрылся полушубком и свернулся калачиком. И снова ему привиделся сон, но на этот раз не столько удивительный, сколько тревожный и страшный.

Он увидел Козлика, который смотрел на него и силился что-то сказать.

— Козлик! — одновременно обрадовался и испугался Незнайка. — Ах, как давно мы не виделись! Прости, что я так долго о тебе не вспоминал...

Тут он увидел, что вокруг зияет черное космическое пространство с яркими звездами, а он сам находится на внешней, безжизненной оболочке Луны. Незнайке стало страшно за Козлика, который был в своей обычной одежде, в то время как он сам находился в герметическом скафандре.

— Козлик! — закричал Незнайка. — Почему ты здесь? Что случилось?

Вместо ответа Козлик опустился на четвереньки и жалобно проблеял:

— Помоги-и-и-те!.. Помоги-и-и-те!.. Незнай-а-ай-ка!.. Спаси-и-и-те!..

Незнайка решил, что Козлик опять побывал на Дурацком острове и теперь на его глазах превращается в барана. Он бросился к другу, но в этот момент поверхность Луны треснула, раскололась надвое, и между ними с ужасным грохотом разверзлась и стала шириться пропасть. Все посыпалось, из расщелины ударила струя дыма, похожего на облако белого порошка. Козлика не стало видно, вся Луна затряслась, заходила ходуном и начала разваливаться на куски. Незнайка взмахнул руками и полетел в пустоту..

Как Незнайку хотели высадить в снег, но пожалели и оставили. Как Шурупчик попал в западню из-за того, что потерял голос. Творческие мучения писателя Смекайлы. Незнайка выясняет, что кое-кто состоит с ним в переписке

Сани тряхнуло на пригорке, и Незнайка с криком «ой!» скатился на пол. Когда он медленно поднялся и выглянул из-за спинки переднего сиденья, его взору открылась удивительная картина: навстречу

стремительно летела сверкающая на солнце снежная равнина, а из водительской кабины на него в упор, широко раскрыв глаза, смотрели Винтик и Шпунтик.

Едва не зарулив в овраг, Винтик заглушил двигатель и тоном, не предвещающим ничего хорошего, поинтересовался:

— Послушай, Шпунтик, тебе не кажется, что к нам сюда забрался кто-то без спроса?

— Да, смотри-ка, сидит какой-то коротышка...

— А ты его, случайно, не знаешь?

— Нет... впервые вижу такого. Наверное, это какой-нибудь вредитель. Надаем ему сейчас по шее, посадим в снег да и поедем дальше.

— Правильно, — согласился Винтик, — нечего ему здесь делать. А ну давай его за руки, за ноги...

Незнайка, тревожно переводивший взгляд с одного на другого, в испуге завопил:

— Стойте! Не надо в снег! Я не вредитель! Я — Незнайка!..

— Ах, так ведь это же Незнайка! — будто только что признал его Шпунтик. — Понимаешь, Винтик, это, оказывается, та самая выдающаяся личность, которая здорово в технике разбирается; ей еще наш снегоход не понравился, помнишь?

— Да... пожалуй, теперь я его узнал. Надо бы эту личность обратно в Цветочный город доставить, но ведь мы уже больше половины дороги проехали, возращаться неохота.

— И когда он только успел спрятаться?..

— Братцы! — воскликнул Незнайка со всей искренностью. — Честное слово, я не хотел прятаться! То есть я даже не знал, что вы куда-нибудь поедете, я только спрятаться хотел... то есть...

Увидев, что Незнайка не врет, а только путается с перепугу, Винтик и Шпунтик решили оставить его

в покое. «Метелица» рванула с места, и в дороге постепенно прояснилось следующее.

Ранним утром в доме малышей задребезжали настойчивые звонки, и заспанный Винтик поплелся в коридор к телефону.

— Вас беспокоит писатель Смекайло! — зазвучал в трубке мягкий, но настойчивый голос. — Писатель Смекайло. Помните, вы как-то были у нас в Змеевке?

— Да, да, конечно, рад вас слышать, дружище. — Винтик потряс головой, пытаясь сосредоточиться.

— Простите, что беспокою вас в столь ранний час, но дело в том, что у нас здесь произошло чепе!

— Что произошло?

— Че-пе, чрезвычайное происшествие! Срочно необходима ваша помощь. Поймите, ближе, чем до вас, мне ни до кого не удалось дозвониться. Я думаю, что сейчас еще все спят!

— Да-да...

— Скажите, пожалуйста, Винтик, нет ли у вас, случайно, сварочного аппарата?

Винтик подтвердил, что сварочный аппарат у него имеется.

— В таком случае не могли бы вы сейчас как-нибудь одолжить его нам? Речь идет буквально о спасении коротышки.

— О спасении кого? — моментально взял себя в руки Винтик, услышав, что речь идет о чьем-то спасении.

— Шурупчика, изобретателя... Вы должны его помнить!

— Да, конечно, что с ним?

— Вы понимаете, он запер себя в металлическом гараже. Дикая случайность! Дверь необходимо срочно разрезать сварочным аппаратом, иначе Шурупчик замерзнет!

— Немедленно выезжаем! — закричал Винтик без дальнейших расспросов, досадуя на то, что потратил столько времени на совершенно лишнюю болтовню. — Выезжаем, ждите!

— Но как же вы добе...

«Как же вы доберетесь?» — хотел спросить Смекайло, но Винтик уже бросил трубку. Он разбудил Шпунтика, и они погрузили в багажник «Метелицы» сварочный аппарат и, взявшись разом, выкатили машину на поверхность.

Незнайка, который в это время видел страшный сон про Козлика и лунотрясение, не проснулся, а его никто не заметил, потому что за спинки сидений не заглядывали.

Глубокий снег с настом остался позади, и легко скользившие до этого полозья зарылись в неглубокий пушистый снежок. Винтик нажал кнопку на пульте управления, полозья убрались в корпус, и «Метелица» легла на плоское, напоминающее одну широкую лыжу днище. Располагавшийся позади авиационный винт прибавил оборотов, и машина помчалась с прежней скоростью.

Выскочив из густого ельника, «Метелица» спорхнула с обрывистого берега и лихим виражом вписалась в русло реки Змеевки. До места назначения оставалось теперь совсем немного.

И поселок, и река назывались одинаково, поэтому между Винтиком и Шпунтиком зашел спор: называется ли поселок Змеевка так из-за того, что так называется река, на берегу которой он расположен, или, наоборот, из-за того, что над крышами его домов летает огромное количество воздушных змеев, а уж по этой причине Змеевкой назвали и протекающую здесь реку...

Не принимая участия в этом путаном споре, Незнайка, развернувшись, смотрел через заднее стекло:

мчавшийся на всех парах снегоход оставлял за собой огромное облако снежной пыли, раздуваемой мощным пропеллером. «Вот почему его назвали „Метелицей“», — догадался Незнайка.

Русло реки стремительно петляло, и вскоре за обрывом показался заснеженный песчаный пляж, дома с дымящимися трубами и несколько сиротливо трепыхавшихся в небе воздушных змеев. Наверное, для этих хвостатых также существовали сезоны спячки и бурного размножения.

«Метелица» с разгону влетела на пляж, легко поднялась в горку и, сбавив скорость, выехала на главную улицу поселка.

Дома в Змеевке стояли запорошенные снегом, и Винтик со Шпунтиком, растерянно озираясь, никак не могли понять, где дом Шурупчика. Что касается Незнайки, то он и вовсе никогда прежде здесь не бывал.

Но вот в глубине одной из улочек они увидели толпу коротышек и, не долго думая, свернули.

— Сюда! Сюда! — послышались голоса, и вскоре «Метелицу» окружили малыши.

Как только прибывшие спрыгнули с подножки, каждый по очереди попал в пушистые объятия писателя Смекайлы, одетого в меховую шубу, меховую шапку и меховые варежки. Голос у него тоже был мягкий и пушистый.

— Тот самый Незнайка! — радостно воскликнул Смекайло. — Это просто замечательно, что вы тоже здесь! Мне нужно с вами о многом поговорить, но это после, после...

Металлический гараж, в котором угораздило запереться несчастного Шурупчика, имел довольно скромные размеры. Как выяснилось, он предназначался не для автомобиля, а для недавно изобретенного Шурупчиком снежного мотоцикла, работавшего на

искусственном льду — таком, какой бывает в ящиках у продавцов мороженого. В бак с этим льдом поступал кипяток, происходила бурная реакция, и образовавшийся холодный пар ударял в цилиндры двигателя.

Произошло же вот что. Накануне вечером Шурупчик возился в своем гараже с мотоциклом, отлаживая двигатель, и по причине необычайно холодных испарений искусственного льда застудил себе горло. Он совершенно лишился голоса и мог только почти беззвучно шипеть и жестикулировать.

И тут следует пояснить, что все предметы, замки и механизмы в доме и подсобных помещениях Шурупчика работали по совершенно особенной, недавно изобретенной им оригинальной системе. Однажды ему пришло в голову, что во множестве имевшиеся в его доме кнопки безнадежно устарели. И тогда Шурупчик изобрел особого рода датчики, которые реагировали не на примитивное нажатие кнопки, а на звук его голоса.

Условным сигналом для срабатывания скрытых механизмов служило кодовое слово — «открыть», «закрыть», «поднять», «свет», «мотор» и тому подобные команды, произносимые голосом хозяина. Кстати сказать, Шурупчик, как и многие другие изобретатели, был довольно рассеян и часто путал кодовые слова, в результате чего получал дверью по носу, обливался кипятком в душе или откидная кровать придавливала его к стене.

И вот последнее непредвиденное обстоятельство — внезапная и полная потеря голоса — застигло его в самое неподходящее время: запертым в металлическом гараже, зимой, с кучей искусственного льда в двигателе мотоцикла. Датчик замка был наглухо вмонтирован в металлические ворота, и подобраться к нему не было ни малейшей возможности.

Шурупчик принялся колотить чем попало по железу и разбудил жившего по соседству писателя Смекайлу. Ничего не добившись от самого Шурупчика, тот

попытался сломать ворота при помощи металлического лома, но поднятым шумом добился только того, что перебудил половину поселка и вокруг гаража понемногу стала собираться толпа. Приложив ухо к железу, можно было слышать, как внутри разминается Шурупчик, чтобы совсем не замерзнуть. Кто-то предложил разрезать ворота сварочным аппаратом, и Смекайло вспомнил, что в Цветочном городе живут механики Винтик и Шпунтик, у которых такой аппарат должен быть наверняка. Дальнейшее нам уже известно.

Всю ночь жители Змеевки, меняя друг друга, жгли возле одной из стен гаража костер, чтобы Шурупчик внутри мог греться возле нее. Когда же в полдень на улице показался снегоход и двое коротышек в авиационных шлемах с очками-«консервами» подтащили к воротам гаража сварочный аппарат, все облегченно вздохнули.

Однако Винтик и Шпунтик почему-то не спешили начинать работу. Они молча обошли кругом небольшую коробку гаража, имевшую высоту чуть больше их собственного роста и не более полутора шагов в поперечнике, переглянулись и обратились к уважительно следившим за ними малышам:

— Слушайте, братцы, а дно у него имеется?

— Кажется, дна нет, — сказал шофер Бублик. — Я ведь сам помогал ему это железо сюда возить.

— А вы поднять его пробовали?

Коротышки удивленно загудели; такое неожиданное техническое решение почему-то не приходило им в голову. С утроенной энергией заколотил по стенке Шурупчик, который давно уже все понял, но не мог сказать.

— А ну-ка возьмем все разом, — скомандовал Винтик.

Все, как могли, ухватились за стены, углы и выступы крыши гаража.

— Три-четыре!..

Металлическая коробка неожиданно легко оторвалась от мерзлой земли, и из-под нее, скрючившись и стуча зубами, выскочил закутавшийся в техническую ветошь изобретатель Шурупчик.

Из больницы находившегося поблизости Зелёного города прикатила на лыжах запыхавшаяся Медуница. Смекайло пригласил докторшу, пострадавшего и приезжих согреться и попить чаю у него дома.

За столом, перед электрическим самоваром, когда все внимание было привлечено к распарившемуся горячим чаем с медом Шурупчику, хозяин завел разговор с Незнайкой.

— Вы знаете, я хочу написать о вас книгу, — признался Смекайло без долгих вступлений. — Это, видите ли, мой последний шанс оставить, так сказать, след на литературном поприще.

— Ну да! — удивился Незнайка. — А чего я такого сделал?

— Ну, во-первых, фильм о вашем путешествии на невидимый остров пользуется у коротышек сногсшибательной популярностью. И если мне удастся с вашей помощью собрать материала больше, чем показано в фильме, да написать толстый роман, то он, как и фильм, непременно станет очень популярным, так всегда бывает. Я вообще, знаете ли, уверен, что в писательском деле все зависит не от какого-то там стиля или вдохновения, а от правильного выбора темы и сюжета. Если вы пишете о фантастических приключениях, погонях и драках — не сомневайтесь, что малыши зачитают вашу книгу буквально до дыр.

— Я знаю малышек, которые тоже любят читать, — заметил Незнайка.

— Малышки любят романы о каких-нибудь переживаниях, слезах и разлуках, — отмахнулся Смекайло. — Они и сами умеют все это хорошо сочинять.

Но дело не в этом. Должен вам признаться, — Смекайло заговорил шепотом, — что все мои попытки написать книгу с выдуманным сюжетом потерпели неудачу. В вашем же лице я, по счастливому совпадению, имею как очевидца реальных событий, так и их действующее лицо.

— Но ведь здесь с нами Винтик и Шпунтик, — возразил Незнайка. — Они лучше меня расскажут, да и это... как вы говорите... лица у них тоже вполне подходящие.

— Вы меня неправильно поняли, — заволновался Смекайло. — Дело совсем не в лицах. Просто вы являетесь по-своему ярким, колоритным, так сказать, персонажем. А физиономия ваша тут совсем ни при чем.

— Ну если ни при чем, то пишите, — согласился Незнайка. — Только рассказывать как следует я не умею, честное слово. Вы бы лучше сами отправились куда-нибудь попутешествовать, а потом написали бы обо всем книгу.

— Да я только об этом и мечтаю! — воскликнул Смекайло. — Но почему-то всегда выходит так, что я узнаю обо всех интересных событиях уже после, из газет или телепередач.

— Я обещаю, — заверил его Незнайка, — что, как только мы отправимся в новое путешествие, я вам сразу сообщу, и вы тоже поедете.

— Спасибо! — Смекайло двумя руками пылко потряс Незнайкину руку. — Вы даже не представляете, как меня обнадежили. Иначе, — он внезапно потух и опустил глаза, — иначе мне остается только одно, последнее средство...

— Что вы, что вы! — испугался Незнайка. — Какое еще последнее средство?

Смекайло помолчал, закрыл лицо руками, внезапно оторвал их и прошептал:

— Мне останется только стать критиком. Понимаете?! Писать отзывы на чужие книги, так и не

написав ни единой собственной!.. Согласитесь, насколько это обидно и несправедливо!

Незнайка согласился, что писать книжки самому, наверное, гораздо интересней. Работать критиком, подумал он, это все равно как разбираться в устройстве автомобиля, вместо того чтобы весело гонять на нем с ветерком...

Содержательную беседу прервал шум на противоположном конце стола: осмотрев пострадавшего, Медуница стала решительно настаивать на его немедленной отправке в больницу. Шурупчик беззвучно, как рыба, протестовал и отчаянно жестикулировал, однако докторша была непреклонна. Мало того, Винтик и Шпунтик тоже были на ее стороне, убеждая больного отправиться в Зелёный город на снегоходе. Шурупчик смотрел на них с ужасом, как смотрят на внезапно предавшего друга.

— Не переживайте, больной, — говорила Медуница. — У нас вы быстро встанете на ноги. Я хотела сказать, что ваши голосовые связки быстро придут в норму; у меня есть на этот счет особенная метода.

Убедившись, что решительно все против него, Шурупчик смирился и стал набивать карманы пряниками, конфетами и печеньем со стола. За ночь он дико проголодался и буквально на ходу засыпал. Его подхватили под руки, увели и усадили в снегоход. Наскоро поблагодарив и распрощавшись со Смекайлой, все залезли в машину, и «Метелица» резво помчалась в горку по направлению к Зелёному городу.

В больнице, как обычно пустующей, больного общими усилиями переодели в полосатую пижаму и уложили на койку. Около него тут же начали хлопотать две нянечки.

— Ну что, — нерешительно обратился Винтик к своим спутникам, — теперь домой?

Незнайка и Шпунтик растерялись: они думали, что теперь, раз уж они здесь, было бы неплохо навестить малышек, с которыми когда-то подружились. Винтик об этом тоже думал, но дожидался, что скажет кто-нибудь другой. Но другие тоже молчали, переминаясь с ноги на ногу.

Их сомнения неожиданно разрешила Медуница.

— Теперь вы, наверное, хотите поехать к Синеглазке? — сказала она как о само собой разумеющемся, глядя на Незнайку.

— Почему это... к Синеглазке?.. — пролепетал тот растерянно.

— Не надо со мной хитрить, голубчик; весь город только и говорит о вашей переписке.

— Да?.. — От столь неожиданного заявления Незнайка так и опешил.

— Не отпирайтесь: приехали-то вы, а не кто-нибудь другой.

Этот несомненный факт поставил Незнайку в тупик. Винтик и Шпунтик смотрели на него со все возрастающим интересом, и он решил не отпираться по крайней мере до тех пор, пока все хорошенько не разъяснится.

— Что ж, — сказал он, разведя руками, — если все говорят, можно и заехать...

Синеглазка и Снежинка встречают гостей. Шурупчик получает инструмент и становится опасен. Секрет переписки. За елкой. Возведение ледяного замка

Синеглазка и ее подруга Снежинка встретили гостей на пороге своего дома. В городе все уже каким-то образом знали об их появлении, и снегоход еще

медленно проезжал по улицам, а за окнами можно было заметить множество любопытных глаз.

Снежинка проводила Винтика и Шпунтика в дом, а Синеглазка осталась дожидаться Незнайку, который сосредоточенно счищал с валенок несуществующий снег поставленной у крыльца метелочкой. Он специально остался, чтобы спросить, о какой переписке говорила Медуница. Но как спросить, он не знал, а Синеглазка тоже чего-то дожидалась.

— Что же вы молчите? — произнесла она наконец. — Вам совсем нечего мне сказать? Да перестаньте же вы шоркать веником!

Незнайка поставил метелку, засунул руки в карманы и огляделся.

— А у вас тут, пожалуй, ничего не изменилось, — сказал он как можно небрежней.

— Ну, кое-что, допустим, изменилось. Вот я, например, сильно изменилась с тех пор.

Незнайка посмотрел на Синеглазку и тут же отвел глаза.

— Почему вы такой красный? Ну-ка посмотрите на меня. Вам жарко?

— Да, знаете ли... Жарковато немного.

— Отчего же вам жарко? Вы совсем не одеты, без шапки. Может быть, вы больны, у вас температура?

Синеглазка подняла руку и заботливо приложила свою ладошку к Незнайкиному лбу и щекам.

В это время из-за двери нетерпеливо высунулась Снежинка. Она сделала круглые глаза, состроила гримасу, затем тихонечко прикрыла дверь, замерла и стала ждать, что будет дальше.

Ощутив прикосновения руки на своем лице, Незнайка покраснел еще сильнее и ухватился за столбик крыльца. Нечаянно он ухватился не за столбик, а за руку притаившейся Снежинки.

— Ой! — испуганно воскликнула малышка и отдернула руку.

— Ой! — испуганно воскликнул Незнайка и тоже отдернул руку.

Синеглазка смотрела на обоих с недоумением.

— Что вы делаете! Вы меня до смерти напугали! — пожаловалась Снежинка.

— Простите, я не знал, что вы тут прячетесь, — смущенно пробормотал Незнайка.

— Я прячусь? Как это глупо! Я только выглянула, чтобы узнать, почему вы не идете в дом.

— Надеюсь, ты узнала все, что хотела, дорогая, — сказала Синеглазка, — и теперь нам нет нужды здесь стоять.

В доме все дышало теплом и уютом: в печке мерно потрескивали поленья, на стене стучали ходики. Незнайке сразу сделалось хорошо и захотелось сказать малышкам что-нибудь приятное. Но что именно, никак не приходило на ум.

— А телефон у вас есть? — сказал он совсем не то, что хотелось.

— Нет, — ответила Синеглазка. — Телефона у нас нет, но переписываться, мне кажется, гораздо интереснее. Вы согласны?

Она посмотрела на Незнайку многозначительно, и тот не нашелся что ответить. Разговор подхватила Снежинка:

— У нас в больнице есть один телефон, иногда оттуда мы звоним знакомым в другие города. По правде говоря, у нас были телефоны в каждом доме — малыши из Змеевки однажды протянули к нам провода, чтобы мы тоже не скучали. И вы знаете, не прошло и года, как мы попросили их смотать все обратно. Сначала мы заметили, что многие наши малышки, даже живущие в соседних домах, стали подолгу болтать по телефону, вместо того чтобы ходить в гости или вместе гулять на свежем воздухе. У многих от этого стал портиться характер, они становились ленивыми и замкнутыми.

Потом и вовсе начались хулиганские звонки из Змеевки. Нашлись такие не очень умные мальши, для которых телефонный аппарат сделался еще одной вредной игрушкой, вроде рогатки. Они звонили наугад и говорили в трубку какую-нибудь глупость, кричали петухом или хрюкали. Конечно, они не называли своего имени, потому что были к тому же еще и трусишками... А однажды такой хулиган напугал одну малышку до истерики, сообщив ей среди ночи, что под ее кроватью спрятался серый волк. Спросонок бедняжка выбежала из дома в чем была и простудилась. С тех пор она боится спать одна в комнате. В общем, мы поблагодарили их за заботу и попросили свернуть все это хозяйство. Неудобно, конечно, получилось, ведь многие приличные малыши в Змеевке тоже стонут от своих хулиганов...

— А телевизоры вам пока еще жить не мешают? — ехидно поинтересовался Шпунтик.

В гостиной действительно стоял телевизор, который сразу можно было и не приметить, потому что он был накрыт кружевной салфеточкой.

— Некоторые наши малышки действительно очень увлекаются телевидением, — призналась Синеглазка. — Но это увлечение проходит, потому что читать книжки гораздо интереснее. Ведь книжки развивают ум и воображение, а телевидение все делает за вас и опустошает душу.

— Это еще ничего, — сказал Винтик. — Вот я недавно был в Солнечном городе, так там многие увлеклись компьютерными играми. Таких любителей приходится буквально за уши оттаскивать от экрана, чтобы они могли хотя бы поесть и поспать. Это просто какая-то болезнь.

— Мне кажется, — сказала Синеглазка, — что такие коротышки обкрадывают себя. Что у них будет вспомнить в жизни?.. Вы знаете, у нас теперь как-то

даже не модно сидеть перед телевизором. С такой малышкой совершенно не о чем поговорить, у нее совсем не развито собственное воображение.

За разговорами никто не заметил, как стало смеркаться. Поездку домой отложили до утра, и малышки захлопотали насчет ужина.

Винтик и Шпунтик отправились в больницу, чтобы навестить Шурупчика, а Незнайка остался в доме, рассчитывая все-таки выяснить, о какой переписке говорит весь город и что по этому поводу думает сама Синеглазка.

Винтик и Шпунтик застали Шурупчика в окружении двух нянечек и докторши. Больной лежал в кровати, укутанный одеялом, горло его было обложено компрессами, замотано бинтом и теплым пуховым платком поверх бинта. Из этого кокона высовывался раскрытый рот Шурупчика, в который Медуница просовывала десертную ложку с микстурой.

Когда процедуру закончили, больной заметил посетителей и попытался вскочить с кровати, но нянечки удержали его за руки и уложили обратно. Облокотившись о подушки, Шурупчик с обреченным видом захлопал глазами.

— Ничего, ничего, дружище, — ободрил его Винтик. — Все хорошо, что хорошо кончается. Один малыш у нас заблудился в лесу и забрался на верхушку сосны. Своих-то он увидел, только слезть обратно не сумел. Голос у него пропал уже через час, а сидеть на дереве пришлось всю ночь до утра и еще полдня, пока не нашли.

Шурупчик с видимым сочувствием выслушал историю и, как казалось, силился что-то сказать. Ему дали бумагу и карандаш.

«Как теперь?» — написал он нетерпеливо.

— Что как? — не понял Винтик.

«Голос!»

— Ах голос! Голос, конечно, появился. Не сразу, но восстановился полностью, даже лучше стал. Он теперь у нас в хоре поет, — приврал Винтик для пущей убедительности.

— Сколько же он лечился? — поинтересовалась Медуница. — Зная методы лечения вашего несносного Пилюлькина, могу предположить, что его промучили никак не меньше месяца.

Шурупчик беспокойно заерзал на кровати.

— Не волнуйтесь, больной, — заверила его Медуница. - Моя микстура и компрессы поставят вас на ноги в считанные дни. Главное для вас сейчас соблюдать режим и не напрягать связки.

Лицо Шурупчика несколько прояснилось. Он взял карандаш и написал: «Спасибо, доктор!»

— Ладно, ладно, — проворчала растроганная Медуница. — Благодарить будете после.

— А чем он будет тут заниматься? — поинтересовался Винтик. — Ведь одуреть можно со скуки, все время лежа в постели. Если не найдете ему подходящее занятие, пожалуй, он сбежит или взбунтуется.

— Что же такое ему предложить? Телевизор, разве что, книги, настольные игры...

Шурупчик что-то быстро написал и протянул блокнот.

— «Инструменты»! — прочитал Винтик. — Правда, давайте оставим ему все инструменты; он здесь у вас что-нибудь усовершенствует.

Медуницу быстро уговорили, и механики притащили из «Метелицы» ящик с набором инструментов и деталей, как говорится на все случаи жизни. Глаза у Шурупчика заблестели, он схватил блокнот и немедленно принялся делать в нем какие-то наброски.

— Ну теперь вы можете быть за него спокойны, — заверил Винтик докторшу. — Сторожить этого больного вам не придется.

За ужином много разговаривали и даже танцевали, но о загадочной переписке все еще не было сказано ни слова. Потом Винтик и Шпунтик отправились спать в свою машину (сиденья в салоне раскладывались для таких случаев), Незнайку же малышки уложили в одной из свободных комнат, желая до конца проявить свое гостеприимство.

Незнайка провалился в пуховую перину и вдруг услышал осторожный стук в дверь.

— Да, да, — откликнулся он с готовностью.

Таинственно оглядевшись позади себя, в комнату проскользнула Снежинка и тихонечко прикрыла за собою дверь. Она была одета в пушистый розовый халат, перехваченный по талии, и в мягкие тапочки.

— Вы еще не спите? — прошептала она.

— Нет, знаете, почему-то совсем не хочется спать.

— Мне тоже не хочется. Давайте немножко поговорим.

— Давайте...

Снежинка присела на краешек его кровати, и Незнайка, в смущении от такого неожиданного маневра, натянул одеяло до самых ушей.

— Почему вы совсем не танцевали?

— Я, знаете ли, не очень хорошо... умею.

— А на коньках вы умеете кататься?

— Да, конечно, на коньках я умею.

— Жалко, что вы уезжаете; ведь завтра вечером у нас на пруду новогодний бал, будет очень красиво.

— Я бы остался, но у нас ведь тоже будет на реке праздник, нужно все хорошенько подготовить.

— Неужели без вас никак не обойтись?

— Почему, можно обойтись; в городе у нас еще много толковых коротышек.

Незнайка подумал, что было бы хорошо и на самом деле остаться здесь на денек-другой. Возвращаться домой ему совсем не хотелось.

— Да, да, — подтвердил он уверенно. — Могут прекрасно обойтись и без нас. Если вы мне поможете, завтра я уговорю Винтика и Шпунтика.

— Правда? Какой вы славный! — Снежинка заулыбалась. — А знаете, я бы тоже хотела с кем-нибудь переписываться. Не обязательно со знаменитостью, а просто с каким-нибудь воспитанным и скромным малышом. Ведь это так приятно — получать письмо, особенно если оно красиво написано и не про глупости...

Незнайка подумал, что сейчас все, наверное, разъяснится.

— Пожалуй, конечно... — произнес он осторожно.

— Я даже не думала, что у вас такой прекрасный слог, совсем как в книжках. Вы, наверное, не только с Синеглазкой, а еще с кем-нибудь переписываетесь?

— Нет, — честно признался Незнайка, — не переписываюсь.

И, рассчитывая разрубить все одним махом, он пошел ва-банк:

— А не могли бы вы показать мне эти письма?

Снежинка удивилась:

— Вы разве уже не помните, что сами написали?

— Я-то помню, конечно. Только, знаете ли, мне интересно посмотреть на марки, — нашелся Незнайка. — Я, знаете ли, разные марки собираю.

— Вот как? И что же, вы будете сейчас марку отдирать?

— Нет, зачем отдирать, я только посмотрю.

Снежинка пожала плечами, вышла и вернулась с конвертом. Незнайка взял его в руки и сразу достал изнутри письмо. Сложенный вдвое листок, крупно и

аккуратно исписанный только с одной стороны, был порядком истрепан и даже в одном месте, по сгибу, надорван. Легко было догадаться, что письмо читали неоднократно и скорее всего не только одна Синеглазка.

«О прекрасная невидимая Собеседница!» — прочел Незнайка первую фразу и все понял. Это было стандартное письмо от Пончика, рассылаемое десяткам его поклонниц. Подписи не было; почему же все решили, что письмо от него?

— А где остальные? — спросил Незнайка.

— Вы имеете в виду стихотворение? Его переписывают другие малышки. Это очень мило, что вы увлекаетесь поэзией; ваш Цветик — просто прелесть, передайте ему от всех нас.

— Нет... Я говорю, остальные письма...

— Остальные? — удивленно переспросила Снежинка.

— Разве больше нет писем?

— Нет... По крайней мере, Синеглазка другие не показывала. А вы присылали ей еще другие письма?

— Нет, нет, просто я подумал, что есть еще какие-нибудь письма с марками. Вы ведь говорили о переписке..

— Я могу поискать какие-нибудь другие, если вы так увлечены коллекционированием...

В этот момент дверь приоткрылась и в комнату заглянула Синеглазка. Она тоже была в халате и тапочках.

— Ах! — воскликнула она, увидев Снежинку. — Извините, я, кажется, помешала...

— Вот еще глупости! — подскочила к ней Снежинка и, незаметно спрятав письмо в карман, потянула ее обратно. — Как ты могла помешать? Уже обиделась, и слезы на глазах! Мы просто договорились, что малыши останутся у нас на новогодний бал. Незнайка уже согласен, а Винтика и Шпунтика мы утром как-нибудь уговорим. Правда, Незнайка?

Незнайка рассеянно кивнул. Он чувствовал неловкость: получилось так, будто они со Снежинкой в чем-то обманывали Синеглазку, хотя на самом деле ничего такого не было.

Когда утром Незнайка вышел в гостиную, Винтик и Шпунтик уже сидели за столом и пили чай с подогретыми на печи вчерашними пирожками. Снежинка тотчас подошла к нему и шепнула: «Не забудьте, что вы вчера обещали». Незнайка перестал тереть глаза и начал вспоминать вчерашний разговор. Действительно, он пообещал, что они с Винтиком и Шпунтиком останутся на новогодний бал. Порядком озадаченный, он поплескался у рукомойника, не спеша вытерся полотенцем и подсел к столу.

Отхлебнув чаю и потянувшись за пирожком, он как бы между прочим поинтересовался, обращаясь к малышкам:

— А что, у вас тоже устраивают новогодний бал?

Догадавшись, что разговор затеян не из простого любопытства, Снежинка и Синеглазка тему с готовностью подхватили. Они рассказали, что в самом центре города есть большой пруд, который называется Зимним, поскольку летом в нем никто не купается, а зимой он превращается в каток. Так вот, в канун Нового года, то есть как раз именно сегодня, на Зимнем пруду будет поставлена елка, а над нею воздвигнут ледяной дворец.

Строительный материал для этого дворца в каждом дворе заготавливают заранее: достают с чердаков специальные ящики, пропитанные воском, заливают их водой и оставляют на морозе. Вода замерзает, превращаясь в аккуратный, правильной формы куб.

Затем, начиная строительство замка, ящики ненадолго заносят в тепло, чтобы лед слегка оттаял от стенок, выкладывают куб на санки и отвозят к пруду.

Строительством руководит опытная в этом деле малышка-архитектор по имени Стрелка. Под ее руководством построены почти все дома в Зелёном городе.

Когда ледяной кубик становится на свое место, его поливают водой и ставят сверху следующий; вода схватывается на морозе и скрепляет их так же надежно, как цементный раствор скрепляет кирпичи.

И вот так, кубик за кубиком, вырастает огромный ледяной замок с куполом и шпилем на верхушке.

Купол и шпиль отливаются отдельно в специальных формах.

Но самое главное, продолжали рассказывать Снежинка и Синеглазка, что каждая малышка подкрашивает свои кубики самыми разными цветами при помощи сиропов: красным из брусники или клюквы, зеленым из тархуна, желтым из яблок и груш, синим из сливы... Весной, когда замок начинает подтаивать, достаточно отбить от него кусок и положить в кастрюлю; из растаявшего льда получится вкусный и полезный напиток.

Малышки продолжали рассказывать, а Незнайка поднял глаза от вазочки с вареньем и увидел, что друзья-механики, перестав есть, слушают их с огромным интересом.

— Как же лед на пруду выдерживает такую махину? — поинтересовался Винтик.

— Пруд мелкий и зимой промерзает насквозь, — объяснила Синеглазка. — Вокруг замка мы расчищаем каток, а вдоль берега ставим скамеечки, укрытые тюфяками, чтобы можно было сидеть без опасения примерзнуть к лавке.

— А елку вы уже поставили?

— Еще нет, но скоро пойдем пилить.

— Как же вы дотащите елку до города? — неуверенно спросил Винтик, начинавший заглатывать крючок.

— Ох, — вздохнули малышки. — Конечно, трудно придется. У нас ведь из техники есть только старый газированный автомобиль, а по снегу на автомобиле...

— Знаете что, — перебил ее Винтик, окончательно заглотив нехитрую наживку, — мы, пожалуй, останемся вам помогать.

— Правильно! — поддержал его Шпунтик. — Надоела уже эта тягомотина на Огурцовой. Управятся там и без нас. Правильно я говорю, Незнайка?

— Вам виднее, — отозвался Незнайка, не поднимая глаз от своей чашки. Пока что все складывалось как нельзя лучше.

Винтик позвонил из больницы Пилюлькину и доложил, что у них случилась небольшая поломка и они ненадолго задержатся в Зелёном городе. Так его научила сказать стоявшая рядом Снежинка, которая опасалась, что малышей уговорят ехать обратно. Как только Пилюлькин проворчал, что «как-нибудь управимся без вас», Снежинка тотчас дала «отбой», и разговор на этом закончился.

Не теряя времени, поехали в лес за елкой.

По дороге Винтик узнал, что спиленную елку малышки валят на расстеленный брезент, затем хватаются за него по краям и волоком, утопая в снегу, тащат до самого города.

— А разве малыши из Змеевки вам не помогают? — спросил Винтик.

— Нет, не помогают, — пожаловались малышки. — У них своя елка, и только изредка некоторые бывают у нас.

— Ничего, на этот раз вам, можно сказать, повезло, — отметил Шпунтик.

Вокруг заранее облюбованной елки стояли несколько малышек, дожидаясь обещанной механиза-

ции, в расчете на малышей и снегоход все другие остались в городе.

Лихо тормознув, Винтик выпрыгнул из кабины и сразу утонул по пояс в снегу. Тут только он заметил, что малышки стоят на лыжах, вытоптав вокруг себя небольшую полянку. Друзья втянули Винтика обратно в кабину, после чего он тоже нацепил лыжи и

осторожно приблизился к елке. Заметив, что одна из малышек робко держит приготовленную для работы пилу, он, повернувшись, скомандовал:

— Ну-ка, Шпунтик, давай сюда *НАШУ* пилу.

Шпунтик извлек из багажника электропилу, у которой вместо обычного полотна имелась похожая на велосипедную специальная металлическая цепь с острыми зубьями. Винтик включил пилу и собрался уже было одним махом перепилить ствол, но малышки его остановили. Сначала нужно было определить место падения и расстелить брезент. С этим Винтик был вынужден согласиться, и самоуверенности у него поубавилось. В Цветочном городе малыши валили елку как придется, не имея представления, куда она повалится, с криком разбегаясь в разные стороны. Кое-кого потом приходилось выкапывать из снега и мазать йодом.

Одна из опытных малышек по имени Соломка показала другим, где следует расстелить брезент и с какой стороны пилить. После этого работа пошла слаженно и уверенно. Винтик спилил дерево под корень, и елка упала точно на середину брезента. После этого ее надежно укутали и обвязали, чтобы она не сползла и не растрепалась во время движения, прицепили к «Метелице» и, усадив всех малышек в салон, помчались по пушистому простору.

Крепко уцепившись за спинки передних сидений, пассажирки с восторгом смотрели вперед, а навстречу им летели белые холмы и пригорки. Изредка они оборачивались, чтобы посмотреть, как в снежном облаке по следу «Метелицы» скользила крепко привязанная и надежно укутанная лесная красавица.

Вокруг Зимнего пруда собрался, казалось, весь город. Елку подтянули к приготовленной в центре крестовине и отвязали от снегохода. Винтик и Шпун-

тик осмотрели крепление и убедились, что под крестовиной во льду буром проверчена дыра до самого дна. Такой основательный подход к делу со стороны малышек очень удивил Винтика, и он поинтересовался, кто эта Стрелка, которая, по рассказам Синеглазки и Снежинки, руководит всеми строительными работами в Зелёном городе. К нему подвели бойкую малышку в пушистой ушанке, и они пожали друг другу варежки.

— Вы знаете, — сказал Винтик, — раньше я встречал только одну малышку, которая здорово разбирается в технике.

— Кто же это? — поинтересовалась Стрелка.

— Зовут ее Огонёк, и если вы когда-нибудь были в Земляном городе...

— Можете не рассказывать, я с ней знакома. Правда, мы давно не виделись, и раньше ее звали Клюковка, а не Огонёк. Хотя известно, что знаменитости любят придумывать себе звучные имена. Боюсь, как бы она теперь не задрала нос.

— Мне кажется, — возразил Винтик, — что Огонёк, или, как вы говорите, Клюковка, совсем не зазналась. Просто она такая необыкновенная, с фантазией...

— Вот видите, — сказала Стрелка, — выходит, что я злословлю о своей подруге, а вы ее защищаете. А потом малыши говорят, что мы любим сплетничать и ничем не интересуемся.

— Нет, что вы, — испугался Винтик, — я совсем так не думаю...

Тут начали поднимать елку, и Стрелка включилась в работу. Несколько малышек удерживали ствол у основания, чтобы он точно попал в расположенную в центре крестовины дыру, а остальные при помощи длинных рогатин поднимали елку все выше и выше Когда она встала почти вертикально, ствол ее скользнул в лунку и уперся в дно. Дрогнув и

осыпав собравшихся шишками и иголками, елка замерла в нужном положении. Она снова распушила ветки и здесь, на голом пространстве пруда, казалась выше и прекраснее, чем в лесу, среди других больших деревьев.

После этого щели в месте крепления залили водой, прочно скрепив нижнюю часть ствола с лункой и крестовиной.

Наступило время сооружать замок.

Ледяной купол и сверкающий гранями шпиль были уже готовы и лежали в сторонке. Их отлили заранее в специальных формах, которые использовали для этой цели из года в год. Малышки привозили на санках разноцветные кубы льда, ставили один на другой, и вокруг елки постепенно стали вырастать стены, принимая задуманные очертания.

Правильность линий достигалась тем, что ледяные глыбы ставили не как попало, на глазок, а ориентируясь по специальным отвесам и горизонтально натянутым веревочкам. Высоко над прудом, между деревьями, был натянут канат, служивший опорой для веревочных подъемников.

Винтик и Шпунтик не могли сидеть сложа руки и тоже включились в работу. Перевозка и установка ледяных кубов была для слабых малышек делом весьма обременительным. Особенно трудно было поставить такой куб на нужное место, потому что он был тяжелый и выскальзывал из рук. Винтик придумал забирать кубы прямо в ящиках, объезжая улицы на снегоходе. Малышки ставили свои ящики в багажное отделение, в тепле кубы оттаивали от стенок, и после этого их можно было выкладывать на манер песочного кулича из формы прямо на нужное место. Деревянные ящики не скользили, и, кроме того, место соединения не нужно было поливать водой, потому что оттаявшая поверхность была и без того достаточно мокрой.

Работа пошла столь быстро, что не успели малышки ахнуть, как елку до самой макушки окружили мозаичные стены с арочными проходами.

После этого купол с величайшей осторожностью подняли в воздух (веревку подъемника тянули всем городом) и, осторожно придерживая, опустили. Острый восьмигранный шпиль взвился в небо и заискрился на солнце.

Лестницы и мостки оттащили от стен, все вышли на берег и стали молча поглядывать на Стрелку, дожидаясь ее оценки. Бывало, что из-за какой-нибудь погрешности, малозаметного перекоса приходилось что-то разбирать и переделывать.

Стрелка несколько раз медленно обошла постройку, рассматривая ее так и сяк, остановилась и после томительной паузы сказала:

— Годится.

— Ура-а-а!!! — разнесся торжествующий хор, в котором выделялись басистые голоса Винтика, Шпунтика и Незнайки.

Как Пончик выкручивался из щекотливого положения, в которое сам себя поставил. «Не давайте им ничего!..» Пончик убеждается, что маска зайчика ему мала, но хобот слона выглядит чересчур вызывающе, волк непрактичен, а маска хрюшки слишком легкомысленна

В Цветочном городе тоже вовсю шла подготовка к новогоднему празднику. На Огурцовой реке обустраивали каток с аттракционами и иллюминацией, сколачивали горки и фанерные теремки для угощений,

а Пилюлькин и еще несколько разбиравшихся в химии малышей изготовляли ракеты для фейерверка — гвоздя предстоящей программы.

Выпавший накануне большой снег накрыл реку таким толстым слоем, что о расчистке не могло быть и речи. Было решено залить каток прямо на поверхности наста, это делали уже раньше, и никто не опасался, что затея может провалиться в буквальном смысле.

После заливки на снегу образовался огромный ледяной блин, под которым рыли замысловатые лабиринты. Оттуда были видны находившиеся на катке коротышки, а те в свою очередь видели плутавших подо льдом искателей приключений.

Пока светило солнце и все трудились на реке, в известном нам доме на улице Колокольчиков оставался один только Пончик, поскольку у него, как он сам объяснял, болела спина. Незнайки никто не хватился, потому что все решили, что он уехал в Змеевку вместе с Винтиком и Шпунтиком. В сущности, примерно так оно и было.

Оставшись один в доме, Пончик основательно перекусил, часика четыре всхрапнул, снова перекусил, снова поспал и, чувствуя уже в голове полнейшую одурь, принялся бесцельно бродить по дому, хлопая дверьми и заглядывая в чужие комнаты. Надо было как-нибудь скоротать время до темноты, когда можно будет отправиться на реку и принять участие в празднике — покататься с горок, поглазеть на фейерверк и, самое главное, хорошенько перекусить в специально оборудованных для этой цели теремках.

Пончик зашел в первую комнату и огляделся. Знайка уже почти месяц находился в Каменном городе, и можно было не опасаться, что хозяин вдруг застигнет его.

Повсюду здесь — на столе, на стульях, на полках, на полу и на подоконнике — пылились стопки

«умных» справочных, научных и познавательных книг. Пончику, прочитавшему в жизни только одну книгу (кажется, она называлась «Похождения веселого поросенка Шлёпа»), от такого скопления научной мысли стало не по себе. Он несколько раз чихнул и собрался уже выйти, но напоследок из любопытства выдвинул верхний ящик письменного стола. Среди прочего там лежала надкусанная плитка шоколада. Пончик отломил кусок, сунул в рот и вышел.

В комнате Винтика и Шпунтика все было завалено и заставлено чертежами, набросками, моделями и вообще всякой технической всячиной. Здесь пахло клеем, и Пончик, ничего интересного для себя не обнаружив, вышел в коридор.

Постояв некоторое время в раздумье, он вернулся в комнату Знайки, достал из ящика шоколад, отломил еще кусок и сунул в рот.

На втором этаже он побывал в комнатах Сиропчика, Авоськи и Небоськи, Торопыжки и Растеряйки, но также ничего интересного не обнаружил, хотя удалось скоротать время: солнце уже опускалось за горизонт, наступал вечер.

Напоследок он заглянул в комнату Незнайки, где, кроме тумбочки, кровати и полки с книжками про чудеса и приключения, ничего не было. Собираясь выходить, Пончик заметил на полу листок бумаги с какими-то каракулями. Он подобрал его и стал читать:

«Ухожу от вас на всегда. Может быть я замерзну в лесу и не вернус. Но вы обомне не беспокойтесь. Досвидание».

Пончик сразу узнал Незнайкин почерк и ужаснулся.

— Вот тебе и весь сказ... — пробормотал он. — Стало быть, он не уехал в Змеевку, а уже вторые сутки блуждает где-то в лесу...

Он спрятал бумажку в карман, спустился вниз и в чрезвычайном волнении доел плитку шоколада. Почему-то самой первой его мыслью было не поднимать тревогу, а, наоборот, уничтожить записку и остаться, таким образом, совершенно непричастным к этому страшному делу. Потом он сообразил, что еще лучше положить записку на место, чтобы ее нашел кто-нибудь другой... Он сунул в карман шоколадную обертку, шагнул в дверям и... столкнулся со Знайкой.

— А!! — крикнул Пончик, и лицо его перекосилось от страха.

Знайка от неожиданности тоже отпрянул.

— Ты чего орешь? — сказал он, разглядев Пончика. — Совсем одурел от безделья?

Попав в щекотливое положение, Пончик моментально придумал, как выкрутиться:

— А я вот... зашел поздороваться. Узнал, что ты здесь.

— Как же ты узнал?

— Так, слышал...

— От кого же ты слышал?

— Говорили...

— Ну и как, поздоровался?

— Так вот... здравствуй.

— Здравствуй, здравствуй. Значит, здесь все в порядке?

И тут начались вещи, не поддающиеся объяснению.

— Нет, — неожиданно для самого себя сказал Пончик и нахмурился. — Все не в порядке. Все очень, очень не в порядке. — И он протянул Знайке шоколадную обертку.

На самом деле Пончик хотел отдать записку, но в голове у него все смешалось, и он сунул руку не в тот карман.

— Вот, сейчас нашел в Незнайкиной комнате...

Знайка несколько мгновений рассматривал обертку. Обладая хорошей памятью даже на несущественные детали, он узнал свою шоколадку. И он подумал, что Пончик ябедничает на Незнайку.

— Что это? — спросил он строго.

Потупив глаза и не замечая своей ошибки, Пончик горестно причитал себе под нос:

— Вот ведь как оно бывает... А ведь все к нему хорошо относились, и чего на него нашло вдруг? Если бы раньше заметили, могли бы спасти, а он зачем-то под кровать положил...

— Ты что несешь? — Знайка повысил голос, его так и подмывало влепить Пончику подзатыльник. — С чего это он будет шоколадные обертки под кровать прятать?

Уловив в голосе собеседника нотки, не соответствующие драматизму происходящего, Пончик быстро поднял глаза и понял свою ошибку. Он захлопал по карманам, выхватил из рук Знайки обертку и дал ему записку.

Прочитав ее, Знайка, не говоря ни слова, вышел. Потом стало слышно, как он говорит с кем-то по телефону. В дверях комнаты появилась приехавшая вместе с ним Клюковка-Огонёк, и это стало для Пончика еще одной сильной неожиданностью.

— Привет, герой, — сказала она доброжелательно. — Что это он так разволновался?

Пончик начал нудно и путано говорить о том, что Незнайка был, конечно, коротышка не сахар, что был он коротышка, как говорится, со странностями, но теперь-то чего говорить, потому что сгинул он, бедняга, в темном лесу и никто теперь не узнает...

Но тут в комнату вбежал Знайка и все-таки влепил Пончику звонкий подзатыльник.

— Это тебе за ложную тревогу. А это, — он с треском влепил еще один, — за то, что в чужих вещах роешься. Пойдемте, дорогая коллега, — обратился он к своей спутнице, — посмотрим, что делается на реке.

Огонёк взглянула на Пончика с состраданием и развела руками.

Оставшись один, Пончик долго чесал затылок, соображая, что же такое произошло и куда Знайка мог звонить по телефону. Но поскольку он был очень хитрый, то подошел к телефонному аппарату и нажал кнопочку повтора.

— Алло, Смекайло вас слушает, — прозвучал бархатный голос на другом конце провода.

Пончик тихонько положил трубку на место и в глубокой задумчивости проговорил:

— Значит, он все-таки уехал в Змеевку. Но к чему тогда было писать эту записку?..

Побывав на реке и встретившись там с друзьями и знакомыми, Знайка и Огонёк направились проведать Стекляшкина в его обсерватории. Свои передвижения они, кстати сказать, совершали на одолженном у инженера Буравчика гусеничном вездеходе, причем Огонёк была за рулем, а ее близорукий спутник — на заднем сиденье, крепко обхватив водителя руками.

Стекляшкин, как обычно, находился на своем рабочем месте. Он радушно принял гостей, предложив им чай с вакуумным космическим сухарем. Те поблагодарили и уселись возле электрической плитки с гудящим на ней помятым чайником. Стекляшкин что-то несколько раз уронил, конфузливо извинился и сел рядом.

— Что же вы, господин ученый, — обратилась к нему Огонёк, — совсем не выходите на улицу?

— Нет, — признался Стекляшкин. — В том смысле, чтобы погулять, времени совсем не хватает. Вечер и ночь работаю, днем отсыпаюсь. Принес себя, так сказать, в жертву науке. Вот когда закончу работу над Большим атласом звездного неба, тогда...

— А вы уверены, что наука примет от вас эту жертву?

— А разве у вас есть основания в этом сомневаться?

— Но ведь звездное небо очень большое... — начала Огонёк развивать свою мысль.

— Да, несомненно, оно очень большое, — согласился Стекляшкин.

— И все звездочки, наверное, трудно даже сосчитать...

— Сосчитать можно, но только те, что находятся в пределах видимости телескопа.

— А у вас, наверное, самый лучший телескоп?

— Пожалуй, да, лучший, — с видимым удовольствием и некоторой важностью согласился Стекляшкин. — Даже солнечногорский телескоп уступает моему.

— Но ведь, наверное, можно сделать его еще чуточку получше?

— Конечно, нет пределов совершенству. Я как раз собираюсь увеличить его мощность на два с половиной процента и уже заказал необходимые детали.

— Ага. Стало быть, звездочек на небе станет больше.

— Да. Больше. Значительно больше.

— И ваш атлас потребует дополнений.

— Да. Значительных дополнений.

— А потом вы еще немножко увеличите мощность телескопа.

— Возможно...

— И на небе появится еще миллиардов сто звездочек?

— Н-не знаю... Может быть, и больше...

Теперь Стекляшкин выглядел довольно обескураженно. Огонёк вежливо кивнула в знак того, что она узнала все, что хотела узнать. Наблюдавший за этим диалогом Знайка то и дело зажимал рот, чтобы не прыснуть со смеху.

— Пожалуй, я выйду сегодня погулять, — неуверенно сказал Стекляшкин. — Как там, на реке, готовятся?

Попив чаю с сухарем и поболтав еще немного, Знайка и Огонёк собрались уходить, но тут Стекляшкин хлопнул себя по лбу:

— Ах да! Чуть не забыл. С Луны сегодня поступила какая-то странная радиограмма.

— Интересно, — оживился Знайка. — Мне казалось, что передатчик у них давно уже не работает.

— Возможно, что как раз сейчас его ремонтируют и посылают пробные сигналы. Болтают какую-то чепуху и не отвечают на мои позывные.

— Давай послушаем.

Сигналы из космоса принимались здесь автоматически и фиксировались на магнитофонной ленте. Стекляшкин промотал назад и включил воспроизведение. После нескольких минут позывных «Земля, Земля, я Луна» следовал крайне бестолковый диалог, в котором некий Козлик взволнованно кричал Стекляшкину: «Не давайте им ничего! Если прилетят, не давайте ничего!..»

— Вы знаете этого Козлика? — спросила Огонёк.

— Да, — кивнул Знайка. — Это тот самый лунатик, с которым дружил Незнайка.

— Мне показалось, что он искренне чем-то обеспокоен.

— Похоже на то. Ума не приложу, что у них там стряслось. Может быть, им понадобились еще какие-нибудь семена наших растений?

— Но почему же тогда этот Козлик просит ничего не давать?

— Знаете, дорогая коллега, там у них сложились очень странные отношения между коротышками. Многие думают только о том, как разбогатеть, то есть раздобыть как можно больше вещей и пищи. Все это у них можно обменивать на деньги, такие условные значки...

— Спасибо, что рассказываете мне содержание вашей книги «Экономика подлунного мира».

— Ах да, извините, вы ведь прекрасно понимаете, о чем идет речь.

— Мне только было не совсем понятно, почему на Луне дали всходы семена ваших «гигантских» растений. Наши ботаники долго бились над этим, но пока это удалось лишь в Земляном городе. Хотя скорее всего только благодаря феноменальным энергетическим свойствам этого места.

— Возможно, возможно, — согласился Знайка. — Возможно, вы правы, дорогая коллега. Надеюсь, что ситуация в ближайшее время прояснится и мы узнаем, кому и чего именно просил не давать господин Козлик... Стекляшкин, ты поедешь с нами на реку?

— Да, да, конечно, — засуетился Стекляшкин. — Только я потом, без вас. Я еще должен прибраться, привести себя в порядок... Да и рано еще, даже не стемнело.

— «Прибраться... Привести себя в порядок...» — пробормотал Знайка и покачал головой. — Это что-то новое.

Гости вышли из здания обсерватории и заняли свои места на сиденье вездехода.

— Послушайте, вы, уважаемый коллега, — обратилась к Знайке Огонёк. — А что если мы сейчас

отправимся в совершенно другое место? Здесь мы уже все посмотрели, а там обещаю действительно нечто необыкновенное. Ну, решайтесь быстрее...

Оставшись один, Пончик немного перекусил, чтобы успокоиться (но только так, чтобы не перебивать аппетит), и стал готовиться к предстоящему мероприятию. Он поднялся к себе в комнату, раскрыл огромный вещевой шкаф, который он называл гардеробом, и стал выкладывать на пол теплые вещи.

Раздевшись до трусиков, он начал не спеша выбирать и натягивать на себя:

— кальсоны с верхней рубахой (из мягкого розового трикотажа);
— носки простые;
— носки шерстяные;
— тренировочные брюки;
— теплую мягкую рубашку;
— шерстяной пуловер;
— штаны с ватной прокладкой, на помочах;
— «водолазный» свитер.

Затем Пончик влез в валенки, достал из шкафа несколько карнавальных масок и некоторое время пристально их разглядывал.

Маски были сделаны из папье-маше, раскрашены красками и покрыты лаком. Они представляли слона, зайчика, хрюшку и серого волка.

Маску слона он отверг сразу, поскольку она имела свисающий до самого живота — похожий на шланг от пылесоса — резиновый хобот, который у всех чесались руки потрогать, а то и подергать. Не говоря уже о том, что это было неприятно, маска была чересчур заметной и вызывающей, в то время как Пончик стремился не привлекать внимания к своей персоне. С некоторых пор жители Цветочного города почитали его как местную достопримечательность и

буквально не давали ему прохода. Такое обожание со стороны сограждан, приятное поначалу, постепенно стало казаться ему назойливым и обременительным. Пончик старался реже бывать на публике, а если и отправлялся куда-нибудь, то обязательно надевал солнцезащитные очки и прикрывался платочком, делая вид, что у него насморк. Он перестал здороваться с прежними своими друзьями и все больше времени проводил в гордом одиночестве. Такие изменения в его характере Пилюлькин называл «звездной болезнью», хотя она не имела ничего общего ни с медициной, ни со звездами.

Итак, маска слона никуда не годилась.

Зайчика он не примерял давным-давно и теперь, к своему огорчению, убедился, что лицо его сильно раздобрело и маска зайчика прикрывала разве что один нос.

Хрюшка была в самый раз, но Пончик отложил ее по идеологическим соображениям. Для его теперешнего веса в обществе эта маска была чересчур легкомысленной и могла повредить его сильно возросшему авторитету.

Волк с выдающейся далеко вперед зубастой мордой был непрактичен: морда ограничивала обзор и мешала смотреть под ноги, не говоря уже о том, что во время еды маску пришлось бы поднимать на лоб, нарушая таким образом предполагаемое инкогнито.

Делать было нечего, приходилось пренебречь содержанием и вернуться к хрюшке. Решающее преимущество этой маски помимо необъятных размеров было еще и в том, что при наличии розового пятачка, ушек, румяных щек и прорезей для глаз она оставляла открытой нижнюю часть лица. То есть не чинила никаких препятствий поеданию угощений.

Натянув резинку на затылок и повертевшись перед зеркалом, Пончик нахлобучил на голову шапку, влез в толстый меховой тулуп, поднял воротник

и обвязался пушистым шарфом. Надел болтающиеся из рукавов на резинках двойные варежки — и только теперь почувствовал себя экипированным «на все сто». Ему было тепло, удобно и уютно. Пончик вышел из дому и подснежными ходами зашагал в сторону ухающего на месте гуляний оркестра.

Как Незнайка впервые вышел на лед, а Шпунтик вырос в собственных глазах и глазах окружающих. Что случилось, когда часы били полночь. Шпунтик хулиганит, Медуница падает навзничь, Шурупчик повергает в ужас

Близилось начало новогоднего бала в Зелёном городе. К Центральной площади со всех сторон стекались ручейками веселые, пестро разодетые стайки малышек. Синеглазка и Снежинка, оставив малышей в гостиной, с обеда заперлись в спальне, и оттуда доносилось их щебетание, звяканье ножниц и шуршание бумаги.

Наконец, когда на улицах началось шумное оживление, они вышли и продемонстрировали результаты своего труда — карнавальные платья. Синеглазка представляла фею с волшебной палочкой, а Снежинка — снегурочку.

— Знаешь, дорогая, — все еще продолжала тараторить Снежинка, — в прошлом году на бал явились сразу три снегурочки. Боюсь, как бы и на этот раз какие-нибудь глупые клушки не вырядились снегурочками.

— Но ведь любая из них может рассуждать точно так же, — резонно заметила Синеглазка.

— Нет, не может! — топнула ногой Снежинка. — Разве они похожи на снегурочек? У одной рыжие

волосы торчком, другая толстая, как кубышка, а третья...

— Ах, нельзя же быть такой злючкой, дорогая, я тебя умоляю. Если хочешь быть снегурочкой — будь ею.

— Конечно, буду, и никого не спрошу. У меня и волосы, и даже имя очень похожие. Правда, малыши?

Винтик, Шпунтик и Незнайка охотно с ней согласились и даже расхвалили ее роскошные волосы.

— Вот видишь! — обрадовалась Снежинка. — Все говорят.

Синеглазка полезла в сундук и достала три карнавальные маски для малышей. Винтику достался клоун, Шпунтику — медведь, а Незнайке — зайчик. У клоуна был красный нос и рот до ушей; медведь был сделан из плюша, надевался на голову и был совсем как настоящий; у зайчика торчали два белых зуба, а над головой высилась пара великолепных ушей.

— Замечательно! Вам очень идет! — захлопали в ладоши малышки. — Только вы, господин Шпунтик, будьте осторожны: ваш медведь в темноте может напугать до смерти кого угодно.

Глядя друг на друга, малыши довольно посмеивались. Шпунтик подошел к зеркалу и грозно зарычал на свое отражение. Синеглазка сказала, что если он намерен в самом деле кого-нибудь напугать, то она сейчас же поменяет ему медведя на зеленого лягушонка. Винтик и Незнайка тотчас расквакались, а Шпунтик прекратил рычать.

Угомонившись и сунув ноги в валенки, компания высыпала наружу и направилась к центру.

По мере приближения, над домами, кустами и деревьями замаячило какое-то волшебное сияние. Не отвечая на вопросы, малышки только загадочно улыбались.

Зелёный город представлял собою широкую пологую воронку с прудом и окружающей его площадью посредине. Поэтому все дороги по направлению к центру имели чуть заметный уклон. Шаг поневоле ускорялся, а по накатанным ледяным дорожкам пешеходы пролетали прямо-таки молниеносно.

Сияние становилось все заметнее, и через несколько минут они вышли за последний ряд домов и замерли на кромке небольшого обрывчика.

То, что открылось их глазам, было достойно удивления и восхищения. Огромный ледяной замок, будто выложенный прозрачной мозаикой, ярко лучился изнутри, расцвечивая все вокруг разноцветными узорами. Происходило это из-за того, что расположенная внутри елка теперь была обвита слепящей электрической гирляндой, которая и давала поразительный эффект свечения льда.

Вокруг замка, на отполированной до зеркального блеска поверхности катка, появились уже первые, наиболее умелые малышки на коньках. Они с изяществом выписывали на льду замысловатые фигуры, вертелись волчком и плавно скользили на одной ноге, красиво раскинув руки. Все остальные, не столь искусные любительницы катания, пока еще стояли на снегу или сидели на лавочках, с завистью и восхищением глядя на своих подруг.

Центральную площадь широким кольцом опоясывали лавки, магазины, столовые, кинотеатры и другие необходимые для жизни города заведения. Сегодня во всех витринах сияла иллюминация, а угощения выставлялись прямо на улицу, на специально сколоченные для этой цели лотки. Синеглазка и Снежинка отдали на один из таких лотков принесенные с собой свертки со снедью. В этот день все приносили из дому что-нибудь вкусное, чтобы другие могли попробовать, а они в свою очередь тоже чем-нибудь угоститься.

Но вот наконец все желающие кататься высыпали на лед и под музыку плавно закружились вокруг замка. Тем, которые не катались, тоже было чем заняться: на площади вокруг катка были устроены качели, карусели, «гигантские шаги» и всякие другие забавы.

Все малышки были разодеты в карнавальные костюмы, и Снежинка сразу приметила среди них нескольких снегурочек. Впрочем, каждая мастерила свой наряд по собственному вкусу, и ни одна не была похожа на другую. Это обстоятельство Снежинку с ними примирило, тем более что она все-таки оказалась самой красивой.

Приглядевшись, здесь можно было также заметить нескольких фей, нескольких снежных королев, нескольких русалок и четырех совершенно одинаковых восточных красавиц. Все они первое время поглядывали друг на дружку, поджав губы, но постепенно, разгорячившись и повеселев, перестали сердиться и при встрече только приветливо улыбались.

— Послушайте, а хотя бы один Дед Мороз у вас будет? — поинтересовался Винтик.

— Нет, — с сожалением призналась Синеглазка. — У нас не будет. Дед Мороз у малышей в Змеевке, а у нас только снегурочки. Пойдемте покатаемся на катке.

Они подошли к лавочкам и стали примерять себе коньки из расставленных рядом ящиков. Коньки крепились к валенкам ремешками, поэтому выбрать себе подходящие не составляло труда. Все, кроме Незнайки, быстро нацепили коньки и вышли на лед.

— Эй, что же вы застряли! — крикнула ему Синеглазка.

Она подъехала к Незнайке, который сосредоточенно копался в ящике, надеясь, что про него забудут. Ему было стыдно признаться, что он совсем не

умеет кататься на коньках. Зимой он все больше носился на санках с гор, за компанию мог покататься на лыжах, но приближаться к катку отчего-то робел.

— Вот, берите эти, они вам подойдут. — Синеглазка достала из ящика коньки. — Садитесь, я помогу... Вот и все, пойдемте.

Она взяла Незнайку за руку и потянула на лед. Но как только он шагнул с рыхлого снега на скользкую поверхность катка, ноги его тотчас улетели вперед, а сам он шлепнулся назад, едва не уронив Синеглазку.

— Ну вот! Вы что же, первый раз на льду? Если бы я вас не держала, вы могли бы разбить себе голову!

Подъехала Снежинка, они вместе подняли Незнайку и взяли его с двух сторон под руки.

— Раз так, давайте потихонечку учиться, — сказала Синеглазка. — Стыдно быть таким знаменитым и не уметь кататься на коньках. Хорошо еще, что в маске вас здесь пока никто не признал. Делайте, как мы... так, так... осторожно, правильно...

После нескольких кругов Незнайку отпустила сначала Снежинка, а потом и Синеглазка. А еще через несколько кругов он мог уже скользить не хуже других, пытаясь иногда даже выполнить довольно крутой поворот или пройтись «змейкой» между арками ледяного дворца.

Время от времени мимо Незнайки, наклонившись вперед, как заправский гонщик, и заложив руки за спину, проносился Винтик в своей яркой клоунской маске. Оба механика были игроками городской хоккейной команды, причем Винтик был нападающим, а Шпунтик — вратарем. Этих двоих не надо было учить кататься.

Когда Винтик сделал с десяток кругов и подошел к одному из лотков выпить водички, кто-то сзади слегка похлопал его по плечу.

— А я вас узнала, — сказала малышка, представлявшая таинственную незнакомку в черной полумаске и плаще-домино. — Вы нам здорово помогли сегодня днем, спасибо.

— Я вас тоже узнал. — Винтик поднял маску на лоб. — Вы — Стрелка. Хорошо у вас это все получилось...

— Нравится?

Винтик кивнул и протянул малышке стакан подогретой брусничной воды. Оба одновременно отхлебнули.

— Как же вы меня узнали?

— Если на балу всего три малыша, нетрудно отличить одного от другого, даже если они в масках.

— А мне показалось, что нас никто не замечает.

— Размечтались. Скажу вам по секрету, что многие только на вас и смотрят. Не на вас одного, конечно, а на всех троих. А вот вы, господин Винтик, меня даже не заметили.

— Я вас сразу узнал по голосу... Сначала по голосу, а потом и так, вообще.

— Вы хорошо катаетесь. Наверное, участвуете в соревнованиях?

— Нет, просто играю в хоккей. Скажите, а почему к вам не приходят малыши из Змеевки?

— Да потому, что им запретили сюда приходить. Раньше мы приглашали тех, которые посмирнее, но и они каждый раз умудрялись выкинуть что-нибудь безобразное. Одной малышке залепили в глаз снежком так, что она едва не окосела, другой напихали снега за шиворот, и она заболела воспалением легких, а Медунице пришлось лечить собственную ногу из-за того, что один такой хулиган толкнул ее на катке. За змеевских малышей вы не беспокойтесь, они сейчас устраивают на реке сражение. С утра всем городом строят снежные укрепления, а вечером одна

половина их защищает, а другая — штурмует. У них это называется «взятие снежной крепости».

— Здорово, — сказал Винтик. — Я им даже немножко завидую.

— В таком случае можете позавидовать и тем, которые после столь диких развлечений поступают в нашу больницу с ушибами, переломами и сотрясениями. Пойдемте лучше покатаемся на карусели. Я залезу в космическую ракету, а вы садитесь на лошадку, идет?

В это время Незнайка, порядком уставший для первого раза, присел на покрытую соломенными тюфяками лавочку. К нему подъехала Снежинка и красиво закружилась на месте.

— К вам можно подсесть?

Незнайка сделал приглашающий жест рукой.

— А вы уже делаете успехи, — похвалила его Снежинка, болтая ногами.

— Да, знаете ли, за последнее время немножко разучился. А теперь вспомнил.

— Стало быть, вы раньше умели?

Незнайка сделал движение, которое можно было растолковать как угодно, и сменил тему:

— Что-то я не вижу Винтика и Шпунтика; не знаете, куда они запропастились?

— Конечно знаю. Господин Винтик на карусели, а господин Шпунтик разгуливает на ходулях. На ходулях вы тоже раньше ходили?

Мимо них проскользнула Синеглазка, и Незнайке показалось, что она чем-то расстроена и специально не смотрит в их сторону.

— Знаете, — сказал он Снежинке, — я пойду еще немножко покатаюсь.

— Что ж, покатайтесь немножко. А то я вижу, что некоторым очень завидно из-за того, что я с вами разговариваю.

Снежинка поднялась и, состроив презрительную гримасу, направилась к лоткам с угощениями. Незнайка удивленно посмотрел ей вслед, а потом догнал Синеглазку и поехал рядом. Они постепенно разговорились, и обоим очень хотелось взяться за руки, но Синеглазка ждала, когда это первым сделает Незнайка, а тот, понятное дело, трусил.

Шпунтик действительно увлекся хождением на ходулях. Это оказалось вовсе не так трудно, как представлялось со стороны. Не прошло и десяти минут, как он уже уверенно ходил, стоял и даже подпрыгивал на высоких деревянных рейках с приколоченными для ног брусками. Шпунтик сам по себе был низеньким коротышкой, поэтому хождение на ходулях доставляло ему особенное удовольствие.

— Посторонись, мелочь пузатая! — кричал он, вышагивая за пределы специально отведенной площадки.

В конце концов он увяз в снегу и решил, что для первого раза достаточно.

Незадолго до полуночи музыка стихла, катание прекратилось, все разошлись, сбились стайками и стали дожидаться боя часов и фейерверка. Незнайка, Синеглазка, Снежинка, Стрелка, Винтик и Шпунтик тоже уселись вместе, тесно прижавшись, на одной лавочке. Неожиданно позади раздался знакомый голос:

— Так-так-так... Всем хорошо, всем весело, и никто не ждет заплутавших в лесу одиноких путников...

Обернувшись, все так и ахнули от удивления.

— Клюква! — закричала Стрелка и вскочила с места.

Клюковка-Огонёк обняла подругу, и они расцеловались.

— Знайка?.. — не веря собственным глазам, выдохнули разом Незнайка, Винтик и Шпунтик, но тут же подскочили и, скинув маски, радостно закричали и запрыгали вокруг него: — Знайка! Знайка!

Знайка смущенно поправил очки и сказал:

— Здорово, братцы. Решил вот посмотреть, как вы тут... и вообще...

В этот момент из динамиков раздался бой часов и со всех сторон ударил, вспыхнул, зашипел и закружился фейерверк — рассыпающиеся вихри огненных искр на вертушках.

— Ура-а-а!!! — закричали все разом, бросились обниматься и поздравлять друг дружку с наступившим Новым годом.

Незнайка тоже сгоряча обнял Синеглазку и, неожиданно для себя, поцеловал.

— Что вы делаете! — испуганно прошептала она и отстранилась. — Никогда так больше не делайте, это нехорошо. Обещаете?

Незнайка неопределенно пожал плечами.

— И перестаньте глупо улыбаться! — рассердилась вдруг Синеглазка. — Вы, наверное, делаете так со всеми, чтобы после рассказывать.

— Нет, честное слово, я никогда раньше... Вы мне правда очень нравитесь.

— Хорошо, так и быть, я вам поверю. Вы мне тоже нравитесь. Только не думайте задирать нос, я вовсе не собираюсь бегать за вами, как другие.

— А я и не думаю, — искренне заверил ее Незнайка.

После того как отшумел фейерверк, снова заиграла музыка и все пришло в движение. Знайка и Огонёк где-то раздобыли маски, но прежде, чем они

успели обернуться черным вороном и рыжей лисичкой, некоторые смогли заметить на лице Знайки выразительные следы от помады, в точности такой, какой подкрасила себе губы Огонёк. Они подобрали себе коньки, вышли на лед и закружились вокруг дворца.

Знайка хорошо катался; жители Цветочного города частенько видели, как он, стремительно и в то же время плавно, уверенно взмахивая руками, несется на беговых коньках, погруженный в свои мысли.

Но сегодня он был не один, под руку его держала рыжая лисичка, которую он минуту назад впервые назвал по имени, вместо обычного «дорогая коллега».

Даже строгая Медуница важно и не спеша скользила по кругу в сопровождении двух нянечек. И хотя она предупреждала всех о «неизбежном травматизме, к которому приводят подобные мероприятия», все же не смогла отказать себе в удовольствии покататься. Тем более что, по ее предварительным наблюдениям, малышей здесь было всего трое и вели они себя вполне прилично. Осмелев, Медуница закатилась под арку дворца, остановилась и, задрав голову, стала разглядывать украшенную игрушками и обвитую электрической гирляндой елку. Тут ей показалось, что внизу, под елкой, в густых колючих лапах что-то шевелится. Она приблизилась, раздвинула ветки, нагнулась, вглядываясь через очки в полумрак, и сказала неуверенно:

— Кто здесь?..

В ответ послышалось глухое ворчание, а в следующее мгновение у самого ее носа возникла плюшевая медвежья морда.

— Ррр-рр-рр-ррр!.. — грозно сказала морда.

Несколько секунд Медуница смотрела на нее, широко раскрыв глаза, а затем, взмахнув руками, с пронзительным криком «Медведь! Медведь!» упала

навзничь и с необычайной быстротой на четвереньках выбежала из замка.

Ее подняли на ноги и окружили.

Чувствуя, что шутка не совсем удалась, Шпунтик вылез из-под елки и сел на лавочку в стороне, дожидаясь, что будет дальше.

Докторша держалась за левую руку и беспрестанно охала. Запястье распухло и болело; необходимо было срочно отвезти ее в больницу и наложить тягую повязку.

Винтик подогнал «Метелицу» прямо на лед катка, Медуницу и нянечек усадили в кабину, и снегоход тотчас сорвался с места.

В это время в больнице, как мы помним, коротал время один-единственный пациент по имени Шурупчик. Его палата стараниями нянечек и посетителей была украшена пахучими еловыми ветками и бумажными гирляндами, а стол и тумбочка были забиты угощениями. В данный момент Шурупчик лежал на койке и смотрел праздничную программу по телевидению.

Заслышав гудение приближающегося снегохода, он вскочил с кровати и выбежал на порог, чтобы встретить Винтика и похвастать ему усовершенствованиями, которые он придумал и воплотил здесь за истекшие сутки.

Однако поначалу вместо Винтика он увидел вылезавшую из кабины Медуницу, которую с двух сторон заботливо поддерживали нянечки и которая немедленно ему закричала:

— Больной, что вы себе позволяете! Сейчас же вернитесь в палату, вам противопоказан холод!

Шурупчик вернулся в кровать, а Медуницу повели в процедурный кабинет, где нужно было срочно наложить на руку повязку, а может быть, даже и гипс.

Винтик подсел было к Шурупчику, но тут появились нянечки и пожаловались, что не могут открыть в больнице ни одну дверь.

Шурупчик расплылся в самодовольной улыбке. Он поднялся с кровати и начал демонстрировать плоды своей технической мысли. Его решение было остроумным и эффектным, однако практическое его воплощение повергло Медуницу в ужас: все двери, окна, шкафчики с медикаментами, краны и даже крышка на унитазе открывались посредством хлопка в ладоши, на который реагировали настроенные специальным образом датчики.

Часть вторая

Незнайка понимает, что все сложилось не так уж плохо. Невая тактика поведения профессора Злючкина и прожект подземного мегаполиса. Незнайка узнает о том, что Козлик в беде. Пестренький испытывает тягу к науке, но еще бо́льшую — к зимней спячке

Все праздники когда-нибудь заканчиваются, и уже через день после новогоднего бала Незнайка проснулся в своей комнате, в доме на улице Колокольчиков. В первую минуту все случившееся — и поездка, и Синеглазка, и ледяной замок — все показалось ему волшебным сном. Потом он вспомнил обратную дорогу и прощание, которое не обошлось без нескольких пролитых слезинок (со стороны малышек, конечно).

А здесь все оставалось по-прежнему, будто бы и не было никакого праздника. Внизу гремел посудой, приготовляясь к завтраку, охотник Пулька. Он разговаривал со своей собакой, но, поскольку Булька не отвечал, казалось, что Пулька говорит сам с собой. Из-за стенки доносилось шуршание бумаги и конвертов. Незнайка вспомнил про письмо и вскочил

с кровати. Наспех одевшись, он решительно направился к своему прославленному соседу.

Пончик теперь работал над вторым кругом своей корреспонденции. На отправленные им ответы поклонницам («О прекрасная невидимая Собеседница») пришли горы взволнованных писем, каждое из которых занимало добрый десяток, а то и два десятка страниц. Пончик любил читать их во время послеобеденного отдыха, а с утра занимался изготовлением второй очереди ответов по новому, сочиненному поэтом Цветиком образцу.

В эти ответы Пончик вкладывал теперь еще и фото со своим изображением, которое Тюбик по его просьбе отретушировал так, что лицо героя приобрело слегка надменный и разочарованный вид, как раз такой, какой особенно нравится малышкам.

Получив в ателье целую коробку своих фотографий, а также новый текст письма и новые стихи Цветика, Пончик взялся за работу.

Когда Незнайка заглянул в нему в комнату, Пончик старательно, высунув язык, выводил новый текст письма, начинавшийся словами: «Кажется, у нас завязалась настоящая переписка. Но к чему приведет этот легкомысленный флирт? Моя одинокая душа изранена кознями врагов и высушена предательством близких...»

Увидев, что Незнайка читает, заглядывая через его плечо, Пончик быстро прикрыл написанное рукою.

— Чего тебе?

— Мне? Ничего. Просто так, зашел поздороваться.

Незнайка с беззаботным видом провел пальцами по корешкам лежавших на столе толстых папок с подшитыми в них письмами от поклонниц. Все папки были аккуратно размечены в алфавитном порядке — от «А» до «Я».

— Говорят, вы там хорошо повеселились? — сказал Пончик.

— Где? — рассеянно ответил Незнайка, незаметно выискивая папку на букву «С».

— Ну там, в Зелёном городе.

— Так, ничего особенного.

— А Винтику и Шпунтику понравилось.

— Меня здесь не искали?

— А чего тебя искать? Все так и знали, что ты с ними уехал.

— Так уж и знали?

Свою записку Незнайка в комнате не нашел и теперь опасался, что она всплывет в самый неподходящий момент. И зря, потому что Знайка ее давно выбросил и забыл о ней.

— Будто в Змеевку трудно позвонить.

— Понятно...

— Слушай, а чего это ты у меня роешься?

— Так, хочу уточнить кое-что.

Пончик поднялся со стула и рукой отстранил Незнайку от своих папок.

— Вот иди к себе, там и уточняй.

Незнайка толкнул Пончика, и тот плюхнулся обратно на стул.

— Сиди, израненная душа. Заморочили всем головы вместе с Цветиком. Я вот еще пойду с ним поговорю...

Пончик молчал, в удивлении раскрыв рот.

Наконец в папке нашлось письмо от Синеглазки, на конверте которого значилось: «Цветочный город, ул. Колокольчиков, Незнайке».

— Здесь что написано? Читай!

Пончик пролепетал адрес.

— Это тебе письмо? Тебе? Тебе? Тебе? Тебе?..

С каждым словом Незнайка наотмашь щелкал героя по носу сложенным пополам конвертом.

— Так ведь они пачками приходят!.. Я конверты даже не читаю, только обратный адрес...

— Так вот впредь читай, а не то узнаешь по-настоящему, что такое «козни врагов и предательство близких». Будешь ты у меня и израненный, и высушенный, понял?

— По-онял, — всхлипнул Пончик, утирая нос.

Незнайка вернулся к себе и стал читать запоздало дошедшее до него письмо от Синеглазки.

Оно было очень просто и мило написано, в нем не было упреков в зазнайстве и забывчивости. «Вы можете мне не отвечать, просто у меня сейчас такое настроение, — писала она. — А если хотите, приезжайте к нам на елку. Будьте уверены, что не пожалеете».

Сложив письмо, Незнайка вздохнул и подумал, что в общем все сложилось не так уж и плохо.

После обеда радио транслировало дискуссию между профессором Злючкиным и академиком Ярило. Встречи этих двух непримиримых противников всегда вызывали интерес у публики, даже у той, которая совсем не понимала смысла их наукообразных разговоров.

Потерпев позорное поражение в споре о существовании невидимого острова, Злючкин решил взять реванш, заявив столь грандиозную идею, что одно обсуждение ее уже восстановило бы авторитет ученого в глазах широкой общественности.

И такая идея вскоре родилась в его небогатом воображении.

Побывав однажды в Земляном городе и обнаружив там совершенно идеальные условия для проживания коротышек, профессор выдвинул идею, или, как он сам говорил, «прожект», строительства огромного подземного мегаполиса, в который постепенно смогли бы переселиться все без исключения коротышки.

Этот прожект, при всей своей дикой бредовости, как ни странно, приобрел немало сторонников. Успеш-

но забросив пробный шар и ощутив кое-где поддержку, Злючкин резво бросился в атаку.

Следует заметить, что, погорев однажды на собственной глупости, профессор кое-чему научился. В первую очередь он усвоил для себя главное: *никогда, ни при каких обстоятельствах* не ссориться со средствами массовой информации — газетами, радио и телевидением. Со своими личными противниками — пожалуйста, это лишний раз подогреет внимание публики и прибавит ему популярности. Но такие выходки, как плевок в объектив камеры или безобразная ругань во время прямого эфира, могут заставить отвернуться от него даже самых верных сторонников.

И Злючкин переменил тактику дракона на тактику лисы.

При встречах с журналистами или редакторами он больше не строил презрительную мину, а, наоборот, расплывался до ушей в приветливой улыбке, а также извинялся за былые промахи. Главным редакторам он по праздникам присылал пышные букеты, в каждый из которых была вложена его визитка с собственноручной припиской типа «Ваш преданный читатель (зритель, слушатель)».

Голос у него стал вкрадчивым и приторным, но, поскольку на душе у него по-прежнему злобно скребли кошки, он часто по привычке сбивался на грубый приказной тон. Правда, спохватившись, он тут же говорил «извините» и продолжал как ни в чем не бывало.

Все это, конечно, не могло не повлиять на его отношения с окружающими. У Злючкина появилось много «полезных» знакомых, его имя замелькало на обложках газет и журналов, по радио зазвучал его голос, а его фальшивая улыбка не сходила с экранов телевизоров.

Именно в это благоприятное для него время Злючкин огласил грандиозный прожект о массовом переселении коротышек в подземный мегаполис.

Поначалу идея вызвала смятение, затем растерянность, а потом активная часть населения разделилась на два непримиримых лагеря — сторонников переселения и противников такового.

Сторонниками объявили себя безрассудные натуры, не нашедшие применения своей энергии в полезных сферах деятельности, а также обыкновенные хулиганы, которые вообще держали Злючкина за своего, а его прожект восприняли как выдающуюся хулиганскую выходку.

Однако благоразумные коротышки, которых было все-таки большинство, понимали опасность затеи, поэтому дальше разговоров и споров дело пока не шло.

Главным противником подземного строительства и переселения был академик Ярило. Споры на эту тему двух непримиримых противников были в последнее время излюбленным развлечением читателей, зрителей и слушателей.

В описываемое утро по радио звучала очередная такая дискуссия. Ярило говорил о физической невозможности проведения столь трудоемких работ; Злючкин — о достижениях науки и техники.

Следует заметить, что намучившийся со своими больными зубами профессор вставил себе совершенно новые, искусственные. У него появилась ослепительная лошадиная улыбка, он перестал цыкать зубом, однако в его речи появился новый дефект: вместо буквы «т» он начал временами выговаривать нечто не поддающееся письменному воспроизведению, что-то похожее на «прфф». И это, конечно, очень мешало его собеседникам. Кроме того, внутренняя борьба с собственными грубостями привела к развитию у него непроизвольных телодвижений — внезапных взмахов рукой, ногой, головой, плечами. Из-за этого он стал походить на подвешенную на ниточках марионетку, дерганую и фальшивую.

Но послушаем фрагмент доносившейся из радиоприемника беседы.

— Недавняя перепись показала, что нашу страну населяет около семи тысяч коротышек, — спокойным бархатным баритоном говорил академик Ярило. — Даже если все они вдруг сойдут с ума и начнут рыть гигантский подземный бункер, то закончат работу никак не раньше, чем через сто лет.

— Вы забываетПРФФе о том, что наша наука и техника не стоятПРФФ на месте, мой очароват-ПРФФельный всезнайка, — умильно и вкрадчиво возражал профессор. — Построив сверхмощную лазерную пушку и работая под землей в условиях невесомостПРФФи, мы закончим строительстПРФФво за два с половиной года!

— Это очень сомнительное заявление, профессор. А вы можете подтвердить его хотя бы приблизительными расчетами?

— Пора бы знатПРФФь, что я никогда не делаю голословных заявлений, академик. — Послышалось шуршание бумаги. — При ежемесячной круглосуточной выработПРФФке одна целая ноль восемь десятых единицы грунта, помноженных на ноль целых две десятых коротышко-часов...

И Злючкин торопливой и невнятной скороговоркой, продолжавшейся не менее двух минут, вытряхнул на собеседника и радиослушателей несколько страниц дробных цифр, щедро приправленных понятными только специалистам словами типа «коэффициент светового луча», «показатель антигравитации», а также совсем уж пугающими «коротышко-часами».

— Вы позволите мне взять эти бумаги и проверить расчеты? — спросил Ярило.

Бумаги моментально ушуршали во внутренний карман профессорского пиджака.

— Зачем же проверять? Вы намерены оскорбитПРФФь меня недоверием? Но в таком случае,

академик, вы намерены оскорбитПРФФь не только меня, но и науку, и всех добропорядочных коротышек в моем лице... Господин Ярило, вы подлец! Я сейчас же, сию секунду плюну вам в морду!!

Тут Злючкин опомнился и осекся.

— Извините, — сказал он и продолжал как ни в чем не бывало: — Итак, расчеты показываютПРФФ высочайшую и несомненную ценность моего прожектПРФФа, призванного служить одной-единстПРФФвенной благородной цели — построению счастПРФФья для всех разом коротышек. Не благороднейшая ли это цель? Скажите, скажите нам без промедления!

Привыкший к выходкам своего оппонента, Ярило реагировал совершенно спокойно и снова заговорил по теме:

— Допустим на мгновение, что вы каким-то образом добились невозможного и подземный город существует. Как в этом случае будет организовано питание переселенцев? Ведь если они будут производить сельскохозяйственные работы на поверхности земли, как и прежде, то весь ваш проект не стоит и выеденного яйца?

— Вы сами не стоите выеденного яйца, академик. Простите. Да будет вам известПРФФно, дорогой коллега, что в земле живет бесчисленное множество всевозможных червячков и личинок, чрезвычайно питательных и богатых белками. Скажу прямо: вот уже неделю я питаюсь исключительно, поверьте, исключитПРФФельно червячками и личинками. Их можно варить, жарить, солить, сушить, мариновать и даже делать из них сладкие конфеты. Я специально принес вам на пробу пакетик с засахаренными личинками. Вот, берите, угощайтПРФФесь!

Хрустнул бумажный пакет, и послышался звук резко отодвинувшегося стула.

— Нет, нет, спасибо, профессор, я уже завтракал, — взволнованно проговорил Ярило где-то вда-

леке от микрофона. — Уфф... С вами не соскучишься. Кстати, не вы ли заказывали вчера большой комплексный обед в ресторане Дома ученых? Я как раз сидел неподалеку.

— Что?! — сорвался на крик Злючкин. — Какой еще обед! Вы подвергаете сомнению чистоту моего экспериментПРФФа? Смотрите же... — Злючкин стал громко чавкать, набивая рот засахаренными личинками. — Смотрите! Нет, нет, вы не отворачивайтесь!..

Но тут передачу прервали, и в эфире зазвучал концерт по заявкам.

Вечером Знайка неожиданно серьезным и озабоченным тоном пригласил Незнайку к себе. Тот, немало удивленный, проследовал в заставленную стопками книг, все еще пыльную и не прибранную комнату.

— Послушай... — начал Знайка с некоторой нерешительностью. — Тогда, на Луне... Ты, кажется, был знаком с Козликом?

— С Козликом? — повторил Незнайка, и ему сразу припомнился ужасный и нелепый сон, в котором Козлик звал его на помощь, а Луна в облаке белого порошка разваливалась на куски. — Козлик! Да ведь это мой самый что ни на есть лучший в мире друг! А что такое случилось?

— Ты погоди, сядь. Ничего особенного не случилось. То есть я хочу сказать, что ничего пока еще не известно.

— Ты давай не выкручивайся, говори все как есть.

— Я и не выкручиваюсь. Пока еще действительно ничего не известно. Просто с Луны были какие-то странные сигналы от этого твоего Козлика.

— «Просто, просто», — в нетерпении передразнил Незнайка. — Какие такие сигналы?

— Ну вот, послушай.

Знайка сунул кассету в магнитофон, и Незнайка услышал надрывный голос Козлика, отчетливо пробивавшийся сквозь радиопомехи: «Не давайте им ничего! Если прилетят — не давайте ничего!..»

— Ну, что ты раскис? Есть какие-нибудь соображения?

Незнайка шмыгнул носом и молча отрицательно покачал головой.

— Слушай, ты так не расстраивайся. С ним-то, наверное, все в порядке, это он нас о чем-то предупреждает. Понять бы только, кому и чего не давать. Может, семян не давать? А, как ты думаешь?

— Из-за семян он бы так не стал...

Незнайка опять шмыгнул и утер нос рукавом.

— Всё?

— Что «всё»? — не понял Знайка.

— Больше ничего не передавали?

— Нет, ничего. И на наши позывные никто не отвечает.

— Это плохо.

Знайка молча опустил голову, как будто он сам был в чем-то виноват.

— Если никто не отвечает, надо лететь, — сказал Незнайка таким голосом, что Знайка испугался.

— Что значит «лететь»! Ты это погоди, «лететь». Вот чудак, разволновался. Они сами к нам скорее всего летят. Вот когда прилетят...

Но Незнайка, не дослушав его, вышел из комнаты.

— Ну и ну... — пробормотал Знайка. — Смотрите, какой он впечатлительный. Надо будет за ним следить получше.

Незнайка отправился к себе, лег и напряженно уставился в потолок. В голове у него все еще звучал голос Козлика, который, словно барабанным боем, сопровождался собственными словами: «Надо ле-

теть, надо лететь, надо лететь...» Но, даже находясь в столь взвинченном состоянии, он понимал, что лететь в космос без специальной программы в компьютере ракеты, без запасов воздуха, воды и провизии — невозможно. Для подготовки нужно было время и, самое главное, желание со стороны Знайки. А Знайка очень не любил неточностей и недоговоренностей. И в самом деле: глупо лететь куда-то сломя голову, если оттуда предупреждают, что сами летят сюда... С этим Незнайка и заснул.

А утром он направился к Пачкуле Пёстренькому, чтобы поделиться с ним своими переживаниями и заполучить хотя бы одного союзника в этом деле.

Пёстренький жил неподалеку, всего в нескольких кварталах, и Незнайка быстро добрался до его дома подснежными ходами. Прохожие с удивлением смотрели, как он, ни с кем не здороваясь и сосредоточенно глядя себе под ноги, торопливо шагает мимо.

— Дома? — спросил он у громыхающего посудой в тазу с мыльной водой портного Заплаткина.

— Дома, ясное дело, — проворчал тот. — А где ему еще быть, по-твоему?

Действительно, Пёстренький очень не любил холод и зимой не вставал с кровати без особой необходимости. Соседи и знакомые поражались его способности спать почти круглые сутки с перерывами для еды и прочих неотложных надобностей.

С началом весны он оживал, летом был бодрым и деятельным, а с первым снегом начинал зевать и впадал в спячку.

На этот раз Незнайка застал Пёстренького, к своему удивлению, не спящим, а почитывающим какой-то старый пожелтевший журнал. Под кроватью виднелся еще ворох таких журналов, извлеченных скорее всего из подвала или с чердака.

— А, это ты, — сказал Пёстренький рассеянно. — Как там внизу, обед готовят?

— С чего это тебе обед? Недавно завтракали.

Пёстренький протяжно зевнул:

— Я... видишь ли... завтрак проспал, оказывается.

— Что же тебя не разбудили?

— А у них против меня сговор.

— Чего-чего?

— Они, видишь ли, против меня сговорились. Боятся, что я из-за спячки де-гра-дирую. Это вроде болезнь какая-то, надо еще у Пилюлькина спросить. Вот, журналы принесли... Сказали, что будить не будут больше, что, если сам не проснусь, останусь голодным.

— Ну и как оно?

— Да пока, знаешь ли, не очень. Завтрак они, видишь ли, устраивают ни свет ни заря: в десять часов — это же самый сон... А ты, говорят, куда-то ездил?

— Ездил, ездил. А ты небось даже из дому не выходил?

— Хотел я в праздник на реку пойти. Оделся даже, прилег на дорожку, да так и уснул до утра.

— Понятно. А что читаешь?

— Вот это, что ли? «Занимательная химия». Удивительно легко дается, все понимаю. Мне химия всегда нравилась, опыты разные делать... Пилюлькин говорит, что у меня способности; я вместе с ним ракеты для фейерверка делал, жаль только, что сам фейерверк проспал...

— Что же ты свои способности скрываешь? Если что-нибудь хорошо получается, надо вперед идти, развиваться.

Пёстренький поднял голову и посмотрел на Незнайку внимательно:

— Ты сам-то как? У тебя, вообще-то, все в порядке? Ничего не случилось?

— Помнишь, я тебе рассказывал про Козлика?

— Какого еще козлика?

— Ну, мы с ним на Луне подружились.

— А, теперь вспомнил. Вы еще там в баранов превратились.

— Да не превратились мы... не в этом дело. Теперь там, на Луне, передатчик сломался, а он что-то хотел сказать. Понимаешь, что-то очень важное, потому что я его знаю, он о пустяках так не будет говорить.

— Чего-чего? — не понял Пёстренький.

— Лететь надо на Луну, вот чего.

— Что, прямо сейчас?

— Прямо сейчас не получится, надо Знайку уговорить.

— Ну и уговаривай, меня он совсем не послушает. Только я, знаешь ли, не полечу. Чего я там не видел, на Луне? Я ее и без того каждый день вижу. И вообще, у меня планы другие. Пилюлькин обещал...

— «Обещал, обещал»!.. — злобно прошипел Незнайка и поднялся со стула. — Сам ты Пилюлькин! Я думал, что ты... а ты... — И Незнайка, не попрощавшись, вышел, сгоряча хлопнув дверью.

Не найдя в Пёстреньком союзника, он расстроился еще больше. До вечера он сидел у Стекляшкина, вслушиваясь в бессмысленное завывание и треск космического радиоэфира. Больше ничего в этот день не случилось.

Новые сигналы с Луны. Профессор Злючкин ощущает свой звездный час, но вынужден бежать в ванную. Глубокомысленные версии и скоропалительные выводы

Несколько дней Незнайка ходил мрачнее тучи, а потом разразилась сенсация. Радиостанция Космического городка, а также некоторые другие станции

и даже отдельные радиолюбители начали принимать слабые, но постоянно повторяющиеся сигналы с Луны. Эти сигналы крутились, по всей видимости, на закольцованной магнитофонной ленте и состояли из нескольких фраз, смысл которых не удавалось разобрать из-за помех.

На позывные с Земли никто не отвечал; непонятно было, откуда идет передача — с поверхности Луны или с внутреннего ядра посредством местной связи.

Прежде Стекляшкин часто переговаривался с работавшими в лунной обсерватории учеными Альфой и Мемегой. Они рассказывали о первом урожае гигантских растений, применении в промышленности приборов невесомости, об отмене денег и других обнадеживающих переменах. Но однажды связь прервалась на полуслове, и с тех пор земные коротышки перестали узнавать что-либо о жизни подлунного мира.

После этого некоторые решили, что лунатики, заполучив семена гигантских растений и приборы невесомости, попросту обленились, а иначе они давно бы уже наладили передатчик и вышли на связь. Никому не приходило в голову, что гигантские растения не прижились, что приборы невесомости сели один за другим, как использованные батарейки. Никто не догадывался о том, что большинство лунных коротышек думало в основном не о расширении своего космического кругозора, а о том, как бы не протянуть ноги раньше времени.

Поначалу в тексте новой радиограммы невозможно было разобрать вообще ни единого слова, но постепенно из безнадежных «бу-бу-бу», «хрр-фрр-прр» и «з-з-зззз» при помощи новейших технологий удалось выявить несколько обрывков фраз, поставивших в тупик как научные умы, так и широкую общественность. Только самые первые слова не вызывали со-

мнений, да и то потому, что были стандартными позывными. Дальнейшее же выглядело абсолютной абракадаброй:

«Я ЛУНА! Я ЛУНА! ВЫЗЫВАЮ ЗВЁЗДНЫЙ ГОРОДОК! (...) ПРОСЯТ У ЗЕМЛЯН (...) ДЕНЕЖНЫХ МЕШКОВ (...) В СОСТОЯНИИ ГИПНОЗА (...) ОТКУДА ИСХОДИТ ВРЕДОНОСНАЯ СИЛА (...) ТОРОПИТЕСЬ, ИЛИ ВСЕ ПОГИБНУТ (...)»

Последняя расшифрованная фраза была достаточно понятной, для того чтобы сначала вызвать переполох в СМИ, а затем и в умах коротышек.

В это утро ощутил свое величие профессор Злючкин.

Узнав о послании из космоса из утренних новостей, он понял вдруг, что наконец-то пробил его звездный час. Для него было совершенно очевидно, что с Луны на Землю движется некая враждебная сила, от которой необходимо срочно спасаться. А где же спасаться коротышкам от таинственной космической силы, как не под землей?

Озаренный внезапной мыслью о собственном гениальном предвидении, Злючкин растворил окно, втянул в себя морозный воздух и горделиво возвел глаза к небу. Никогда еще до этого он не казался себе столь мудрым и прекрасным. К несчастью, в этот торжественный момент кто-то с улицы залепил ему в глаз снежком, и ошеломленный профессор поспешил в ванную.

Уже в этот день в вечерних газетах появились версии различных толкований не поддающейся полной расшифровке радиограммы.

Самая большая статья, занимавшая два газетных разворота, принадлежала, разумеется, перу профессора Злючкина.

Профессор писал о том, что смысл радиограммы, которую правильнее будет назвать ультиматумом, может быть непонятен только длинноухим ослам, которые и до этого упрямо не желали внять его предупреждениям о грозящей из космоса опасности. (Далее следовали подробные рассуждения о том, что иные упрямые животные с учеными степенями ради удовлетворения собственных амбиций готовы отдать на жестокую расправу сотни и тысячи невинных и доверчивых сограждан.)

Только на третьей газетной полосе Злючкин публиковал единственно возможный, с его точки зрения, текст послания:

«Вооруженные космические бандиты ТРЕБУЮТ У ЗЕМЛЯН несметное количество ДЕНЕЖНЫХ МЕШКОВ. В противном случае они введут земных коротышек В СОСТОЯНИЕ ГИПНОЗА и подчинят своей воле. К Земле будут направлены военные корабли с тайным оружием, ОТКУДА ИСХОДИТ ВРЕДОНОСНАЯ СИЛА. Денежные мешки должны быть приготовлены через два с половиной года. ТОРОПИТЕСЬ, ИЛИ ВСЕ ПОГИБНУТ».

По всеобщему мнению, в этой расшифровке были очевидные натяжки и подтасовки. Во-первых, все заметили, что в оригинале не было слова «требуют», а было слово «просят». Ясное дело, что увязать такие понятия, как «космические бандиты» и «просят», не очень легко. Во-вторых, непонятно было, каких таких «денежных мешков» просят злодеи; в этом смысле правильно было бы сказать «мешков с деньгами». Не очень грамотной выглядела и фраза о «тайном оружии, откуда исходит вредоносная сила». И последнее, что выдавало Злючкина с головой, был срок ультиматума два с половиной года — именно такой срок он требовал недавно для строительства подземного мегаполиса.

Расчет Злючкина в целом легко угадывался. «Космическая опасность» должна была объединить всех

до единого коротышек для рытья подземного города. Работая без отдыха в постоянном страхе перед нашествием космических агрессоров, они могли на самом деле вырыть его за два с половиной года, а то и раньше. Теперь Злючкин был готов на любые ухищрения ради того, чтобы все поверили в эту опасность, а следовательно, в него самого и в его прожект.

Не меньший интерес у читающей публики вызвали и другие материалы на космическую тему.

Фуксия и Селёдочка, ссылаясь на книгу Знайки «Экономика подлунного мира», в своей статье разъясняли читателю, что такое деньги. После этой статьи любому становилось понятно, что просить денег на другой планете глупо и бессмысленно. «Денежными мешками, — писали эти две ученые малышки, — в подлунном мире называют не мешки с деньгами, а коротышек, накопивших много этих самых денег».

Фуксия и Селёдочка не брались за толкование радиограммы, но их статья охладила многие горячие головы.

Сам Знайка не торопился с выводами и опубликовал лишь небольшую заметку, в которой рассказывал о принятой неделей раньше радиограмме от Козлика. Знайка отмечал, что качество звука было хорошее (запись он передал на радио, и все могли услышать оригинал этим же вечером), но сам Козлик находился, по всей видимости, в сложной ситуации, поскольку успел прокричать в микрофон всего несколько фраз. Возобновленный неделю спустя «закольцованный» сигнал был уже рассеян, слаб и неразборчив.

Содержание первого сеанса связи, где Козлик взволнованно кричал Стекляшкину: «Не давайте им ничего!..» могло подтверждать версию о космическом нашествии. Сторонники Злючкина уцепились за нее и еще громче заговорили о необходимости строительства подземного убежища. Дело все больше запутывалось.

Не остался в стороне от этой темы и писатель Смекайло. Свою довольно оригинальную статью он продиктовал по телефону редактору газеты «Гипотезы и открытия».

Вскользь упомянув о своих дружеских отношениях с космическим путешественником Незнайкой, Смекайло предлагал не то чтобы версию, а скорее сюжет для фантастического романа или кинофильма. Этот увлекательный сюжет сводился к следующему.

В галактику Млечный Путь залетают пришельцы из далекого космоса.

Эти злые, покрытые чешуей, панцирем и рогами восьминогие чудовища собирают оброк с жителей всех обитаемых планет, встречающихся у них на пути.

Обчистив до нитки лунных коротышек, они готовятся к опустошительному походу на Землю.

Горстка смельчаков-лунатиков из отряда сопротивления пытается предупредить землян о грозящей опасности. Понятие «деньги» или «денежные мешки» означает у них любые материальные ценности — провизию, семена, домашнюю утварь, книги, орудия труда, одежду, обувь и тому подобное.

Особенно у восьминогих чудовищ ценится обувь, поскольку они косолапы и быстро ее стаптывают.

Редактор «Гипотез и открытий» с трудом остановил поток красноречия писателя, закончив статью словами «и тому подобное».

Таким образом, находящегося в длительном творческом застое Смекайлу, как говорится, прорвало.

Следует отметить, что в день выхода этой статьи в магазинах было разобрано много обуви — как зимней, так и летней и демисезонной. Было удивительно, что особым спросом пользовалась обувь наибольших размеров, самых больших, какие только имелись на складе. (Впоследствии всю эту обувь вернули нетронутой и нераспечатанной.)

Фельетонист Булавкин опубликовал в своей газете «Утконос» язвительную заметку о том, что никакого послания из космоса скорее всего вообще не было. По его мнению, весь шум возник из-за шуток распоясавшихся радиолюбителей, которые частенько хулиганят в эфире и сбивают с толку доверчивых коротышек. Он писал, что знает это от своего соседа-радиолюбителя, имя которого он не называет, потому что оно слишком хорошо известно. Регулярно встречаясь с соседом, Булавкин наслушался от него разных историй о розыгрышах и мистификациях, которыми забавляется эта публика как на короткой, так и на средней и даже на самой длинной волне.

Следует отметить, что уже в следующем номере «Утконоса» Булавкин напечатал опровержение, в котором приносил извинения радиолюбителям за свои поспешные выводы.

Все с нетерпением дожидались реакции академика Ярило. И его обширная статья наконец появилась в утреннем выпуске газеты «Научная мысль». Автор писал, что обсуждаемая тема слишком серьезна для того, чтобы делать окончательные выводы, однако уже сейчас для него совершенно очевидно то, что земным коротышкам ничто не угрожает, в то время как лунатики скорее всего попали в беду.

«Возможно, — писал он, — что так называемые „денежные мешки“, то есть, попросту говоря, богачи, пытаются как-то загипнотизировать лунатиков, для того чтобы снова заставить их работать на себя. Те же, которые пока остались в здравом уме, просят землян о помощи».

Далее академик Ярило не оставлял камня на камне от версии профессора Злючкина. Подсчитав возможно допустимое количество букв в нерасшифрованных пробелах послания и сопоставив их число с текстом Злючкина, Ярило приходил к следующим выводам.

Количество букв в пробеле перед словами «ПРОСЯТ У ЗЕМЛЯН» может составлять 15; у профессора Злючкина — 29.

Перед словами «В СОСТОЯНИЕ ГИПНОЗА» — 72 буквы; у профессора — 40.

Перед словами «ОТКУДА ИСХОДИТ ВРЕДОНОСНАЯ СИЛА» — 9 букв; у профессора — 59.

Перед словами «ТОРОПИТЕСЬ, ИЛИ ВСЕ ПОГИБНУТ» — 84 буквы; у профессора — 54.

Этими словами, по версии профессора Злючкина, послание заканчивалось, в то время как там, очевидно, присутствовали еще двадцать четыре буквы.

Программа проделавшего эту работу компьютера допускала погрешность не более трех букв в ту или иную сторону.

Все это выглядело просто и убедительно; авторитет Злючкина резко пошатнулся в глазах его сторонников. Необходимо было срочно нанести ответный удар.

Как Незнайке ответил совсем не тот, к кому он обращался. Поездка, во время которой встречные водители шарахаются по сторонам. Подозрительное поведение профессора Злючкина

Как бы ни хотел Незнайка отправиться на Луну спасать Козлика, он не мог запустить ракету без специальной программы, а пользоваться бортовым компьютером на таком уровне умели в Цветочном городе только трое: Знайка, Винтик и Стекляшкин. Как назло, все эти специалисты укатили в Солнечный город, где на следующее утро было назначено заседание Большого научного совета.

Незнайка сидел в опустевшей мастерской на перевернутом ведре и вел неспешную беседу с «Бобиком»

и «Трезором». Неисправные роботы его не слышали и не могли ему отвечать; прислоненные к стенке, с вытянутыми ногами и безжизненно свесившимися головами, они были похожи на тряпичных кукол, слабых и беспомощных.

— А если бы даже они не уехали, — рассуждал Незнайка, обращаясь к «Бобику», — то все равно нипочем бы не стали готовить ракету раньше, чем закончится этот дурацкий научный совет, правильно?

«Бобик» не отвечал.

— А если бы даже я мог сам запустить ракету, — продолжал Незнайка, повернувшись к «Трезору», — разве кто-нибудь согласился бы лететь вместе со мной? Если даже Пёстренький не захотел... А ты бы полетел, я знаю. Ведь правда полетел бы?

«Трезор» не реагировал.

— А теперь еще неизвестно, кто там победит, на этом научном совете. Вдруг решат не лететь, а, наоборот, рыть под землей пещеру? Два года будут рыть, а после окажется, что надо было лететь. Спохватятся, да уже поздно будет. Этот Злючкин кого угодно запутает, этакая гадина... Что же вы все время молчите, истуканы?

Роботы безмолвствовали.

— Этак они с вами никогда не заговорят, — раздался вдруг знакомый голос у него над головой. — Зря только время тратите.

Незнайка быстро обернулся. За спиной у него стояла Клюковка-Огонёк и насмешливо улыбалась. После новогоднего праздника в Зелёном городе она осталась погостить еще недельку-другую у своей подруги Стрелки, поэтому ее появление здесь было совершенно неожиданным.

— Это вы?..

— Даже не сомневайтесь. Простите, что невольно подслушала вашу содержательную беседу. Жаль, конечно, что они такие неразговорчивые. А то, что

Злючкин большая гадина, в этом вы абсолютно правы.

— Козлику от этого не легче...

— От всей души сочувствую вашему другу. Теперь все зависит от решения научного совета; опасаюсь, что Злючкин готовит всем какую-то большую пакость. А хотите, поедем туда вместе?

— Куда?

— В Солнечный город, на заседание. Говорят, что дорогу вчера расчистили.

— Меня туда не приглашали.

— Подумаешь! Меня тоже не приглашали, а я все равно поеду. Должен ведь кто-нибудь вправить мозги этому пожирателю червей.

— Правда? — Лицо Незнайки осветилось надеждой. — Тогда я тоже с вами.

— Правильно, нечего здесь сидеть — так и свихнуться недолго. Сейчас вы разговариваете с роботами, потом начнете разговаривать с деревьями... Кстати, хорошо бы взять с собой кого-нибудь из этих молодцов. — Огонёк кивнула на «Бобика» и «Трезора». — Еще неизвестно, чего можно ожидать от этого психопата; может случиться и так, что придется применить физическую силу... А кто-нибудь пробовал их починить?

— Винтик два раза пробовал, да ничего не вышло. А Знайка все время занят...

— Давайте-ка теперь я попробую. — Огонёк скинула куртку и размотала шарф. — Только вы мне принесите попить чего-нибудь горячего; работа, похоже, предстоит серьезная, а я прямо с дороги, и пальцы совсем озябли...

На другое утро редкие водители, проезжавшие по расчищенной от снега дороге из Солнечного города, шарахались на обочину и увязали в сугробах при

виде вихрем несущейся навстречу странной компании. Впереди на предельной скорости мчался гусеничный вездеход с оседлавшими его двумя коротышками, а следом за ними, не отставая ни на шаг, бежало, а вернее, скакало на четырех лапах нечто, что издалека можно было принять за крупного волка и что при ближайшем рассмотрении тоже оказывалось коротышкой...

Но если это действительно был коротышка, то очень странный: лысый, в черном, до самых пяток, плаще, он скакал следом за вездеходом со скоростью курьерского поезда, при этом на его застывшем лице не было ни малейших признаков усталости, более того, казалось, что он совсем не дышал.

Конечно, это не мог быть коротышка.

Несомненно, это был робот.

Уж не из компании ли он тех самых космических агрессоров, которыми пугал всех профессор Злючкин? Уж не гонится ли один из них за своими первыми, а может быть, уже и не первыми жертвами?..

Такие или очень похожие мысли приходили на ум не только встречным водителям, но и прохожим на улицах Солнечного города, куда, не сбавляя скорости, ворвался вездеход и скачущее за ним следом нечто.

Остановив машину перед входом в гостиницу, сидевшая за рулем малышка, ее пассажир и поднявшийся на задние конечности робот проследовали внутрь. Они вежливо поздоровались и попросили у дежурной ключи от двух номеров. Из произведенной ими в журнале записи следовало, что малышку зовут Огонёк, а ее спутника — Незнайка.

— А что же этот, третий? — спросила дежурная, с опаской поглядывая на третьего посетителя, имевшего жутковатую внешность и рост на голову выше нормального коротышки. — Его-то как записать?

— Запишите, что он «Дружок», — сказал Незнайка.

— Какой еще «дружок»? — не поняла дежурная. — Мне что же, так и писать в журнале, что он ваш дружок?

— С большой буквы и в кавычках, — пояснила Огонёк. — А лучше совсем не пишите, потому что это не имя, а название. Это робот, а не коротышка.

— Робот... — растерянно повторила дежурная. — Если робот, тогда, наверное, записывать не обязательно...

Незнайка и Огонёк отправились в свои номера, а «Дружок» отступил к стене и замер в неподвижности.

— Все-таки он какой-то страшный, — проговорила дежурная, оставшись с роботом наедине. — Погодите, погодите... А ведь я такого где-то уже видела... Верно! Он из этого телефильма про путешествие на остров... И эти двое оттуда, только второй был в шляпе — такой огромной-преогромной... — Дежурная развела руками над головой и спохватилась: — Эх, надо было предложить им люкс. Даже, пожалуй, представительский люкс.

И, раздосадованная своей оплошностью, она стала звонить подружкам.

Когда Огонёк и Незнайка снова спустились в фойе, робот находился в том же самом положении, в каком его оставили, но теперь вокруг него образовалась небольшая толпа зевак.

— Ничего он у вас, симпатичный... — сказала улыбающаяся дежурная.

Тут следует пояснить, что Огонёк собрала «Дружка» из двух неисправных роботов, для чего ей пришлось провозиться в мастерской целую ночь. Она сохранила в его программе все заложенные до этого

полезные функции, которыми обладали «Бобик» и «Трезор», добавив от себя некоторые новые. Получивший название «Дружок», робот умел находить источники радиосигналов, следить за живыми объектами и производить химический анализ вещества. С ним можно было держать связь на расстоянии, он умел драться по всем правилам рукопашного боя и бегать на четвереньках с невероятной скоростью. Кроме того, робот мог самостоятельно ориентироваться в ситуации, выбирая правильное решение. Короче говоря, он был универсальным и незаменимым помощником в любом деле.

Незнайка и Огонёк уселись в такси и назвали адрес. «Дружок», которого водитель сажать наотрез отказался, резво поскакал рядом, стуча по мостовой своими железными конечностями.

В Большом колонном зале Академии наук было пока еще пустынно и тихо. Все здесь — от потемневшего скрипучего паркета до кресел с высокими резными спинками в президиуме и бородатых портретов вдоль стен — все, казалось, было насквозь пропитано основательностью, умом и глубокими научными познаниями.

Двое коротышек и робот прошли в темную ложу, находившуюся по левую сторону от сцены с президиумом, и там затаились.

Первыми в зале стали сновать телевизионщики, протягивавшие провода и устанавливавшие аппаратуру. Предстояла прямая трансляция заседания на всю страну.

Неожиданно откуда-то появился профессор Злючкин. Он начал энергично суетиться и давать всем указания:

— Мониторчики, мониторчики в зал! Два мониторчика в фойе и один в буфетПРФФ. Эту камеру

вот сюда, крупный план; эту — на галерку. Шевелитесь, шевелитесь, бездельники...

Злючкин исчез так же внезапно, как и появился. Очевидно, он сделал или увидел все, что хотел.

— Теперь за ним надо смотреть в оба, — сказала Огонёк. — Я думаю, он не просто так вертелся возле аппаратуры. Пожалуй, нам предстоит сегодня увидеть нечто любопытное.

Большой научный совет. Профессор Злючкин произносит речь более чем странную. Все узнают то, что Клюковка–Огонёк долгое время почему–то скрывала

Постепенно все кресла в партере, в ложах и на балконе заполнила публика, в проходах и по краям сцены громоздилась аппаратура, по полу струились провода, туда-сюда, пригнувшись, сновали телевизионщики.

Под аплодисменты зала президиум осветился, и в нем расселись седобородые ученые знаменитости в мантиях и маленьких черных шапочках. Ударом гонга заседание было открыто.

На трибуну вышел профессор Злючкин.

— Итак, сказал он без вступлений, — положение угрожающее.

По залу пробежал взволнованный ропот.

— Однако при этом кое-кто, — Злючкин многозначительно покосился и даже сделал несколько движений бровями в сторону президиума, в котором заседал среди прочих академик Ярило, — *кое-кто* изо всех сил пытаетПРФФся приуменьшить опасность, которой мы все подвергаемся и имя которой... КА-ТА-СТРОФА!!!

В зале зашумели, Злючкин поднял руку и продолжал:

— Да, да, именно катастрофа. Но кое-кому, — лицо профессора снова задергалось в сторону президиума, — кое-кому очень не хочется признаватПРФФь свою неправоту. Неправоту... Неправоту? Но так ли наивен, хочу спросить я вас, этот коротышка? Всего ли навсего это его наивное заблуждение и не кроется ли за этим большее? А может быть, это чудовищный, безжалостный расчет, затеянный лишь только в угоду его собстПРФФвенным амбициям?!

Председатель позвонил в колокольчик и объявил:

— Господин Злючкин, мы убедительно просим вас выражаться яснее; напоминаю, что мы находимся в прямом телевизионном эфире.

Злючкин повернулся к председателю и сказал: «Повторяю для дураков», после чего преспокойно продолжил:

— Всего за два с половиной года, при расходовании всего лишь трех с четвертью коротышко-часов на кубическую единицу грунта, мы построим суперсовременный подземный город. Мегаполис! Который надежно защититПРФФ нас от нападения космического агрессора.

— Пожалуйста, объясните нам, профессор, — подал голос академик Ярило, — о каком таком космическом агрессоре вы нам давно уже настойчиво говорите?

— Что? — встрепенулся Злючкин. — Вы не понимаете, о чем я говорю, академик? Вы испуганы и растеряны собстПРФФвенным невежеством? Но к чему в таком случае ваши награды и дипломы, если докладчику приходится пережевывать и класть вам в рот элементарнейшие вещи, понятПРФФные даже обезьяне?.. Извините. Я хотел сказать, дорогой мой коллега, — Злючкин опомнился и сменил тон, — что

в подземном мегаполисе не бывает плохой погоды, жары или холода: мы сами — сами! — будем регулировать там климатический режим...

— Погодите, — прервал его Ярило. — Вы все время перескакиваете с одной темы на другую. Я спросил, откуда у вас сведения о предстоящем нападении космического агрессора.

— Именно об этом я и говорю, дорогой мой академик, именно об этПРФФом. Ведь спасение от этого агрессора, о котором — заметьте! — вы сами только что всем объявили, может быть организовано исключитПРФФельно путем рытья...

Председатель потянулся к колокольчику, но Ярило усталым жестом остановил его, и профессор еще несколько минут говорил о необходимости рытья мегаполиса.

— ...Таким образом, — закончил Злючкин свою мысль, — единодушным решением предлагаю назвать будущий подземный город моим именем — город Злючкин! — И он замолк, ожидая одобрительной реакции зала. Несколько коротышек действительно зааплодировали, но остальные их не поддержали.

— Скажите, профессор, — насмешливо сказал академик Ярило, — а не будет ли скучно жить под землей вашим переселенцам? Если таковое желание вообще кто-нибудь выразит, в чем я лично сомневаюсь.

Некоторое время Злючкин молчал, а потом возвел глаза к потолку и произнес речь более чем странную:

— Вы сами не подозреваете, какую важную и интересную тему сейчас затронули, академик. Позволю себе необязательное отступление, имеющее скорее философский, нежели практПРФФический характер. М-да... Итак, представьте на минуту, что вы таки живете в полностью изолированном пространст-

ПРФФве. Согласно особому, разработанному мною режиму адаптации вы постепенно ограничиваете себя в еде, занятиях, электрическом освещении и, наконец, в мыслях... Ваш организм перестает затрачивать как физическую, так и умственную энергию, ву компрене? Так проходит год, другой, третий... В кромешной тьме, в изоляции от внешнего мира ваши желания и страстишки, фантазии, боли и разочарования проходят как дым... Ваш организм плавно и безболезненно мутирует, лишаясь позвоночника, черепа, костей... Вы превращаетесь в нечто бездушное и бесплотное и наконец обретаете абсолютПРФФное — поверьте! — абсолютПРФФное счастье и покой! Не это ли тайная, подсознатПРФФельная мечта любого из нас?!

В зале царила абсолютная тишина. Злючкин налил себе из графина воды и выпил.

— Впрочем, — снова заговорил он обычным голосом, — это не каждому понятПРФФно. Продолжу, с вашего позволения, на языке, понятном даже некоторым академикам. Не буду указывать пальцем. Вы спрашиваете меня, господин Ярило, не будет ли скучно переселенцам? А с чего это им будетПРФФ скучно? Разве жителям столь далекого от совершенстПРФФва Земляного города бывает скучно? А? Я специально пригласил сюда главного инженера этого подземного города: пусть он расскажет, бывает ли под землей скучно, часто ли там болеют, держат ли там кого-нибудь силком? ПредоставьтПРФФе микрофон господину Буравчику.

Один из микрофонов передали в зал, и сидящий в четвертом ряду Буравчик испугался: его совсем не радовала перспектива попасть в число сторонников профессора Злючкина. Возникла неловкая пауза.

— Все это чепуха, — раздался вдруг голос малышки, поднявшейся из боковой ложи. Прожектор осветил ее, и все узнали Клюковку-Огонёк. — Что

вы его слушаете? Гоните в шею этого сумасшедшего!

В зале заволновались.

— Я протестую! — взвизгнул Злючкин. — Ее нетПРФФ в списке приглашенных!

Председатель пошептался с членами президиума и объявил:

— Профессор Клюковка не получила приглашения на собрание только потому, что мы, как обычно, не имели сведений о ее местонахождении. Пользуясь случаем, уважаемая коллега, просим вас впредь хотя бы изредка сообщать о себе. Пожалуйста, продолжайте.

Услышав, что Клюковка профессор, Незнайка едва не свалился со стула.

Огонёк кивком поблагодарила председателя и продолжала:

— Все дело в том, что Земляной город расположен в уникальной по своим целебным и энергетическим свойствам точке планеты. Постройте точно такой же в двух шагах — и там не сможет существовать никто, кроме разве что пауков и мокриц. В целях проверки вашей собственной оригинальной теории предлагаю вам вырыть себе индивидуальную берлогу со всеми удобствами и переселиться туда незамедлительно. Господин Злючкин, вы сбежите из этой поганой ямы значительно раньше, чем ваша мечта осуществится и вы превратитесь в кусок слизи, уверяю вас.

В зале зашумели.

— А ты кто такая! — крикнул Злючкин. — Я прошу оградить меня от оскорблений какой-то там самозванки!

Председатель обратился к залу:

— Даю справку: профессор Клюковка является основательницей и первым главным инженером Земляного города.

Злючкин этого не знал.

— Кто! Что! — закричал он грубо. — Пусть докажет!.. Это подстПРФФава! Никакая она не профессор!..

Председатель зазвонил в колокольчик, и был объявлен перерыв.

Незнайка опять теряет равновесие. Ультиматум космического агрессора. «Дружок» имеет возможность отличиться. Позорное разоблачение

— Ну что же вы раскисли? — сказала Огонёк, обращаясь к Незнайке. — Пока все идет хорошо.

— Конечно, лучше некуда. Собрались тут академики да профессора, а говорите всё о какой-то ерунде. А в это время там, может быть...

Незнайка шмыгнул носом.

— Ладно, не переживайте. Сейчас начнут говорить правильно, сами увидите.

— С чего это вы так решили?

— Просто помню список выступающих.

— И кто же будет выступать?

— А вот сейчас сами увидите.

Перерыв закончился, председатель ударил в гонг и объявил, что заседание Большого научного совета продолжается.

На трибуну вышел Знайка.

«Вот так!» — одними глазами показала Огонёк, повернувшись к Незнайке.

До этого, пока выступал профессор Злючкин, в зале почти непрерывно стоял недоуменный шепоток или даже смешки. С выходом нового докладчика все угомонились.

Знайка поправил очки и начал сбивчиво и неуверенно, смущаясь из-за такого количества слушателей:

— Дело такого рода... Здесь с нами находится коротышка, который хорошо знает этого Козлика. То есть того самого лунатика, который разговаривал неделю назад со Стекляшкиным и просил кому-то чего-то не давать.

После этих слов Незнайка снова был вынужден схватиться за барьер.

— Так вот этот коротышка, — продолжал Знайка, — который дружил с Козликом, а его зовут Незнайка... Этот коротышка Незнайка... Простите, я волнуюсь. Так вот, он уверен, что Козлик хотел сообщить о чем-то чрезвычайно важном; о том, что на Луне случилось нечто из ряда вон выходящее...

— Откуда же он знает, что я здесь? — испуганно прошептал Незнайка.

— Подумаешь, тайна, — дернула плечами Огонёк. — На нас уже двадцать раз светили прожектором. Слушайте лучше, что он говорит.

— И поскольку мы все убедились, — говорил Знайка, — что версия о космическом агрессоре абсолютно несостоятельна...

Злючкин вскочил и принялся было шумно протестовать, но его силой усадили на место.

— ...необходимо как можно скорее подготовить спасательную экспедицию на Луну.

Из зала раздались возгласы «Правильно!» и «Нечего тянуть!»...

Знайка поблагодарил за внимание и вернулся на место.

После него выступали еще многие другие, все говорили о необходимости полета на Луну, и даже сторонники профессора Злючкина заразились общим настроением: они прекратили свистеть и шикать, а вместо этого стали хлопать всем выступавшим.

Среди всеобщего оживления никто не заметил, как из зала исчез профессор Злючкин. Пригибая голову и прикрываясь носовым платком, он выскользнул на улицу, свернул в переулок и остановился возле неприметного обшарпанного строительного вагончика. Достав из кармана собственные ключи, он снял с дверей огромный висячий замок, забрался внутрь и загремел щеколдой.

По просьбе телевизионщиков председатель объявил еще один короткий перерыв, после которого ожидалось выступление академика Ярило и окончательное голосование.

Ударил гонг, наступила тишина, и Ярило поднялся со своего места в президиуме. Он взошел на кафедру, сделал значительное лицо, возвел глаза к потолку, открыл рот... И тут произошло нечто ужасное и непредвиденное: в мониторах зарябило, зашипело, потом все пропало и в следующее мгновение на экранах появилось отвратительное зеленое чудовище.

Ужасный монстр имел вытянутую зубастую пасть, которая заканчивалась круглым поросячьим пятаком, единственный выпученный глаз на лбу и свисающие длинными стрелками кожаные уши. На макушке у него громоздился металлический шлем с замысловатыми антеннами, локаторами и завитками стеклянных трубочек, в которых перекатывались разноцветные шарики. Тело его напоминало туловище древнего ящера с идущим прямо от головы гребнем острых роговых образований. Нижняя часть его скрывалась под дикторским столом, две толстые медвежьи лапы держали бумагу с текстом.

Космический агрессор, а никто ни на секунду не усомнился, что это был именно он, сидел на фоне круглого иллюминатора, за которым в космической

тьме светилась планета Земля, она легко узнавалась по очертаниям материков.

По залу прокатилась волна испуга, несколько впечатлительных малышек вскрикнули и упали в обморок.

Чудовище заговорило медленно и страшно:

— Итак, вы не вняли первому предупреждению. Весьма, весьма прискорбный факт. Это предупреждение второе, и последнее.

Мы, космические агрессоры из созвездия Бешеных Псов, уже завоевали половину Вселенной.

Мы подчинили себе все известные нам обитаемые миры.

Сейчас мы находимся рядом с вами, мы видим вас, и мы даем вам время для выполнения наших непременных условий.

Этот срок — ровно два с половиной года.

По истечении этого срока вы должны либо полностью выполнить все условия нашего ультиматума, либо случится страшное: безжалостно и стремительно мы направим на вас вредоносные лучи. Берегитесь. Вот наши условия.

Первое. Приготовить тысячу миллионов мешков с деньгами.

Второе. Лишить всех ученых степеней, уволить со всех должностей и с позором изгнать из города так называемого академика Ярилу.

Третье. Размонтировать и уничтожить все имеющиеся у вас космические ракеты...

Пока безжалостный диктатор зачитывал условия, Огонёк опомнилась, толкнула Незнайку и, свесившись из ложи, крикнула в зал:

— Не слушайте его! Это какой-то хулиган! Не верьте ему, все подстроено специально!..

В зале недоверчиво загудели. Но даже если бы она смогла убедить всех находившихся в этом зале,

го тысячи находившихся у себя дома телезрителей, увы, не могли ее слышать. Все они, оцепенев от ужаса, смотрели на свои экраны и с замиранием сердца слушали голос космического агрессора.

Сообразив, что кричать в зал бесполезно, Огонёк решилась на единственно правильное в этой ситуации решение.

— «Дружок»! скомандовала она роботу. — Ищи! Ищи быстрее, откуда идет сигнал, ты умеешь. Возьми его за шкирку и покажи всем, ну!..

Прошло не более минуты, и ситуация на экранах внезапно и разительно переменилась. Раздался треск ломающейся двери, чудовище встревоженно повернулось, да так и застыло с открытой пастью.

В кадре появился «Дружок». Он взял чудовище за морду, поднял над столом... и в тот же миг из обтянутого зеленой резиной каркаса вытряхнулся профессор Злючкин.

Отбросив в сторону маскарадный костюм, «Дружок» взял агрессора за шиворот и выставил его напоказ.

— Что такое! Что такое! — трепыхался перепуганный профессор. — Вы не имеетПРФФе права! Отпустите, оставьте меня, я только хотел пошутить!..

Тем временем зловещая фонограмма с ультиматумом продолжала звучать в эфире. «Дружок» переменил скорость на магнитофоне, и все сразу узнали голос профессора Злючкина, который он поставил на замедленное воспроизведение и оттого тот казался страшным.

Строительный вагончик быстро разыскали и окружили репортеры. Внутри обнаружилась передающая телевизионная аппаратура, дикторский стол и картонный, оклееный фольгой задник с вырезанным ножницами «иллюминатором», за которым на фоне

черного бархата висел подсвеченный сбоку обыкновенный глобус.

Так позорно закончилась для профессора Злючкина затеянная им безнадежная авантюра. Вопрос о начале подготовки спасательной экспедиции на Луну в тот же час был делом решенным.

Общий план действий. Специальная комиссия вынуждена напоминать, что ракета не резиновая. Пр. Злючкин снова появляется на экране. Окончательные списки участников экспедиции

Весь оставшийся день и вечер, до глубокой ночи, Большой научный совет занимался проблемами предстоящей лунной экспедиции. Главная трудность состояла в том, что никто не знал, в чем именно заключается и откуда исходит эта самая «вредоносная сила», угрожающая лунатикам. В конце концов было решено сконструировать особого рода многослойные скафандры, защищающие находящегося внутри коротышку от всех известных науке вредных излучений.

Разработанный общими усилиями план действий был таков:

1. Две ракеты, оснащенные приборами невесомости, с восьмью членами экипажа на каждой, прибывают на поверхность Луны.

2. Участники экспедиции отлаживают находящуюся на поверхности радиостанцию и пытаются связаться с лунатиками по радио.

3. В случае отсутствия связи первая ракета проникает в подлунное пространство через ледяную пещеру, опускается ниже слоя постоянной облачности и, совершая медленный облет материка, производит наблюдения за жизнью лунатиков.

4. Если с воздуха не будут обнаружены угрожающие лунатикам объекты или живые существа, ракета совершит посадку поблизости от какого-нибудь населенного пункта, после чего одетые в защитные скафандры сталкеры войдут в непосредственный контакт с местным населением. (В связи с несомненной опасностью экспедиции, сталкерами отныне именовались коротышки, проникшие во внутреннее пространство Луны.)

5. Вторая ракета вместе с экипажем остается на поверхности Луны вплоть до завершения экспедиции, держит постоянную связь со сталкерами и с Землей. (Поскольку вторая ракета призвана служить связующим звеном между сталкерами и Землей, ее экипаж отныне именовался «наблюдателями».) Наблюдатели имеют право спуститься в подлунное пространство только в случае крайней необходимости.

Так выглядел общий план предстоящей экспедиции, но при этом все понимали, что он может полностью измениться в первые же минуты пребывания сталкеров в зоне риска — так условно называли скрывающий тайны и опасности подлунный мир.

Вскоре были опубликованы длинные списки претендентов, желающих лететь на Луну, среди которых предстояло выбрать наиболее подходящих для этого дела коротышек. Специальная комиссия в первые дни едва успевала рассылать вежливые отказы, в которых на отпечатанных во множестве типовых бланках разъяснялось, что ракеты не резиновые и полетят только опытные и проявившие себя в деле коротышки, специалисты в различных отраслях науки и техники.

После отсева первой волны желающих в газетах был опубликован список из пятидесяти коротышек,

из которых, в свою очередь, предстояло выбрать всего шестнадцать.

Среди этих пятидесяти счастливцев свое имя неожиданно обнаружил Пончик. Разумеется, что он ни при каких условиях лететь никуда не собирался, а потому руки его в эту минуту так задрожали, что он выронил газету и еще долго сидел в оцепенении. Как его имя попало в столь нехороший список, было для него полнейшей загадкой.

Между тем загадка эта разъяснялась довольно просто. Множество состоящих в переписке с Пончиком малышек прислали по адресу комиссии телеграммы с ходатайствами за него, опасаясь, как бы имя героя не затерялось среди прочих.

В этом списке значились и другие небезынтересные претенденты.

С волнением следивший за происходящим, писатель Смекайло в спешном порядке опубликовал статью под названием «Литература в загоне», в которой сетовал на то, что телевидение безжалостно вытесняет литературу из жизни коротышек. Он писал, что нашумевшее путешествие на остров Голубой звезды было отражено на экране бездарно и скучно, потому что среди путешественников оказалась корреспондентка с телевидения. «Однако если бы там нашлось место для мало-мальски способного литератора, — писал Смекайло, — то его воспоминания о путешествии могли бы вылиться в полноценный, высокохудожественный и содержательный роман, который стал бы не менее популярным, чем надоевший всем хуже горькой редьки сериал... Хватит оглуплять коротышек телевизионной жвачкой! — горячо заканчивал свою статью автор. — Даешь литературу в массы!»

Этот вопль был услышан, и растерявшаяся комиссия, уже включившая в список корреспондентку телевидения Кроху, с перепугу утвердила также и кандидатуру писателя Смекайло.

По поводу участия в полете Незнайки спорили между собой Знайка (а он был председателем отборочной комиссии) и Огонёк. Сам виновник разногласий полагал свое участие делом давно решенным.

— Я абсолютно согласен с вами, дорогая коллега, — говорил Знайка, — что ваш подопечный хорошо знаком с особенностями тамошней жизни. Однако вы мало представляете себе, насколько он непредсказуем. Вот увидите: если мы его зачислим, то неприятности начнутся уже в ракете.

— Ах, какая проницательность, какой холодный расчет! Не старайтесь быть хуже, чем вы есть на самом деле, дорогой коллега. А вы не задумывались над тем, как он перенесет ваш отказ? Не вы ли только что говорили о его непредсказуемости и, доведу до вашего сведения, повышенной впечатлительности?

— Подумаешь, кисейная барышня. Из-за одной такой обидчивой и впечатлительной натуры может пострадать еще неизвестно сколько коротышек.

— Не волнуйтесь, никто не пострадает. Хотите, я возьму его под свою личную ответственность?

И Знайка, конечно, сдался. С самого начала он спорил только для видимости. Как говорится, для очистки совести.

Больше всего суеты было вокруг Пончика. Знайка эту кандидатуру, по известным причинам, вообще не принимал во внимание. Да и сам герой поспешно отказался от экспедиции, ссылаясь на занятость и подорванное здоровье. Однако пачки телеграмм продолжали прибывать, и Знайка был поставлен этим в чрезвычайно трудное положение.

В конце концов, по совету Клюковки, он поступил следующим образом: имя Пончика, по предварительному сговору с ним, было внесено в окончательный список. Но в последние минуты перед стартом

Пилюлькин объявит его внезапно заболевшим, и Пончик останется дома. Таким образом, подготовке экспедиции не будут мешать его назойливые поклонницы, а сам Пончик не будет скомпрометирован отказом.

Обрадованный столь изящным выходом из ситуации, Пончик перестал дрожать, снова обрел завидный сон и аппетит, а также прежнее благостное расположение духа. И когда в газетах опубликовали окончательные списки участников экспедиции, Пончик не стал паниковать и падать в обморок. Он был спокоен и уверен в себе, а при встречах со знакомыми только вздыхал и приговаривал:

— Что ж, если я там нужнее, пусть будет так. Если надо снова кого-нибудь спасать, я не посмотрю ни на что...

И коротышки смотрели на него с восхищением.

Неожиданно для всех на экранах снова замаячила физиономия опозоренного профессора Злючкина. Правдами и неправдами добившись эфирного времени у знакомого директора телецентра (в свое время профессор помогал перевозить ему мебель на новую квартиру), он выступил с надрывной покаянной речью, в которой умолял дать ему возможность любой ценой искупить свою вину перед обществом. Злючкин просил взять его в полет и выпустить на Луну без скафандра, чтобы его муки стали искуплением и уроком.

Слезы ручьями текли по его лицу, и зрители если не простили его, то искренне пожалели. О том, что обилие слез на щеках профессора было вызвано загодя натертой и упрятанной в носовой платок свежей луковицей, догадывался только находившийся поблизости директор программы, которого от распространившегося вокруг ядреного запаха самого прошибло слезой.

Злючкин говорил о том, что не имел в виду ничего дурного и только собирался повеселить публику,

переодевшись космическим пришельцем. Конечно, он бы сбросил наряд и все объяснил и они бы все вместе посмеялись, но всегда находится какой-нибудь один (цензурный писк), который не понимает шуток, не будем произносить имена, и вот его, хорошего коротышку, уже торопятся признать негодяем и мошенником.

— Хорошо, что теперь, когда все разъяснилось, — говорил Злючкин, — я могу честно смотреть в глаза моим согражданам, ради счастья и покоя которых я готов пойти на все. В доказательстПРФФво я готов выйти на поверхность Луны без скафандра и даже совсем без одежды...

После такой передачи на телевидение обрушился шквал звонков от зрителей, которые требовали немедленно зачислить Злючкина в состав экспедиции. Однако они просили все-таки не отнимать у него одежду и выдать ему скафандр, какой положен всем космонавтам. Проникшись жалостью к плачущему профессору, они говорили, что нельзя так поступать с коротышкой, даже если он виноват, и отнимать у него надежду на будущее; что он, конечно, постарается проявить себя в этом космическом походе и сможет полностью перемениться.

Комиссия не смогла устоять перед столь единодушным порывом общественного мнения, и пр. Злючкин был зачислен в состав экспедиции. Сам он понимал, что это его единственный шанс вернуться к активной деятельности после объявленного ему бойкота со стороны СМИ и коллег по работе. Он рассчитывал отсидеться в ракете, а если представится возможность, как-нибудь отличиться, не подвергая себя опасности.

Опубликованные вскоре списки участников экспедиции состояли из трех граф, в первой из которых значилось имя участника, во второй — его профессия или область знаний, в третьей же отмечалось,

был ли означенный коротышка когда-нибудь раньше на Луне или нет.

При заполнении второй графы определенную трудность вызвали формулировки, касающиеся Пончика и Незнайки, поскольку никакой профессией и даже более или менее полезными знаниями ни тот, ни другой не обладали. Формально Незнайку брали из-за того, что он мог пригодиться как знаток жизни подлунного мира. По этой же причине мог в принципе пригодиться и Пончик, но он, как мы знаем, вообще никуда не летел. После некоторых колебаний их область знаний определили как «социальную психологию подлунного общества». Стоит ли говорить, какое удовольствие получили оба лоботряса от такой формулировки.

Первую ракету с экипажем сталкеров, отправляющуюся под внешнюю оболочку Луны, решили назвать «ЗОВ» — по первым буквам имен ее конструкторов Знайки, Огонька и Винтика. Строго говоря, это была старая ракета «Луна-4», спешно усовершенствованная и модернизированная силами этих трех специалистов.

Вторую ракету с экипажем наблюдателей, остающуюся в резерве на поверхности Луны, назвали «ФиС» — по первым буквам имен ее конструкторов Фуксии и Селёдочки, как это было и прежде.

Окончательные, утвержденные Большим научным советом списки выглядели следующим образом.

РАКЕТА «ЗОВ» (сталкеры)

1.	Знайка	практик-универсал	был
2.	Огонёк	практик-универсал	нет
3.	Пилюлькин	врач, химик	был
4.	Винтик	механик, программист	был
5.	Шпунтик	механик	был
6.	Пончик	социальный психолог	был
7.	Незнайка	социальный психолог	был
8.	«Дружок»	робот	нет

РАКЕТА «ФиС» (наблюдатели)

1.	Ярило	теоретик	нет
2.	Злючкин	теоретик	нет
3.	Фуксия	конструктор ракет	была
4.	Селёдочка	конструктор ракет	была
5.	Стекляшкин	астроном	был
6.	Кроха	корреспондент ТВ	нет
7.	Буравчик	многопроф. инженер	нет
8.	Смекайло	писатель	нет

Такая расстановка сил Знайку, командира экипажа первой ракеты, вполне устраивала. Прежде всего потому, что в число сталкеров попадало минимальное количество коротышек. Пончик, как известно, не летел, а «Дружок» не был коротышкой. Знайка вообще не переносил любого рода коллективной деятельности, справедливо полагая, что одни только мешают другим.

Как только технику и экипажи в ускоренном порядке подготовили к экспедиции, на другой же день был назначен вылет.

Предстартовые волнения. Как поклонницы погубили Пончика. Вперед, навстречу неизвестному!..

В утро, назначенное для старта, над Космическим городком бушевал снегопад. Уборочные машины едва успевали расчищать стартовую площадку, а снег все сыпал и сыпал. В связи с погодными условиями вылет задерживался, хотя ракеты класса «Луна» могли в принципе взлетать в любую погоду.

В доме на улице Колокольчиков малыши сидели за чаем, притихшие, и слушали, как Знайка в коридоре разговаривает по телефону с академиком

Ярилой. Первый настаивал на вылете в назначенное время, второй — на отсрочке.

— Поймите наконец, — горячился Знайка, — что ракета в считанные минуты окажется выше облаков... Какое может быть налипание снега?.. Пусть даже так, но в верхних слоях атмосферы корпус нагреется до температуры... Это не предположение, господин академик, это факт!.. Очень рад, что сумел вас убедить. Прекрасно. Не позднее двенадцати. Будем надеяться, спасибо.

Ракета «ЗОВ» с экипажем сталкеров на борту должна была стартовать из Космического городка. Ракета «ФиС» с экипажем наблюдателей вылетала двумя часами позже из Звёздного городка, находившегося поблизости от Солнечного города, где, кстати говоря, было солнечно и ясно. Синоптики обещали, что в ближайшие часы облачность рассеется и над Космическим городком.

Телевидение подогревало общее волнение, давая короткие включения со стартовых площадок, на которых толпились репортеры и постоянно прибывающие зрители.

Шестеро проживающих на улице Колокольчиков участников экспедиции волновались по-разному: Пончик непрерывно грыз сдобные сухарики; Винтик и Шпунтик занимались протиркой и смазкой механизмов не один раз уже протертой и смазанной «Метелицы»; Знайка застыл, откинувшись в кресле и глядя в потолок; Пилюлькин проверял содержимое своего докторского чемоданчика, что-то бормотал себе под нос и потирал ладони; Незнайка, закрывшись у себя в комнате, силился написать письмо Синеглазке.

Измарав с десяток страниц и не сумев выдавить из себя ничего, кроме избитых и заезженных фраз, Незнайка подумал, что столь разительное отличие в

стиле первого и второго письма его моментально изобличит. Да и почерк Пончика, довольно аккуратный и округлый, заметно отличался от его собственных безграмотных каракулей. После внутренних мучительных колебаний Незнайка спустился в столовую и поманил к себе Пончика.

— Слушай, писатель, — сказал он шепотом, — ты можешь за меня еще одно письмо написать?..

Дело в пять минут было обделано, Незнайка сбегал на почту, и письмо, начинающееся словами: «Кажется, у нас завязалась переписка...» — отправилось по указанному адресу в Зелёный город.

В это же время в Звёздном городке томился в ожидании экипаж ракеты «ФиС», названный «наблюдателями».

Добившийся-таки своего, профессор Злючкин отчаянно трусил.

Несколько раз он был готов махнуть на все рукой и сбежать, но вертевшиеся повсюду репортеры с камерами следили за каждым его шагом, а признаться в своей трусости открыто и публично... пр. Злючкин трусил еще сильнее.

Он сидел в стороне от других, спрятавшись за газетой «Научная мысль», и делал вид, что преспокойно читает, а на самом деле трясся как осиновый лист и лязгал зубами.

Фуксия и Селёдочка не трусили, но сильно нервничали из-за отсрочки старта. Чтобы занять себя чем-нибудь, они беспрестанно давали интервью корреспондентам телевидения, радио, газет, журналов, многотиражек, стенгазет, а также отдельным любопытствующим гражданам. Если им некому было давать интервью, они звонили в Космический городок и спрашивали, не улучшилась ли там погода.

Получив отрицательный ответ, они звонили в бюро погоды и разговаривали с его сотрудницами на повышенных тонах.

Астрономы Ярило и Стекляшкин демонстративно играли в шахматы. Всем своим видом они олицетворяли уверенное спокойствие и сосредоточенность. Но если бы кто-нибудь из знатоков шахмат проследил за их игрой, у него бы наверняка недоуменно вытянулось лицо, потому что слоны у них частенько скакали, как кони, а пешки беспечно носились туда и сюда, как тяжелые фигуры. Все это было тем более странно, что у сидевших с двух сторон и внимательно наблюдавших за игрой Крохи и Буравчика лица не выражали ничего, кроме заинтересованного участия.

Но вот поступило сообщение о том, что в Космическом городке наладилась погода, и все сразу пришло в движение. Ракета «ЗОВ» должна была стартовать с минуты на минуту; ракета «ФиС» — двумя часами позже. Сводившая с ума неопределенность сменилась четким, расписанным по минутам планом подготовки к старту.

Снегопад над Космическим городком действительно прекратился, облачность рассеялась, и засветило солнце. Знайка, Пилюлькин, Винтик, Шпунтик, Незнайка и Пончик распрощались с друзьями, сели в «Метелицу» и помчались на стартовую площадку.

Секретный план, по которому Пончик должен был остаться на Земле, заключался в следующем.

Во время прощания на ступеньках трапа космической ракеты он вдруг скажет: «Ах!» — пошатнется и схватится за сердце. Пилюлькин начнет настаивать на отмене полета, но Пончик скажет: «Не стоит

беспокоиться, я уже в порядке» — и тут же упадет в обморок.

Его отвезут домой и оставят в покое, а ракета стартует в назначенное время.

Еще двое членов экипажа — Клюковка и «Дружок» — в течение последних суток безвылазно сидели в ракете. Огонёк еще никогда не летала в космос, и ей хотелось заранее обжиться внутри, чтобы потом было легче привыкать.

Преодолев кольцо шумно приветствовавших путешественников многочисленных зрителей, снегоход остановился перед трапом. Пора было подниматься и занимать свои места.

Первой попрощалась с собравшимися Клюковка-Огонёк. Она высунулась из люка, неуверенно улыбнулась, помахала рукой и быстро скрылась внутри. Крики и аплодисменты не ожидавшей ее появления публики слегка запоздали. Впрочем, непрерывно тарахтевшие комментаторы сгладили эту маленькую неловкость. Заметим кстати, что Огонёк, способная показаться сначала несколько эксцентричной и вызывающей, на самом деле была чрезвычайно стеснительной малышкой. Может быть, именно этой стеснительностью и объяснялась вся ее напускная бравада.

По трапу стали подниматься, задерживаясь на половине пути, чтобы повернуться к провожающим и помахать рукой, Знайка, Винтик, Шпунтик, Незнайка, Пончик и Пилюлькин. Все они были одеты полетнему, потому что зима оставалась на Земле, а в ракете было тепло. На случай высадки в «зоне риска», то есть на внутреннем ядре Луны, существовали специальные многослойные защитные скафандры, в которых можно было смело идти в огонь и в воду.

Незнайка с огромным удовольствием нахлобучил на голову свою любимую голубую шляпу, надел оранжевую рубашку и зеленый галстук.

Собравшиеся радостно приветствовали аплодисментами каждого члена экипажа.

Когда очередь дошла до Пончика, он тоже, в согласии с заранее разработанным планом, повернулся к публике, прожекторам и в упор нацеленным объективам, поднял руку и...

И тут неожиданно толпа взорвалась.

Шквал, ураган и беспорядочный визг постепенно оформились в организованное скандирование, сопровождаемое дружными ударами в ладоши:

— Пон-чик! Пон-чик! Пон-чик!..

Это было настолько громко и неожиданно, что Незнайка споткнулся на последней ступеньке и влетел в ракету на животе, а из люка высунулись перепуганные Знайка, Винтик и Шпунтик.

— Ах! — вяло сказал Пончик согласно плану, понимая, что его никто не слышит.

Пончик пошатнулся, но никто этого не заметил.

Он схватился за сердце, но все восприняли его жест как знак ответной признательности и завопили еще громче.

Пончик хотел упасть в объятия Пилюлькина, но тот, удивленный происходящим не меньше других, задержался внизу.

Уяснив для себя, что дорога назад отрезана и все кончено, Пончик медленно повернулся и стал подниматься по трапу вверх, как приговоренный к казни преступник поднимается по лестнице эшафота. Он проклинал тот день, когда вступил в мошенническую переписку со своими поклонницами. Теперь было совершенно понятно, что они его погубили.

Получив последнюю порцию аплодисментов, в ракету забрался Пилюлькин, дверца люка захлопнулась, а изнутри ее надежно вдавили в корпус винтовые

запоры. Все члены экипажа заняли свои места в специальных креслах и пристегнулись ремнями.

Толпа снаружи отхлынула за ограничительную линию, начался громкий отсчет оставшихся до старта секунд.

— ...три, два, один, пуск!

Из сопла вырвалось пламя, в облаке белого дыма разошлись кронштейны-держатели, включился прибор невесомости — и ракета с пронзительным шипением рванулась ввысь.

Далекое от зенита зимнее полуденное солнце не очень слепило глаза, и еще почти целую минуту можно было наблюдать исчезающую в глубокой синеве крошечную точку.

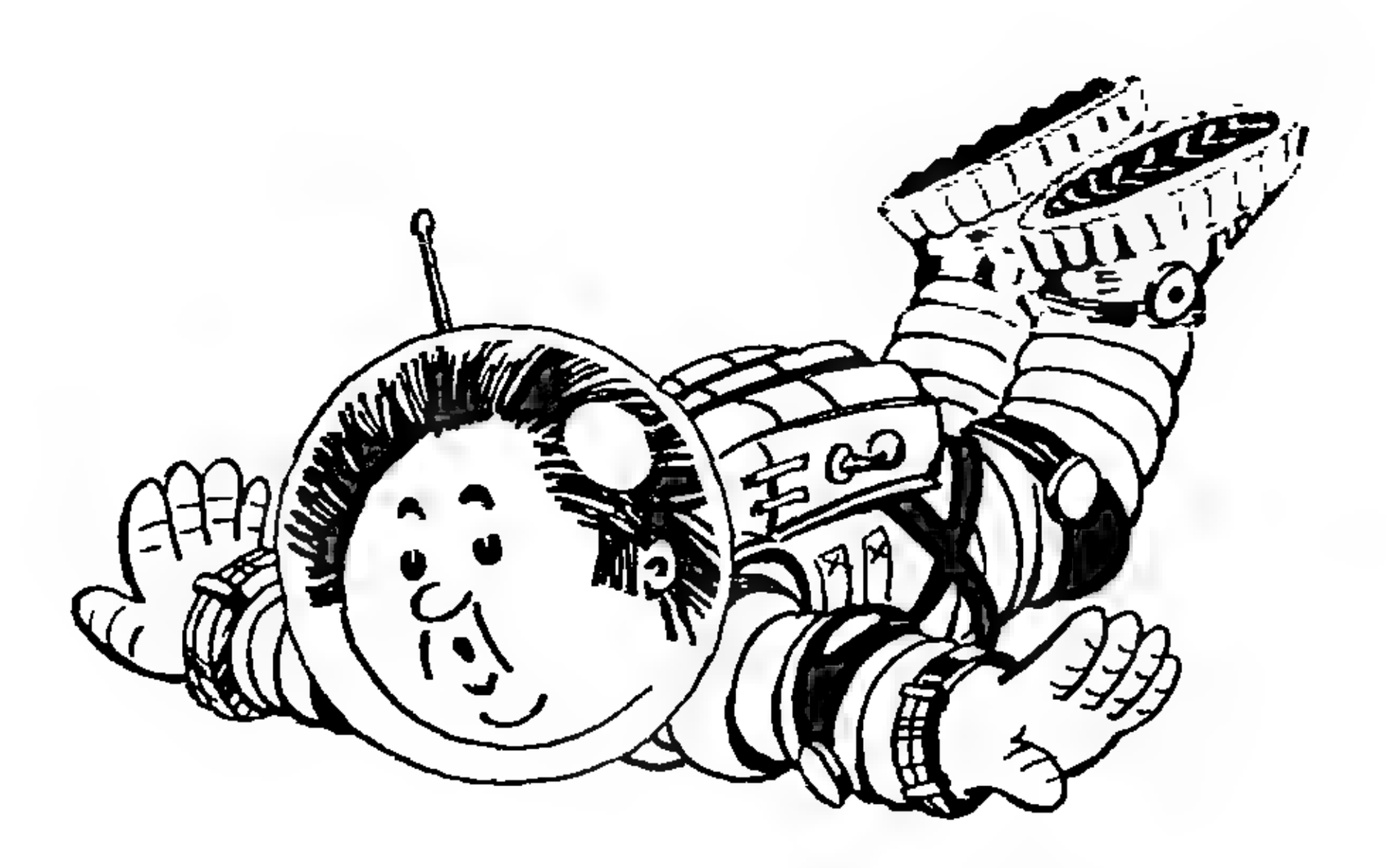
Спустя два часа еще одна такая же точка скрылась в небе над Звёздным городком.

В этот день всем было немножко грустно. Отважные путешественники летели спасать тех, кто позвал их на помощь, не задумываясь над тем, смогут ли они сами вернуться обратно. На них надеялись, им верили, их ждали. Так будем же и мы надеяться на их удачу.

КОНЕЦ ВТОРОЙ КНИГИ

КНИГА ТРЕТЬЯ

Экспедиция в зону риска



Часть первая

Как у его сиятельства Верховного Правителя подлунного мира настроение сначала испортилось, но потом исправилось и весь день было замечательное, вплоть до самого ужина

Часы пробили десять, и в спальные покои его сиятельства прокрался на цыпочках лакей в золоченой ливрее. Он приблизился к окну и потянул за украшенный кистями шнурок; тяжелые шторы медленно раздвинулись, открыв за собой восхитительную панораму осеннего парка, блистающих на его окраинах озер и темнеющего далеко, до самого горизонта, густого елового леса.

Огромное поместье, в которое въехал совсем недавно Верховный Правитель и которое называли теперь замком или дворцом, располагалось в ближайшем пригороде Давилона, на песчаной возвышенности, над переходящим в лесные угодья заповедным парком. Вход в этот парк, населенный прирученными зверюшками, горделивыми длинноногими птицами и пугливыми оленями, теперь был разрешен только некоторым избранным коротышкам из касты неприкасаемых.

Осторожно, дабы не потревожить происходящее естественным образом пробуждение его сиятельства, лакей вышел из спальных покоев, и все в доме снова замерло в ожидании.

Но вот г-н Пупс сладко потянулся, открыл глаза и посмотрел на открывшуюся за окном панораму. В голове у него все еще мелькали обрывки утреннего сна — будто он заблудился в метро и никак не может добраться до своей станции. Это создавало ощущение неуверенности и тревоги. В действительности Пупс был в метро только один раз — еще когда работал старшим продавцом в Фантомасе и приехал в Давилон на воскресенье, чтобы поглазеть на жизнь большого города. Тогда он и вправду немного заплутал в подземке. А когда он разбогател и переехал в столицу, ездить в метро совсем отпала нужда, потому что у него появился собственный сверхдлинный автомобиль, шофер и охрана.

В его сне пассажиры двигались словно роботы, не замечая его и не слыша его расспросов. Подобное ощущение растерянности и беспомощности он с некоторых пор нередко испытывал наяву, и причиной тому был его необычайно быстрый взлет — сначала до положения самого богатого коротышки, а затем и до властелина всего подлунного мира...

Стряхнув с себя тревогу, Пупс поднял пухленькую ручку и подергал за колокольчик. Благозвучный перезвон разнесся по всему зданию, и в то же мгновение высокие резные двери растворились и несколько важных коротышек в ливреях вкатили в спальню его сиятельства столик с утренним кофе.

Дворецкий помог своему господину усесться на пуховой перине и многочисленных подушках, к его подбородку подвели закрепленный на специальном шарнире серебряный поднос, который с величайшей осторожностью уставили вазочками, блюдечками, розеточками, кувшинчиками и кофейниками. Его сия-

гельство отхлебнул из любимой, привезенной еще из Фантомаса чашки, надкусил теплую булочку — и забыл о тревожных мыслях.

— Первый министр здесь? — поинтересовался он у благоговейно взирающего на него дворецкого.

— Так точно, ваше сиятельство! — отозвался тот с готовностью. — Господин Гризль дожидается в приемной.

— Позови. А вы все свободны.

— Слушаюсь, ваше сиятельство!

В спальные покои зашел, прикрыв за собою двери, Первый министр. На лице его была неуверенная, но приветливая улыбка, под мышкой он держал лаковую папку с бумагами.

— Как спалось вашему сиятельству? — поинтересовался он, вежливо склонив голову набок.

Вместо ответа Пупс продолжал завтракать, макая булку в кофе, чавкая, прихлебывая и позвякивая посудой. Его вдруг стало раздражать, что его самый приближенный коротышка, сподвижник и фаворит, ведет себя так же, как и все остальные, по-лакейски унижаясь.

Пупс продолжал есть, и улыбка постепенно сползла с лица Первого министра.

— А ведь я вас ни о чем не спрашивал, Гризль, — откликнулся наконец его сиятельство очень нехорошим голосом. — Разве этикет не предписывает кому бы то ни было стоять и дожидаться, пока я первый с ним не заговорю?

— Так точно, ваше сиятельство...

Некоторое время еще Пупс продолжал завтракать, и Гризль стоял, не шелохнувшись, и смотрел на него.

В последнее время его сиятельство все чаще стали посещать приступы беспричинного раздражения, которые он по-всякому вымещал на окружающих.

Кроме того, он стал болезненно подозрителен. Оставаясь один в комнате перед сном, до того как совсем погасить свет, он непременно заглядывал под кровать, резким движением отдергивал шторы, а также проверял, не забрался ли кто-нибудь в его гардероб. Однажды, во время такой проверки, из гардероба с криком выскочила кошка, и его сиятельство пришлось приводить в чувство пахучими снадобьями.

Его бывший управляющий делами, а ныне Первый министр, тоже был в какой-то степени подозрителен. Кому, как не ему, затаившись под приторной верноподданнической маской, вынашивать планы государственного заговора, чтобы самому, самому стать Верховным Правителем?! Кому, как не ему, подсиживать своего господина, желая его погибели?..

Пупс пристально посмотрел на Гризля, и тот опустил глаза.

Нет, пожалуй, этот коротышка не был похож на заговорщика. Крупное злодейство было не в его характере. Он, конечно, чрезвычайно умен, но не настолько, чтобы полностью взять дело в свои руки. Для этого необходим кураж, умение нравиться толпе, а Гризль вообще не любит бывать на виду; в этом его сила и его слабость...

— Что же вы стоите, господин Гризль? — милостиво произнес Пупс, покончив с завтраком и распорядившись убрать поднос. — Располагайтесь без всякого стеснения, будьте как у себя дома. Или вы мне уже не друг?

Гризль не двинулся с места.

— Я спрашиваю вас: друг вы мне или не друг?

— Ваше сиятельство изволили за что-то на меня гневаться...

Но на лице Пупса уже светилась его обычная благодушная улыбка. Он слез с кровати, босиком и в ночной рубашке прошлепал к Гризлю, обнял его, подвел к мягкому диванчику и усадил.

— Никогда, — пропел он мягко и сладко, — никогда, дорогой друг, не смейте думать, что я могу на вас гневаться.

Пупс вернулся к своей кровати, забрался под одеяло и позвал слуг:

— Подайте моему другу тоже... Чего-нибудь.

Гризль сделал протестующий жест руками, но его сиятельство строго возразил:

— Нет, нет, я настаиваю. Я вел себя по-хамски, а теперь хочу, чтобы вы чувствовали здесь себя как дома.

Столик на гнутых ножках в мгновение ока заставили угощениями.

— Съешьте, съешьте чего-нибудь, дорогой друг, — пропел Пупс. — Доставьте мне такое удовольствие, я прошу вас, я умоляю!

Ощущая неловкость и спазмы в пищеводе, Первый министр оторвал виноградину, сунул в рот и спустя несколько секунд зашелся кашлем.

Пупс колобком скатился с кровати, подлетел к Гризлю и дробно заколотил по его спине кулачками. Тот перестал кашлять, вытащил из кармана платочек, повернул голову и сдавленным голосом произнес:

— Ваше сиятельство очень добры ко мне...

Лицо его сделалось багровым.

— Вот видите! — радостно запрыгал Пупс у него за спиной. — Видите, как все замечательно получилось! Я сумел, сумел доказать, что являюсь вам другом! Ведь вы сейчас могли совсем задохнуться! Могли? Могли?

— Мог...

— Но ведь я спас вас? Ведь верно, спас?

— Спасли...

— И после этого вы будете утверждать, что я вам не друг?

— Ваше сиятельство больше чем друг, я обязан жизнью вашему сиятельству.

Пупс взял Гризля за плечи, поцеловал его в макушку, запрыгнул в кровать и со счастливой улыбкой смотрел на него некоторое время из-под одеяла.

Со стола убрали нетронутые угощения. Первый министр разложил свои бумаги и начал наконец свой обычный утренний доклад.

Прежде всего он, как обычно, доложил о доходах и расходах государственной казны за истекшие сутки. Казна была переполнена, и теперь уже следовало заботиться не о наполнении ее, а о разумном распределении средств. Но в глубине души Пупс еще не был полностью уверен в незыблемости собственной власти, а потому с расходами не торопился. Он никак не мог свыкнуться с мыслью, что теперь может взять все, что захочет, — просто так, без отдачи.

Однако цифры вскоре его утомили.

— Хорошо, хорошо, — отмахнулся он, мучительно зевнув. — Расскажите лучше, какие настроения в народе. Доволен ли мой народ существующим порядком, нет ли жалоб? Поймали вы наконец этих пиратов, несущих смуту в радиоэфир?

— Не уверен, что их поймали, ваше сиятельство; думаю, что господин Тайный министр более обстоятельно доложит о положении дел в этом вопросе.

— Хорошо, продолжайте.

— Портреты вашего сиятельства с изображением анфас развешаны во всех присутственных местах; изображения в профиль чеканятся на монетах нового образца и наградных медалях. Все письменные и устные тексты начинаются здравицей в адрес вашего сиятельства или же ссылкой на цитату из трудов вашего сиятельства...

— Трудов? Каких еще трудов?

— Любой коротышка в нашем государстве знает, что существует многотомное издание трудов вашего

сиятельства, однако никому не приходит в голову где-нибудь его разыскивать.

— Ловко. А как обстоит дело с гимном? Вы мне обещали гимн, неужто у нас перевелись поэтические таланты?

Лицо министра осветилось. Он достал из внутреннего кармана истрепанную бумажку, пострадавшую, как видно, в процессе творческих мук, и торжественно прочел:

— «Дерзновению подобно!»

— Что это? — спросил Пупс.

— С позволения вашего сиятельства, Гимн подлунных коротышек, — пояснил Гризль. — Несколько дней и ночей специально собранная мною команда наших лучших поэтов работала над строками этого гимна. Я сам лично доводил до необходимого совершенства окончательный вариант. И вот плод моей сегодняшней бессонной ночи.

— Так-так, — с чрезвычайной заинтересованностью Пупс приподнялся на локте, — читайте.

Гризль встал, горделиво распрямился, взял в левую руку листок, театральным жестом отставил в сторону правую и принялся читать:

Правитель единый на счастье нам дан,
Ему не страшны перемен катаклизмы;
Заботится он, чтобы полон карман
Набит был у каждого в нашей Отчизне.

Вперед, коротышки!
За счастье народов
Подлунного мира — не дрогнет рука!

Веди нас на славу!
Веди нас на подвиг!
Да здравствует сила твоя на века!

— Погодите, погодите! — прервал его Пупс. — Но почему же именно сила?

— Осмелюсь просить ваше сиятельство выслушать все куплеты до конца...

— Хорошо, валяй.

И действительно, оказалось, что припев после второго куплета заканчивается словами «Да здравствует мудрость твоя на века!»; после третьего куплета в достоинство его сиятельства возводилась скромность; и, наконец, финальная строчка гимна звучала так: «Прославится имя твое на века!»

Пупс закричал «Браво, браво!», запрыгал на кровати и захлопал в ладоши.

— Замечательно! Великолепно! Гризль, честное слово, я не ожидал от вас такой прыти. Вы — талант.

Потупив глаза, Гризль стоял чрезвычайно довольный и даже смущенный столь бурно выражавшейся похвалой.

— Но вам не кажется, что слово «скромность» в третьем куплете звучит... Как бы это сказать... недостаточно скромно? В одном из вариантов в этой части гимна прославлялась храбрость вашего сиятельства, однако я счел слова «сила» и «храбрость» в данном случае почти синонимами и потому решил прославить именно скромность вашего сиятельства.

— Хм... Ну, если вы действительно так полагаете... я всецело вам доверяюсь как профессионалу. Гризль, вы — молодчина! Что насчет музыки?

— Наброски уже готовы, но я пока еще не считаю возможным представить их на рассмотрение вашего сиятельства. Этот же текст, если вы соблаговолите его одобрить, будет сегодня же опубликован на первых полосах всех газет.

— Одобряю, дорогой друг! Конечно одобряю! Только умоляю вас: не затягивайте это дело с музыкой, хорошо? Хорошо? Хорошо?

Пупс в несколько прыжков оказался возле Гризля, чмокнул его в лоб и, наклонившись, забарабанил ладонями по столику:

— Правитель! Единый! На счастье! Нам дан! Да здравствует! Сила! Твоя! На века!..

Весь этот день Пупс находился в великолепнейшем расположении духа; он играл в бадминтон, купался в бассейне, а также с большим аппетитом съел второй завтрак, обед и полдник. Вечером он поехал в знакомый нам ресторан-кабаре «Весёлый клоун». И хотя Пупс имел теперь совершенно неограниченные возможности для получения разного рода удовольствий, он даже и не думал расставаться со старыми, милыми его сердцу привычками.

Как господин Жулио снова сумел-таки испортить настроение его сиятельству, но был прощен. Звонок Тайного министра, взволновавший его сиятельство перед самым сном

«Весёлый клоун» находился на прежнем месте, в одном из фешенебельных районов центра города и внешне ничем не отличался от того, каким мы застали его в первой части нашего повествования.

Но только внешне.

С некоторых пор это заведение негласно работало для одного-единственного клиента — нетрудно догадаться, для кого именно. Вход для каких бы то ни было других посетителей, за исключением гостей его сиятельства, был закрыт. Роли непринужденно ведущей себя публики в общем зале исполняли специально подготовленные для этой цели агенты

секретной полиции. Эти агенты, переодетые в наряды богатых бездельников, подъезжали ко входу на дорогих автомобилях, и те из них, которые выступали в роли «новых коротышек», шагали прямо за столики, не снимая своих пестрых цилиндров. Те же, которые исполняли роли состоятельных коротышек «старой формации», предварительно отдавали цилиндр, трость и перчатки в руки встречающего их распорядителя. За столиками все они делали богатые заказы (за счет государственной казны), шумели, веселились, разыгрывали потасовку, изредка даже постреливали — короче, вели себя абсолютно натурально.

Однако вся эта внешняя непринужденность давалась дисциплинированным полицейским не просто так, а путем длительных упражнений и многократных просмотров старых видеозаписей, сделанных с пульта слежения ресторана, на которых запечатлелись всевозможные безобразия и излишества, коим ежевечерне предавались разгулявшиеся посетители.

Догадывался ли об этом его сиятельство? Трудно сказать наверняка. Во всяком случае, он не подавал виду, что догадывался, а стало быть, все делалось правильно.

Единственным коротышкой, сменить которого на агента секретной полиции не представлялось возможным, был сам хозяин заведения Красавчик. Пупс питал к нему старую привязанность, поэтому Красавчика трогать не смели, и он пользовался всеми привилегиями касты неприкасаемых, главной из которых был доступ к продовольственным спецраспределителям.

Принадлежность к касте и доступ к чистым продуктам означали то, что привилегированный коротышка не подвергался воздействию гипнотического порошка, а стало быть, находился в здравом

уме и ясной памяти. Исключение из касты означало изъятие у него пропуска в спецраспределитель со всеми вытекающими из этого факта последствиями.

В люкс-кабинете ресторана его сиятельство уже дожидались Спрутс и Жулио. Гризль редко бывал здесь, а в этот вечер отсыпался дома после ночных бдений, связанных с плодотворной работой над текстом гимна.

— Здравствуйте, дружище! — запросто воскликнул Спрутс, и все трое пожали друг другу руки.

Обычное в других местах соблюдение этикета было здесь не то чтобы не обязательно, а строжайше запрещено, и всем без исключения предписывалось обращаться к его сиятельству не иначе как «господин Пупс» — в точности так, как это было и прежде. Вольности и развязное поведение за столом (в разумным пределах, конечно) не только дозволялись, но и приветствовались.

Пупс с удовольствием плюхнулся в любимое, порядком продавленное кожаное кресло и налил себе апельсиновой шипучки.

— Знаете, что пишут в вечерних газетах? — начал непринужденную беседу Спрутс, состроив скептическую улыбку и тряхнув газетным листом.

— Нет, — благосклонно отозвался Пупс, — что же интересного?

— В наших лесах появился дикий коротышка.

— Дикий коротышка? — удивился Пупс. — Каким же образом он одичал?

— Никто не знает, мой дорогой друг. Не все уверены даже, что это вообще коротышка; некоторые полагают, что это сбежавшая из зверинца и одичавшая на воле обезьяна.

— А разве где-нибудь пропала обезьяна?

— Ничуть не бывало. Информация об этом деле путаная и недостоверная; лично я склонен думать, что это всего-навсего остроумная газетная утка.

— Возможно, возможно... Однако я просил бы вас прояснить этот вопрос. Если это коротышка, то следует проверить, чем он питается, и если... Впрочем, вы меня понимаете.

— Разумеется, вполне понимаю. Я возьму этот вопрос под свой личный контроль.

— Благодарю вас, дорогой друг, — улыбнулся Пупс.

Тем временем на сцене сменялись короткие эстрадные номера; вот конферансье объявил дрессированных тигров, и несколько последующих минут свирепые полосатые хищники прыгали с тумбы на тумбу через пылающее огнем кольцо.

— Любопытная деталь, — подал голос Жулио. — Вообразите: кто теперь больше всех доволен новым порядком?

— Интересно, кто же? — отозвался Пупс.

— Вот именно такие дрессировщики. И вообще, коротышки, работающие с животными в цирке или зоопарке...

— Да, да, кажется, я вас понимаю.

— Вот именно! Теперь и вы сами можете с большим успехом выдрессировать вашу кошку или собаку.

— Но только при условии, что животное будет питаться нашими обогащенными продуктами, — уточнил Пупс. — У меня в доме, например, живет кошка, которая питается исключительно мышами.

— Но она может пить воду, которую для нее набирают из-под крана, а большего и не требуется. Вообразите, за час до нашей встречи я с легкостью выучил своего попугая произносить текст нашего нового и — должен признать — великолепного гимна!

После того как массовое применение гипнотического порошка было признано абсолютно безвредным, им начали обогащать не только продукты, но и водопроводную воду. Теперь оболванивающий дурман послушания с полной гарантией настигал любого, даже самого дерзкого коротышку.

— Текст нового гимна? Попугаю?.. — Пупс скептически поморщился.

Жулио этого не заметил и в порыве вдохновения протрещал, подражая своей ученой птице, Гимн подлунных коротышек, восхваляющий силу, мудрость, скромность и имя Великого Правителя.

В предвкушении одобрительной реакции Жулио поднял глаза, да так и застыл с открытым ртом: на лице его сиятельства не было привычной благодушной улыбки, брови его были насуплены. Рассердить его сиятельство здесь, в этом кропотливо воссозданном оазисе беззаботности и душевного отдохновения, было делом немыслимым, и последствия столь нелепого промаха могли быть для виновника ужасными.

Жулио все понял и сделался белым как бумага, он умоляюще посмотрел на Спрутса, надеясь обнаружить в нем поддержку, но встретил в его взгляде только отстраненную враждебность. Мало того, улучив момент, Спрутс быстрым, выразительным жестом полоснул пальцем себе по горлу.

Бедняга пошатнулся, на его лице отразилась такая гамма мучительных переживаний, что Пупс не выдержал и расхохотался.

Отсмеявшись и вытерев глаза, он дружески похлопал Жулио по плечу:

— Господин Жулио, вы мне чрезвычайно симпатичны и будьте впредь осмотрительнее. Ведь только что я мог сгоряча сделать что-нибудь совершенно непоправимое, после чего бы непременно раскаялся. Ваш идиотский промах едва не поставил меня в трудное положение.

Прощенный и счастливый, но все еще оцепеневший, Жулио с грохотом отодвинул стул, упал на колени и стал покрывать поцелуями руку его сиятельства.

— Ну, полно, полно. Забыли. Ау! Господин Жулио! Я сказал — забыли.

Натянуто улыбаясь, Спрутс изо всех сил пнул своего секретаря под столом ногою, на ощупь схватил его за шиворот и оттащил от сиятельной руки.

В кабинет заглянул официант и осведомился, не желают ли господа еще чего-нибудь заказать. Пупс распорядился принести разных кушаний, а также пузырек валерьянки «для господина со слабыми нервами».

Вместе с заказом в кабинете появился хозяин ресторана.

— А, господин Красавчик! — приветствовал его Пупс. — Рад вас видеть, присаживайтесь к нам.

— Пожалуй, я не смогу, господин Пупс, сегодня дел позарез...

— Ну вот, как всегда, ни у кого для меня нет времени, — надулся его сиятельство. — Впору запереться у себя дома и никуда не ходить.

— В другой раз обещаю иметь с вами брудершафт, господин Пупс. А сейчас не расстраивайтесь: вот-вот будет ваш любимый аттракцион; я нанял вчера одного смышленого коротышку — обещаю, будет посмотреть чего-то особенного.

Подобная развязность была вполне в духе Красавчика, а поскольку этот проныра отлично понимал, чего желает в «Весёлом клоуне» пресыщенная душа его сиятельства, он и не думал переменить тон своих скупых, будто нехотя процеженных сквозь зубы реплик. Этот по-своему несчастный коротышка едва ли не больше всех переживал свершившиеся перемены. Ведь с некоторых пор его любимое ремесло налетчика потеряло всякий смысл, поскольку теперь он мог легко и открыто облапошивать находящихся под дей-

ствием порошка сограждан. Время от времени, чтобы успокоить нервы, он делал шумный налет на какой-нибудь банк и, разрезав бронированный сейф, брал оттуда какую-нибудь символическую мелочь — сотню-другую фертингов.

Но зато какое удовольствие испытывал он, кропотливо разрабатывая план операции, подолгу простаивая с секундомером за витриной расположенного напротив банка кафе или изучая хитросплетения сигнализации по выкраденной подкупленным электриком схеме и, наконец, — о радость! — отстреливаясь холостыми патронами от полицейских во время бешеной погони по ночным улицам Давилона.

Начальник полиции, разумеется, всегда был в курсе предстоящего налета и предупреждал своих подчиненных, чтобы они как-нибудь случайно не ранили или, чего доброго, не догнали и не арестовали любимчика его сиятельства.

После этого Красавчик ходил довольный, будто кот, наевшийся сметаны, пока зуд снова не охватывал его и не заставлял искать новых приключений.

На лице выпившего целый пузырек валерьянки появилась улыбка, и Пупс поглядывал на него с одобрением. Он очень не любил подле себя серьезных или огорченных чем-то коротышек.

На сцене установили декорации, и начался аттракцион «Резиновый клоун», который не имеет смысла описывать, поскольку внимательный читатель прекрасно помнит его незатейливое содержание.

Возвратившись домой в прекрасном расположении духа, Пупс увидел в прихожей чучело попугая, державшего в клюве записку следующего содержания: «Раб Вашего Сиятельства нижайше умоляет принять от него эту птицу, которая более никогда

не дерзнет произнести даже звука, способного вызвать недовольство Вашего Сиятельства».

Пупс погладил чучело по спинке и сказал:

— Хорошо, хорошо, я верю. Ты не дерзнешь. Но твой бывший хозяин... С легкостью покусившийся на основы основ... на величие нашего гимна... Чего еще от него ожидать? Это вопрос... Простить — не значит забыть.

Уже после того, как его сиятельство забрался в кровать, позвонил Бигль, ныне занимавший должность Тайного министра. В его подчинении находились все полицейские управления и все особо секретные агенты подлунного мира.

— Простите, что беспокою вас в столь поздний час, господин Пупс.

— Все в порядке, Бигль, говорите, я вас слушаю.

— Минуту назад получено интересное сообщение: агент Тихоня, который, как вы помните...

— Да, да, я помню.

— Он сообщает об успешном внедрении.

— Отлично работаете, Бигль. Эти трое — опаснейшие преступники; нам необходимо знать все, что у них на уме.

— Но это еще не все.

— Что же еще?

— Он утверждает...

— Ну, говорите!

— Он утверждает, что они знают всё.

— Что?!

— Мерзавцы как-то все пронюхали и теперь не жрут наши продукты. Берут воду прямо из лужи, а еду из леса.

— Нет, этого не может быть!

— Увы, мой повелитель, увы.

— Ай-ай-ай-ай-ай-ай-ай... Но что же, они намерены бежать?

— Сейчас он это пытается выяснить, ваше сиятельство.

— Хорошо, хорошо, надо подумать.

— Спокойной ночи, господин Пупс. Я не сомневаюсь, что вы примете верное решение.

Его сиятельство положил трубку, сел на кровати и крепко задумался.

На сцене вновь появляются столь зловещие фигуры, что г—н Пупс в сравнении с ними кажется нам просто милашкой

На северо-восточной, самой дальней оконечности полуострова Клушка, в лесной болотистой местности, кишащей комарами и гнусом, располагался поселок так называемых «ссыльных доброхотов» — коротышек, имевших преступное прошлое, но под действием порошка раскаявшихся и добровольно явившихся в полицию.

Ссыльные жили в бревенчатых избушках и работали на заготовке клюквы, которая произрастала здесь круглый год. Каждый поселенец должен был каждый день собрать и сдать ведро клюквы. А если кто-то не выполнял норму, то долг его накапливался, и в конце недели за него рассчитывались остальные.

Бежать отсюда было некуда, потому что с трех сторон полуостров окружала вода, а путь в глубь материка преграждали непроходимые болота.

По воскресеньям в поселок прилетал грузовой вертолет. Он забирал большой металлический контейнер с клюквой, а взамен оставлял продукты питания и ширпотреб. Посадочная площадка находилась на

единственной здесь сухой каменистой возвышенности. Единственным коротышкой, представлявшим здесь власть, был разжалованный когда-то за нерадивость полицейский Пфигль. Он ненавидел свою работу до такой степени, что время от времени специально наедался предназначенных для поселенцев обогащенных порошком продуктов. И тогда ему все становилось безразлично. Большую часть остального времени он спал.

Самую большую и крепкую избу в поселке занимали Жмурик, Тефтель и Ханаконда. Мощное преступное сообщество, которое они называли «семьей», было полностью разрушено. При них остались только два охранника да некстати для себя подвернувшиеся Мига и Крабс, которых в последнее время буквально на каждом шагу преследовали неудачи. Теперь оба прохвоста вместе с охранниками, которых звали Хорёк и Губошлёп, были при Ханаконде чем-то вроде прислуги. Они прибирались в доме, мыли посуду и собирали норму клюквы не только за себя, но и за своих шефов. Жмурик и Тефтель хотя и не ходили в лес, но сидели целыми днями за переборкой ягод. Ханаконда ни к какой работе не прикасался. Он только слушал радиоприемник и постоянно о чем-то напряженно думал.

Вообще-то находящийся под действием порошка коротышка не мог думать самостоятельно. Он выполнял свои обязанности согласно подробнейшим служебным инструкциям и радовался жизни согласно бодрым установкам, звучащим по радио и телевидению. Но в том-то и дело, что Ханаконда уже не находился под действием гипнотического порошка. Ни он сам, ни Жмурик с Тефтелем, ни четверо работавших на них простофиль.

Оказавшись здесь, на Клушке, Ханаконда однажды могучим усилием воли заставил себя отказаться от привозимых на вертолете продуктов. По прошествии суток он полностью восстановил ясность ума и память. Он снова стал злым, коварным и чрезвычай-

но опасным для окружающих. Мысль о побеге и жестоком мщении поглощала его целиком, не оставляя места ни для чего другого. Время от времени он шипел, как змея, и скрипел зубами.

Конечно, он не мог действовать без сообщников, а потому вернул ясность мысли оказавшимся рядом с ним по недосмотру полиции Мигсе, Крабсу, Хорьку и Губошлёпу. Семеро понимавших что к чему коротышек уже представляли собой значительную силу, а под руководством умного и жестокого главаря, вырвавшись на свободу, они могли наделать неисчислимых бед.

Для того чтобы постоянно находиться в форме и быть готовыми к решительным действиям, этим негодяям приходилось пить болотную воду и питаться исключительно грибами, клюквой и дикорастущим чесноком. Из-за этого у них постоянно болели животы, все валилось из рук, а любая мелочь вызывала приступ раздражения. То и дело они дрались между собой, оставляя друг другу на физиономиях синяки и ссадины. Свой паек, состоящий из разнообразных, вкусных, но щедро сдобренных порошком продуктов, они выбрасывали в специально вырытую за домом и прикрытую ветками глубокую яму.

— Погода портится, — хрипло произнес Ханаконда, барабаня пальцами по мутному стеклу небольшого окошка. — Где еще носит этих идиотов?

Тефтель и Жмурик сидели на табуретках и, как обычно, не спеша перебирали ягоды, бросая листики и мусор прямо на пол. На плите кипела кастрюля с грибами, от одного запаха которых всех уже давно воротило.

— Сегодня утром Губошлёп опять залезал в яму, — доложил Жмурик. — Слопал две банки консервов и булку с маком, хе-хе.

— С-скотина, — прошептал Ханаконда. — Пусть только явится. Имейте в виду, господа сообщники: не будет дисциплины — не будет побега. Другой жизни вам не видать, подохнете все здесь, на болоте... — И он злобно заскрипел зубами. Он всегда скрипел зубами, когда злился, и шипел, как змея, изображая смех.

— А уже есть какие-нибудь соображения насчет побега, а, шеф? — поинтересовался Тефтель.

— Соображения? Так я вам и сказал, чтобы вы завтра же всем растрепали. Сегодня Губошлёп залез в яму, а завтра кто-нибудь еще нажрется дряни и побежит докладывать обо всем старшему надзирателю.

— Обижаете, начальник, — возразил Тефтель. — Гадом буду, если побегу к надзирателю. А может, все-таки махнем через пролив? Пилы и топоры-у нас есть — доберемся до берега и сколотим плот. Дождемся попутного ветра, поднимем парус — и мы уже на том берегу...

— Ты — дурак. Еще ни одно судно не смогло преодолеть течение в проливе. Плот унесет в Северный океан и затрет во льдах. Не мешайте мне думать.

Ханаконда снова забарабанил по окну и заскрипел зубами.

На пороге послышался топот сапог, и в дом вошли Хорёк, Губошлёп, Мига и Крабс. Рожи у них были красные и распухшие от укусов комаров. В руках они держали ведра с клюквой, наполненные не более чем на две трети.

— Почему раньше времени? — произнес, не поворачиваясь к ним, Ханаконда.

— Погода портится, шеф, — объяснил Хорёк. — Поднялся ветер, и дождь вот-вот начнется. Завтра встанем пораньше и наверстаем.

— Если не сделаете план, накажу.

— Сделаем, шеф, все будет в порядке.

«Как бы этот ветер не испортил все дело, — проворчал про себя Ханаконда. — Если завтра пого-

да будет нелетная, придется сидеть здесь еще неделю...»

— Губошлёп, — позвал он щуплого и лопоухого коротышку, — подойди ко мне.

Тот встал перед шефом, глядя на него счастливыми, бессмысленными глазами-пуговицами.

— Зачем ты лазил в яму, Губошлёп? Ты ведь знал, что этого нельзя делать.

— Знал, шеф, конечно знал. Да уж только очень болел живот от этих грибов, будто выпил целое море бензина пополам с керосином, а после все это дело какая-то сволочь подожгла спичкой...

Приступ боли обжег внутренности Ханаконды, он стиснул зубы и прикрыл глаза. Такие приступы случались последнее время с ним довольно часто. Он проглотил горсть таблеток и произнес сдавленно:

— А теперь, стало быть, все в порядке?

— Да, шеф, чувствую себя хорошо.

— И что же ты теперь собираешься делать?

— Вот думаю сходить к старшему надзирателю и донести, что мы тут собираемся сбежать и на воле сколотить банду, — простодушно отвечал Губошлёп.

Тефтель выронил ковшик, из которого пил воду.

— Что-что? — удивленно вскинул брови Ханаконда. — Как ты говоришь — «донести старшему надзирателю»?

— Именно так, шеф. Господин старший надзиратель каждый раз говорит об этом на построении. Он говорит, что, если мы не будем доносить друг на друга, он урежет всем пайки. А продукты в нашем пайке первый сорт, поверьте мне, шеф.

Некоторое время все молча и с ужасом смотрели на Губошлёпа, который как ни в чем не бывало простодушно улыбался. Ханаконда медленно шагнул к нему и погладил по голове:

— Хорошо, хорошо, молодец. Только ты вот что... Ты не ходи сегодня к этому старшему надзирателю, ладно?

— Как прикажете, шеф.

— Сейчас ты вот что сделай: бери ведро и отправляйся в лес, за дальнюю просеку. Тут без тебя вышло новое, особо важное распоряжение: чтобы клюкву по

ночам собирать. Она, видишь ли, именно в это время особенные соки набирает, целебные, понимаешь?

— Да, да, да, понимаю...

— Вот и молодец. Так что одевайся потеплее — и вперед.

Губошлёп покосился на своих товарищей, которые теперь едва сдерживали смех.

— Один?

— Один, один. Работа эта, видишь ли, очень ответственная, не всякого пошлют. Тут без тебя старший надзиратель приходил, он прямо так и сказал: только тебе, мол, он и доверяет.

Лицо Губошлёпа осветилось гордостью. Он набросил поверх ватника плащ с капюшоном, подхватил ведра и, весело насвистывая, зашагал из дома в сторону леса.

Проследив за ним через окно, Ханаконда повернулся к оставшимся:

— Что, господа мазурики, еще кому-нибудь охота набить брюхо?

Все понимали, для чего шеф отправил провинившегося на ночь в лес. Действие порошка ограничивалось сутками, и ближайшим утром этот срок истекал. Оставлять недотепу в поселке было опасно, потому что Пфигль мог в любую минуту нагрянуть с обходом. Ночевка же в холодном лесу должна была послужить Губошлёпу и всем остальным хорошим уроком на будущее.

— Загнемся мы здесь, шеф, честное слово, загнемся, — заскулил Крабс, нервы у которого были на пределе. — У меня в животе будто ежи завелись. гнездо там себе свили. За что, за что мне такое наказание!

— Молчать! — крикнул Ханаконда, которого самого то и дело скрючивало от боли. — Все зубы

выбью!.. Всё, завтра рванем, понятно? Уйдем на продуктовом вертолете, век воли не видать. Всем тихо, слушайте сюда внимательно...

Когда далеко за полночь в радостном волнении все улеглись спать, Хорёк подсел к кровати Ханаконды и прошептал:

— Такое дело, шеф. В нашем поселке есть еще один коротышка, который сам догадался про порошок.

— Это кто же?

— Зовут Тихоня, он здесь всего несколько дней, новенький.

— Это маленький такой, дохлый?

— Вроде того, шеф. Только вы не смотрите, что он дохлый, руки у него сильные, будьте-нате.

— А ты уже и это знаешь?

— Да так... Нагнулись за одним грибом и стукнулись лбами. Я ему хотел щелбана вкатить, а он мою руку схватил и так сжал... будто клещами. Согнул меня одной рукой и на землю положил.

— Ну а что же ты?

— А он вдруг заулыбался, помог подняться. Слово за слово, разговорились. На свободе он один работал, специалист по кредитным карточкам. Говорит, что греб денежки лопатой.

— Значит, он тоже грибы собирал? Ладно, приведи его, прямо сейчас. Посмотрим, что это за специалист.

Новенький показался Ханаконде коротышкой умным и скрытным, но как раз такие ему и нравились. Полицейские провокаторы, втираясь в доверие, обычно ведут себя шумно и развязно — так они себе представляют настоящих бандитов. А этот говорил

мало и только по делу. Кроме того, новенький разбирался в электронных банковских системах, а такому специалисту в преступном мире цены не было. И конечно, Ханаконде захотелось непременно заполучить его к себе в банду.

Выслушав план побега, Тихоня внес несколько дельных предложений и, поскольку времени на раздумья уже не было, согласился войти в банду. Старшего надзирателя Пфигля он предложил усыпить настоем из мухоморов, а четверых охранников из вертолета выманить наружу, не причинив им вреда. Вертолет в два счета перенесет их через болота, а уж потом они знали, что им делать.

Что хотел сделать Ханаконда, оказавшись на свободе. Агент Тихоня в трудном положении. Банда совершает побег, Бигль запоздало телеграфирует о немедленном аресте ее участников

Если Жмурик, Тефтель, Ханаконда и Губошлёп думали, что на свободе они начнут грабить банки и жить припеваючи (Мига и Крабс давно уже ровным счетом ничего не думали), то сам главарь имел на будущее гораздо более серьезные планы. Все время мучительного, голодного заточения на комарином болоте он жил одной только мыслью о мщении. Не только Пупсу, но и всем подлунным коротышкам, которых он ненавидел. Не раз Ханаконда воображал, как Верховный Правитель, слабый и безоружный, молит его о пощаде, ползая на коленях. Как он сам станет Верховным Правителем, и тогда начнется другой, настоящий, правильный порядок. Никаких привилегированных каст! Он наденет на всех, на всех до

единого, серые робы и заставит всех ходить только строем. Шаг в сторону — побег. Прыжок на месте — провокация! Половина работает, другая половина сидит в карцерах, третья ползает на брюхе у него в услужении. Не выходит... Хорошо, пусть одна треть ползает, треть работает, а остальные — в карцер. Кормить только чесноком, грибами и клюквой. О-о! Как ужасна будет его месть! Как восхитительно будет упоение абсолютной безграничной властью!..

Ночью поднялся сильный ветер с океана, который повалил множество деревьев и оборвал провода. Старший надзиратель Пфигль остался без связи с центром, и заговорщики ликовали.

Явился из леса Губошлёп, еле живой от усталости, мокрый и продрогший. Действие порошка закончилось, он все вспомнил и теперь прятал глаза от своих товарищей.

Всем происходящим агент Тихоня был поставлен в чрезвычайно трудное положение. Ему предстояло сделать выбор из двух одинаково скверных вариантов: либо раскрыть себя и предотвратить побег, либо оставаться в банде еще неопределенно долгое время. Раскрывать себя он не имел права, оставаться в банде не очень ему улыбалось. Но и дальнейшая жизнь на болоте становилась невыносимой. А пока лейтенант Ригль (таково было настоящее имя «Тихони») дожидался восстановления связи на линии, дела в поселке принимали нешуточный оборот.

Продуктовый вертолет тяжело зарокотал над посадочной площадкой и медленно опустился, подняв веер грязных брызг из лужиц. Утерев рукавами

лица, снова вытянули руки по швам семеро коротышек из наряда и один дежурный с повязкой на рукаве. Немигающие, будто стеклянные, глаза-пуговицы поселенцев не вызвали у полицейского сержанта ни малейших подозрений. Он спрыгнул на землю и подозвал к себе дежурного:

— Что, этот бездельник Пфигль опять дрыхнет?

— Так точно, господин полицейский! — отрапортовал Тихоня. — Господин старший надзиратель угорел от печки и просил его не беспокоить. Он просил доложить за него, что на вверенной ему территории происшествий не случилось и вообще полный порядок.

— Хорошо, если порядок, — сказал сержант, оглядываясь по сторонам. — Ночью сорвало провода над болотами, там сейчас работают ремонтники. Можно надеяться, что связь появится с минуты на минуту.

Глаза Тихони на секунду растерянно забегали, но полицейский этого не заметил.

— Эй, вы! — крикнул он выстроившимся в линейку коротышкам, которым предстояло разгружать вертолет. — Что вы там стоите, как идиоты? А ну быстро схватили по ящику!

Трое полицейских стали подавать из вертолета ящики с провизией, а наряд их оттаскивал в сторону и ставил один на другой.

Закончив разгрузку, все восемь ссыльных коротышек окружили большой металлический контейнер с клюквой, который предстояло затолкать в вертолет. Этот контейнер оказался настолько тяжелым, что, едва оторвав от земли, его пришлось тут же опустить.

— Что там еще случилось? — недовольно крикнул сержант.

— Никак не можем поднять, начальник, — пожаловался Тефтель. — Вся неделя была дождливая, клюквы — невпроворот.

— Ах, чтоб вас... — выругался сержант.

По инструкции никто не имел права выходить из вертолета и даже отстегивать страховочные ремни. Но он уже нарушил инструкцию тем, что разгружался без личного присутствия старшего надзирателя. А первое нарушение почти всегда тянет за собой и второе...

— Ладно, так и быть, поможем доходягам. Быстро, быстро, ребята, взялись вместе, — поторопил он троих рядовых полицейских со стеклянными глазами, которые безоговорочно выполняли команды старшего по званию.

Рядовые отстегнулись, спрыгнули на покрытую мхом каменистую площадку и вместе с сержантом взялись за рукоятки контейнера.

— Три-четыре — взяли!..

Но в тот момент, когда груз должен был оторваться от земли, ссыльные коротышки вдруг отступили назад, и усилия крякнувших от натуги полицейских оказались тщетными. Но не успели они удивиться нахальству разыгранной над ними шутки, как их шеи захлестнули тонкие удавки, а руки защелкнули их собственные наручники.

Обезоружив пристегнутых к контейнеру полицейских, злоумышленники один за другим запрыгнули в вертолет. И одновременно сидевший в кабине пилот почувствовал у себя на затылке дуло автомата.

— До города, живо, — прошипел кто-то за его спиной, и беднягу обдало таким крепким чесночным запахом, что ему чуть не стало дурно.

Пилот задергал рычажки, мотор зарокотал, и машина плавно поднялась в воздух. Взлетная площадка с четырьмя разинувшими рты полицейскими становилась меньше, меньше и вскоре совсем скрылась за верхушками сосен.

В эту минуту по восстановленным проводам связи в поселок летела срочная депеша: «Старшему надзирателю Пфиглю. Совершенно секретно. Временно поступаете в подчинение лейтенанту секретной полиции

г-ну Риглю (агент «Тихоня»). Л-ту Риглю немедленно изолировать заговорщиков и дожидаться прибытия специальной комиссии. Тайный министр Бигль».

Телеграфная лента ползла на пол, Пфигль беззаботно храпел на своей продавленной лежанке.

Посадка на Луну. Следы таинственной катастрофы. Недостойное поведение профессора Злючкина. Дисциплина дает трещину. Настоящий текст радиограммы

Ракеты «ЗОВ» и «ФиС» приближались к Луне.

Вскоре после старта, когда первая ракета набрала необходимую для полета скорость, ее экипаж собрался в смотровой кабине. Вызванные ускорением перегрузки прекратились, и теперь все семеро космонавтов свободно парили в невесомости. Робота «Дружка», не приспособленного к подобным упражнениям, для общей безопасности оставили сидеть пристегнутым к креслу.

Путешественники зависли у огромных иллюминаторов, разглядывая то подернутую дымкой облаков Землю, то все еще далекую Луну, то звездную бездну по сторонам, которая в безвоздушном пространстве видна была гораздо ярче и отчетливей.

Переволновавшись перед стартом, теперь все зевали и хлопали глазами. Знайка собирался хорошенько распечь Пончика, но махнул на это дело рукой и предложил всем до прибытия на Луну поспать. Лететь предстояло не меньше десяти часов, поэтому участники экспедиции охотно пристегнулись к своим креслам и моментально заснули.

В смотровой кабине осталась только Клюковка. Она впервые оказалась в космическом пространстве;

глаза у нее горели, ни о каком сне она, конечно, не могла и думать. К тому же последние несколько дней и ночей она провела в ракете и, обосновавшись здесь хорошенько, соблюдала нормальный режим сна и бодрствования.

За несколько часов до посадки Винтик и Шпунтик заняли свои места в пилотской кабине, остальные же вновь слетелись в смотровую. Теперь Луна занимала полнеба, были отчетливо видны горы, цирки и кратеры на ее поверхности. Планета Земля, напротив, уменьшилась до размера зонтика.

— Скажите, коллега, — обратилась Огонёк к Знайке, — как вы теперь, находясь в космосе и невесомости, разбираете, где верх, а где низ? Или же эти понятия вообще теряют всякий смысл?

— В некотором смысле, конечно, теряют, — согласился Знайка. В этот момент он протирал свои очки, и его серьезная мина не очень-то вязалась с задранными кверху ногами. Но пока обе руки его были заняты, он не мог ухватиться за одну из скоб или поручней, которые были во множестве закреплены вдоль стен.

— До тех пор, — пояснил он, — пока мы не приблизились достаточно к цели нашего назначения, то есть к поверхности Луны, можете условно считать верхом нос нашей ракеты.

— А низом — хвост, — авторитетно прибавил оказавшийся рядом Незнайка.

Поскольку Огонёк находилась в космосе впервые, он считал ее кем-то вроде юнги на корабле. А сам он, конечно, был старым морским волком.

— Благодарю вас за разъяснения... коллеги, — выразила Клюковка свою признательность обоим.

После космического обеда, еще до которого Пончику все-таки влетело, да так, что он вполовину потерял свой аппетит, после обеда Знайка велел всем надеть космические скафандры. Ракета вскоре должна была прилуниться, и, хотя ее программа гаран-

тировала мягкую посадку, все-таки стоило подстраховаться на случай частичной или полной разгерметизации. Сидевшие за пультом Винтик и Шпунтик держали руки на кнопках и в любое время могли принять управление на себя.

Члены экипажа заняли места в креслах, пристегнулись ремнями и стали следить за происходящим на экранах мониторов. Вот на одном из экранов поверхность Луны стала медленно закатываться вниз и вскоре, мелькнув горизонтом, провалилась в космическую тьму. В то же время на другом экране, передающем изображение с хвоста, выплыла та же самая поверхность, но уже заметно ближе, чем раньше. Глухо зафыркали включившиеся двигатели торможения. Ракета сделала полный разворот.

Место для посадки было выбрано то же самое, что и во время предыдущих полетов, — неподалеку от большой ледяной пещеры и запрятанной в маленькой пещерке радиостанции. Здесь имелась удобная для прилунения площадка, достаточно плотный грунт и вполне изученный окружающий рельеф.

— Ого! — заметил Винтик. — Кажется, здесь что-то такое стряслось. Неужели потерпел катастрофу космический корабль?

И действительно, по мере приближения к поверхности на самой площадке и далеко вокруг были разбросаны искореженные куски металла, а на грунте чернели пятна сажи от сгоревшего топлива.

— Смотрите, смотрите! — воскликнул Знайка. — Видите верхушку от ракеты — там, левее? Это пилотская кабина, в случае опасности она отстреливается от корпуса катапультой. Если кабина вовремя отстрелялась, значит, для экипажа все окончилось благополучно.

В этот момент ракета плавно опустилась на площадку, приняв вертикальное положение, прибор невесомости отключился, и все пассажиры, охнув,

провалились в кресла под собственным весом, хотя и вшестеро меньшим, чем на Земле.

— Ну вот, братцы, — сказал Незнайка. — С прибытием.

Первым делом было необходимо выяснить, не остался ли кто-нибудь из потерпевших на поверхности Луны, и в случае необходимости оказать помощь пострадавшим. На поиски отправились Винтик, Шпунтик и Пилюлькин. Оставшиеся собрались в смотровой кабине и стали наблюдать за их действиями через иллюминаторы.

— Ого, да здесь сгорела не меньше чем трехступенчатая ракета, — комментировал Винтик, разглядывая встречавшиеся у них на пути обломки. — Похоже, что загорелась прямо на старте из-за какой-то неполадки в двигателе.

Переходя от обломка к обломку, группа приблизилась к отброшенной довольно далеко носовой кабине и совсем скрылась из виду. Знайка включил радиосвязь, и на экранах возникли три изображения, передающиеся с вмонтированных в скафандры миниатюрных видеокамер. Вот кабина совсем рядом, дверца ее раскрыта настежь. Винтик светит фонариком внутрь — никого.

У всех вырвался вздох облегчения: поскольку экипаж сумел выбраться из кабины, можно было с уверенностью сказать, что для него все закончилось благополучно.

— Картина ясная, — сказал Винтик. — Лунатики построили свою ракету, но она у них взорвалась на старте. Хорошо еще, что экипаж вовремя катапультировался. Непонятно только, куда они собирались лететь и почему сигналили об опасности.

— «Если прилетят, не давайте им ничего», — вспомнила Огонёк слова Козлика из первой, приня-

той Стекляшкиным радиограммы. — Стало быть, они собирались лететь на Землю?

— Возможно, — согласился Знайка, — и, похоже, что они очень спешили...

— Смотрите, — послышался голос Винтика, — здесь стояла герметическая палатка со шлюзовой камерой.

Действительно, на краю площадки лежала распластанная, как сдувшийся воздушный шар, космическая палатка. Внутри обнаружились пустые кислородные баллоны и емкости из-под воды и продовольствия.

— Возвращайтесь, — распорядился Знайка. — Здесь осталось только одно место, где что-то еще может разъясниться.

Конечно, он имел в виду маленькую пещеру с радиостанцией, откуда посылались на Землю сигналы с просьбой о помощи. И он хотел отправиться туда сам.

Однако с походом в пещеру пришлось задержаться, поскольку в это время рядом прилунилась ракета «ФиС», отстававшая, согласно плану, на два часа. Фуксия и Селёдочка сообщили, что полет прошел нормально и все отлично чувствовали себя в невесомости.

Они не стали рассказывать того, как перед самым запуском двигателей профессор Злючкин, увидев, как завинчиваются изнутри запоры толстой дверцы люка, неожиданно впал в буйную истерику, пытаясь вырваться наружу. Он кричал, рыдал, умолял, царапался и кусался. Пришлось вкатить ему двойную дозу успокоительного, после чего он обмяк, позволил засунуть себя в скафандр и пристегнуть к креслу. Все время перелета он проспал с улыбкой на лице, так и не увидев из космоса Земли, Луны и

звезд. Проснувшись от легкого толчка во время прилунения, он сказал «извините» и присоединился к остальным как ни в чем не бывало. Если же впоследствии ему при случае напоминали о его недостойном поведении, он только недоуменно вскидывал брови и чрезвычайно искренне произносил: «Не понимаю, о чем вы говорите?»

Устыдившись все-таки в глубине души собственной слабости и вспомнив о тысячах земных коротышек, следивших за ходом экспедиции, Злючкин выразил решительное намерение сдержать данное на Земле обещание и совершить выход на поверхность Луны. Не голым, конечно, а в полном полагающемся для такого случая комплекте обмундирования.

Это его намерение полностью противоречило изначальному плану экспедиции, согласно которому экипаж наблюдателей совсем не должен был покидать ракету без крайней на то необходимости. Однако, опасаясь какой-нибудь новой опасной выходки или провокации со стороны вздорного профессора, командир корабля Ярило согласился выпустить его под собственную ответственность, заявив, однако, что отправляется сам вместе с ним и будет все время неотступно находиться с ним рядом.

Услышав такое, Фуксия и Селёдочка совершенно растерялись: сам командир в первые же минуты пребывания на Луне собирался грубо нарушить строго оговоренные правила. Они связались со Знайкой и потребовали, чтобы тот решительно вмешался в происходящее.

Знайка попытался образумить и пристыдить академика Ярилу, но тот мягко возражал:

— Извините, уважаемый коллега, но не я был председателем отборочной комиссии и не я включал господина Злючкина в состав экспедиции. А поскольку я не имею права посадить этого господина на цепь, то вынужден по крайней мере держать его под лич-

ным контролем. Огромное вам спасибо за великолепно проведенную работу по подбору экипажа.

Знайка прикусил губу. Он никак не ожидал, что в экипаже наблюдателей, которые должны были только-то и делать, что наблюдать и слушать, возможны какие-то неожиданности. По правде говоря, этот экипаж носил в большей степени декоративный, показательно-представительский характер; при подборе кандидатов Знайка особенно не задумывался о деловых качествах всех этих теоретиков, журналистов и писателей. Теперь он, конечно, сожалел, что отнесся к делу столь легкомысленно, и о том, что назначил командиром корабля Ярилу, а не более подходящего для этой роли Стекляшкина или Фуксию с Селёдочкой. Короче говоря, ерунда началась сразу.

А Злючкин в это время настойчиво и требовательно говорил что-то такое о вверенной ему тысячами сограждан великой космической миссии.

— Ладно, — сказал Знайка, чувствуя свою ответственность за происходящее. — Пойдете сейчас с нами. Но только это в первый и последний раз. Обещайте, что больше не покинете ракету до моего особого распоряжения.

Ярило и Злючкин легко согласились.

В своем собственном экипаже у Знайки начались трудности еще до начала полета, и первая такая трудность называлась Пончик, а вторая — Незнайка. Первый, оказавшись в ракете, впал в какое-то оцепенение; второй, напротив, проявлял излишнюю активность где нужно и где не нужно. И теперь Незнайка, по примеру Злючкина и Ярилы, требовал, чтобы его тоже выпустили из ракеты. Он понимал, что Козлик должен был оставить здесь какое-то сообщение, а потому твердо намеревался отправиться

на поиски такового. Пока Знайка смотрел на него в растерянности, не находя слов от возмущения, Огонёк сказала, что Пончику тоже невредно прогуляться, а то он совсем раскис и как бы не пришлось из-за него лететь обратно.

После этого Знайка махнул на все рукой. Вскоре за ним и Клюковкой к видневшейся за развалинами антенне нестройной гурьбой зевак-экскурсантов потянулись Ярило, Злючкин, Незнайка и машинально перебиравший ногами, равнодушный ко всему Пончик.

Вскоре они остановились у входа в пещерку.

— Ага, — сказал Знайка, разглядев тщательно, но явно вручную отрихтованную тарелку-антенну. — Теперь совершенно понятно, почему до Земли доходила манная каша вместо сигнала. По всей видимости, антенну накрыло обломками во время взрыва ракеты, а потом ее пытались починить.

Внутренность маленькой пещеры осветилась лучами фонариков, путешественники обступили радиостанцию, в которой продолжала медленно ползти закольцованная магнитофонная лента с посланием к землянам.

Знайка взял болтающийся штекер выхода и вставил в гнездо своего шлемофона. Находившиеся рядом с ним и все те, кто остался в ракетах, услышали наконец полный текст тревожной радиограммы: «Я Луна! Я Луна! Вызываю Космический городок! Лунные коротышки просят у землян помощи и защиты! Шайка денежных мешков во главе с провозгласившим себя верховным правителем самозванцем держит население в состоянии гипноза! Мы не знаем, откуда исходит вредоносная сила, и вскоре сами попадем под ее влияние. Найдите от нее защиту и спасите населяющих подлунный мир коротышек! Торопитесь, или все погибнут, окончательно потеряв рассудок!»

Сообщение Квантика, дело все больше запутывается. Радио– и телеэфир зоны риска. Дисциплина рушится окончательно и бесповоротно

Так вот как на самом деле звучала таинственная радиограмма, вызвавшая столько споров и догадок на Земле! Некоторое время все молчали, обдумывая услышанное.

— Хе-хе, — тихонечко хмыкнул Ярило, покосившись на своего оппонента. — Значит, вы говорите, коллега, что космический агрессор требует денежных мешков? Хе-хе..

— Что вы такое несетПРФФе, академик, какой еще агрессор! — взорвался Злючкин. — Вы отдаетПРФФе себе отчет, где находитесь? Или на вашу ослиную голову впору надетьПРФФ хомут, а не космический скафандр?.. Интересно, какому идиоту пришло в ослиную голову братьПРФФ в космос необразованных хамов, еще неизвестПРФФно, какими интригами приобретших...

Злючкин хотел сказать «академические звания», но Знайка его перебил:

— Помолчите, пожалуйста. Смотрите, здесь есть еще какая-то кассета.

Он вынул из магнитофона запись послания и вставил другую кассету, положенную рядом, на видное место. Послышался голос того же самого коротышки, но теперь этот голос казался усталым и ослабшим, хотя коротышка старался читать текст как можно более твердо:

«Говорит Квантик, ученый-физик, конструктор взорвавшейся ракеты и бывший командир неудавшейся экспедиции на планету Большая Земля. Если вы сейчас меня слышите, значит, наше послание достигло цели и вы прилетели на помощь.

Месяц назад трехступенчатая ракета, оснащенная последним действующим прибором невесомости, с тринадцатью коротышками на борту потерпела аварию во время старта по невыясненным пока причинам. Экипаж благополучно катапультировался, но нас уже поджидала страшная и неразрешимая загадка: всего за несколько часов подлунный мир изменился настолько, что мы сочли для себя невозможным туда вернуться. Вообразите такое: обыкновенный капиталист, миллиардер Пупс каким-то непостижимым образом возымел безграничную власть над коротышками, которые даже не пытаются сопротивляться произволу. Так и не сумев разобраться в происходящем, мы вынуждены сейчас спрыгнуть вниз с парашютами, как уже сделали раньше десять наших товарищей. Я, мой помощник обер-атаман Пшигль и космический строитель господин Козлик держались до последней капли воды и до последнего баллона с воздухом. Вот уже четвертый день, как у нас иссякли продукты питания, несколько часов отделяют нас от последнего вдоха. Спрыгнув вниз, мы попытаемся добраться до Научного городка и находиться там, сохраняя, сколько возможно, инкогнито. Но возможно, что внизу мы сразу попадем под действие неведомой нам гипнотической силы и потеряем над собою контроль. Не пытайтесь выйти с кем-либо на связь: все попытки выхода в радиоэфир глушатся специальными установками. Остается надеяться, что удача будет к вам благосклонна. Будьте осторожны и берегите себя».

Послышался шелест сворачиваемой бумажки с текстом, а затем каждый из трех присутствовавших сам назвал себя:

— Командир несуществующего космического корабля, доктор физических наук Квантик.

— Его помощник, обер-атаман Пшигль, — наклонился к микрофону коротышка с хрипловатым голосом.

— А это я, Козлик, просто неудачник и недотепа...

При звуке этого голоса у Незнайки из глаз брызнули слезы.

— Дело все больше запутывается, — сказал Знайка. — Но если мы не можем выйти на связь с луна-тиками, давайте хотя бы послушаем, что делается у них в эфире.

Он стал шарить по шкале ручной настройки, и вскоре в эфире послышался хорошо поставленный голос диктора:

«...А теперь вести с полей. Рекордный урожай ананасов собрали труженики оранжереи в поселке Южный, где старший надзиратель господин Хныгль. Теперь ароматные плоды поступят в переработку на комбинаты питания, после чего наши коротышки смогут насладиться консервированными компотами, соками, джемами, повидлами, мороженым...»

Пока вроде бы ничего не настораживало. Знайка покрутил ручку настройки:

«...благодаря неусыпному труду и заботе нашего дорогого и мудрого руководителя его сиятельства господина Пупса. Его неустанные хлопоты о процветании и счастье коротышек...»

Знайка хмыкнул и снова покрутил ручку настройки. На этот раз он поймал волну телевидения:

«...И о погоде. На Крайнем Севере, в районе полуострова Клушка, нынешней ночью пронесся сильнейший ураган. Стихия вырвала с корнем десятки деревьев и повредила линии передачи. Однако благодаря незамедлительному вмешательству Верховного Правителя господина Пупса стихия к утру улеглась и оборванные линии были восстановлены. На остальной территории материка погода умеренно прохладная, моросящий дождик, туман. А теперь, дорогие

телезрители, вспомните о ваших главных обязанностях и до того, как посмотреть веселый кинофильм, внимательно перечтите свою должностную инструкцию. Все ли вы сегодня сделали согласно пунктам этой тщательно разработанной специально для вас инструкции? Не следует ли вам завтра же утром или прямо сейчас пойти к вашему непосредственному начальнику или в ближайший полицейский участок и честно признаться в своей оплошности? Ничего не бойтесь, вас не накажут. Вам только дадут возможность исправиться, чтобы вы опять смогли честно работать, не пряча глаз от своих товарищей и гордясь своей принадлежностью к нашему гуманнейшему и справедливейшему сообществу свободных коротышек, возглавляемому мудрейшим и справедливейшим господином Пупсом. Думаете ли вы перед каждым приемом пищи и перед сном о здоровье его сиятельства, неусыпно заботящегося о вашем личном благе, равно как о счастье и процветании всех...»

Знайка топнул ногой и щелкнул выключателем:

— Да что это такое, в конце концов! Кто это такой — его сиятельство? Что это за Пупс еще такой, которого все слушаются?!

В это время профессор Злючкин, который плохо понимал происходящее, а потому потерял к нему всякий интерес, затеял шумную перепалку с академиком Ярилой. Их торопливо оттеснили в глубь пещеры и велели переключить рации в режим двустороннего диалога. Ярило отказывался и требовал, чтобы совсем отключили от связи одного Злючкина. От такой наглости последний потерял дар речи и с силой толкнул своего оппонента в грудь. Впрочем, он тут же опомнился и сказал «извините». Но было уже поздно: Ярило оступился, взмахнул руками и с криком «Ах!» провалился в сквозную расщелину. В последнее мгновение он ухватил Злючкина

за болтающийся на его поясе альпеншток, и Злючкин с отрывистым возгласом «Что?!» провалился следом, хватаясь за Пончика. Пончик потянул за собой Незнайку, тот хватил рукой воздух... И все четверо, голося каждый на свой лад, посыпались вниз.

Знайка и Огонёк подбежали к краю расщелины и, держась друг за дружку, заглянули внутрь. Внизу, в самой глубине, слабо мерцала полоска света. Знайка отступил и в ужасе обхватил руками гермошлем.

Правитель и его Тайный министр. Банда Ханаконды начинает действовать. Дом, принадлежащий г–ну Еноту. Ханаконда знает, что теперь делать

— Итак, господин Бигль, — пропел своим медовым голоском г-н Пупс, недобро поглядывая на своего Тайного министра. — Итак, вы допустили побег опаснейших преступников.

Бигль молчал, понимая, что оправдания и объяснения могут лишь только еще больше раздражить его сиятельство.

— Вы злоупотребили, да! Злоупотребили моим почти безграничным доверием к вам. Разве я не освободил вас от какого бы то ни было контроля и надзора с моей стороны? Разве я не предоставил вам невиданные доселе, беспрецедентные полномочия? И к чему же это привело, господин Бигль?

Тайный министр молчал, опустив голову.

— Вы молчите! Хорошо, я скажу сам: из неприступной, как вы меня уверяли, надежно отдаленной от цивилизации местности на самом краю земли

сбежали три опаснейших, три САМЫХ опасных преступника! Бежали с удобством и комфортом, в мягких сиденьях вертолета, не опасаясь погони и нагло посмеиваясь над нами. Я так и вижу их самодовольные рожи, как они ухмыляются и говорят: «Если этих лопухов (а это нас с вами, господин Бигль), если этих лопухов ничего не стоило обвести вокруг пальца на болоте, то на свободе мы в два счета заставим их лизать себе пятки!» Так они говорят, господин Бигль?

Тайный министр молчал.

— А я знаю, что именно так они и говорят. И заставят, дорогой мой, непременно заставят, если меня будут окружать недальновидные, да-да, недальновидные коротышки! При всем моем уважении к вашим способностям я вынужден сказать вам именно это.

Бигль молчал, опустив голову.

Пупс еще немного походил взад-вперед по кабинету, раздувая ноздри, что являлось у него признаком чрезвычайного возбуждения, уселся наконец в кресло и произнес устало:

— Итак, они знают тайну порошка и они на свободе. Что вы намерены делать, Тайный министр?

Бигль поднял голову:

— Агент Тихоня все еще с ними. Как только он сумеет выйти на связь, мы их возьмем.

— Мне хочется верить, что так оно и будет. Вы свободны.

Бигль поклонился и вышел.

Агент Тихоня находился в растерянности и страхе.

В первые же часы пребывания на свободе банда успела обезоружить нескольких полицейских и совершить налет на магазин местного спецраспределителя. Уложив на пол охранников и оглушив их раз-

рядами электрических дубинок, налетчики, не отходя от прилавка, набросились на еду, разрывая куски руками, набивая рот и хрипя. В течение долгих мучительных недель ссылки на комарином болоте каждую ночь им снились жирные борщи, свежая булка, намазанная сливочным маслом, и какао пополам со сгущенным молоком.

Тихоня тоже делал вид, что изголодался, хотя и там, на болоте, имел возможность питаться вполне прилично, получая вместе с Пфиглем свою долю «чистых» продуктов. Последние, столь стремительно и неуправляемо развивающиеся события совсем лишили его аппетита.

Самое ужасное было в том, что он не имел ни малейшей возможности связаться с Биглем. Шайка постоянно держалась в единой связке; Ханаконда никому не доверял и пристально следил за каждым из своего окружения.

Набив сумки продуктами, бандиты сломали дверь, ведущую в один из подвалов нежилого дома, и расположились там для ночлега.

— Крабс, Мига, — устало сказал Ханаконда, устраиваясь на расстеленном поверх горячих труб ватнике, — снимите ботинки.

Мига и Крабс послушно опустились на колени, расшнуровали и сняли с шефа ботинки, поставили их рядом сушиться.

— Завтра отправимся в Давилон, самолетом, поняли?

— Почему в Давилон, шеф? — испуганно возразил Хорёк. — Мы в розыске. Лучше бы нам отсидеться здесь недельку-другую.

— Молчать, - - лениво ответил Ханаконда. — Скоро я сам буду объявлять розыск всякой сволочи. Вы — мелкие пакостники, а я — ваш император. Император всех на Луне коротышек... Нет, пожалуй, не только на Луне... И на этой... на Большой Земле

тоже. Дойдет очередь и до них, дайте только здесь навести порядок... Новый порядок...

И разбойники все разом захрапели, не в силах бороться со сном, который буквально сковывал их после всех волнений и долгожданного обжорства.

Утром шеф отправил Хорька и Губошлёпа за новой одеждой и авиабилетами. Тихоня тоже вызвался пойти, но шеф все еще относился к новичку с недоверием, присматриваясь к нему и принюхиваясь. Запах, исходивший от этого коротышки, был каким-то особенным, не похожим на тот, который исходил от него самого и его ближайшего окружения. От них пахло болотом, потом и давно не стиранным бельем. Но в особенности чесноком, острый дух которого въелся в них, казалось, уже навсегда. А новенький не пахнул вообще ничем, и это казалось Ханаконде особенно подозрительным.

Никто из пассажиров авиарейса Клушка — Давилон не привлек внимания полиции и снующих повсюду секретных агентов. Богачи, коммивояжеры, туристы — все было как обычно. В розыске находились, судя по разосланным фотографиям, семь или восемь одетых в грязные телогрейки коротышек с неприязненными, озлобленными лицами. Ровным счетом ничего похожего не было в холеной, респектабельной публике, расположившейся в комфортабельном лайнере. И только очень наблюдательный коротышка, хорошенько приглядевшись, смог бы распознать личности некоторых из присутствовавших здесь пассажиров: троих «новых богачей» в пестрых цилиндрах, занявших места в бизнес-классе; двоих коммивояжеров в приличных костюмах и темных очках, расположившихся классом пониже; а также еще троих

пестро разодетых туристов в общем салоне. И все-таки что-то определенно выделяло этих коротышек среди прочих, потому что их ближайшие соседи то и дело принюхивались, тревожно поводя носами в их сторону. Виною тому был, конечно, запах грязи и в особенности чеснока, насквозь пропитавшего организмы этих пассажиров, и вытравить который не могла ни новая одежда, ни усиленное питание, ни щедро омытые одеколоном ноги и подмышки.

После посадки в давилонском аэропорту вонючие коротышки заняли два автомобиля такси и поехали в один из малонаселенных пригородов, где находился купленный когда-то Ханакондой и не проходивший ни по каким документам участок. За огороженным высоким забором домом присматривал сторож, содержание которому было выплачено на год вперед.

— Какая радость, господин Енот, наконец-то вы прибыли! — воскликнул сторож, улыбаясь от уха до уха и низко кланяясь хозяину. — Какая радость снова вас видеть, господин Енот! Вы только посмотрите: вокруг чистота и порядок! Честное слово, господин Енот, вы не пожалеете, что наняли такого коротышку, как я, честное слово... И ваши письменные инструкции мне очень помогли — ведь государство, слава Правителю, требует теперь от нас все делать по инструкциям, а мне только лучше от этого, ведь правда, господин Енот?

— Какой еще Енот? — зашептал Губошлёп. — Что он такое говорит, шеф?

— Молчи, идиот, — шепотом осадил его Ханаконда и обратился к сторожу: — Хорошо, хорошо, Фикс, ты все делаешь правильно. Вот тебе двадцать фертингов, и ступай купи себе чего-нибудь. Я и мои гости сами управимся в доме.

Рассыпавшись в благодарностях и что-то радостно про себя бормоча, совершенно счастливый, сторож

поплелся в свою хибарку, сколоченную на самом краю участка.

— Как немного нужно для счастья нынешним коротышкам... — задумчиво проговорил Ханаконда, глядя ему вслед.

Он набрал код замка, двери отворились, и семеро беглецов вместе со своим главарем смогли расположиться со всеми удобствами в богато убранной, но основательно запылившейся гостиной.

Растопив камин и закусив извлеченной из сумок чистой провизией, они развалились в креслах и на диванах и включили телевизор. Передавали вечерний выпуск новостей, в котором сообщали о появлении в лесах обезьяноподобного коротышки и о розыске беглых преступников, имена которых присутствовавшим можно было и не называть.

— Послушайте, шеф, — забеспокоился Губошлёп, — тут всем показывают наши рожи, а ведь мы здорово нарисовались — и в самолете, и в такси... И этот сторож тоже нас видел...

— Не шебурши, Губошлёп, — лениво отмахнулся Ханаконда. — Если бы мы были хоть чуточку похожи на этих чумазых чушек в ватниках, нас бы взяли еще на Клушке, в аэропорту.

— А Тихоня у них на фотке какой-то смазанный, — подозрительно заметил Хорёк. — Совсем не узнать коротышку. Эй, Тихоня, ты почему так плохо получился?

— А я почем знаю? — огрызнулся Тихоня. — Я, что ли, фотограф?

Телефон в доме не работал ввиду длительного отсутствия хозяев, поэтому связаться с Биглем все еще не представлялось ни малейшей возможности. Тихоня решил, что этой ночью, когда все будут спать, он незаметно выберется из дома, вызовет из ближайшего автомата группу захвата и к рассвету дом будет окружен сотней вооруженных до зубов полицейских.

— О чем задумался, Тихоня? — окликнул его вдруг Ханаконда.

Тихоня вздрогнул и поспешно ответил:

— Нет, нет, ничего, шеф, просто слушаю, как там читают инструкции для всех коротышек. Ловко это они придумали, да?

— Инструкции, инструкции... — зашептал про себя Ханаконда, о чем-то вдруг догадавшись. — Сторож тоже говорит, что все теперь делается по инструкциям. Откуда же берутся эти инструкции?

— Понятное дело, Пупс их сочиняет вместе со своими холуями, — проворчал Жмурик.

— Их в новостях дикторы читают, — добавил Тефтель.

— Нет, дикторы не инструкции, а установки читают, — поправил его Жмурик. — Чтобы власть уважали.

Ханаконда резко поднялся и прошелся по гостиной, звонко хрустя суставами длинных пальцев.

— Значит, говорите, — сказал он, — чтобы власть уважали?

Жмурик и Тефтель растерянно кивнули.

— Ну так вот: теперь я знаю, что делать.

Ханаконда снова уселся в кресло и резким движением открыл баночку лимонада. Отхлебнув глоток, он обвел своими мутными и страшными глазами всех присутствовавших.

— Пупсу хана, — сказал он. — И всем его министрам хана. Через неделю... Нет, с завтрашнего дня — новый порядок.

От этого голоса и взгляда у всех по спине забегали мурашки.

— Что вы еще такое придумали, шеф? — поинтересовался Тефтель.

Ханаконда резко смял опустевшую баночку и бросил в камин. Решительно поднялся, заходил по гостиной и заговорил:

— Прорвемся на телевидение. Дадим в эфир новые установки. Пупса нет, будто и не было, — на болото вместе с его министрами. Никаких вертолетов, никаких надзирателей, полная изоляция, пускай там сгниют заживо. Верховный Правитель — Ханаконда. Жмурик и Тефтель — главные министры. Хорёк — начальник полиции, Губошлёп — начальник юстиции. Вы трое — отвечаете за телебашню: муха не должна пролететь к передатчику. Как только башня с антенной будет в наших руках — Пупсу хана.

Это звучало убедительно.

Как из восьмерых участников банды трое хотели сдать своего главаря. Тайный агент Тихоня болтается в петле и кричит

Когда поздней ночью все наконец уснули, Мига и Крабс еще долго шептались, лежа в своих кроватях. Пока они жили на болоте, комары и боли в желудке не давали им ни на минуту спокойно сосредоточиться, и все это заметно отразилось на их психике и умственных способностях. Двое когда-то хитрых и ловких мошенников превратились в туповатых и безвольных ротозеев, способных только по-собачьи служить своему жестокому хозяину. Но вот нормальные условия жизни и качественное питание отчасти прояснили их сознание, и они сразу стали думать о том, как им наконец выбраться из этого ужасного водоворота ошибок, в который они попали однажды, явившись к Пупсу с предложением использования гипнотического порошка, и который затягивал их с каждым днем все глубже и глубже...

— Как ты думаешь, Мига, что будет, если нас опять поймают? — спросил Крабс.

— Теперь даже не знаю. Только скорее всего что на болото уже не отправят. Болото теперь для нас санаторий.

Крабс заворочался в кровати, закряхтел и заохал. Ему представился сырой подвал, кишащий пауками и крысами, и звенящие кандалы.

— Послушай, Мига, а что если нам отсюда сбежать, пока не поздно? На телецентр не пробьемся, схватят нас там, как пить дать схватят.

— А куда бежать, если наши рожи повсюду развешаны...

— А бороды наклеить? Уедем куда-нибудь в глушь, откроем свое дело...

— Где ж ты такую глушь найдешь? Коротышки везде живут. А чем глуше места, тем больше к новичкам присматриваются. На другой же день расколют, помяни мое слово, будь ты хоть в бороде, хоть в чешуе.

— Да, плохо дело. Знаешь, Мига, не на тех мы все-таки поставили. Зря мы тогда Бигля послушали, ой зря... Сам-то он сейчас на Пупса работает, большой, говорят, стал коротышка.

— А ты вообще-то знаешь, кем он работает?

— Нет, не знаю.

— Ну так держись, не упади с кровати. Он сейчас Тайный министр, по его приказу нас теперь и ловят.

— Да что ты говоришь! Не может быть!

— Вот тебе и не может быть... Слушай, Крабс! — Мига вдруг приподнялся на локте и зашептал возбужденно: — А если мы ему Ханаконду сдадим? Сбежим отсюда и позвоним ему по телефону. Вытащит нас Бигль, вот увидишь, вытащит, в обиду не даст!

Крабс разинул рот и сел на кровати. Оба тихонечко встали, оделись и на цыпочках вышли в коридор.

В кромешной тьме, шурша по стенкам руками, они добрались до кухни, где была дверь, ведущая на задний двор.

Задрав голову, как слепой, и вытянув руки вперед, Мига стал наугад, шаг за шагом, приближаться к двери. Вдруг он почувствовал, как кончики его пальцев уперлись в кончики пальцев другого коротышки. Полагая, что Крабс обогнал его и теперь кружит в темноте, Мига сделал еще шаг навстречу и ощупал лицо, которое показалось ему все-таки несколько меньше того лица, какое должно было быть у Крабса. В то же время руки коротышки быстро ощупали его собственное лицо.

— Полегче ты со своими лапами, — зашептал Мига, полагая, что это все-таки его приятель. — Поворачивай обратно.

— Не понял? — послышался голос Крабса у него за спиной.

Мига вскрикнул и отдернул руки. Незнакомец тоже вскрикнул и отдернул руки. Мига стремительно отскочил и налетел на пирамиду тазов и кастрюль, которые загремели по каменному полу так, что все грое едва не оглохли.

Началась бессмысленная беготня, возня и драка, во время которой каждый был за себя и каждый пытался найти выход, и они опрокинули и разбили все, что только можно было сдвинуть с места.

Когда вспыхнул свет и на пороге возникли перепуганные Хорёк и Губошлёп с ружьями на изготовку, им представилась следующая картина: Мига яростно душил за горло распластавшегося на полу Крабса, а еще один коротышка сидел в сторонке с медной кастрюлей, нахлобученной на голову до самых плеч. Хорёк осторожно к нему приблизился и дулом ружья постучал по железу. Коротышка зашевелился, стащил с себя кастрюлю и, щуря от света глаза, очумело посмотрел перед собой. Все узнали Тихоню, еще секунду назад он был без сознания.

Обидная накладка произошла из-за того, что хитрый и предусмотрительный Ханаконда перед тем, как лечь спать, сам осмотрел весь дом, проверил окна и повесил замок на заднюю дверь. Он не верил ни своим, ни чужим, и, как некоторые сумели убедиться, правильно делал. Появившись на кухне, Тихоня нащупал замок, понял, что выйти из дома ему не удастся, и двинулся обратно, выставив в темноте перед собой руки. В этот самый момент ему навстречу двигались двое других известных нам участников событий. А что было дальше, мы уже знаем.

Всех троих привязали к стульям и учинили им жестокий допрос.

Подозреваемые в измене объясняли свое поведение по-разному, и все одинаково неубедительно. Тихоня, например, утверждал, что он вышел на кухню, чтобы попить водички, но тут его неожиданно ударили сзади по голове. На вопрос, почему он был полностью одет и почему не включил на кухне свет, а предпочитал шарить в темноте, Тихоня не смог дать вразумительного ответа.

Мига заявил, что они с Крабсом вышли потому, что услышали, как там кто-то ходит. Предположив, что в дом забрались воры, они без колебаний отправились схватить их с поличным. На аналогичный вопрос по поводу одежды Мига и Крабс ответа не дали, но много плакали и жаловались на свою несчастную участь.

Не поверив ни единому слову, Ханаконда велел стеречь всех троих до утра. «А потом мы решим, что с ними делать», — прибавил он многозначительно.

Однако утром оказалось не до того: выяснилось, что «чистые», награбленные еще в Клушке продукты закончились и необходимо было срочно пополнить запасы.

Второй налет на спецраспределитель шеф поручил Тефтелю, Хорьку и Губошлёпу. Вскоре они вернулись гордые и довольные, сгибаясь под тяжестью набитых сумок. Преступников все еще искали в районе Клушки, поэтому охрана распределителя оказалась не на высоте.

— Все-таки это плохо, что мы себя раскрыли, — сказал Ханаконда за завтраком. — Теперь придется действовать еще быстрее.

— Мы были в масках, шеф, — заметил Губошлёп. — Нас признать никак не могли.

— Не болтай чепухи, Губошлёп. Сейчас в стране нет других преступлений, кроме тех, которые со-

вершаем мы. Телевидение захватим ближайшей ночью.

На своем стуле замычал и заерзал связанный Тихоня. Хорёк подошел к нему и выдернул скомканную тряпку изо рта. Отплевываясь и с трудом ворочая онемевшим языком, Тихоня сказал:

— Вы идиоты, впятером вам не справиться. Полицейских там пруд пруди. Лучше развяжите меня, и поговорим спокойно. Или дайте по крайней мере пожрать.

— Дайте ему, — приказал Ханаконда. — Нет, нет, не этого. Купите чего-нибудь у сторожа. Под действием порошка коротышка не может говорить неправду, не так ли? А когда вы позавтракаете, мы и поговорим с вами начистоту, господин Тихоня, или как вас там еще...

Губошлёп сбегал к сторожу и вернулся с намазанным маслом куском булки. Ханаконда протянул этот кусок связанному:

— Ешьте, господин умник, ведь вы сами этого хотели. Или вы все-таки нас обманываете?

— Хорошо. Развяжите мне руки.

Шеф кивнул Хорьку, тот зашел за спинку стула и ослабил веревки, оставаясь наготове. Тихоня высвободил руки и взял бутерброд. Искоса оглянулся, поднес бутерброд ко рту... но неожиданно, вместо того чтобы откусить, пришлепнул его к лицу Хорька. У того немедленно залепило глаза сливочным маслом.

Тихоня ударил ногой в живот стоявшего ближе других Ханаконду, швырнул стул в застекленное окно и прыгнул «рыбкой» следом за стулом. Все было проделано столь молниеносно, что брызги разбитого стекла еще висели в воздухе.

Никто даже не успел опомниться. Но одновременно случилось нелепое и ужасное: правая нога тайного агента зацепилась за шнурок портьер, и он, беспомощно повиснув, забарахтался вниз головой над клумбами.

На звук разбитого стекла выбежал сторож, и Тихоня начал кричать ему:

— Бегите в полицию! Они здесь, здесь! Банда Ханаконды здесь! Они хотят захватить телевидение! Что же ты стоишь, беги в полицию!..

Сторож сделал нерешительное движение в сторону ворот, потом обратно. Внутри его происходила мучительная борьба между здравым смыслом и полученными от хозяина инструкциями.

— Взять сторожа, быстро, — приказал Ханаконда, скрючившийся в три погибели от удара ногой. — Обоих в подвал.

Напоследок Тефтель ударил сторожа и Тихоню по голове резиновой дубинкой, и оба потеряли сознание.

Тайный министр почти готов признать свою некомпетентность. Министр Связи и пропаганды отправляется в Научный городок, где ему представляется возможность вступить в тайное общество

— Говорите, Бигль, говорите, — мягко, но настойчиво предложил Пупс, прохаживаясь взад-вперед по кабинету. — На этот раз вы будете говорить, а я буду слушать. Сидеть! — прикрикнул он на Тайного министра, который сделал попытку подняться с кресла, в которое Пупс усадил его насильно.

— Похоже, что они уже здесь, в Давилоне, ваше сиятельство. Последние двое суток мы прочесывали пригороды Клушки, бросили туда все силы...

— Похвальное усердие, господин Бигль, особенно если учесть, что интересующая нас компания пре-

спокойно села в самолет и вылетела в Давилон, не правда ли?

— Увы, это так. В списках пассажиров вчерашнего дневного рейса восемь вымышленных имен. Это они, ваше сиятельство. Мы никак не ожидали от них такой дерзости.

— Чего же вы от них ожидали? Слез и раскаяния?

— Мы предполагали, что они на время где-нибудь затаятся. Совершенно непонятно, почему они пошли на такой риск, приехав сюда.

— А я думаю, на это все-таки были причины?

— Я не решаюсь сказать вашему сиятельству... Возможно, они... возможно...

— Говорите!

— Возможно, они хотят расправиться с вами, ваше сиятельство?..

Пупс вздрогнул:

— Вы так полагаете? Что же, в таком случае я прикажу удвоить, нет, утроить мою личную охрану. Но может быть, для большей уверенности заменить также и нерадивого Тайного министра?

— Я целиком во власти вашего сиятельства.

— Я над этим подумаю. Идите работайте. И докладывайте мне о своих действиях через каждые два часа, понятно? Все, пригласите сюда министра Связи и Пропаганды, он дожидается в приемной.

Бигль вскочил с кресла, поклонился и поспешно вышел.

Пупс уселся на его место, спиной к дверям, так чтобы его не было видно. Будучи довольно-таки яркой личностью, он питал слабость к театральным эффектам.

Болтик появился в кабинете и стал недоуменно оглядываться по сторонам, не понимая, куда мог подеваться хозяин.

— Беда не приходит одна, — раздался вдруг страшный голос ниоткуда, кресло резко развернулось, и Пупс вскочил на ноги. — Прошу вас, присаживайтесь, господин Болтик, — пропел он уже своим нормальным сладким голосом.

— С вашего позволения я постою, ваше сиятельство.

— Хорошо, как вам угодно. Итак, беда не приходит одна: локаторы показывают, что на поверхности Луны совершили посадку две ракеты.

— Именно так, ваше сиятельство. Ракеты с Большой Земли; их начали отслеживать еще с половины пути.

— Как вы думаете, зачем они здесь?

— Возможно, просто визит вежливости?

— А если не так? А если они все знают?

— Как можно, ваше сиятельство, как они могут знать?

Пупс вынул из ящика стола бумагу:

— Вот объяснения господина Жулио о его последнем телефонном разговоре с Козликом, нашим коротышкой, осуществившим диверсию на ракете «Космических поставок». Этот Козлик ни с того ни с сего вдруг взбеленился и отказался с нами сотрудничать. Наверняка он сидел там, возле радиостанции, не сложа руки. Кажется, в прошлом этот Козлик был связан с земными коротышками?

— Возможно, это так. Но господин Жулио не подчиняется моему ведомству, будет лучше, если этим делом займется господин Бигль.

— Речь идет не о *ВАШЕМ* ведомстве, господин министр Связи, а о спасении *НАШЕГО* государства. Или вы специально хотите меня разозлить?

— Простите, я все понял. Я уже думал об этом деле, и если ваше сиятельство позволит мне высказать свое мнение...

— Позволяю.

— Допустим, что это не простой визит вежливости, а нечто вроде межпланетной инспекции с целью грубого вмешательства в наши внутренние дела.

Пупс удовлетворенно кивнул: министр Пропаганды, как всегда, великолепно выбирал выражения, придавая словам желательный оттенок.

— Что же, — продолжал Болтик, — в таком случае мы проявим все возможное гостеприимство. Мы предоставим землянам лучшие апартаменты, прислугу и... наши лучшие угощения, — закончил Болтик свою мысль, интонационно выделив последние три слова.

— Ага! — воскликнул Пупс. — Я, кажется, вас понимаю!

— *ЗА ЕДОЙ* мы расскажем дорогим гостям о прекрасной жизни на нашей планете, мы проведем их по улицам, и они смогут сами расспросить наших граждан обо всем, и наши граждане с удовольствием поведают гостям о своей счастливой жизни. И земляне отправятся к себе домой, унося теплые воспоминания о нашем гостеприимном и счастливом народе.

— Браво, господин Болтик. Вы — профессионал высокого класса. Но если они потребуют личной встречи с этим Козликом?

— Хм... Надо полагать, что господин Козлик тоже вполне осчастливлен нашими продуктами...

— А это надо еще проверить, господин Болтик, надо проверить. Займитесь этим лично, найдите этого коротышку.

— Но, ваше сиятельство, такие дела по ведомству господина Бигля...

— Опять вы про ведомства! Господин Бигль озабочен сейчас ничуть не менее важными делами. И если я прошу именно вас взяться за это дело, значит, имею на то веские причины.

— Простите, ваше сиятельство.

— Идите и работайте.

Болтик сдержанно кивнул и вышел.

— Гордец, но дело свое знает, — проворчал Пупс. — Если бы все министры так решали мои проблемы, цены бы не было моим министрам...

Сбежав по ступенькам дворца, Болтик уселся в сверхдлинный автомобиль и на минуту задумался.

— Прикажете ехать в офис, господин министр? — спросил через переговорное устройство шофер, отделенный от салона пуленепробиваемым стеклом.

— Нет, — ответил Болтик, мгновенно принявший решение. — В Научный городок.

Шофер повернул к нему голову в удивлении:

— Вы один, без охраны?

— Да, один.

При этом Болтик прекрасно знал, что, хочет он того или нет, агенты секретной полиции невидимо следуют за ним повсюду, куда бы он ни направлялся. Это была обычная, установленная Биглем практика охраны высших чинов. «Было время, когда я ездил туда и без шофера», — сказал про себя министр, с улыбкой вспоминая о своих приключениях на карнизе.

За истекший месяц Болтик сильно переменился. Он уже не был похож на того вездесущего репортера, каким мы застали его в первой части нашего повествования. Теперь он должен был соответствовать своему высокому посту как своими манерами, так и внешним видом. Хотя в глубине души он, конечно, остался все таким же смельчаком и искателем приключений, каким был и прежде. Все, что происходило вокруг него, было ужасно и нелепо, он постоянно думал об этом, но не находил способа переменить все решительным образом.

Болтик решил начать поиски Козлика с Научного городка, потому что там находился центр подготовки

космических строителей. Туда могли вернуться спрыгнувшие с внешней оболочки и пропавшие бесследно Козлик, Квантик и обер-атаман Пшигль.

«Если они вообще вернулись», — подумал про себя Болтик. Ведь эти трое могли дождаться помощи с Большой Земли, и в этом случае положение бы серьезно осложнилось: задурить мозги землянам было бы уже значительно труднее.

Все остальные космические строители, за исключением пропавшего без вести Росомахи, давно уже вернулись к нормальной жизни и трудились на своих рабочих местах. Росомаха же пропал еще до начала первого распыления порошка и потому мог успеть поменять имя и раствориться среди населения какого-нибудь крупного города...

Болтика вывели из задумчивости показавшиеся впереди знакомые ворота и ограда Научного городка. Его цепкий взгляд выхватил неприметную камеру слежения, которой раньше здесь не было.

«Это еще что за предосторожности? — подумал он. — Следует быть здесь повнимательнее...»

Машина затормозила у обшарпанной колоннады главного входа, и по ступенькам к нему навстречу заспешили, обгоняя друг друга, профессор Альфа и академик Мемега. Поодаль, вытянувшись по стойке «смирно» и держа метлу, как часовой свое боевое оружие, стоял вредный дворник.

— Какая честь для нас, господин министр, какая честь! — суетились ученые.

Болтик подошел к дворнику:

— Помнишь меня?

Губы дворника растянулись в мучительной гримасе, его по-рыбьи выпученные глаза никуда не смотрели.

— Признать не смею, ваше благородие, — просипел он с натугой.

Болтику захотелось сказать дворнику что-нибудь страшное, но он сдержался и промолчал.

Альфа и Мемега проводили министра в кабинет, усадили в кресло, а сами встали перед ним в угодливых позах, на манер официантов. Болтику показалось, что в этой своей преувеличенной угодливости они переигрывают.

«Надо их проверить, — подумал он. — Сдается мне, что все это притворство и никакие они не загипнотизированные».

— Присаживайтесь, — сказал он. — Не смущайтесь, прикажите подать чего-нибудь, проведем время по-приятельски. Это не более чем дружеская встреча, не будет никаких проверок.

Альфа и Мемега быстро и тревожно переглянулись. Болтик заметил этот взгляд и еще больше укрепился в своих подозрениях.

— Так что же, у вас не найдется для меня чашечки кофе?

Ученые опомнились и крикнули секретарщу.

Когда подали кофе и засахаренные орешки, Болтик взял свою чашку, поднес к губам и поднял глаза на ученых. Те сидели ни к чему не прикасаясь.

— Что же вы, господа? Разве все эти угощения вам не по вкусу? Эй, дамочка!

В кабинет заглянула перепуганная секретарша.

— А что, дорогая, разве эти господа не пьют кофе за работой?

Секретарша огорченно всплеснула руками:

— Так ведь они уже неделю отказываются, прямо-таки не знаю, чем это я им не угодила... Моду завели кушать из космических тюбиков — без супа, без горячего! Ничего есть не хотят, будто я им отраву предлагаю...

— Что вы такое несете! — крикнул Альфа. — Какая отрава! У нас разгрузочные дни, диета...

— Вот видите, дорогая, — улыбнулся Болтик. — Вот все и разъяснилось. Господа ученые всего-навсего заботятся о своем здоровье. А кофе у вас навер-

няка очень вкусный; простите, что я не имел возможности этого оценить. Знаете, я ведь тоже забочусь о своем здоровье. Собственно, вот и все. Засим позвольте откланяться, было очень приятно с вами побеседовать.

Болтик поднялся и направился к дверям. Ученые смотрели на него обалдело.

— Да! — хлопнул себя по лбу министр. — Совсем забыл. Зачем я приезжал. У вас ведь здесь проходили ускоренную подготовку космические строители?

Альфа и Мемега неуверенно кивнули.

— Скажите, господа, а не встречались ли вы с кем-нибудь из них уже потом, после возвращения?

— Нет, господин министр, — упавшим голосом, но твердо сказал Мемега. — К сожалению, ничем не можем вам помочь.

— Что ж, я так и думал. До свидания, простите за беспокойство. Желаю вам успехов в научной работе.

Болтик направился к выходу, и, ободренные этим обстоятельством, ученые снова с преувеличенной угодливостью засуетились вокруг него:

— Просим снова... будем счастливы... всем чем можем... По мере сил... Способствовать...

Когда автомобиль выехал за ворота, Болтик приказал шоферу свернуть на проселочную дорогу. Оба вышли на усыпанный сосновыми иголками мягкий сырой грунт. Было самое холодное время года, противно моросил дождь, и от дыхания шел пар.

— Раздевайся, — сказал Болтик.

Не задавая лишних вопросов, шофер скинул с себя кожаную куртку, кеды и джинсы. Под мышкой у него болталась кобура с револьвером. Краем глаза министр видел прячущихся за деревьями коротышек из секретной полиции, которые его охраняли. Он делал вид, что их не замечает.

Болтик пустил шофера в министерский салон автомобиля, а сам быстро переоделся и пешком направился обратно, в сторону ограды Научного городка.

Нащупав плохо приколоченную доску, он расшатал ржавые гвозди и юркнул в образовавшуюся щель. Крадучись между деревьев, приблизился к главному входу и, перебегая от колонны к колонне, незамеченным прошел в здание.

В коридорах было пусто. В приемной секретарша стояла у раковины и мыла посуду. Болтик прошел мимо нее на цыпочках.

Как он и предполагал, в кабинете никого не было.

Министр прикрыл за собою дверь, подсел к письменному столу и начал выдвигать ящики. Но вдруг в приемной послышались голоса. Беспомощно оглядевшись, Болтик в последний момент успел юркнуть за оконную штору.

Двери растворились, и в кабинет вошли несколько коротышек.

— А я вам говорю, что он обо всем догадался! — восклицал Мемега.

— Говорите тише, за дверями секретарша, — предупредил кто-то.

— Не беспокойтесь, господин Квантик, она такая же чушка, как и наш дворник. Необходимо немедленно всё сворачивать, всё! Я не удивлюсь, если уже через час здесь будут полицейские.

— Куда же вы предлагаете переместить штаб Союза, господин ученый? — раздался надтреснутый хрипотцой голос военного.

— Ах, говорите тише, господин обер-атаман! — зашипел Мемега. — Вас слышно на улице! А что если вокруг уже шныряют его шпионы?

Все замолчали, прислушиваясь. Болтик подумал, что вокруг действительно шныряют коротышки из его охраны. За пыльной шторой ему нестерпимо за-

хотелось чихнуть, и он чуть не до крови прикусил губу.

— Как обидно, — произнес еще один коротышка. — Застукали, можно сказать, в самый решающий момент, когда наши друзья с Большой Земли уже прилетели на помощь.

— А вы полагаете, Козлик, что земляне могут у нас что-то существенно изменить? — скептически заметил Альфа. — Как бы их самих не накачали здесь гипнотическим порошком.

«Прекрасно, — сказал сам себе Болтик. — Собралась вся интересующая меня компания. И они определенно что-то замышляют против Правителя. Осталось решить: на чьей же стороне я сам?..»

— Да, я верю, что они смогут нам помочь, — убежденно заявил Козлик. — И если бы не глушилки, мы уже смогли бы предупредить наших друзей об опасности, которая их здесь поджидает.

— Я согласен с Козликом, — сказал Квантик. — Ракеты землян абсолютно неуязвимы. Узурпатор не сможет и дальше спокойно травить коротышек, если у него над головой будут висеть корабли с межпланетными наблюдателями. Я уверен, что земляне быстро найдут способ положить конец этому чудовищному преступлению.

— Даже если земляне сами попадут в ловушку, свобода не за горами, — сказал Козлик. — Все больше коротышек вступает в Союз вольномыслия, и на нашу сторону переходят неприкасаемые — чиновники, капиталисты, полицейские и даже министры. Да-да! Один министр и почти все капиталисты из большого бредлама на нашей стороне.

Болтик едва устоял на ногах: минуту назад он даже не представлял, что дело могло зайти так далеко.

— Ладно, хватит болтать, — сказал Пшигль — Если этот министр приезжал сюда шпионить, пора

сматывать удочки. Все документы и списки надо уничтожить или быстро увезти отсюда. У кого есть предложения на предмет нового места дислокации штаба Союза?

— В этом нет необходимости, — послышался вдруг чей-то голос, и из-за шторы выступил сам министр Связи и Пропаганды его сиятельства Верховного Правителя.

— Господа, — сказал он опешившим заговорщикам, — я с вами.

В кабинете будто гром грянул.

— Да-да, — подтвердил министр. — Это не шутка и это не провокация. Вы сейчас же можете занести в списки Союза еще одного высокопоставленного коротышку. Надеюсь, что смогу быть вам полезен.

Никто не смел произнести ни звука.

— Господа, — продолжал Болтик, заметив в лицах коротышек замешательство и недоверие, — господа, месяц назад я стал соучастником ужасного преступления против собственного народа, и с тех пор не было ни минуты в моей жизни, чтобы я не раскаивался в содеянном. Поверьте, я говорю искренне.

Все смотрели на Болтика, а он переводил взгляд с одного на другого.

— Я ему не верю, — заявил Пшигль. — Это просто уловка, чтобы задержать нас и взять с поличным. Он слышал, что мы собираемся уничтожить списки, и теперь оттягивает время до приезда полиции. Надо связать его и уходить.

— Мне не нужно дожидаться полиции, — сказал Болтик и отдернул штору. — Смотрите.

Заговорщики погасили свет и приблизились к окну. За деревьями, методично окружая дом, перебегали коротышки из охраны министра.

— Стоит мне запустить этой чернильницей в стекло, и сюда ворвутся два десятка агентов секретной полиции. — Болтик взял в руку мраморную чернильницу со стола.

— И это тоже уловка, — продолжал настаивать Пшигль. — Сожгите документы сейчас же.

— А я почему-то ему верю, — возразил Квантик. — Он нравился мне еще тогда, когда работал репортером.

— В таком случае нам остается только проголосовать, — сказал Альфа. — Кто за этого господина?

Руки подняли Козлик и Квантик.

— Кто против?

Руки подняли Пшигль и Мемега.

— Хм, — сказал Альфа, — выходит, поровну.

— А вы-то сами как голосуете, господин Альфа? — напомнил ему Козлик.

— Я? Правда, ведь я тоже должен проголосовать. Пожалуй, я... — Альфа пристально посмотрел на Болтика. — Пожалуй, я «за».

Вечером того же дня Пупс выслушал по телефону два доклада от своих министров. В первом Бигль докладывал о том, что в деле по розыску банды Ханаконды нет ни малейших сдвигов. Во втором Болтик сообщал, что никаких следов Козлика пока не удалось обнаружить, но он не теряет надежды и продолжает активные поиски.

Молча повесив трубку и машинально включив телевизор, Пупс в полном отупении выслушал ежевечернюю нравоучительную установку о необходимости безграничной любви и преданности по отношению к Верховному Правителю. Опомнившись, он вырвал штепсель из розетки, хватил об пол дорогую фарфоровую вазу и, гневно сопя носом, залез с головою под одеяло.

Как профессор Злючкин и академик Ярило перенесли внезапный удар судьбы и как они приспособились к новой жизни

Провалившись в расщелину и падая камнем в пелену облаков, Незнайка и Пончик не растерялись, а сразу дернули за кольца своих парашютов, поэтому через минуту их падение превратилось в спокойное и даже приятное парение над густыми ватными облаками

Ярило и Злючкин, для которых все было в новинку, напротив, пришли в полнейшее смятение и еще долго падали, вцепившись друг в друга и набирая скорость. При этом Злючкин для чего-то пытался подмять академика под себя.

— Да пустите же наконец, идиот! — зарычал Ярило, понимая, что вот-вот будет поздно. — Кольцо! Нужно дергать за кольцо!!

Тут и Злючкин сообразил, что дело принимает нешуточный оборот; оба разлетелись в стороны и раскрыли парашюты. И вовремя: внизу уже отчетливо вырисовывались пожелтевшие деревья, черные квадратики огородов, редкие кирпичные постройки и пересекающая всю местность ниточка железной дороги.

Приземлившись на краю полотна, оба кубарем скатились по насыпи и шлепнулись в наполненную дождевой водой канаву. Они были настолько потрясены случившимся, что еще довольно долго молчали, бессмысленно вертя головами. Стекла скафандров давали приличный обзор во все стороны.

Наверху прогремел железнодорожный состав, в окнах которого замелькали удивленные лица пассажиров, которые не могли взять в толк, почему водолазные работы проводятся здесь в грязной канаве.

Увидев нормальный поезд и нормальных коротышек, ученые решили все-таки выбраться из канавы и оглядеться.

— Слушайте, — сказал Злючкин через переговорное устройство, — а вам не показалось, что вслед за нами падали еще какие-то коротышки?

— Нет, не показалось, — ответил Ярило довольно-таки неприязненно. — И как у вас вообще хватает наглости разговаривать со мной после того, что случилось?

Они выползли на шпалы, поднялись на ноги и огляделись. Кругом простиралась голая болотистая местность, украшенная редкими облезлыми кустами. Далеко, у самого горизонта, темнела узенькая полоска леса. Вяло переругиваясь, товарищи по несчастью побрели по шпалам, рассчитывая в конце концов выйти к какому-нибудь населенному пункту.

Постепенно запасы воздуха в баллонах начали иссякать, циркуляция его внутри скафандров нарушилась. Обливаясь потом, бедняги едва волочили ноги.

— Послушайте, — не вытерпел Злючкин, — нужно снять скафандры. Когда там они еще за нами прилетят!

Ярило шумно и тяжело дышал, но молчал.

— Только не надо строить из себя героя, — продолжал Злючкин. — Вы прекрасно понимаете, что с минуты на минуту дышать будет нечем.

— Слушайте, вы!.. — прорвало наконец Ярилу. — В какое положение вы нас поставили! Мы даже не знаем, можно ли дышать окружающей атмосферой; мы оказались здесь, в зоне риска, не успев даже взять пробы воздуха!

— Ну что воздух? — замямлил Злючкин. — Воздух — он везде воздух...

— Да вы просто... невежда! Мы еще не знаем, каким именно образом происходит гипнотическое воздействие на здешних коротышек — через воздух

или через какие-нибудь невидимые для глаза излучения! Снимайте первым, если хотите.

— Почему это я первым? Снимать придется обоим, иначе задохнемся. Давайте посчитаемся по-честному.

После недолгих препирательств Злючкин все-таки начал считалку (от пережитых потрясений у него даже на время исправилась дикция), но в самом конце вдруг остановился, сказал «извините» и тут же начал другую.

— Эй, погодите, — возмутился Ярило. — Почему вы не закончили? По считалке выходило, что вам снимать первому.

— Нет, та считалка неправильная, — возразил Злючкин. — К тому же я забыл ее конец.

— Ее конец — «все равно тебе водить»!

Ярило так разволновался, что действительно стал задыхаться. Он беспомощно замахал руками, широко раскрыл рот и побледнел. Понимая, что другого выхода нет, он набрал на запястье личный код разгерметизации и сбросил с себя скафандр.

Отступив назад, Злючкин смотрел на него с интересом.

Ярило отдышался, столкнул скафандр с насыпи и зашагал по шпалам не оборачиваясь.

— Погодите, я с вами! — закричал Злючкин.

Он тоже торопливо сбросил свой скафандр, догнал своего оппонента и зашагал рядом.

Через час или два вдалеке показалась платформа какой-то станции. Не глядя друг на друга, путники ускорили шаг и вскоре смогли прочесть название поселка: Лисий Нос. Они зашли в помещение вокзала и огляделись. На деревянных лавочках дожидались поезда несколько коротышек, кассирша скучала за окошечком билетной кассы, буфетчик отгонял газетой мух от подноса с бутербродами.

Товарищи по несчастью почувствовали, что зверски проголодались. Буфетчик же, заметив прилично одетых клиентов, начал махать газетой с удвоенной энергией.

И Ярило, и Злючкин довольно основательно готовились к полету, они внимательно проштудировали книгу, написанную Знайкой об экономике подлунного мира. Они знали, что такое деньги, откуда они берутся и как участвуют во взаиморасчетах. Поэтому они повели себя крайне осторожно и даже хитро.

Приблизившись к прилавку, Ярило похлопал себя по карманам и сказал:

— Ах, какая досада! Я забыл дома свои деньги. Коллега, у вас есть с собой деньги?

Злючкин тоже похлопал себя по карманам и развел руками:

— Кажется, я тоже забыл свои деньги.

Буфетчик перестал махать газетой и покосился на видневшегося через окно прогуливавшегося по перрону полицейского. Воспользовавшись моментом, мухи сразу облепили бутерброды с подсохшим сыром.

— Дорогой друг! — обратился Ярило к буфетчику. — Не могли бы вы дать нам немного денег в обмен на какую-либо услугу с нашей стороны?

— Услугу? — повторил тот, недоверчиво разглядывая строгие, но слегка помятые костюмы посетителей. — Услуг мне не надо, у меня есть только грязная работа.

— Ничего, ничего, — мягко согласился Ярило, довольный тем, что сразу сумел договориться. — Мы готовы выполнить вашу грязную работу.

— Если приберетесь на заднем дворе, получите по фертингу.

Переглянувшись, Злючкин и Ярило согласно закивали.

Аккуратно сложив в сторонке пиджаки, долго и сосредоточенно они сгребали с земли гнилые капустные

листья и картофельную шелуху. Загрузив все в мусорный контейнер, они позвали хозяина. Тот одобрил работу и, как обещал, вручил им по круглому увесистому металлическому фертингу.

Повертев монету в руках, Ярило обратился к хозяину:

— Простите, а не могли бы вы обменять нам эти деньги на какие-нибудь продукты питания?

Давно уже сообразивший, что имеет дело со свихнувшимися чудаками учеными, возвращавшимися со своих дач, буфетчик охотно согласился их накормить, вернув тем самым назад свои денежки.

Выставив на один из столиков весь залежалый товар, он с удовольствием наблюдал, как эти коротышки с жадностью поглощают салаты и бутерброды, которые он в конце дня собирался вытряхнуть на помойку.

Запив еду вчерашним чаем и степенно поблагодарив хозяина, клиенты поднялись и вышли на свежий воздух. Теперь им предстояло обсудить свои дальнейшие действия. Они расстегнули нижние пуговицы пиджаков и уселись на одну из расставленных вдоль перрона скамеек. Злючкину отчего-то нестерпимо захотелось излить душу своему оппоненту. Он вдруг вспомнил, как нарочно опрокинул чернильницу на столе академика Ярилы, зайдя к нему в кабинет и не застав его на месте.

— А знаете, коллега, — сказал он, всхлипнув и утерев глаза платочком, — я ведь всегда вас недолюбливал. Чего уж лукавить, я вам просто завидовал, вот и все! И чего только я не делал, чтобы помешать вашей выдающейся научной работе, чтобы высмеять и принизить ваш талант в глазах общественности! Я мошенничал, я клеветал на вас!..

Злючкин разрыдался и упал на грудь Ярилы.

— Успокойтесь, дорогой друг, — сказал тот с надрывом. — Я тоже виноват перед вами и еще многими коротышками. Я тормозил смелые и талантливые про-

екты моих учеников, я малодушно ревновал к их способностям. А однажды я просто-напросто выдал за свою идею одной из моих студенток. Ах, как стыдно, как стыдно!..

Возле двух прилично одетых, плачущих навзрыд коротышек остановился полицейский.

— Старший сержант Тигль, — представился он, отдавая честь. — Могу ли я быть вам чем-нибудь полезен?

Обыкновенные полицейские не принадлежали к касте неприкасаемых, поэтому несли свою службу образцово, в полном согласии с духом и буквой закона. Делать им это было тем более просто, что ни один коротышка, находившийся под влиянием порошка, не мог солгать даже при сильном желании.

— Не знаем, — плача, ответили коротышки совершенную правду.

— А где вы работаете, хотя бы знаете? — поинтересовался Тигль, действуя согласно инструкции.

Ярило и Злючкин закивали головами:

— Да, это мы, конечно, знаем: мы работаем в Академии наук.

И это было абсолютной правдой.

— Почему же вы плачете?

— Мы не знаем, куда нам идти.

— Заблудились вы, что ли?

— Да, за-аблудились. Потерялись, и во-обще.

— Ладно, не плачьте, сейчас поправим дело, ободрил их полицейский.

Он вызвал по рации патрульную машину и велел отвезти заблудившихся профессора с академиком прямо в Академию наук города Хрумстика, в пригороде которого находилась станция Лисий Нос.

Декан Академии принял ученых в своем кабинете и выслушал их с живым интересом: в штатном

расписании не хватало многих преподавателей. Ярило и Злючкин рассказали о своих последних научных работах в Академии наук Солнечного города; было видно, что они прекрасно знают астрономию, математику и физику; несомненно, их знания соответствовали заявленным ими научным степеням и званиям.

Правда, к своему стыду, декан никак не мог припомнить, где находится город с таким названием, но в конце концов он решил, что это какой-нибудь засекреченный объект, сотрудников которого распустили после прекращения программы «Космические поставки». Он закончил расспросы и с удовольствием зачислил в штат новых преподавателей. Ярило получил методическое пособие для преподавания астрономии, Злючкин — для преподавания математики. Они также получили в кассе приличный аванс и заняли удобные номера в гостинице.

В первый же вечер, после сытного ужина, они внимательно прослушали все ежевечерние установки по телевидению, и после этого их земное прошлое стало надежно затягиваться пеленой сладкого гипнотического тумана...

Как образцовый дворник Фикс сначала напрягся и замер, но уже в следующую секунду расслабился и обмяк. 189 шагов в пару. Тайный министр Бигль появляется из-за кустов

Тихоня очнулся в полутемном подвале, заваленном оставшейся после строительства дома рухлядью. Свет едва проникал сюда через маленькое зарешеченное оконце, было довольно тепло, и воняло сыростью. Голова у него сильно болела от удара резиновой

дубинкой, в глазах слегка двоилось. Рядом лежал все еще находившийся без сознания дворник.

— Эй, очнитесь, — толкнул его Тихоня и похлопал по щекам.

Дворник очнулся, ничего не понял и стал удивленно озираться по сторонам.

— Не пугайтесь, пока еще все не так плохо. Ваш хозяин запер нас в подвале.

Дворник перестал хлопать глазами, его сознание постепенно прояснилось.

— Вы — гость господина Енота, — сказал он наконец.

— Никакой он не Енот, — внес ясность Тихоня. — Это беглый преступник Ханаконда, его розыск сейчас объявлен по всей стране. В вашей хибаре хотя бы есть телевизор?

— Телевизора нет, — признался дворник. — Есть радио, да только по радио не разглядишь, какой он из себя, этот Аллигатор...

— Не Аллигатор, а Ханаконда.

— Вот-вот. Говорили, что их сбежало всего восемь коротышек, а в доме было... Как раз и было восемь... вместе с вами.

Для того чтобы сразу устранить все возможные недоразумения, Тихоня поднялся на ноги и официально представился:

— Агент секретной полиции старший лейтенант Ригль. По заданию правительства внедрен в банду Ханаконды накануне его побега из места содержания.

Дворник тоже поспешно вскочил на ноги, вытянулся и отрапортовал:

— Дворник Фикс, нанят через бюро обслуживания неким господином Енотом около двух месяцев тому назад присматривать за домом. Во славу и здравие его сиятельства господина Верховного Правителя готов немедленно поступить в ваше распоряжение, господин старший лейтенант!

— Хорошо, хорошо, вольно, — осадил его Тихоня, а вернее, Ригль. – Пока что мы оба пленники, и это полностью уравнивает в чинах и заслугах. Будем знакомы.

Оба сердечно пожали друг другу руки.

— Когда вы ели в последний раз? — поинтересовался Ригль.

Фикс задумался, почесывая шишку на голове:

— Да почитай, я со вчерашнего дня ничего не ел. Только собирался завтракать, новый бутерброд себе такой приличный соорудил из двух половинок булки, уже и ко рту поднес, как в доме этот шум начался. Ну подобрал я слюнки да и выскочил во двор. А что дальше было, вы сами знаете, господин лейтенант.

— Без чинов, Фикс, без чинов. А когда ты воду пил в последний раз или чай, лимонад...

— Лимонаду я вообще не пью, баловство одно. А воду для чая я дождевую кипячу, она помягче. У меня под крышей специальная бочка для этого поставлена. Заварка получается совсем другая, не то что из водопроводной.

— Слушайте, Фикс, да вы просто молодчина! Знаете, вдвоем мы обязательно что-нибудь придумаем и выберемся отсюда.

Дворник удивился и смутился, не понимая, чего может быть хорошего в том, что он не успел позавтракать. Он даже с опаской посмотрел на окошко, прикидывая, не собирается ли полицейский пропихивать его между прутьями решетки.

— А чего делать-то надо? — спросил он, заметно обеспокоенный.

— Ничего не делайте, Фикс. Просто сидите и ждите. Скоро вы сами все почувствуете.

— Что ж, это можно, дело нехитрое, — согласился дворник и притих, а Ригль стал методично осматривать, простукивать и ощупывать стены и содержи-

мое подвала, надеясь отыскать здесь какое-либо уязвимое место.

Прошло не более получаса, и дворник вдруг почувствовал, как пальцы его ног свела легкая судорога. Горячей волной пробежала она по ногам и по животу, руки непроизвольно задергались. Напряглась шея, и ходуном заходила голова. «Бэ-бэ-бэ, мэ-мэ-мэ!» — забормотал дворник, выпучив глаза. Затем он вдруг напрягся всем телом, замер, но уже в следующую секунду выдохнул, расслабился и обмяк. Его побледневшее лицо покрылось каплями пота.

Ригль с интересом и волнением следил за этой реакцией. Подобное он однажды испытал сам, когда его посвящали в касту неприкасаемых. Но тогда он отходил от действия порошка не естественным образом, а при помощи быстродействующей нейтрализующей таблетки.

— Как самочувствие? — поинтересовался он, заглядывая дворнику в глаза.

— Спасибо, господин Ригль, сейчас уже хорошо.

— Что вы чувствуете?

— Чувствую шишку на голове. Если бы не вы, не этот подвал и не шишка, я бы решил, что весь последний месяц была не жизнь, а какой-то дурацкий сон.

— Ладно, ладно, вы полегче. Это не сон, это жизнь. Когда-нибудь вы все узнаете и поймете.

— Да уж ладно, я не из любопытных. По мне, так все равно, при какой власти работать, дворники при любой власти в почете. Их сиятельства появляются и исчезают, а хороших дворников раз-два и обчелся.

— Это ты правильно заметил, Фикс. Если коротышка свое дело знает, его любая власть будет уважать. Ты раньше-то где работал?

— У господина Клопса, на Большой Собачьей улице. Ох и злой же был хозяин. И у меня тоже из-за

него характер испортился. Потом, когда смута началась, он все свое состояние потерял, все подчистую — и дом, и сад, и огород... Теперь, кажется, работает в полиции, на патрульной машине. А я нанялся к одной дамочке, «новой богачке». Ох и насмотрелся же я там безобразий! То она требует, чтобы привезли ей полный грузовик молока и вылили все из бутылок в бассейн. Она там поплескается, да и сольет все в трубу, в канализацию, — ни себе, ни другим. То она хочет, чтобы в театре играли спектакль только для нее одной. Покупает разом все места в зале и садится в первом ряду со своей собачкой и с биноклем, чтобы артистов в упор разглядывать. А если что ей не понравится, — «Карамелька, фас!» — и собачонка ее прыг на сцену, да как вцепится... Могла уйти с середины, но играть артистам все равно наказывала до конца, при пустом зале, потому как деньги уплачены. Но и эта дамочка тоже разорилась — что-то там у нее не сошлось в бумагах. Все имущество с молотка пошло, и сама едва в каталажку не загремела. Теперь посуду моет в ресторане. Очень изменилась дамочка, очень изменилась...

— Да что же тебе так не вёзет?.. — рассеянно проговорил Ригль, почти не слушавший болтовню дворника. Он закончил осмотр подвала, — увы, безрезультатно.

— Ну а дальше вы примерно знаете. Поступил я сюда на службу, когда еще дом достраивали. Хозяина я только один раз и видел; он сказал, что дом ему нужен для перепродажи, поэтому он сам здесь жить не будет. Теперь-то я понимаю, для чего ему все это было нужно: полиция здесь искать не будет — район зажиточный, кругом приличные коротышки живут. Эх, правильно вы сказали, господин лейтенант, не везет мне на хозяев, что за жизнь такая!

Дворник махнул рукой и загрустил. Стало совсем тихо.

— А что это там внизу шумит? — спросил Ригль, прислушиваясь к гулу, едва доносившемуся из-под основания дома.

— А, это... Так ведь там теплотрасса, проходит прямо под домом. Когда еще дом достраивали... Ой! Господин лейтенант!..

— Что, Фикс! Говори скорее! — Ригль схватил дворника за плечи.

— Так ведь тут люк есть... — прошептал Фикс, широко раскрыв глаза. — Рабочие приходили... Положен выход через каждые сто шагов... По инструкции...

— Где?!

— Вот здесь, под плитой. — Перепуганный собственным открытием, дворник указал пальцем на одну из бетонных плит, квадратиками устилавших пол в подвале.

Ригль бросился на колени и ощупал плиту. Она была теплая, почти горячая.

— У тебя есть что-нибудь металлическое?

Дворник порылся в карманах фартука и вынул отломившийся от граблей зуб. Ригль просунул зуб в щель между плитами, надел на него обрезок трубы и надавил всем своим весом. Камень приподнялся, из образовавшейся щели заклубился пар.

— Помоги...

Дворник подхватил плиту и отодвинул. В темную шахту колодца вела металлическая лесенка, и пленники не долго думая начали спускаться в теплотрассу.

— Поставь крышку на место, — приказал Ригль, почувствовав, как ноги его коснулись дна.

Кряхтя от натуги, Фикс передвинул плиту, и она, гулко содрогнувшись, плотно легла на свое место в клеточке.

Двигаться в тесном туннеле приходилось на ощупь, согнувшись в три погибели, водя руками по толстенным, будто загипсованным снаружи трубам. Здесь

было жарко, как в парном отделении самой горячей бани. То там, то здесь из трубы внезапно прорывалась струя пара, обжигая лицо и руки. Одежда промокла насквозь, пот лился с них ручьями.

Ригль считал про себя шаги, а вернее сказать, коротенькие шажки. По словам дворника, выходы наружу были предусмотрены не реже чем через каждые сто шагов. И действительно, на сто восемьдесят девятом шажке Ригль увидел над своей головой просвечивающее кольцо неплотно положенной крышки люка.

— Здесь! — крикнул он и полез наверх.

Сдвинув крышку, он высунул голову наружу и стал щурить глаза на свет. Люк находился на обочине шоссе, на противоположной стороне от дома; за высоким забором виднелась черепичная крыша.

Ригль проворно выскочил наружу, но едва только он успел провести ладонью по мокрому лицу, как почувствовал на своем затылке дуло автомата. Кто-то передернул затвор и сказал: «Тихо стоять». В следующую секунду к голове высунувшегося дворника тоже приставил дуло автомата коротышка в маскировочном комбинезоне и в натянутой до самого подбородка шапочке с дырками для глаз, носа и рта.

— Внимание всем, внимание всем, они выходят через трубу, они выходят через трубу, двое уже у нас... — заговорил он в рацию.

Тут Ригль сообразил, что на самом деле происходит.

— Тьфу, как вы меня напугали! — сказал он с видимым облегчением. — Я офицер секретной полиции его сиятельства, доложите своему командиру.

Вооруженные коротышки смотрели на него с недоверием.

— Отпустите его, это наш коротышка, — послышался вдруг знакомый голос, и на поляну из-за кустов вышел сам Тайный министр Бигль. Он так же, как и другие, был одет в маскировочный комбинезон.

— Господин министр?! — воскликнул Ригль. — Это вы?..

Он вытянулся в струнку, отдал честь и приготовился отрапортовать министру как положено, однако тот махнул рукой:

— Вольно, вольно. Пойдемте со мной, господин лейтенант, нам есть о чем поговорить. И вы, Фикс, тоже будьте рядом; возможно, понадобятся и ваши показания.

— Господин инспектор, это вы?.. — только и смог промямлить дворник.

Как Бигль вышел на след преступников. Тайный министр позволяет себе довольно странные речи. Первый и последний дворник в касте неприкасаемых

Докладывая Верховному Правителю о безрезультатности своих усилий, Бигль лукавил. В действительности он с самого начала шел по пятам преступников. Проверив списки пассажиров авиарейса Клушка — Давилон, он легко обнаружил там восемь вымышленных имен. Он опросил других пассажиров и узнал, что как раз именно эти коротышки привлекли к себе внимание соседей исходящим от них чрезвычайно резким запахом. Они также обратили на себя внимание тем, что все как один решительно отказались от обеда, входящего, кстати сказать, в стоимость билетов.

Затем Бигль разыскал и расспросил двух водителей такси, которые везли преступников из аэропорта. (Они тоже отметили резкий запах, исходивший от пассажиров.) И хотя Ханаконда со своими сообщниками высадился далеко от своего дома, опытный

сыщик опросил местных жителей и выяснил, что только один дом пустует здесь с самого окончания строительства вот уже больше месяца.

Представившись инспектором по озеленению, Бигль поговорил с дворником и окончательно убедился в правильности взятого им следа. Он немедленно вызвал группу захвата, участок оцепили двойным заслоном, и, чтобы избежать кровопролитной стычки, полицейские стали дожидаться, когда бандиты сами выйдут из дома.

Едва они успели занять позиции, как послышался звон разбитого стекла и крики повисшего на шнурке Тихони. Бигль понял, что секретный агент чем-то себя выдал и является теперь заложником бандитов. Это сильно осложняло ситуацию, но, пока сыщик ломал голову над тем, как вызволить Тихоню из плена, старший лейтенант Ригль сам себя вызволил.

Бигль перевел дух и твердо решил с наступлением темноты, если преступники к тому времени сами не покинут свое убежище, начинать штурм.

Странное же и довольно дерзкое поведение Бигля по отношению к Верховному Правителю объяснялось довольно просто. Докладывать Пупсу обо всех своих действиях было бы для умного сыщика не только хлопотно, но и могло помешать делу. Любая просочившаяся через окружение его сиятельства информация могла в одночасье свести на нет все его усилия. «Уж лучше я доложу тогда, когда надену на преступников наручники, — рассуждал Бигль. — А победителей не судят».

Выслушав рассказ Тихони-Ригля обо всем, что происходило за последние дни и часы в банде, Бигль крепко задумался.

— Так вот почему они не побоялись сунуться сюда, в Давилон, — проговорил он наконец. — Вы

даже не представляете себе, Ригль, насколько плохи наши дела. Если для того, чтобы совершить государственный переворот, сегодня достаточно всего-навсего занять телевизионную башню и выдать в эфир любые, самые бредовые «установки», наверняка завтра это попытается сделать кто-нибудь еще. Любой идиот, любой сумасшедший может запереться в студии с заложниками. Как все-таки непрочен и опасен мир, который держится на насилии и обмане... Поверьте мне, лейтенант, этой власти остались считанные дни, на этот раз я не ошибаюсь.

Ригль с ужасом смотрел на Тайного министра. Если бы он услышал такие речи от кого-нибудь другого, пусть даже самого высокопоставленного коротышки, то немедленно надел бы на него наручники.

— Вы удивлены? — сказал Бигль. — Разумеется, я бы не распускал язык, если бы не был уверен. А что мне успеют сделать за несколько дней, даже если делу о моей неблагонадежности дадут ход? Тем более что я знаю вас не как доносчика, а как честного и порядочного офицера.

— Конечно, господин Бигль, вы можете быть во мне уверены, однако... Мне странно слышать подобные вещи именно от вас.

— Ничего, ничего, Ригль, вы еще пообтреплетесь в этой жизни. Когда все закончится, приходите ко мне в сыскное агентство: обещаю вам высокий оклад и хорошие проценты с каждого дела. Как, придете?

— Право, вы меня совсем сбили с толку, господин министр. По крайней мере обещаю помнить о вашем предложении.

— Вот и прекрасно. Теперь поезжайте домой, отдыхайте и набирайтесь сил. У меня такое чувство, что эти голубчики доставят нам еще немало беспокойства. Вас вызовут, если в деле возникнут осложнения.

Ригль вытянулся, отдал честь, развернулся, но что-то вспомнил:

— Да, еще одна проблема, господин министр. Этот дворник, Фикс, он не ел со вчерашнего дня и разгипнотизировался.

— Ах, верно, этот дворник... А вы говорите, он держался молодцом?

Ригль подтвердил.

— Хорошо, я выпишу ему пропуск в спецраспределитель. Господин Фикс будет первым и скорее всего последним дворником в касте неприкасаемых. Пусть работает, как работал, пока дом не займет новый хозяин; насколько мне известно, ему было заплачено вперед. Дом этот конфискован и в ближайшее время пойдет с молотка.

Ригль снова отдал честь и удалился, не переставая удивляться уму и проницательности этого коротышки.

Как бандитов сначала напугало загадочное исчезновение узников из подвала, а потом им пришлось прорываться через оцепление. Замечательные ходовые качества автомобилей фирмы «Циклоп»

Не успела бетонная плита занять свое место в квадратике пола, как снаружи загремела щеколда, дверь растворилась и на пороге возникли Хорёк с Губошлёпом.

— Эй! — крикнул Хорёк в темноту. — Эй, ты, как тебя там, Тихоня! Пошли на допрос, у шефа кулаки чешутся...

Он засмеялся, но Губошлёп испуганно дернул его за рукав:

— Погоди, сдается мне, что здесь никого нет. Зрение у меня как у кошки.

— Брось, как это нет? Спрятались. А ну вылезайте, а то как полосну сейчас из автомата куда попало, я такие шутки не люблю.

— Говорю я тебе, они сбежали!

Тут и Хорёк основательно струхнул: теперь стоило подумать, о кого именно Ханаконда будет чесать свои кулаки.

— Ты вот что, — сказал он Губошлёпу, — пойди посмотри, где они. Вон тут сколько всего навалено — и ящики, и мешки, и рулоны какие-то...

Стиснув в трясущейся руке револьвер, Губошлёп спустился в подвал и стал боязливо двигать с места разбросанное по подвалу барахло.

— Нет их здесь, точно говорю, сбежали.

— Что ты мелешь! Как они могли отсюда сбежать?

Хорёк спустился, подошел к оконцу и подергал рукой толстые прутья решетки, для уверенности пару раз стукнул по ним прикладом.

— Ерунда какая-то, не могли они никуда отсюда деться. Иди скажи шефу.

Губошлёп нехотя поплелся к шефу, а Хорёк встал в дверях с автоматом на изготовку, продолжая недоумевать, куда могли исчезнуть отсюда узники.

Поспешно явились Жмурик, Тефтель и Ханаконда, а также зажимавший ладонью глаз заплаканный Губошлёп.

— Такие дела, шеф, — заговорил Хорёк, — Губошлёп сказал, что в подвале никого нет, а я говорю, что быть этого не может...

Ханаконда щелкнул выключателем, и при свете картина стала выглядеть еще загадочней. Было совершенно ясно, что пленники никуда не могли отсюда деться. Железная дверь закрывалась снаружи, к тому же она хорошо просматривалась из гостиной. В стенах не было вентиляционных отверстий, а через прутья оконной решетки могла бы пролезть разве что кошка. Было от чего потерять голову.

— Надо уходить, — сказал Ханаконда. — Что бы за ерунда здесь ни творилась, мне это не нравится.

— Куда рванем, шеф? — спросил Хорёк.

— Есть одно место, в лесу.

— В лесу? А как же это... Ну, вы хотели...

— Ладно, всем тихо. К телебашне надо присмотреться, чтобы все вышло тип-топ, наверняка. Тебе, Губошлёп, наклеем усы — устроишься там на какую-нибудь ночную работу. Все хорошенько разнюхаешь, а после пойдем на дело. Тех двоих тоже возьмем с собой. Если что — будем ими прикрываться от пуль.

— Эй, шеф, кажется, они как раз хотят что-то сказать, — кивнул Тефтель в сторону гостиной.

Мига и Крабс все еще были привязаны к стульям. Они мычали и энергично раскачивались, с ужасом глядя на окна. Все повернули головы, да так и ахнули: прямо во дворе плотной шеренгой выстроилось полицейское оцепление — хорошо экипированные штурмовики с пуленепробиваемыми щитами.

Бандиты метнулись в другую комнату, в третью... Но со всех сторон дом окружали прозрачные щиты и ощетинившиеся стволы.

— А-а-а!! — в отчаянии завопил Губошлёп. — Окружили! Не уйти, сгинем все на болоте!!

Круто развернувшись, Ханаконда заехал паникеру кулаком в ухо, и тот кубарем отлетел в угол.

— Тихо, — сказал шеф, — всем тихо. Есть у меня подарочек для фараонов, глазом моргнуть не успеют. А ну быстро все за мной.

Открыв своим ключом неприметную дверь, он юркнул в темное помещение. За ним последовали остальные, в том числе и отвязанные от стульев Мига и Крабс.

Компания оказалась в гараже, где в полумраке вырисовывался автомобиль повышенной проходимости фирмы «Циклоп». Своими устрашающими размерами

он напоминал бульдозер. С улицы послышался голос говорящего через громкоговоритель Бигля, который давал бандитам минуту на размышление.

— Вперед! — скомандовал Ханаконда и запрыгнул в машину.

Все запрыгнули за ним следом, Хорёк ударил по педалям, четыре огромных ведущих колеса провернулись на месте, и в следующее мгновение громада автомобиля рванулась вперед, сокрушив металлические ворота.

Не ожидавшие такого фортеля полицейские едва успели отпрыгнуть в стороны. Автомобиль с визгом вырулил на шоссе и в мгновение ока скрылся за поворотом.

— Ах, чтоб тебя! — в сердцах крикнул Бигль. — По машинам!

Вереница полицейских автомобилей с воющими сиренами и крутящимися мигалками устремилась в погоню. Но сам Бигль только устало облокотился о капот. Он понимал, что преследование не принесет никаких результатов.

Незнайка и Пончик прибывают в зону риска. Растущие здесь грибы приходятся им по вкусу, но заработать пару фертингов тоже не помешает. Ночь в лесу, появление дикого коротышки

Успев увидеть, что Ярило и Злючкин ухнули в ватную пелену облаков, так и не раскрыв своих парашютов, Незнайка стал кричать им по рации, давая разные советы, но те уже попали в зону глушения радиоэфира и ничего не слышали. Впрочем, как мы уже знаем, для этих двоих все закончилось относительно благополучно.

Флегматично паривший неподалеку Пончик хранил молчание.

— Эй, ты! — окликнул его Незнайка. — С тобой-то хоть все в порядке?

Их переговорные устройства исправно работали, потому что они находились очень близко друг от друга. В ответ Пончик только сокрушенно произнес что-то вроде «о-хо-хошеньки-хохо...».

— Ладно, ты не очень расстраивайся, — сказал Незнайка. — Мы ведь и правда совсем не виноваты, что нас вниз стащили Эти процессоры перед нами еще извиняться будут. Если, конечно, они вообще...

Незнайка осекся, а Пончик снова что-то про себя запричитал.

— Ну ладно, ты не охай, смотри лучше, куда мы падаем.

Поскольку ветер сносил их в сторону довольно долго, они уже оказались над лесом где-то между Хрумстиком и Давилоном. Теперь у них под ногами темнела ветками березовая роща, и верхушки деревьев стремительно приближались.

— Ой! — сказал Незнайка, застряв на самой верхушке березы.

— Ох... — сказал Пончик, повиснув так, что ноги его почти касались земли.

Если мы вспомним, что растения на Луне имеют размеры в двадцать раз меньшие, чем у нас на Земле, станет понятно, почему в первую минуту Незнайка не смог правильно оценить той высоты, на которой очутился. Он думал, что находится где-то чрезвычайно высоко, а потому вцепился в верхушку березы мертвой хваткой.

Тоненькая березка, имевшая в действительности рост никак не выше двух коротышек, стала прогибаться под его тяжестью, и Незнайка почувствовал, что снова куда-то летит.

— А-а-а!! — завопил он, вообразив, что падает с огромной высоты.

Но уже в следующую секунду падение прекратилось, и он благополучно сел на мягкую лесную землю. А гибкая березка, освободившись от груза, снова распрямилась, сбросив с себя вместе с диковинным коротышкой последние желтые листочки.

Между тем Пончик продолжал висеть, словно груша, меланхолично перебирая в воздухе ногами. Незнайка отстегнул его от парашюта, и Пончик повалился на землю. Не выказав какой-либо реакции на происходящее, он стал молча и неторопливо освобождаться от скафандра.

Незнайка испугался:

— Стой, что ты делаешь! Мы ведь уже в этой, как ее, в зоне риска! Воздух, наверное, отравлен!..

Но Пончик уже спокойно отвинтил крепления, снял гермошлем и вылез из панциря жесткого гофрированного комбинезона. Одернув на себе курточку и поправив кепочку с козырьком, он присел на пенек и стал грызть веточку, сплевывая себе под ноги. За последнее время он так устал от неприятных потрясений, что потерял способность чему-либо удивляться и вообще соблюдать осторожность. Единственная его страсть, с которой он не мог совладать и которую не способны были задушить в нем до конца никакие катаклизмы, сохранилась в нем и по некоторым признакам уже давала о себе знать. Заметив, что пенек, на котором он сидит, с одной стороны густо зарос какими-то грибами на тоненьких ножках, Пончик сорвал один гриб и, надкусив, задумчиво пожевал. Вкус показался ему довольно приятным, он доел гриб и сорвал следующий.

Незнайка наблюдал за ним, широко раскрыв глаза. Убедившись, что Пончик не загипнотизирован и не отравился, а даже, наоборот, проявляет интерес к пище, он тоже решил снять скафандр.

— Ну как, — поинтересовался он, освободившись от доспехов, — съедобно?

Пончик пожал плечами, а Незнайка с удовольствием вдохнул полной грудью лесную прохладу. Он тоже пожевал из любопытства кусочек гриба, который показался ему безвкусным и водянистым.

— Раз уж мы здесь, — подал наконец голос Пончик, поднимаясь с пенька, — нужно для начала раздобыть пару фертингов и как следует пообедать.

— Погоди, погоди, — возразил ему Незнайка, обрадованный, впрочем, что тот разговорился. — Далеко уходить нельзя, нас ведь здесь, в этом месте, искать будут.

— Кто тебя будет искать? — проворчал Пончик, решительно направляясь туда, где ему деревья казались пореже. — Пока будут искать, ноги протянешь. Тут, брат, сам понимаешь, никто даром кормить не будет. Надо быстренько организовать какое-нибудь выгодное дельце и подзаработать деньжонок, а с деньжонками мы и тут не пропадем. Вот тогда уже спокойно дождемся, когда они нас искать начнут.

— Как же мы заработаем деньжонок? — спросил Незнайка.

— Это надо подумать. Что есть у нас на Земле, чего здешние коротышки не знают? Чем их удивить можно?

— Вопрос...

— Я ведь тогда, в прошлый раз, маху дал с этой солью. Разорился подчистую из-за собственной глупости. А ведь мог стать миллионером, если бы правильно повел дело. Ничего, теперь я ученый. Сахар у них есть?

— Сахар есть.

— А повидло?

— Повидло, кажется, тоже есть.

Так, перебирая в памяти всевозможные продукты питания, включая консервы и домашние варенья-соленья, приятели брели наугад то по листьям, то по иголкам, то по мшистым камням, перепрыгивая через ручейки и обходя болотца. На ходу они срывали уже знакомые, растущие на пнях грибы, а также некоторые сохранившиеся ягоды, которые были здесь крошечные и совершенно не насыщали, а только раздразнивали аппетит.

По случайности направление, которое они выбрали, должно было в конце концов вывести их к пригородам Давилона. В противном случае, взяв другое направление, они бы все дальше углублялись в лес и еще неизвестно, чем бы это кончилось.

Однажды им показалось, что где-то вдалеке промчалась вереница гудящих автомобилей, но потом все снова стихло. Тем не менее друзья направились в сторону этого оживления, и не напрасно: вскоре они вышли из леса на асфальтовое шоссе. Ободренные, они зашагали по ровной дороге, разом прибавив шагу.

Через некоторое время снова послышался звук сирен, но теперь это был уже не лихой клич преследователя, а скорее заунывный плач посрамленного в драке кота. Незнайка и Пончик спрятались за деревьями и увидели, как по шоссе неспешно проследовала длинная вереница полицейских машин. Над лесом запоздало кружили два вертолета, но уже начинало смеркаться, и они скоро убрались восвояси.

Темнело, путники валились с ног от усталости. Необходимо было где-то заночевать, потому что дойти до города или какого-нибудь жилища сегодня уже не представлялось возможным. Они свернули в лес, выбрали место посуше и нагребли две кучи листьев для ночлега. Пончик обнаружил в одном из своих многочисленных карманов спички. И вскоре рядом запылал костер. Подтащив и сунув в костер

несколько толстых поленьев, они обеспечили себе жар угольев до самого утра.

Однако Пончик не торопился ложиться, вместо этого он снял со спины рюкзак (поначалу пустой и поэтому незаметный), который теперь оказался доверху набит теми самыми грибами на тонких ножках, которые в этом лесу росли из пней в огромном количестве. Пончик стал нанизывать эти грибы на прутики и развешивать вокруг костра.

— Вот так, — сказал он с удовлетворением. — Грибочки-то я подсушу, они вкус наберут. И не испортятся уже никогда, сколько хочешь можно с собой носить.

Когда приятели наконец улеглись, зарывшись в сухие листья, Незнайке показалось, что кто-то ходит поблизости. Однако он ничего не мог рассмотреть в темноте, а потому окликнул Пончика:

— Эй, ты ничего не слышишь?

Пончик, который начал уже засыпать, открыл глаза.

- Ну что еще... — недовольно проворчал он и вдруг осекся.

За спиной у Незнайки в отблесках костра он увидел страшную картину: дикими глазами на него смотрел не то зверь, не то коротышка, покрытый рыжей шерстью. Существо опиралось на длинные руки и держало в зубах крысу.

Незнайка обернулся и вскрикнул. Существо некоторое время переводило взгляд с одного на другого, потом глухо зарычало и растаяло в темноте.

Когда приятели обрели дар речи, Незнайка сказал, успокаивая сам себя:

— Это, наверное, какая-нибудь сбежавшая из зоопарка обезьяна. Ничего страшного.

Пончик в ответ только горестно заохал, проклиная свою несчастную жизнь. Поворочавшись еще какое-то время, приятели все-таки заснули.

Магическое слово, которого не знают лунные коротышки. Гостеприимство картофельного фермера. Слово найдено!

Утром угли от костра еще дымились, а подсушившиеся за ночь грибы оказались просто отменными на вкус. Чем-то они напоминали высушенную дыню или тыкву, к тому же, как оказалось, прекрасно насыщали.

Пончик набил сушеными грибами свой рюкзак, и путники снова зашагали по асфальтовому шоссе. Чтобы не терять времени зря, они принялись вспоминать названия всевозможных предметов и понятий, которых не знали бы местные коротышки и которые могли бы иметь здесь, выражаясь деловым языком, коммерческий спрос. «Найти спрос и удовлетворить его, — сказал Пончик. — Вот лучший способ разбогатеть. Денежки сами так и потекут, только успевай подставлять карманы!»

Незнайка против такой перспективы не возражал, поскольку знал по опыту, что их пребывание здесь может затянуться на неопределенное время. К тому же речь не шла о каком-нибудь мошенничестве вроде акционерного общества по продаже какого-нибудь несуществующего товара. Речь могла идти о реальных и полезных вещах, которых лунатикам наверняка не хватало и которые они бы с радостью включили в свой обиход. Заплатив за это денежки, что само собой разумеется.

Трудность состояла как раз в том, чтобы придумать, какую именно полезную вещь нужно предложить лунатикам. Устав перебирать продукты питания и убедившись, что всех их достаточно у здешних коротышек, предприниматели взялись за предметы, не имеющие отношения к еде. А для того, чтобы вспоминать было не скучно, они затеяли такую игру:

каждое последующее слово должно было начинаться на ту букву, которой заканчивалось предыдущее. Например, Пончик говорил: «Одеколон», а Незнайка подхватывал: «Насос». — «Сифон», — подумав, говорил Пончик. «Наперсток», — находил свое слово Незнайка.

— Кино — очки — ирис — стакан — носок — клей — йод — душ — шланг — гвоздь — диван — и так далее, до бесконечности.

Но ни один из названных предметов не мог принести им даже сантика, потому что все они имели здесь точно такое же широкое распространение, как и на Земле. Великолепная идея давала сбой, еще не получив воплощения, и было от чего прийти в отчаяние.

К полудню впереди замаячила первая черепичная крыша, и друзья прибавили шагу.

Хозяином дома с черепичной крышей оказался фермер по имени Орешек. Все у него в хозяйстве находилось в изумительном порядке: дорожки присыпаны гравием, клумбы на зиму укрыты еловыми лапами, под навесом распространял запах свежей краски старенький, но ухоженный трактор. За домом чернело огромное картофельное поле.

Скучавший после завершения осенних работ, фермер радушно принял гостей, пригласил в дом и накормил очень вкусным отварным картофелем с маслом, картофельными котлетами, хрустящим жаренным во фритюре картофелем, а также картофельной запеканкой с яйцом и грибами. Гости уплетали за обе щеки, только успевая нахваливать. Пончик между прочим поинтересовался, из какого рода грибов Орешек делал начинку для запеканки.

— Благодаря заботе его сиятельства Верховного Правителя, здоровья ему и счастья, грибы у нас в лесу растут круглый год. Правда, сейчас остались

только козленки, а так вообще-то много всяких грибов.

Снова услышав про его сиятельство, друзья уже не удивились, а Пончика заинтересовало другое.

— Скажите, — обратился он к фермеру, — а вот эти самые козленки, они не могут как-нибудь повредить здоровью коротышки?

— Нет, что вы, они совершенно безвредны, — заверил его Орешек. — Только ведь их никто не ест: безвкусные какие-то, водянистые...

— Правда? А нам понравились, — сказал Незнайка.

— А вы сами-то откуда? — поинтересовался хозяин.

— Мы из Лос-Свинтоса, — не моргнув, соврал Пончик. — Из профсоюза крутильщиков. Ехали на слет, да вот по дороге машина сломалась.

— Из профсоюза? — недоверчиво сказал Орешек. — Да разве теперь бывают профсоюзы? Хотя, не мое дело; я сам себе профсоюз. Так что, может, вас подбросить до города? Я как раз собирался поехать; захотелось, знаете ли, поесть чего-нибудь особенного — каши там или селедки... Пешком ходить здесь опасно, говорят, в лесу появился дикий коротышка.

Незнайка и Пончик охотно согласились поехать.

Орешек пошел в гараж и долго возился с мотором своего старенького грузовичка, который никак не хотел заводиться.

— Ах, чтоб тебя! — ругался фермер. — Ехать пятнадцать минут, а заводить битый час приходится эту колымагу!

— Знаете, если не получается, мы так пойдем, — сказал Незнайка. — А вы поезжайте на велосипеде.

— Простите? — не понял хозяин. — Как вы сказали?

— На велосипеде. Велосипед у вас есть, наверное?

— Нет, честное слово. Это, наверное, что-нибудь новое изобрели? Вот что значит жить в деревне: пока соберешься поехать в город, там уже на другом языке начнут говорить.

Незнайка и Пончик взволнованно переглянулись.

— Погодите, погодите, — заговорил Пончик. — Вы действительно не знаете, что такое велосипед?

Хозяин только недоуменно пожал плечами.

— А может быть, он у вас просто называется как-нибудь по-другому? Это когда ногами крутишь педали, сидишь верхом...

— Педали? Верхом? А мотор где?

— Мотора совсем нет! Два колеса, рама, седло...

— Как это понять — два колеса? Должно быть хотя бы три, но и три все равно плохо. Нет, меньше четырех никак нельзя. Это, наверное, для цирка придумали. Я раз был в цирке, так там один коротышка ходил по веревке, а другой...

Орешек начал рассказывать, что он видел в цирке, а Незнайка и Пончик уставились друг на друга: до них окончательно дошло, что лунные коротышки понятия не имеют о велосипеде и вообще не представляют себе езды на двух колесах. Теперь оба припомнили, что никогда не видели на Луне не только велосипедов, но также и самокатов, и мотоциклов, и мотороллеров.

Оба от волнения притихли, и когда машина наконец завелась и они поехали, то почти всю дорогу молчали, не понимая ни единого слова из болтовни фермера.

Уже при въезде в город Пончик взял себя в руки и проявил деловую сметку:

— Зря вы машину свою ругаете, хозяин: вон как быстро домчались. Наверное, фирма знаменитая?

— Грузовичок у меня от фирмы «Пудл» — хороший, да только уж больно старый. А трактор самый лучший — «Циклоп», только его тоже пора подновить.

— А еще кто-нибудь машины делает?

— Нет, только эти двое. А вы, я вижу, совсем не автомобилисты?

— Да... Мы по другой части.

— Пытались некоторые тоже строить автомобили, да только эти двое сразу их придушили. А друг с другом им не совладать, вот и конкурируют. Что ж, нам, покупателям, от этого только лучше, правильно я говорю?

— А что, самих хозяев так и зовут?

— А как же еще, так и зовут. Одного зовут господин Пудл, другого — господин Циклоп. Во-он их конторы отсюда видать.

Друзья посмотрели в том направлении, куда указывал Орешек, и увидели возвышающиеся над другими домами сверкающие небоскребы.

— Вот они, голубчики, стоят рядом. А я уже приехал: вот он, мой банк — «Гога и Магога». Сниму сейчас пару сотен со счета да прошвырнусь по магазинам. В этом году у меня всю картошку забрали подчистую, так что грех жаловаться.

Торопливо, но сердечно распрощавшись с картофельным фермером, новые предприниматели направились прямиком к высотным зданиям, на верхушках которых красовались огромные буквы, составлявшие имена владельцев двух конкурирующих фирм — «ПУДЛ» и «ЦИКЛОП»

Г–н Циклоп смеется как никогда в жизни и дарит изобретателям двадцать фертингов. Г–н Пудл как никогда серьезен и настроен решительно

— Ха-ха-ха-ха-ха!!! — закатывался громовым смехом г-н Циклоп. — Ха-ха-ха-ха-ха!!! ...Так вы... говорите... Крутить педали...

Не в силах произнести что-либо членораздельное, он снова и снова заходился смехом, кашлял, утирал слезы, и секретарь вывел предпринимателей из кабинета владельца фирмы. Уже внизу их догнал курьер и вручил каждому по двадцатифертинговой купюре.

— Господин Циклоп просил передать, что он никогда в жизни так не смеялся и будет рад видеть вас снова, если вы опять будете рассказывать ему про велосипед, — доложил курьер, улыбаясь до самых ушей.

Изобретатели взяли деньги.

Зайдя в ближайшее кафе, они снова встретились с довольным жизнью картофельным фермером. За соседним столиком он уже рассчитывался за свой заказ.

— Как дела в профсоюзе крутильщиков? — поинтересовался он приветливо.

— Пока неважно, — признался Незнайка. — Но может быть, в другом месте повезет.

— Конечно повезет! — заверил их фермер и снова распрощался.

Приятели съели по хорошему обеду с десертом, заплатив два с четвертью фертинга за оба, и вышли на улицу.

— Слушай, сказал Незнайка, — может, нам одеться надо получше? Они, наверное, думают, что мы какие-нибудь бродяги или сумасшедшие.

Но Пончик, который был однажды миллионером и успел приобрести в этом деле некоторые навыки, имел другое мнение.

— Это ничего, — сказал он, — что у нас вид небогатых коротышек. Богатый не пойдет куда-то просить, а сам откроет свое дело, ему и ссуду в банке дадут. А вот нищий изобретатель — это для богача настоящая находка. Нищего изобретателя облапошить ничего не стоит. Знаешь что, — он остановился,

что-то придумав, — нам надо не дорогие костюмы покупать, а, наоборот, вырядиться как-нибудь по-дурацки.

С этими словами он снял курточку и вывернул ее наизнанку. Теперь снаружи оказалась клетчатая подкладка. Рюкзак с сушеными грибами он повесил на грудь (тут, кстати, появилась приятная возможность периодически запускать туда руку). Теперь он действительно приобрел чудаковатый вид. Для полной убедительности он купил в аптеке круглые очки с толстыми линзами и стал совершенно близоруким.

Незнайка и без переодеваний имел попугайский вид, поэтому Пончик не счел необходимым дополнять чем-то его гардероб, а только велел ему заикаться. «Если коротышка заикается, — сказал он, — всегда кажется, что его легче облапошить».

На этот раз они вообще подошли к делу серьезнее и первым делом зарегистрировали свое изобретение в патентном бюро. Чиновник долго рассматривал так и сяк корявый рисунок, пожал плечами и выдал друзьям патент на изобретение конструкции «велосипед». Он давно уже перестал чему-либо удивляться.

Господин Пудл принял посетителей в светлом просторном кабинете. Так же как у Циклопа, из его огромного окна открывался вид на весь город и на небоскреб конкурента (наверное, чтобы не расслабляться). Выше их офисов была только вывеска небоскреба «ПУПС», получившего недавно государственный статус.

К чудакам изобретателям у г-на Пудла было свое особенное отношение. Однажды он подсчитал, что в среднем каждое десятое изобретение, кажущееся на первый взгляд нелепостью, в результате приносит его предприятию значительную прибыль. Поэтому он не жалел своего собственного времени на остальные девять, действительно совершенно бесполезные. Он был

уверен, что, перебирая пустую руду, обязательно наткнется когда-нибудь на свою золотую жилу.

Пудл очень любезно принял Незнайку и Пончика, усадил их в кресла и приготовился слушать. Пончик неспешно объяснил устройство велосипеда, мелом нарисовал на имевшейся в кабинете доске схему и подробно рассказал о предназначении каждой детали механизма.

Некоторое время еще Пудл смотрел на рисунок, а затем спросил:

— Но почему вы думаете, что это устройство будет работать, то есть ездить по земле? Вы учитываете трение огромного количества соприкасающихся между собою деталей? Вы не думаете, что вся конструкция перекосится при первом же нажатии на педали? Вы подумали о том, что коротышка не сможет балансировать на двух колесах? (Впрочем, это как раз не важно: приставить третье колесо не проблема.) И наконец, вы подумали о том, как будет выглядеть со стороны коротышка, сидящий верхом на такой конструкции и дрыгающий ногами с целью вращения колес?

Изобретатели недоуменно переглянулись: эти вопросы никогда не приходили им в голову. Не долго думая Незнайка привел неотразимый аргумент:

— Вообще-то у меня был велосипед, и ничего такого...

Он совсем позабыл, что надо заикаться, и Пончик посмотрел на него сердито.

— Как! — воскликнул Пудл. — У вас был опытный образец?

Изобретатели согласно закивали.

— И вы молчали? Где же он?

— К сожалению, этот... образец у нас украли, — пояснил Пончик, но, заметив, как меняется лицо г-на Пудла, быстро поправился: — То есть он утонул в реке. Да, да, утонул в реке, упал с моста.

Пудл нажал кнопку, и в дверях появился секретарь.

— Пригласите главного инженера.

Примчался главный инженер.

— Сделайте мне к завтрашнему дню опытный образец этой конструкции, — приказал Пудл. — Эти господа... — он заглянул в свои пометки, которые делал на всем протяжении разговора, — господа Пончик и Незнайка будут вас консультировать по ходу дела. — Он поднялся с места, улыбнулся и протянул руку:

— Завтра мы продолжим наш интересный разговор, господа.

Изобретатели по очереди пожали ему руку и вышли с главным инженером.

Пудл снял трубку и позвонил в патентное бюро. Чиновник подтвердил, что диковинную конструкцию под названием «велосипед» час назад зарегистрировали некто Пончик и Незнайка.

— Они не такие уж простаки, какими хотели показаться, — проворчал Пудл. — Посмотрим, что принесет завтрашний день...

Г–н Пупс недоволен и подозревает в измене каждого, даже своего Тайного министра. Бигль проверяет на благонадежность двоих, но преступником оказывается третий

Наверное, читателю интересно, почему на Незнайку и Пончика не подействовал гипнотический порошок, содержавшийся и в пище, и в водопроводной воде. Однако и мы также недоумеваем по этому поводу, но вместе с тем обещаем найти вскоре объяснение этому феномену. А пока наши предприниматели бьются над воссозданием конструкции «велосипед»,

перенесемся во дворец его сиятельства г-на Пупса, который как раз в это время распекал одного из своих министров:

— Не смейте возражать, господин Бигль! Вы сделали все возможное, чтобы преступники благополучно скрылись. Почему вы не доложили мне сразу, как только установили их местонахождение?

— Я опасался утечки информации, ваше сиятельство.

— Ага! А между тем вам следовало опасаться совсем другого.

Бигль поднял глаза.

— Да, да, другого! Вам следовало опасаться того, что незаменимых коротышек нет и на ваше место всегда найдется другой, более уважительно относящийся к своему повелителю Тайный министр.

Бигль опустил глаза.

— Нет, смотрите на меня!

Бигль поднял глаза.

— Вам стыдно, вы раскаиваетесь! А это мне должно быть стыдно, что я столь легкомысленно поверил в вашу преданность. Но теперь я не могу быть уверен даже в том, что сам Тайный министр, чье высшее предназначение заключается в неустанной заботе о сохранении существующего порядка, что этот министр... уже не плетет заговор за моей спиной.

Последние слова Пупс проговорил шепотом и сам испугался того, что сказал. Он смотрел на Бигля, изумленный собственным внезапным выводом. Тот счел необходимым успокоить его сиятельство.

— Если какой-нибудь безумец задумает свергнуть ваше сиятельство, — сказал Бигль, и Пупс вздрогнул всем телом, — то ему понадобятся единомышленники, разделяющие его взгляды и непременно принадлежащие к касте неприкасаемых. А поскольку подобного тайного общества не существует, то первый же

коротышка, к которому такой сумасшедший обратится, на него донесет, будьте уверены. Вашему сиятельству нечего опасаться.

Пупс промокнул салфеткой вспотевшее лицо.

— Если вы такой умный, господин Бигль, почему же Ханаконда обставил вас вчера с такой легкостью? Ведь не в его, а в вашем распоряжении были две сотни вооруженных до зубов полицейских.

— Со всяким случаются промашки. Поверьте, ваше сиятельство, я очень тяжело переживаю неудачу.

— Потайной гараж и внезапность прорыва — это еще можно понять. Но почему они ушли от погони?

— Полицейские машины марки «Пудл» не приспособлены для езды по пересеченной местности. Как только мерзавцы свернули на своем «Циклопе» в лес, преследование прекратилось. Для меня такой исход погони был очевиден с самого начала.

— А что же вертолеты?

— Они подоспели слишком поздно.

— Разумеется. Ваши дальнейшие действия?

— Я устроил засады во всех окрестных спецраспределителях; без еды преступники долго не протянут.

— Ну что ж, я в очередной раз желаю вам удачи, господин Бигль, — вздохнул Пупс.

Бигль опять лукавил с его сиятельством. То, что он услышал вчера от своего агента Тихони-Ригля, заставило его сосредоточить все внимание на телецентре. Именно этот объект, а не продовольственные распределители должен был выступать теперь в роли приманки.

Покинув дворец, он сел в машину и связался с телевидением:

— Что-нибудь есть?

— Так точно, господин министр, — доложил начальник отдела кадров, — приходили трое: малышка-монтажер по объявлению, вахтер и осветитель.

— Вахтер? — переспросил Бигль. Профессия вахтера не требовала профессиональной подготовки, кто-нибудь из бандитов мог легко устроиться на эту должность.

— Так точно, господин министр.

— Как он выглядит?

— Старенький такой коротышка, нос красный, борода лопатой. Назвался Гугсом.

— А осветитель?

— Сказал, что студент, с виду никаких особых примет.

Бигль не стал расспрашивать про малышку. Осветитель без особых примет мог быть именно тем, кого он ждал.

— Когда он заступает?

— А они все трое заступают в вечернюю смену, к восьми.

— Его имя?

— Назвался Бобсом, но мы, конечно, не проверяли, как вы просили, чтобы не спугнуть...

— Хорошо, спасибо.

Бигль нажал на сброс и набрал еще один номер:

— Алло, это вы, Ригль?

— Добрый день, господин министр.

— Какой там добрый... Уже слышали?

— Более или менее.

— В прежние времена репортеры бы визжали от восторга.

— Сейчас другие времена, господин министр. В новостях о вчерашнем не было ни слова.

— Знаете что, Ригль, сходите вечером на телевидение и посмотрите на нового осветителя, его зовут Бобс. Он заступает в восемь. Так, чтобы он вас не видел.

— Можете больше ничего не объяснять.

— Отлично, я знал, что вы сообразительный коротышка. Да, еще.. Попросите кого-нибудь дернуть за бороду и за нос этого Гугса, нового вахтера.

— Я все понял.

— Отлично, буду ждать от вас новостей.

Бигль бросил трубку на сиденье и приказал ехать в свой офис.

Дождавшись вечера, Тихоня-Ригль отправился на телецентр. Было половина восьмого, и новый вахтер еще не заступил. Предъявив старому удостоверение офицера секретной полиции, он беспрепятственно прошел внутрь. Разыскав нужную студию, он расположился в застекленной кабинке режиссера и стал ждать.

В положенное время явился новый осветитель. Едва только взглянув на него, Ригль сразу понял, что это не тот коротышка. К тому же Бобс ловко управлялся с осветительной аппаратурой, и было видно, что он в этом деле не новичок. Слегка раздосадованный неудачей, Ригль направился к выходу.

Старый вахтер сменился, и теперь на проходной сидел бородатый коротышка с красным носом. Ригль подозвал полицейского и показал свое удостоверение. Тот моментально вытянул руки по швам.

— Слушай, братец, мы ищем одного типа с наклеенной бородой и фальшивым носом. Ты пойди проверь этого новенького вахтера, только аккуратно...

— Слушаюсь! — гаркнул полицейский и отсалютовал честь.

Ригль отошел и стал следить за его действиями, осторожно выглядывая из-за угла. Полицейский приблизился к вахтеру вплотную и без всяких церемоний изо всех сил тряхнул его за бороду. Голова у бедняги дернулась, он испуганно вскрикнул. Ригль

почувствовал, как по его спине забегали мурашки. В следующую секунду полицейский зажал нос вахтера между пальцами и с усилием покрутил его туда-сюда. Несчастный заголосил так, что на шум сбежались другие полицейские.

Тысячи тысяч мурашек впились в Ригля зубами и когтями.

Облаченный в форму грубиян шагнул к нему и, вытянувшись по стойке «смирно», загорланил:

— Осмелюсь доложить, господин офицер: нос настоящий, борода тоже настоящая. Не прикажете ли проверить на благонадежность его уши?

Но Ригль, схватившись за голову, уже выбегал на улицу.

Выслушав доклад своего агента, Тайный министр Бигль пришел в уныние. И было отчего: его расчеты не оправдались, бандиты скорее всего «легли на дно», а когда, где и при каких ужасных обстоятельствах они проявят себя снова, этого никто не знал.

«Но ведь наниматься на работу пришли трое, была еще какая-то малышка, — подумал он. — А что если...»

Хлопнув себя по лбу, он подбежал к телефону.

— Алло, Ригль? Вернитесь и проверьте еще эту... Маргаритку, она тоже заступила в вечернюю смену.

Не находя себе места, министр забегал по кабинету, дожидаясь ответного звонка. Наконец запищал зуммер, и Бигль жадно схватил трубку:

— Ну! Что!

— Она сбежала. Никакая она не монтажница: запутала всю пленку, потом увидела меня в коридоре и смылась. Еще, говорят, чесноком от нее здорово несло. Что теперь делать, господин министр?

— Что теперь делать? Отдыхайте, вы молодчина. А я снова приму позу глупого кота, подстерегающего

хитрую крысу. Два раза я почти ухватил ее за хвост, на третий вцеплюсь зубами в самое горло, обещаю вам, Ригль.

— Не сомневаюсь в этом, господин министр, до свидания.

Дамочка снимает парик и превращается в Губошлёпа. Ханаконда знает, как захватить телецентр. Дикий коротышка раскрывает свое инкогнито

Маргаритка столь торопливо выбежала из телецентра, что каблук на ее туфле подвернулся и она едва не загремела по ступенькам на мокрый асфальт. Замахав платочком, она остановила такси и велела шоферу ехать на Западное шоссе, начинавшееся там, где кончался город. Как только позади остались жилые кварталы, а по обеим сторонам от дороги затемнел лес, дамочка расплатилась с шофером и вышла.

— Меня здесь подхватят друзья на своем автомобиле, — пояснила она свои странные действия.

Шофер пожал плечами, развернулся и уехал. А дамочка, посмотрев по сторонам, вынула из сумочки фонарик и углубилась в лес. После недолгих поисков она наткнулась на то, что искала: это был огромный темно-зеленый «Циклоп» повышенной проходимости. Внезапно малышка сорвала с себя парик, сбросила платье и туфли, переоделась в одежду, которую обычно носят малыши, и села за руль.

Только теперь, присмотревшись хорошенько, мы могли бы с уверенностью сказать, что никакая это не дамочка, а хорошо известный старшему лейтенанту Риглю коротышка из банды Ханаконды по прозвищу Губошлёп. Ригль несколько раз видел его на

телецентре, но не признал и даже не обратил на него никакого внимания. Зато дамочка обратила внимание на Ригля и поспешно скрылась.

Рванув с места, «Циклоп» легко выехал на шоссе и, набирая скорость, помчался обратно, в сторону города. Стараясь не привлекать к себе внимания постовых, Губошлёп осторожно повел машину тихими улочками через весь город к противоположной окраине.

Выехав на Восточное шоссе, он ударил по газам и в считанные минуты оставил позади жилые постройки, в том числе самое крайнее хозяйство картофельного фермера.

Освещая дорогу мощными фарами, автомобиль мчался по пустынному шоссе, выжимая предельную скорость. Ветер тяжело гудел, тщетно пытаясь сдержать мощь огромной стальной машины.

По прошествии получаса Губошлёп сбавил скорость и стал внимательно поглядывать на обочину. Приметив спиленную березу, он свернул прямо в лес и, круто переваливаясь вверх-вниз и из стороны в сторону, начал лавировать между деревьями. Время от времени он останавливался, гасил фары и, заприметив вдали огонек, снова трогал с места.

Но вот впереди показался давно заброшенный ветхий домик лесника и стоящие на пороге трое главарей. Губошлёп открыл дверцу машины, спрыгнул на землю и подбежал к Ханаконде:

— Сорвалось, шеф! Чуть-чуть все не сорвалось! Туда заявился вдруг этот полицейский, Тихоня, пришлось моментально сматываться!

— Он искал тебя?

— Не знаю, кого он искал, только мимо меня прошел, будто не заметил.

— Мимо тебя и я бы прошел. Успел что-нибудь срисовать?

— Есть кое-что, шеф.

— Ладно, пошли покажешь.

Все прошли в дом, а Ханаконда задержался на пороге, вглядываясь в темноту и прислушиваясь. Нет, кажется, «хвоста» он за собой не привел. Тихо, только листья едва слышно прошуршали за деревьями.

— Крабс! Мига! — крикнул Ханаконда. — Это вы?

Тишина. Наверное, ветер.

Ханаконда вернулся в дом и выслушал от Губошлёпа полный отчет о поездке. Тот рассказал, как он под видом малышки заявился в город и купил газету с объявлениями о найме на работу. Как врал в отделе кадров, а потом до начала смены отсиживался на лавочке в Центральном парке, прикрываясь газетой. Как потом явился на работу в телецентр и как столкнулся в коридоре с Тихоней.

— Машину я оставил на Западном шоссе, как вы велели, шеф. Теперь, если начнут копать, пустят ищеек в ту сторону, а нас-то там и нет!

— Ладно, не умничай, Губошлёп, — проворчал Ханаконда. — Показывай план.

Несколько минут он внимательно разглядывал мятый листок бумаги с нарисованным от руки планом телецентра.

— А что это здесь, наверху? И стрелки повсюду?

— Наверху вертолетная площадка, шеф. А стрелки — это куда бежать в случае пожара. Я ведь срисовывал эту науку с дверцы на пожарном щите.

Ханаконда поднял глаза на Губошлёпа:

— В случае пожара, говоришь? Так мы им устроим пожар. Такой пожар, что небу станет жарко.

— Что это вы задумали, шеф?

— Узнаешь все в свое время. Иди умой рожу, а то смотреть противно...

Губошлёп смыл с лица косметику и уселся за пустой обеденный стол.

— У вас пожрать-то что-нибудь есть? В городе кругом продают булочки, пирожки, бутерброды, а я чувствую, что вот-вот хлопнусь в голодный обморок. А главное, что деньги-то есть в кармане!

— Ладно, не плачь, — сказал Хорёк. — Мига и Крабс за грибами ушли.

— Что, сейчас, ночью?

— Днем слишком опасно. А козленки можно и на ощупь собирать, их на каждом пне хоть пруд пруди.

— Ох, — поморщился Губошлёп, — опять грибы...

Послышался шум, в дом ворвались Мига и Крабс, физиономии у них были буквально перекошены от страха. Крабс держался за лоб обеими руками.

— Там!.. Там!.. — только и могли они сказать, показывая трясущимися пальцами куда-то в лес.

— Да что такое, говорите быстрее, — потребовали все разом.

— Дикий... Коротышка...

У бандитов отлегло от сердца: они подумали было, что дом уже окружают полицейские. Из сбивчивых объяснений Миги и Крабса выяснилось, что при свете фонариков они внезапно увидели перед собою ужасное существо — не то зверя, не то коротышку. Побросав корзины, они бросились бежать, причем Крабс в панике все время налетал на деревья и едва не расшиб себе голову.

Высмеяв трусов и сообразив, что все остались без ужина, главари бандитов не на шутку рассвирепели и приказали горе-грибникам вернуться в лес за корзинами. Вместе с ними отправились Хорёк и Губошлёп, у которых за порогом тоже начали трястись поджилки. Однако все четверо благополучно вернулись, а грибы немедленно сварили и съели.

Более или менее насытившись водянистыми грибами, Ханаконда откинулся на скрипящем стуле и начал не спеша ковырять спичкой в зубах, хитро

поглядывая на своих дружков. Догадавшись, что он собирается сказать что-то важное, все притихли.

— Пупсу хана, — произнес наконец Ханаконда Будем брать телевидение через вертолетную площадку. Завтра. Или послезавтра. Пупсу хана.

— Это как, шеф, на вертолете, что ли? — спросил Хорёк.

— Да, на вертолете.

— А где ж его взять-то, вертолет?

— Угнать вертолет — раз плюнуть. Или уже забыли?

Бандиты понятливо переглянулись.

— Слушайте мой план.

Все пригнулись над столом и приготовились слушать, но тут снаружи, за окном, послышалась какая-то возня. Всем стало страшно. Не сводя глаз с темного оконного стекла, Ханаконда отступил к пылающей печке и взял в руку кочергу. Минуту все находились в оцепенении, но звук больше не повторился.

— Ерунда, — сказал Ханаконда и бросил кочергу. — Белка или барсук...

Все выдохнули с облегчением и снова приготовились слушать.

И в это мгновение оконное стекло с грохотом разбилось, и в дом влетело, перевернувшись в воздухе, ужасное существо — заросший рыжей шерстью полукоротышка-полуобезьяна. Вскочив на стол, он задрал голову к потолку, оглушительно зарычал и забарабанил кулаками по своей огромной груди.

Все бандиты, за исключением Ханаконды и Крабса, залезли под лавку, и оттуда торчали только их дрожащие задние части. Ханаконда стоял возле печки и смотрел на существо в упор широко раскрытыми глазами. Крабс попросту лишился сознания от страха и поэтому продолжал сидеть на своем стуле.

Рука Ханаконды потянулась к кочерге.

— Не-ет!! — заревело чудовище ужасным гортанным звуком.

Соскочив со стола, оно подхватило кочергу, завязало ее в узел и яростно отшвырнуло.

— Кто ты? — прошептал Ханаконда.

— Я! — ударило себя в грудь чудовище. — Росомаха!

Тайна дикого коротышки. Росомаха попадает на засекреченный остров. Чудовищные метаморфозы. Возвращение на материк

Когда Росомаха полетел в злосчастную расщелину, его парашют, сконструированный для космических строителей особым образом, раскрылся автоматически. Случившееся привело его в такое бешенство, что весь отрезок пути до слоя облачности он беспрестанно ругался и плевался, забрызгав слюной все стекло гермошлема.

Опустившись ниже облаков, он посмотрел вниз и сразу потерял дар речи: повсюду, куда ни глянь, под ним синела бескрайняя водяная пустыня.

Да, да! По сравнению с другими неудачниками, угодившими в разное время в ту же самую расщелину, Росомахе повезло меньше всех. И теперь его ожидала долгая и мучительная гибель без всякой надежды на спасение.

Но вот, по мере приближения к воде, на зеленоватой глади начали появляться то там, то здесь какие-то скопления точек. Эти точки были группами во множестве разбросанных в этой части Южного океана необитаемых островков. Островки все более отчетливо вырисовывались в зоне видимости, и леденящий ужас,

сковавший Росомаху до их появления, сменился радостью и надеждой.

Но еще через несколько минут Росомахой овладела мучительная тоска. Он понял, что даже если сумеет добраться вплавь до одного из таких островков, то все равно никогда не сможет вернуться на материк и навсегда останется заложником дикой природы, одиночества и отчаяния.

Но вот в более низких слоях атмосферы задул сильный ветер, и парашют стало резко сносить на северо-восток. Впереди показалась земля, за песчаным пляжем и верхушкой пальм которой виднелись здания и парковые аттракционы. Росомаха не верил своему счастью, он засмеялся, потом заплакал, потом захохотал как безумный.

Повалившись на мягкий песочек, он выбрался из скафандра, зашел по колено в воду и, нагнувшись, долго плескал себе в лицо, счастливо бормоча какие-то глупости. Вода была соленая, теплая и прозрачная.

Немного успокоившись, Росомаха огляделся по сторонам. Его несколько удивило то обстоятельство, что на пляже нет ни единой живой души. Во множестве имевшиеся повсюду лежаки и шезлонги были как будто давно здесь брошены и занесены песком. Однако эту странность он отнес к тому, что сезон давно закончился и богачи разъехались из этого фешенебельного курортного местечка.

Теперь следовало точно узнать, где он находится, и Росомаха бодро зашагал в сторону ближайших построек.

К величайшему его изумлению, все помещения роскошно обставленного дорогого пансионата оказались пусты; пустовали и соседние дома; было пусто и в кафе, в барах, в кинотеатрах, в игротеках, концертных залах и на спортивных площадках, в огромном парке аттракционов не было ни единого коротышки.

Плохо что-либо соображая и чувствуя только мощные удары колокола в висках, Росомаха неожиданно снова вышел на пляж. Страшная догадка поразила его, он побежал вдоль берега — и вскоре увидел брошенный им на песке скафандр. Все еще отказываясь верить в случившееся, он побежал в другую сторону и вскоре вернулся на то же самое место, усталый и опустошенный. Это был остров. Дурацкий остров. Тот самый, на котором коротышки превращались в баранов и который после огласки и скандала был навсегда закрыт для посещения и засекречен.

Весь этот день Росомаха плакал и бился в истерике и только глубокой ночью, совершенно обессилев, забылся сном. Утром он нарвал бананов, утолил голод и решил бороться за себя до конца. Он понимал, что стоит ему только расслабиться, распустить себя и предаться глупой, бесцельной и бездумной жизни, как вредоносный воздух тотчас начнет воздействовать на его организм и он начнет обрастать шерстью, превращаясь в барана.

Он решил много читать и вести подробный дневник, где он будет записывать разные умные мысли, почерпнутые из книг, а также свои собственные наблюдения.

Увы! На всем острове не нашлось ни единой книги, за исключением книг, состоящих из одних картинок; не оказалось единого листочка писчей бумаги и карандаша. Однажды только удалось поймать носимый ветром обрывок газеты, в котором сообщалось о крахе общества гигантских растений и о появлении движущегося к Луне от Большой Земли неизвестного предмета.

В отчаянии Росомаха попробовал играть сам с собою в крестики-нолики. Но очень быстро игра

стала ему настолько понятной и предсказуемой, что исход каждой партии он видел уже с первого хода.

Заставляя себя думать, он начал перебирать в памяти все известные ему арифметические правила. К своему огорчению, он быстро обнаружил, что умеет считать только путем загибания пальцев на руке или нажимания кнопок на калькуляторе. С огромным напряжением, методом проб и ошибок, он заново научился складывать и вычитать в столбик. Это прозрение его так обрадовало, что весь день, до наступления темноты, он ползал по песку, складывая и вычитая всевозможные числа. Однако все его попытки заново научиться умножению и делению в столбик ни к чему не привели. В отчаянии от неудачи Росомаха впал в депрессию и несколько дней валялся на пляже в полном безделье, вставая время от времени лишь для того, чтобы нарвать кокосов и бананов, растущих здесь в изобилии.

Устав лежать и опухнув от сна, Росомаха отправился на прогулку в глубь острова, рассчитывая хоть как-то скрасить свое тоскливое времяпрепровождение. В кладовой заброшенного ресторана он обнаружил ящик консервированного повидла, однако сладкое ему уже настолько опротивело, что он только пнул ящик ногой и злобно зарычал.

Он пробовал завести кинопроектор в пустующем кинотеатре, но только запутал пленку и в ярости начал громить стулья в зале.

На следующий день Росомаха обнаружил в одном из зданий видеотеку с бесчисленным запасом видеокассет. Ему удалось включить воспроизведение, и на протяжении последующей недели он смотрел бесконечную вереницу похожих один на другой, как близнецы, фильмов со стрельбой, погонями и драками.

Но вот однажды он не смог, сколько ни бился, совладать с тремя кнопками, при помощи которых приводилась в действие видеосистема. Кнопки «СЕТЬ»,

«ВКЛ» и «ПУСК» необходимо было нажимать в определенной последовательности, но три действия в определенном порядке было для него уже слишком много. К тому же нажимать кнопки мешали необычайно быстро отраставшие ногти, которые становилось все труднее грызть, потому что они теперь больше напоминали собачьи когти.

Разбив вдребезги неподатливую видеосистему, Росомаха выбежал в парк. Катание на горках, качелях и каруселях не требовало умственных затрат, поэтому все последующие дни этот уже полукоротышка целиком посвятил себя бездумным развлечениям.

На его лице и на туловище отросла шерсть; за счет непомерно вытянувшихся клыков угрожающе развилась нижняя челюсть; из копчика начал стремительно расти хвост. Потеряв вдруг всякий интерес к растительной пище, Росомаха начал охотиться по ночам за мелкими зверьками — мышками, кротами и сусликами. Руки его вытянулись, ноги укоротились, зато пальцы ног приобрели необычайную цепкость: теперь он мог делать ими хватательные движения почти так же ловко, как и кистями рук. Росомаха потерял счет времени и забыл свое прошлое.

Но вот однажды он увидел на горизонте странную точку. Она не была похожа ни на птицу, ни на морское животное. Точка медленно приближалась, приобретая форму огромного металлического сооружения.

— Ха-га-гы! — прорычал Росомаха. — Ко-га-гы!.. Ко-ла-бы!.. Ко-ра-был!..

Скуля по-собачьи и пытаясь выговорить забытое слово, он метался взад-вперед по песку, а когда корабль приблизился к берегу, затаился в кустах.

Коротышки в форме начали грузить в трюм брошенное здесь когда-то имущество, а Росомаха подплыл к противоположному борту, вскарабкался по

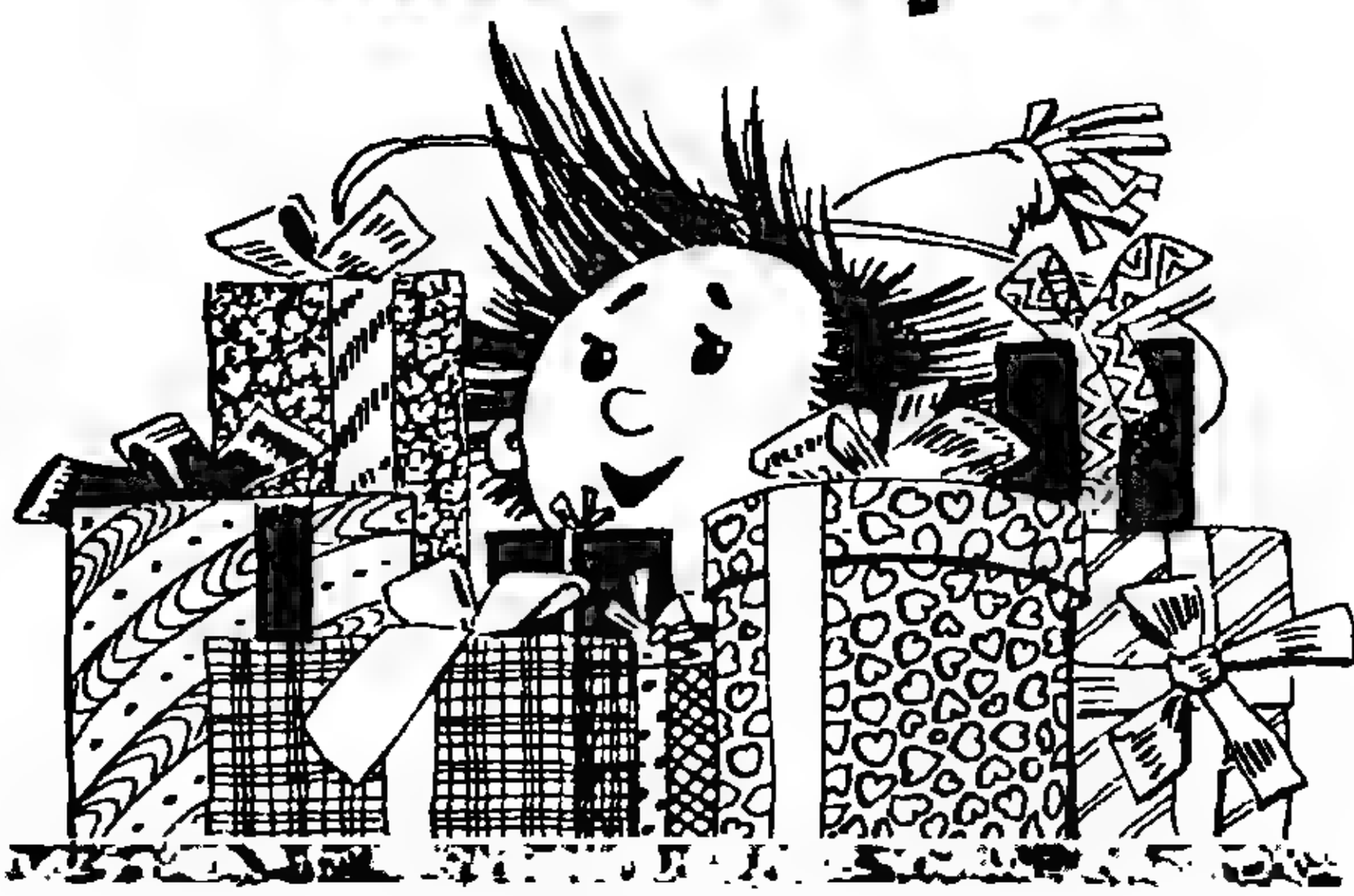
якорной цепи и спрятался в крытой брезентом спасательной шлюпке.

Прибывшие очень спешили, опасаясь надышаться здесь вредного воздуха, а потому уже через пару часов подняли якорь и двинулись в обратный путь.

Поздней ночью корабль встал у причала порта Лос-Свинтос. Никем не замеченный, Росомаха спрыгнул в воду и выбрался на пустынный берег в стороне от города.

Последующие дни недели одичавший коротышка жил в лесах, постепенно перемещаясь к северо-западу и пугая своим видом случайных встречных. С наступлением темноты он подкрадывался на огонек к жилым строениям и слушал доносившиеся из телевизоров известия о розыске беглой банды Ханаконды и о появлении в лесах дикого коротышки. Что такое «дикий коротышка», он не понимал, но зато имя главаря банды всколыхнуло в нем очень многое. Инстинкт тянул Росомаху прибиться к стае, а вожаком стаи он признавал только одного коротышку, имя которого было Ханаконда.

Часть вторая



Экстренное совещание экипажей. Командиром ракеты «ФиС» назначается Стекляшкин. «Дружок» отправляется на разведку в зону риска

Увидев, как в расщелину ссыпались один за другим четверо из пятнадцати участников спасательной экспедиции, Знайка пришел в такое смятение, что долго не мог говорить. Поддерживаемый Клюковкой, он доплелся до ракеты, освободился от скафандра и велел обоим экипажам собраться в своих кают-компаниях. (Общие совещания проводились посредством включения телемоста.) Но раньше, чем объявить всем об ужасном происшествии, Знайка распорядился:

— Стекляшкин! Иди скорее туда, посчитай, где они упали!..

Стекляшкин и Огонёк отправились в пещеру. При помощи точных приборов и инструментов они определили положение внутреннего ядра, а затем и место на карте, над которым находилась расщелина в момент катастрофы. С учетом ветра можно было приблизительно очертить место их приземления. (Как

мы уже знаем, это место находилось где-то между Хрумстиком и Давилоном.)

— Хорошо еще, что они не угодили в океан, — сказал Знайка, когда Стекляшкин и Огонёк вернулись. — Какой только дурак разрешил им выйти из ракеты!

Вспомнив, однако, что он сам и проявил непозволительную слабость в этом вопросе, Знайка покраснел и притих. Слово взяли Фуксия и Селёдочка.

— Необходимо сейчас же направить в зону риска обе ракеты! — заговорили они наперебой. — Теперь мы в ответе не только за лунатиков, но и за наших товарищей!

— Стойте! — вмешался Пилюлькин. — Погодите! Природа гипнотического воздействия на коротышек еще не выяснена! Возможно, что невидимые излучения пронизывают насквозь все появляющиеся в зоне риска предметы; пропадем сами и друзей не спасем!

— Я согласен с мнением Пилюлькина, — сказал Знайка. — Мы не должны совершать сгоряча необдуманных поступков. Что нам известно? То, что четверо из нас, спрыгнув с парашютами, приземлились в центре населенного материка. Из услышанного в радиоэфире мы знаем, что жизнь там протекает хотя и довольно странно, но вполне спокойно. Можно сказать, что мы здесь находимся в гораздо более опасном, чем они, положении.

— Ну знаешь, ты говори, да не заговаривайся! — подал голос Винтик.

Тут наперебой заговорили Кроха, Буравчик и писатель Смекайло, после чего дальнейшее обсуждение стало невозможным. Когда наконец возобновилась тишина, слово взяла Клюковка-Огонёк.

— Ну вот что, — сказала она. — Вы предлагаете то, что совершенно неприемлемо. Мы не можем все

отправиться в зону риска; потому что спасать нас самих будет уже некому. Но мы также не можем бросить на произвол судьбы этих... неосмотрительных коротышек. Однако вы забыли, что у нас есть умный и сильный механик, который не нуждается ни в воздухе, ни в пище, на которого не действуют никакие вредные излучения. Конечно, я имею в виду «Дружка».

Услышав свое название, робот поднялся.

— Мы сбросим его на то же самое место, приказав искать наших товарищей. Попутно он произведет химический анализ воздуха, воды и продуктов питания, а также попытается расспросить о происходящем местных жителей. «Дружок» ловок, сообразителен и почти неуязвим. Его усовершенствованная конструкция позволит ему если не плавать (для этого он слишком тяжел), то совершенно свободно ходить по дну. А это важно, потому что сейчас там очень сыро...

Лица у спорщиков прояснились.

— Конечно, это выход! — обрадовался Знайка. — Но для того, чтобы «Дружок» смог передать нам собранную информацию, мы сами должны находиться где-то рядом; ведь радиосигналы не проходят большие расстояния из-за искусственных помех. Ракета сталкеров тоже спустится в зону риска и будет лететь над ним!

— Вы глупеете прямо на глазах, дорогой коллега, заметила Огонёк и продолжила свою мысль: — Мы не будем никого подвергать опасности, а просто дадим роботу сигнальные ракеты: одну красную и одну зеленую. По прошествии одних подлунных суток мы узнаем, можно ли спускаться в зону риска: зеленая ракета будет означать, что можно, красная — что нельзя.

Идея была великолепна, и все оживились.

— А если нельзя? — спросил Стекляшкин.

— У нас еще сутки, для того чтобы обсудить и такой вариант, — ответила Огонёк.

Возражений не последовало, и «Дружка» без промедления стали готовить к его важной и ответственной миссии.

В связи с тем что командир ракеты «ФиС» провалился в зону риска сразу после прилунения, необходимо было переложить его обязанности на кого-нибудь другого. Перед командиром экспедиции Знайкой встала задача выбора между двумя, а вернее, тремя кандидатурами: Стекляшкиным, Фуксией и Селёдочкой. Недолго раздумывая, Знайка вручил бразды правления Стекляшкину, попросив его быть с экипажем построже.

Последнее было совсем не лишним, потому что дисциплина на корабле наблюдателей оставляла, мягко выражаясь, желать лучшего. Так, например, сразу после ухода Ярилы инженер Буравчик самовольно спустил на поверхность Луны свой вездеход и уехал кататься. Появился он только к концу собрания.

Писатель Смекайло, чувствительно задевший Кроху в своей газетной статье, расплачивался теперь за собственную недальновидность: колкая на язык корреспондентка буквально не давала ему прохода. По счастью, большую часть времени она проводила в спортивном отсеке, пиная руками и ногами подвесную грушу, но это обстоятельство писателю Смекайле оптимизма тоже не прибавляло.

В то же время Смекайло продуктивно работал, испещряя страницу за страницей своим мелким и округлым почерком. И это было странно, потому что в пути он намеревался делать лишь беглые заметки для будущего романа о путешествии на Луну. Неужели этот неутомимый труженик пера с ходу превращал заметки в полноценный художественный

текст, уже не только отслеживая, но и предвосхищая развитие событий? Но этот вопрос мы сумеем разрешить только по возвращении на Землю.

По истечении одних подлунных суток внутреннее ядро совершило полный оборот вокруг оси и вновь обратилось к расщелине той самой местностью, на которую в результате хулиганской выходки Злючкина опустились четверо участников экспедиции. К этому времени «Дружок» был проинструктирован едва ли не на все случаи жизни. С учетом немалого веса его решили снабдить не одним, а сразу тремя парашютами.

Но вот, когда все приготовились, следивший за циферблатом часов Стекляшкин махнул рукой. Огонёк сказала: «Вперед!» — робот шагнул в расщелину и камнем полетел вниз. Входя в плотные слои атмосферы, он дернул за шнурок, и над его головой забились и хлопнули один за другим, раскрывшись, три ослепительно белых купола. Полет замедлился, и «Дружок» стал зорко смотреть вниз. Ниточка железной дороги осталась далеко в стороне, он парил над лесом, спускаясь все ниже и ниже приблизительно по той же самой траектории, которую описали сутками раньше Незнайка и Пончик.

Под дружные рукоплескания изобретатели велосипеда демонстрируют полную и безусловную состоятельность своего изобретения

Весь день и всю последующую ночь четверо квалифицированных слесарей под руководством главного инженера, а также изобретателей Незнайки и Пончика конструировали опытную модель велосипеда.

Начали с того, что кривобокий рисунок перенесли на миллиметровку, произведя необходимые математические расчеты, а затем сделали точный чертеж каждой отдельной детали. Определенные трудности вызвала задняя втулка, потому что ни тот ни другой изобретатель понятия не имели о ее устройстве. Но опытные слесари, умевшие делать если не велосипеды, то очень хорошие автомобили, сами догадались, как устроена втулка заднего колеса, — чтобы можно было на ходу педали крутить и не крутить, а также тормозить, надавливая в обратную сторону.

Единственное, чего никак не могли понять эти высочайшего класса специалисты, так это того, почему велосипед имеет всего только два колеса, а не хотя бы три. «Ну не может, — говорили они, — коротышка сидеть на двух ножках стула! Видели вы когда-нибудь автомобиль на двух колесах?..»

Доверявший интуиции своего хозяина, главный инженер догадывался, что все не так просто и в устройстве этой необычной машины есть какой-то фокус. Чтобы не расхолаживать рабочих, он сказал, что этот двухколесный образец делается специально для цирковых артистов, которые будут ездить на велосипеде по натянутому канату.

— Ну если по канату... — понимающе закивали слесари.

К утру привезли последнюю недостающую деталь — легкие литые шины из пористой резины. Завод резиновых покрышек также принадлежал г-ну Пудлу, поэтому шины необходимого размера отлили в считанные часы. (Впоследствии, разумеется, предполагалось выпускать нормальные надувные.)

Дрожащими от нетерпения руками главный инженер сам натянул резину на ободья, вставил колеса в переднюю и заднюю вилки, отрегулировал натяжение цепи, затянул гайки, поставил велосипед на колеса и ударил ладонью по звенящему пружинами седлу.

— Ну вот, — сказал он. — Готово.

Незнайка и Пончик переглянулись. Теперь кто-то из них должен был продемонстрировать ходовые качества собственного изобретения. Но пока они топтались в нерешительности, главный инженер не выдержал и сам влез на велосипед. Он поставил ноги

на педали и в ту же секунду со звоном завалился на бок.

Сбившиеся в сторонке слесари недоверчиво загудели. Незнайка понял, что медлить больше нельзя.

— Ладно, — сказал он. — Сейчас покажу, учитесь.

Он поднял велосипед, взялся за руль, подкрутил педаль в удобное для ноги положение и поднял глаза. Физиономии слесарей выражали сомнение, главный инженер потирал ушибленный локоть. «Ну, давай!» — беззвучно показал губами Пончик и энергично завертел перед собой кулаками.

Незнайка поставил левую ногу на педаль, осторожно оттолкнулся правой — раз, другой, третий... Велосипед покатился, плавно набирая скорость. Ощущая уже его устойчивость, Незнайка под всеобщий возглас «Ах!» перебросил через заднее колесо и раму правую ногу, уверенно оседлал машину и закрутил педали. Под взрыв аплодисментов велосипед легко покатился по просторному цеху, описывая круг за кругом. Это была полная победа.

Г–н Пудл имеет удовольствие прокатиться на велосиподе, после чего берет со всех подписку о неразглашении. Пончик проявляет деловую хватку капиталистической акулы, Пудл — широту капиталистической души

Явившийся ранним утром в экспериментальный цех г-н Пудл застал там необычайное оживление. Кататься на велосипеде умели уже все принимавшие участие в создании опытного образца, и это оказалось настолько легко и приятно, что всем хотелось кататься снова и снова. Даже появившуюся в цехе

уборщицу заставили прокатиться, поддерживая велосипед с двух сторон за седло.

— Хозяин, это фантастика! — закричал, торопясь навстречу Пудлу, главный инженер. — Он не падает! Он катится сам, почти без усилий!

Г-н Пудл оседлал машину и проехал несколько кругов.

После этого он стал необычайно серьезным и, не сходя с места, позвонил своему юристу, велев ему срочно прибыть в офис.

— Кто-нибудь еще был здесь? — строго спросил он.

Получив отрицательный ответ, он попросил всех, включая уборщицу, проследовать за ним в кабинет.

Как только примчался юрист, Пудл торжественно объявил:

— Прежде всего, господа, позвольте поздравить вас всех с успешным испытанием опытного образца нашей новой, сверхперспективной продукции «велосипед».

Он вышел из-за стола и крепко пожал каждому, в том числе и уборщице, руку. При этом уборщица так расчувствовалась, что прослезилась.

— С завтрашнего... — продолжил Пудл, — нет, уже с сегодняшнего дня наше предприятие приступает к подготовке массового выброса на рынок этого замечательного товара. Но при этом, — голос его сделался многозначительным, — при этом, как вы сами понимаете, наш конкурент не дремлет. Он тоже не дурак нажиться на дешевом ходовом товаре массового спроса. А потому изделие «велосипед» будет собираться нами в строжайшем секрете. И только после того как первая партия поступит в продажу, мы все сможем вздохнуть спокойно и чесать языки налево и направо. Будьте готовы к тому, что кто-нибудь начнет выспрашивать у вас про

велосипед, даже предлагать деньги... Вы меня понимаете?

— Да, хозяин, понимаем, хозяин, — загудели слесари, а уборщица испуганно схватилась за грудь. — Понимаем, хозяин, не сомневайтесь...

— Я не сомневаюсь, однако для верности закрепим наш уговор собственноручными подписями. Надеюсь, никто против этого не возражает?

Никто не возражал, и юрист взял с каждого подписку о неразглашении. Конечно, Пудл мог удовольствоваться простым честным словом загипнотизированных коротышек, но кто знал, не рухнет ли этот режим столь же внезапно, как и возник — тогда, прямо за «круглым столом» большого бредлама. И чего тогда будет стоить честное слово обыкновенного, разгипнотизированного коротышки?

Пудл снова пожал руки своим работникам и отпустил их, поручив дальнейшее главному инженеру. В кабинете остались юрист и два изобретателя.

— Теперь с вами, господа, — сказал Пудл. — Нам осталось заключить соглашение, в котором ни моя, ни ваша сторона не были бы как-нибудь ущемлены. Я предлагаю вам фертинг с каждого проданного велосипеда, идет?

Незнайка радостно встрепенулся, но опытный в таких делах Пончик сказал презрительно:

— Вот еще, один фертинг. К тому же на двоих. Что мы купим на этот фертинг? Даже приличный обед стоит больше.

— Вы меня не совсем поняли, господа, — терпеливо возразил Пудл. — Речь идет не о продаже одного-единственного велосипеда, а о продаже тысячи, десятков тысяч велосипедов в первые же дни рекламной кампании!

— Все равно мало, — заупрямился Пончик. — Вы небось каждый будете не меньше чем по сотне продавать.

— Да, но затраты на производство и рекламу...

— Вот вы и подумайте хорошенько.

— Ладно, пусть будет два фертинга.

— Двадцать, — сказал Пончик, и Незнайка посмотрел на него с испугом.

- Вы сошли с ума! воскликнул Пудл. — Двадцать — это вся моя чистая прибыль!

— Ладно, пятнадцать, или мы встаем и уходим.

Для пущей убедительности Пончик взялся руками за подлокотники.

— Пять фертингов!

— Не пойдет.

— Но ведь это целых пятьдесят тысяч в первую неделю продажи!

Пончик поднялся и многозначительно заметил:

— Я вижу, господин Пудл, что мне все-таки имеет смысл еще раз переговорить с господином Циклопом.

Эта негромко произнесенная фраза возымела магическое действие.

— Стойте! — крикнул Пудл, подбежал к дверям и загородил их собою. — Стойте, я даю вам десять.

— И столько же от продажи запасных частей.

— По рукам.

Все трое ударили по рукам и подписали объемистый, состоящий из двух десятков страниц договор. В нем говорилось о правах и обязанностях сторон в процессе производства и продажи конструкции «велосипед» системы НиП (Незнайки и Пончика).

— Поздравляю, — сказал Пудл. — С сегодняшнего дня вы богатые коротышки.

— Спасибо, — сказал Незнайка. — Но пока не очень-то заметно. — И он выразительно похлопал себя по карманам.

— Понимаю, — спохватился Пудл. — Ведь первые отчисления поступят на ваш счет не раньше чем

через неделю... А я прямо сейчас выпишу вам аванс; тысячи на первые дни хватит?

Разинув рты и переглянувшись, изобретатели с готовностью закивали.

Тысяча фертингов — огромные деньги. Имея в кармане такую сумму, Незнайка и Пончик могли поселиться в самой дорогой гостинице и жить на широкую ногу, ничуть не стесняя себя в расходах. Так они и поступили.

Г–на Циклопа одолевают смутные предчувствия. Агент Жучок докладывает о подозрительном движении в стане противника и получает двести фертингов на представительские расходы

В то же время г-на Циклопа не покидало ощущение тревоги. Известно, что ворочающие большими деньгами коротышки обладают особым чутьем на прибыль, и г-н Циклоп смутно ощущал, что где-то он недавно такую прибыль упустил.

Он стал перебирать в уме все разговоры и встречи, которые случились с ним за последнее время, и на память ему пришли двое чудаков, предлагавших свое изобретение — нелепое устройство на двух колесах под названием «велосипед». Ему снова стало смешно, однако уже в следующую секунду стало страшно.

«А вдруг, — подумал он, — это и есть та самая выгода, которой я лишился по собственной глупости? Вдруг этот велосипед не бред сумасшедших, а новый, сверхэкономный и полезный для окружающей среды транспорт будущего? А если эти двое уже ведут переговоры с моим конкурентом?..»

Г-н Циклоп схватил трубку и набрал номер.

— Младший товаровед Жучок, отдел сбыта фирмы «Пудл», — откликнулся коротышка на том конце провода.

Это был хорошо оплачиваемый осведомитель. Жучок специально устроился на работу к Пудлу, чтобы повсюду высматривать и вынюхивать, а затем докладывать своему тайному нанимателю. Такое шпионство в среде капиталистов было на Луне обычным явлением, потому что каждому хотелось выведать об удачных находках своего конкурента и раньше него выбросить на рынок какой-нибудь новый сорт вкусных конфет или обои с оригинальным рисунком. Конечно, если судить по меркам нормальных коротышек, такое поведение — настоящее свинство. Но сами капиталисты воспринимали все это как игру, в которой все средства хороши, и друг на друга по большому счету не обижались.

— Это я, — негромко и многозначительно сказал Циклоп своему шпиону.

— А, это вы, господин... Жабс! — сказал Жучок, называя Циклопа другим именем для отвода глаз. Из вредности он каждый раз придумывал для хозяина какое-нибудь новое обидное имя. — Здесь сейчас шумно, господин Жабс, я вам перезвоню.

Не прошло и минуты, как телефон зазвенел.

— Здравствуйте, господин Циклоп, — зашептал Жучок в трубку совсем другим тоном. — Говорите, здесь никто не услышит.

— Что нового?

— Что-то такое есть, господин Циклоп. Какое-то подозрительное движение в опытном цеху, сегодня там работали всю ночь. Еще говорят, что приказано освобождать склады для огромной партии какой-то новой продукции.

— Какой? Какой продукции?

— Пока выяснить невозможно, все чрезвычайно засекречено.

— Кто был вчера у Пудла?

— Были двое чудиков, кажется изобретатели.

— Ты их видел?

— Видел мельком.

— Один толстенький, другой в шляпе?

— Да, точно, это они!

— Сможешь узнать их физиономии?

— Узнаю... если прикажете.

— Займись ими срочно, выведай все, что сможешь; предлагай любые деньги. У меня такое чувство, будто я выбросил со старой жилеткой лотерейный билет на миллион фертингов.

— Сочувствую вам, господин Циклоп. Миллион фертингов — очень большая сумма.

— Без тебя знаю, идиот. Хватит болтать и принимайся за дело.

— Хорошо, попробую их найти. Наверняка поселились в какой-нибудь дорогой гостинице — им выдали аванс наличными. Представлюсь каким-нибудь богатым бездельником, техником-любителем, и вотрусь в доверие. Будут представительские расходы. Чтобы выглядеть как богатый бездельник...

— Короче, сколько?

— Триста... нет, пятьсот.

— Хорошо, получишь в кассе двести. Меня будут соединять с тобой в любое время суток, чем бы я ни был занят.

— Иногда с вами очень приятно разговаривать, господин Циклоп.

Фабрикант бросил телефонную трубку и, опершись руками о стол, некоторое время шумно дышал, раздувая ноздри. Он понимал, что, если дело не выгорит, Пудл оставит его далеко позади себя. И для того, чтобы этого не произошло, были хороши все средства.

Как Жучок втерся в доверие к изобретателям и без особых усилий заполучил от них чертеж конструкции «велосипед»

С удовольствием и волнением рассовав по карманам тысячу фертингов наличными, Незнайка и Пончик сели в такси и распорядились везти их в самую лучшую гостиницу. В известной гостинице «Изумруд» на улице Лоботрясов они заняли удобные двухместные апартаменты и заказали большой обед прямо в номер. Потом до вечера они спали, а когда проснулись и было уже темно, по предложению Пончика отправились поужинать в ресторан.

В зале было празднично, шумно и весело. На сцене показывали эстрадные номера, и ужин затянулся до глубокой ночи. Изобретатели между прочим познакомились с одним веселым коротышкой, который много дурачился и смешил их анекдотами, а после проводил до самого номера, пообещав завтра наведаться.

На другой день Незнайка проснулся далеко за полдень и сразу услышал, как в гостиной Пончик увлеченно заказывает по телефону обед в номер.

— Слушай, Пончик, — окликнул Незнайка приятеля, — наверное, надо как-то с нашими связаться.

— С нашими? Это еще зачем?

Как это «зачем»? Нас, наверное, ищут, а мы тут...

— Что «мы тут»? — спокойно возразил Пончик. — Мы тут в зоне риска. Пытаемся, можно сказать, выжить.

В ожидании обеда Пончик то и дело запускал руку в рюкзак с сушеными козленками. Незнайка тоже взял себе горсть и принялся жевать.

— Мы сюда что, — продолжал Пончик, — по собственному желанию ссыпались? То-то и оно. Нас

столкнули и бросили на произвол судьбы в этом страшном мире наживы и чистогана. К тому же они и вправду здесь все какие-то загипнотизированные, еще неизвестно, чего от них ждать...

— Правда? Ты тоже в них что-то такое заметил?

— Конечно, как тут не заметить, все счастливы как идиоты и глаза у всех будто стеклянные.

— А вот у некоторых я этого не заметил...

— Ну так, стало быть, некоторые еще в своем уме.

— Слушай, Пончик, а почему мы с тобой не того... не загипнотизировались?

Пончик перестал жевать и задумался. Такой вопрос еще не приходил ему в голову. Он подошел к зеркалу, включил над ним светильник и стал внимательно вглядываться в свое изображение. Он оттягивал нижние веки, высовывал язык, оскаливал зубы, вертелся так и сяк, однако ничего особенного в себе не обнаружил.

— Нет, — сказал он, — не на такого напали.

— А может, у них это что-нибудь вроде прививки? — предположил Незнайка. — Когда дойдет очередь — вызовут куда следует, кольнут, и гуляй себе дальше... Со стеклянными глазами.

— Ты думаешь? Ну так мы не пойдем никуда, если даже вызовут. Нашли дураков, пусть сами себе прививки делают.

— Да, это правильно. Я даже думаю, что нас вообще никуда не вызовут, потому что мы здесь ни в каких списках не значимся.

— А вот дудки: мы-то как раз с тобой, может быть, значимся. Ох как сильно, может быть, значимся...

Но тут прикатили трехъярусные тележки с обедом, и все вопросы отошли на второй план.

Послеобеденный сон сморил изобретателей, и они опять проснулись только вечером, оттого что кто-то настойчиво стучал в дверь. Пончик набросил халат и

пошел открывать. На пороге стоял улыбающийся от уха до уха вчерашний коротышка. На нем был все тот же черный фрак, цилиндр, белые перчатки; в руках он держал трость с серебряным набалдашником.

— А, это вы, господин Кикс, — зевнул Пончик. — Как же вы это... все успеваете...

— Разбогатев хорошенько, вы еще успеете к этому привыкнуть, — сказал коротышка, манерно присев на край стола и попытавшись непринужденно повертеть тростью, но тут же ее уронив. — Вы еще к этому не привыкли, но имейте в виду, что жизнь богатого коротышки вместе с удовольствиями накладывает на вас еще и массу неприятных обязанностей, как-то: светские рауты, визиты к портному, клубы, гольф, это... разные там театры и концерты... Но главное — это манеры. Вот возьмем, к примеру, вчерашний ужин. Официант, неуклюжая скотина, просыпал вам салат на брюки, господин Пончик. И что же вы сделали?

— Что? — вяло отозвался Пончик.

— Вы добродушно сказали ему: «Ничего, ничего», в то время как должны были отшлепать его перчаткой по физиономии: вот так! вот так! вот так!.. — Кикс замахал перед собой белой перчаткой.

Пончик устало провел руками по лицу и подумал, что было бы неплохо избавиться сейчас от этого шумного гостя, чтобы еще часик спокойно всхрапнуть до ужина.

— А вы, собственно... — начал он, стараясь подбирать слова поделикатнее, — вы по какому вопросу?

— «По какому вопросу»! — Кикс возмущенно хлопнул перчатками по ладони. — Да у меня к вам не один, а десять, сто, тысяча вопросов! Дорогой мой господин Пончик и господин Незнайка, дорогие мои талантливейшие изобретатели!

Незнайка приоткрыл глаз и стал пристально всматриваться в гостя через открытую дверь своей спальни. Этот коротышка вел себя в ресторане довольно

подозрительно: то он вдруг вставал из-за стола и кричал: «Верховному Правителю слава!» — и все были вынуждены тоже вставать и кричать, то он делал подножку официанту, и тот падал в фонтан вместе с полным подносом, то вытаскивал Незнайку и Пончика на танцплощадку и заставлял дергаться вместе с ним под какие-то дикие ритмы... Стараясь казаться разбитным и веселым, он исподволь настойчиво выспрашивал обо всем, что касалось их работы над «двухколесной самодвижущейся тележкой», о которой он якобы вычитал в каком-то техническом журнале. Но изобретатели хорошо помнили, о чем говорилось в кабинете господина Пудла, а потому надежно держали рот на замке.

— А что вы, собственно, имеете в виду? — сказал Пончик.

— Как это что! Как это что! Они уже не помнят! Ведь вы, дорогие мои, обещали показать ваше новое, последнее изобретение! Велосипед!

Незнайка подскочил на кровати, и они с Пончиком испуганно переглянулись.

— Хорошо, я не требую действующую модель, я прошу хотя бы нарисовать его на бумажке, ну что вам стоит! Вы даже не представляете, как я интересуюсь техническими новинками! Я богат и на деньги не поскуплюсь; назовите цену и покажите, покажите мне скорее ваше гениальное изобретение!

В запале коротышка опустился на колени.

— Мы рассказывали вам про велосипед? — бесстрастно произнес Пончик.

— Ну уж это вы врете, — сказал Незнайка. — Ничего такого не было.

— Ну как же не было, — умоляюще заговорил Кикс, — как же не было, вы меня обнадежили, вы обещали...

— А вы вообще-то сами где живете? — поинтересовался Пончик.

— Где я живу? Разве вы забыли, где я живу? Да здесь я и живу, буквально под вами, в этой самой гостинице.

— Вы... э-э... господин?..

— Кикс!

— Вы, господин Кикс, идите пока к себе. Возможно, мы что-нибудь для вас придумаем. Хотя ничего не могу обещать, — сказал Пончик с важностью, приличествующей состоятельному коротышке.

— Понимаю, понимаю, конечно, вы должны посоветоваться. Понимаю и моментально исчезаю. Но я скоро вернусь, господа, скоро вернусь...

Пятясь спиной и улыбаясь, Кикс скрылся за дверью, а Пончик разыскал в карманах своей курточки визитную карточку г-на Пудла и снял телефонную трубку

— Алло, господин Пудл? — заговорил он вежливым голосом. — Это Пончик, изобретатель велосипеда.

— А, господин Пончик! — обрадовался Пудл. — Как поживаете, как здоровье господина Незнайки?

— Спасибо, хорошо.

— У вас какие-нибудь проблемы?

— У нас и у вас, господин Пудл. Тут один подозрительный тип, а его зовут Кикс, пытался выспрашивать про велосипед. Намекал, что на это дело не поскупится деньгами.

— Что?! Уже? И как это они уже успели! Вот что, господин Пончик, очень хорошо, что вы мне позвонили. Кстати говоря, теперь и ваши личные доходы зависят от того, чтобы все было шито-крыто. Нам с вами нужно сбить их с толку, чтобы продержаться еще пару дней до того, как велосипед поступит в продажу. Знаете что, господин Пончик... Вы ему нарисуйте, этому Киксу, велосипед. Но только пусть у вас колеса располагаются не одно за другим, как полагается, а параллельно. Понимаете? Два колеса, и оба на одной оси. А седло поставьте повыше,

так чтобы можно было крутить педали, а цепь спускалась сверху вниз, понимаете?

— Вообще-то понятно... Только ведь на таком нельзя ездить.

— Вот и отлично, пусть покувыркаются. Не будут совать нос в чужие дела.

— Ладно, господин Пудл, так и сделаю, до свидания.

— До свидания, господин Пончик. Отдыхайте и развлекайтесь, скоро денежки сами потекут в ваши карманы.

Когда Кикс опять появился в номере, Пончик сделал вид, что поддался его уговорам. Он взял листок бумаги и нарисовал велосипед. То есть такой, про который ему говорил Пудл, — с двумя расположенными на одной оси под седоком колесами и высоко поднятым седлом. Едва успев пробормотать слова благодарности, пронырливый коротышка схватил чертеж и навсегда испарился.

Картофельный фермер в центре внимания средств массовой информации. Незнайка и Пончик делают покупки. Новая страсть Пончика, с которой он не может совладать. Появление железного коротышки

В вечерних новостях по телевизору показали картофельного фермера Орешка.

— А ну сделай погромче, — насторожился Пончик, — вдруг это он про нас рассказывает.

Незнайка прибавил звук, и гостиную наполнил знакомый голос:

— ...А следы, заметьте, только возле норок. Ну, думаю, сегодня он кротов ловит да недобранную картошечку откапывает, а что будет завтра, когда новая картошка поспеет? А картошечка у меня, слава Правителю, одна к одной, словно ягодки, залюбуешься, одно объедение. Оптовых покупателей прошу обращаться по адресу...

— Итак, господин Орешек, — перебила его корреспондентка, — вы решили это существо подкараулить.

— Что верно, то верно. Взял я дробовик, зарядил крупной солью, вырыл себе окопчик, оделся потеплее и жду. Чтобы не скучать, взял термос, чугунок с картофельными оладушками, а картошечка у меня, знаете...

— И долго вам пришлось сидеть в засаде, господин Орешек?

— Нет, не долго, я даже закусить как следует не успел. Чуть только стемнело — оно тут как тут, на краю поля. Притаилось за выкорчеванным пнем и ждет. Я тоже жду. Вдруг оно ка-ак прыгнет, ка-ак схватит! Не успел я глазом моргнуть, а крот уже у него в зубах. Тут я защелкал затвором дробовика, а он обернулся и стра-ашно так это на меня посмотрел, я даже остолбенел на мгновение. Но как только он повернулся ко мне этой... спиною, я прицеливаюсь — и бабах!! Из двух стволов ему в эту... вдогонку.

Фермер бабахнул так убедительно, что микрофон зашкалило.

— Коротышка этот заревел, как слон, да так в лес припустил, что только его и видели.

— Простите, вы сказали, что это был коротышка?

— Нет, это я оговорился. Разве можно в коротышек из ружья палить?

— Но ведь что-то в нем напоминало вам коротышку?

— Пожалуй, напоминало. Только уж больно волосатый, да и бегает все больше на четвереньках.

— Значит, когда вы стреляли солью ему в... вдогонку, он бежал на четвереньках?

— Ну точно, так оно и было.

— Спасибо, господин Орешек, мы благодарим вас за интересный и содержательный рассказ. Теперь мы вернемся в студию и послушаем сводку погоды на ближайшие дни.

Незнайка приглушил звук, и приятели уставились друг на друга.

Вот оно! — вскочил Пончик со своего места. — Вот оно как бывает.

— Так это мы дикого коротышку в лесу видели, — догадался Незнайка. — Хорошо еще тогда у него крыса была, а то еще неизвестно, как бы все повернулось.

Пончик закачал головой и заохал.

Прикатили ужин, и друзья постепенно забыли об опасности, которой чудом избежали в лесу. Оставшиеся на поверхности Луны участники экспедиции пока еще не давали о себе знать, а потому необходимо было как-то коротать время и тратить заработанные денежки. Пончик сказал, что богачи любят ездить по магазинам и делать всевозможные покупки.

— Что ж, — согласился Незнайка, — значит, и мы тоже завтра поедем.

На другое утро им подали ко входу в гостиницу сверхдлинный автомобиль с шофером, и новые богачи поехали вдоль центральных улиц Давилона, останавливаясь возле каждого большого магазина и делая покупки. Продавцы и приказчики были с ними вежливы и обходительны. Делать покупки оказалось занятием очень приятным.

Спустя несколько часов они вернулись в гостиницу. Мимо удивленного портье прошествовала целая вереница посыльных, одетых в фирменную одежду тех магазинов, в которых делались покупки. Просторный номер наполнился свертками, коробками и огромными ящиками, которые хозяева велели сразу же распаковывать.

Пончик купил себе фарфоровый сервиз на двадцать четыре персоны, хрустальную вазу, ковер, шубу, бронзовую статуэтку медведя и железную дорогу. Незнайка — искусственную пальму, контрабас, чучело павлина, напольные часы и натюрморт с селедкой и стаканом воды.

Едва выпроводив посыльных, щедро одаренных чаевыми, Пончик с азартом принялся распаковывать и собирать на полу железную дорогу, о которой давно уже мечтал. Он так увлекся, что к середине дня Незнайке пришлось напомнить ему об обеде — дело до того совершенно немыслимое. За едой в ресторане Пончик был тороплив и рассеян, а когда они вернулись в номер, он не лег спать, как это делал обычно, а снова принялся возиться с железной дорогой.

Незнайка завалился в кресло и включил телевизор.

Говорили что-то скучное — об ударном труде рабочих пуговичной фабрики, которые решили прогнать своего хозяина и передать предприятие государству, то есть лично Верховному Правителю. Ведущий называл эту инициативу «великий почин» и призывал других рабочих последовать этому революционному примеру и сбросить со своих мозолистых рук оковы капитализма.

Незнайка начал было уже дремать, как передачу вдруг прервали для экстренного сообщения. На экране вновь возникла вчерашняя корреспондентка и чернеющее позади картофельное поле.

— Уважаемые телезрители! — заговорила она взволнованно. — Совсем недавно мы сообщали вам о появлении дикого коротышки на поле господина Орешка, но вот он позвонил нам сегодня и сделал новое сенсационное заявление. Прошу вас, господин Орешек.

Камера отъехала, в кадре появился картофельный фермер. Корреспондентка сунула ему под нос микрофон.

— Стало быть, дело было так, — начал тот, как всегда, обстоятельно и не спеша. — Я насаживал лопату на новый черенок, вдруг подходит этот... верзила. Говорит мне: «Где те коротышки, которые прыгали с парашютом?» Я в толк не возьму, о чем он говорит. А он настаивает: следы, говорит, ведут непосредственно к вашему хозяйству. А хозяйство у меня, сами видите, доброе; благодаря заботам его сиятельства крепко стою на ногах... У меня, надо сказать, намедни останавливались двое, машина у них сломалась. Профсоюзные работники, симпатичные такие коротышки. (Незнайка и Пончик медленно переглянулись.) Я их до города на своей машине подбросил. Ну, думаю, если этот дылда — а он выше меня на две головы, — если этот дылда за теми коротышками гонится, дело плохо. Иди, говорю, отсюда подобру-поздорову. Это, говорю, частное владение. А он не уходит. Тогда я его лопатой слегка пихнул в живот, он ни с места. Я сильнее, а он все свое: где, мол, те коротышки, которые с парашютами прыгали! Я тогда пихнул его изо всех сил, а лопата — звяк! Будто о чугунный столб, и погнулась. Этот дылда берет у меня из рук лопату и черенок хрусь пополам, будто спичку. А черенок был толстый, у меня все в хозяйстве надежное...

— Это та самая лопата? — спросила корреспондентка.

— Она самая. — Фермер поднес обломок лопаты к объективу. — Вот этой лопатой я его и отвадил.

— Куда же он пошел?

— А туда. — Фермер махнул рукой в поле — Туда, говорю, иди. Там твои парашютисты.

— То есть вы указали ему неверное направление?

— Почему неверное? Самое что ни на есть верное, туда ему и дорога. Не хватало еще, чтобы он коротышек обижал. А за картошечкой приезжайте, адрес мой...

Корреспондентка взяла микрофон, и ее дали крупным планом.

— Итак, дорогие телезрители, обстановка накаляется: железный коротышка находится в окрестностях Давилона. Два свирепых неопознанных существа бродят под окнами наших жилищ. Будьте осторожны и сообщайте в полицию, как только вы их где-нибудь увидите.

Репортаж закончился, и Незнайка вскочил с места:

— Ты понял? Это ведь наш «Дружок»!

— Ты думаешь? — сказал Пончик недоверчиво.

— Конечно, чего тут думать! Его специально сбросили, чтобы он нас разыскивал, а мы тут сидим... велосипеды изобретаем.

— Погоди, не кипятись, — возразил Пончик. — Ну, допустим, его прислали, чтобы нас искать. То есть сами побоялись спускаться. А нам теперь никакая помощь и не требуется. Мы, как говорится, крепко стоим на ногах. Пускай они сами себе помогают, а мы уж как-нибудь теперь выживем. Еще неизвестно, кто кого спасать будет.

— А как же «Дружок», он ведь нас ищет.

— А что ему сделается? Пускай гуляет, собирает информацию. Но наше инкогнито никак нельзя раскрывать.

— Чего раскрывать?

— Инкогнито. Никто не должен знать, что мы сюда с Земли прилетели.

— Ну ладно, пускай гуляет. Может, его еще по телевизору покажут.

Пончик удовлетворенно кивнул и снова занялся своей железной дорогой.

«Дружок» совершает переход до Паноптикума и обратно, а затем пускает в небо зеленую ракету. Сталкеры спускаются в зону риска, Первый министр Гризль внезапно выходит на связь

С волнением участники экспедиции ждали сигнала от «Дружка». И вот, по истечении подлунных суток, в оговоренное время над облаками взвилась зеленая ракета. Это могло означать, что спуск во внутреннее пространство безопасен. Но это же могло означать и то, что «Дружок» попросту не сумел обнаружить источник гипнотического воздействия.

К сожалению, так оно и было: обнаружив парашюты Незнайки и Пончика, он взял на анализ пробы окружающего воздуха и воды из ручья; он заглянул в избушку, в которой скрывалась банда Ханаконды, и увидел, что местные коротышки едят грибы, и такие грибы он тоже взял на анализ; издалека он наблюдал за фермером и видел, как тот готовит себе блюда из картофеля, и «Дружок» выкопал себе несколько недобранных картофелин из земли. Все пробы он разобрал на химические составляющие и не обнаружил в них никаких вредных элементов, а в козленках выявил даже нечто нейтрализующее вредные воздействия. Проще говоря, козленки обладали

теми же свойствами, что и нейтрализующие таблетки. Эти таблетки, кстати говоря, Кротик из грибов и делал.

Напугав картофельного фермера, «Дружок» зашагал, как тот указал ему, в южном направлении — через леса, реки и овраги. Дойдя до Паноптикума, он вошел в городок и наделал там переполоху. Идти еще дальше в указанном направлении он не мог, потому что должен был успеть вернуться к исходному месту и запустить в небо сигнальную ракету.

«Дружок» запустил зеленую ракету, после чего решил больше никого не пугать, а спокойно дожидаться своих. Он залез в дупло, завернулся в плащ и замер.

Времени на раздумья больше не было. Поскольку внутреннее ядро не стояло на месте, необходимо было срочно провести ракету через большой ледяной туннель. Но тут взбунтовались Фуксия и Селёдочка, они потребовали, чтобы их тоже зачислили в экипаж сталкеров. Едва не плача, Знайка согласился, но тут, почувствовав слабину, Кроха и Буравчик тоже решительно потребовали, чтобы их взяли в зону риска. Внутренняя земля тем временем буквально уходила из-под ног, и Знайку легко дожали. В экипаже наблюдателей остались только двое: Стекляшкин и Смейкало. Первый все время проводил за астрономическими наблюдениями, второй продолжал увлеченно исписывать страницу за страницей. Оставшись вдвоем, они напрочь забыли о распорядке дня, спали когда придется и перекусывали наспех прямо из тюбиков.

Наконец, после того как все успели поссориться и снова помириться, ракета «ЗОВ» прошла через большой ледяной туннель.

Разросшийся до девяти коротышек экипаж сталкеров не снимал скафандров, потому что невидимые гипнотические излучения вполне могли пронизывать все подлунное пространство.

Находившийся за пультом управления Винтик бесстрашно бросил машину под облака, и путешественникам открылась панорама города Давилона с правильной сеточкой улиц и проспектов, с зеленеющими парками и рвущимися ввысь сверкающими небоскребами. В волнении все притихли, глядя на этот чужой, загадочный мир.

— Добро пожаловать, господа! — раздался вдруг во всех наушниках незнакомый, но приветливый голос коротышки. — Правительство и народ подлунного мира рады приветствовать наших дорогих гостей с Большой Земли!

Все так и ахнули.

— Не волнуйтесь, все в порядке, — сказал голос, будто угадав их настроение. — С вами говорит Гризль, коротышка из администрации Верховного Правителя.

— Гризль? — повторил Знайка.

— Меня так зовут, с вашего позволения. Занимаю здесь скромную должность Первого министра его сиятельства господина Пупса.

— А как же вы...

— Все очень просто! Двое ваших друзей позавчера бросили свое снаряжение прямо на железнодорожном полотне. Совершенно случайно мы его нашли и определили частоту переговорного устройства в скафандрах.

— А с этими двумя все в порядке?

— К сожалению, они пока еще не дали о себе знать. Но должно быть, все в порядке, как же иначе. У нас тут все в совершеннейшем порядке, могу вас заверить! И вы сами сможете в этом убедиться, если соблаговолите принять приглашение его сиятельства.

Уже сейчас во дворце полным ходом идет подготовка к вашему визиту. Для каждого из вас отведены удобные апартаменты, и я сам подготовил для вас культурную программу на ближайшие дни, очень насыщенную и интересную программу.

Знайка растерянно молчал.

— Кстати, сколько вас?

— Что? — переспросил Знайка.

— Я имею в виду, на какое количество персон прикажете накрывать банкетный стол?

— Мы ничего еще не приказываем.

— Ну, это только так говорится, хотя, конечно, любое слово драгоценных гостей для нас закон.

— Хорошо, хорошо, — сказал Знайка, — вы только погодите немножко, мы посоветуемся.

— Разумеется, о чем речь, только имейте в виду, что его сиятельство не сядет без вас за стол. Он так и сказал, что ни в коем случае не сядет без вас, даже если все остынет и придется...

Но ракета уже, резко сорвавшись с места, ушла из зоны слышимости.

— Ну, как прошло? — нетерпеливо спросил Пупс.

— Пока совещаются, — ответил Гризль. — Я их немного ошарашил гостеприимством.

— Только не перегибайте, их ни в коем случае нельзя спугнуть.

— Положитесь на меня.

— Этот робот... Которого они сбросили вчера, вы его нашли?

— Пропал, ваше сиятельство, как сквозь землю провалился. Вернулся в восточный пригород, и будто корова языком слизнула.

— Лучше бы вас корова языком слизнула, Гризль. А тех двоих вы нашли?

— Они тоже растворились совершенно непонятным образом.

— Понятно. Хорошо работаете, поздравляю. Имейте в виду: земляне не должны встретиться с кем-нибудь из них или с роботом по крайней мере до начала банкета. Возможно, что робот брал на анализ пробы наших продуктов и все знает.

— Если бы знал, не пустил бы для них зеленую ракету. Нет, он ничего не нашел, и сигнал мог означать только одно: «Спускайтесь, здесь безопасно».

— Будем надеяться, что это так. Тем более, — Пупс наконец-то расплылся в своей обычной благодушной улыбке, — тем более что у нас здесь действительно абсолютно безопасно. Не так ли, господин Первый министр?

Гризль угодливо захихикал.

Зависнув над северо-западным пригородом, экипаж ракеты начал торопливо совещаться. Заявление Гризля о том, что его сиятельство не сядет без них за стол, даже если бы все остыло, совершенно сбило их с толку.

— Так, может быть, и нет никакого гипнотического воздействия? — предположил Пилюлькин. — Лично я не наблюдаю никаких явных признаков... Может быть, эти коротышки, которые звали на помощь, только зря панику навели, пошутили, что ли?

— Хороши шуточки! — возразила Огонёк. — Думаете, все ни с того ни с сего вдруг воспылали любовью к этому сиятельству?

— Было бы лучше всего поговорить с этими коротышками, — сказал Знайка, — которые оставили нам сообщение. Их, кажется, было трое?

— Квантик, Пшигль и Козлик, — подсказала Кроха, заглянув в свой корреспондентский блокнот.

— Ну так мы потребуем, чтобы нам разрешили с ними поговорить.

— Правильно! — поддержали Знайку остальные.

Винтик ударил по педалям, и ракета в мгновение ока снова оказалась над центром города, зависнув над самым высоким зданием, на верхушке которого громоздились огромные светящиеся буквы: «ПУПС».

— Рад вас снова видеть, господа! — раздался знакомый голос в наушниках. — Вы уже успели посовещаться?

— Мы готовы принять ваше приглашение, господин министр, но только при одном условии, — сказал Знайка.

— Не сомневаюсь, что любое ваше, даже самое необычное, пожелание будет незамедлительно удовлетворено.

— Мы хотим встретиться и поговорить с несколькими коротышками.

— И только-то?

— А дальше будет видно.

— Их имена?

— Квантик, Пшигль и Козлик.

Последовала секундная пауза.

— Несомненно! — воскликнул Гризль. — Несомненно, вы увидитесь с этими господами. Кстати, вы не подскажете нам, где их можно найти?

— Мы этого не знаем.

— Разумеется, конечно. Но не сомневайтесь, вы их увидите. Мы пригласим этих достойнейших коротышек на наш банкет и посадим их за стол рядом с вами или напротив — как только пожелаете.

— И еще нужно найти четверых наших товарищей, которые спрыгнули раньше.

— Вы говорите — четверых?.. О, мы их уже ищем. Не волнуйтесь, до наступления темноты они будут с вами.

— Ну тогда мы согласны.

Гризль рассыпался в благодарностях и начал объяснять, где находится загородный дворец его сиятельства и где там лучше поставить ракету. Он сказал, что его сиятельство с нетерпением дожидается дорогих гостей, проделавших столь дальний путь и, несомненно, нуждающихся в полноценном отдыхе и теплом, дружеском приеме.

Г–н Пупс и Первый министр едят то, что приготовлено для них отдельно, но могут есть и то, что приготовлено для всех гостей. Клюковка–Огонёк совсем ничего не ест

— Потрясающе!! Невероятно!! Феноменально!! — восторженно восклицал г-н Пупс, устремляясь навстречу гостям с расставленными руками.

Он сжал ладошку каждого, умильно заглянул каждому в глаза и сказал каждому что-то приятное. Путешественники были совершенно очарованы.

Беспрестанно говоря о несказанном удовольствии принимать у себя столь дорогих гостей, его сиятельство сам проводил их через сияющую паркетом гостиную в банкетный зал. Там уже искрился в ярком электрическом освещении уходящий в перспективу стол, сервированный хрусталем, золотой и серебряной посудой с напитками, закусками и фруктами.

Подошел Гризль и шепнул Знайке на ухо:

— У меня для вас приятное известие: интересующие вас коротышки уже в пути. За ними выслан

самый быстроходный и комфортабельнейший автомобиль. Можете быть уверены, что они будут сидеть рядом с вами уже за десертом.

Гризль ударил в ладоши, и важные лакеи торжественным маршем понесли на стол горячие блюда. Обласканные и заговоренные гости расселись за столом и почувствовали, как они на самом деле голодны. Лакеи принялись раскладывать еду по тарелкам. Нерешительно переглянувшись, путешественники взялись за приборы, носами втянули в себя ароматы кушаний и... набросились на еду.

Только Клюковка-Огонёк не торопилась хвататься за вилку. Она внимательно наблюдала за сидевшими во главе стола Верховным Правителем и его Первым министром. Когда всем начали раскладывать угощения, она заметила, что этим двоим подают не из общего блюда, а из другого, стоящего отдельно.

— Не ешьте! — быстро шепнула она Знайке и дернула его за рукав.

Тут она заметила, что Пупс и его министр наливают абрикосовую шипучку тоже не из общего, а из стоящего отдельно кувшина.

— Не пейте!..

Но было уже поздно: Знайка уже отправил в рот порядочный кусок запеканки, запил шипучкой и тянулся за следующим.

— Что вы наделали! — зашептала Огонёк. — Все отравлено! Вы видите — они сами едят только то, что приготовлено отдельно!

Знайка перестал есть и начал внимательно смотреть на хозяев стола. Заметив это, Гризль что-то зашептал на ухо его сиятельству.

— А положите-ка мне, — громко сказал Пупс, — вон из того большого блюда.

— И мне тоже, пожалуйста, — сказал Гризль.

Лакеи исполнили приказание; Правитель и его министр начали демонстративно есть то же самое, что

ели гости. Увидев это, Знайка покосился на Клюковку и тихонечко захихикал.

— А что вы хихикаете? — сказала она обиженно. — Это пока еще ничего не доказывает.

И она была права: просто-напросто два этих высокопоставленных хитреца незаметно для окружающих сунули в рот по нейтрализующей таблетке, после чего могли преспокойно есть и пить из общей посуды.

Приехала съемочная бригада телевидения, и Пупс долго заливался соловьем на тему нерушимой дружбы и братской помощи между народами двух цветущих планет. Гризль тоже говорил о дружеском обмене техническими достижениями. Приблизившись к Знайке, он таинственно намекнул о некоем сногсшибательном изобретении на автомобильном заводе Пудла, которое со дня на день произведет настоящий переворот в жизни коротышек.

— Это двухколесная тележка на мускульной тяге, — зашептал он гостю в самое ухо. — Катится сама, почти без усилий, не нужно никакого мотора. Называется «велосипед», только умоляю вас, никому ни слова! — И он многозначительно подмигнул.

— Велосипед... — повторил Знайка, ничего не понимая.

Потом съемочную бригаду выпроводили, назначив на завтра большую пресс-конференцию для космических путешественников. Слово взял Первый министр.

— Дорогие гости, дорогие друзья, дорогие мои земные коротышки! — заговорил он. — Нам нечего от вас скрывать. Завтра же вы выйдете на наши улицы и увидите своими собственными глазами, услышите своими собственными ушами, как довольны жизнью, как счастливы наши коротышки! Вы сможете говорить с ними, вы будете желанными гостями

в любом доме. И вас везде, поверьте мне, везде примут если не столь же пышно и торжественно, как в доме нашего возлюбленного правителя, но, обещаю вам, столь же тепло и радушно. Счастье всех наших коротышек гарантировано и обусловлено неустанной заботой...

Знайка смотрел на Первого министра, слушал его речи, и в душе у него разливалось такое благостное ощущение радости и спокойствия, будто он сам говорил все эти замечательные слова о всеобщем счастье и благоденствии. Он был готов обнять и расцеловать этого замечательного коротышку и хозяина этого дома — кругленького, гладкого, так приятно улыбающегося ему господина Пупса и всех остальных лунных коротышек, таких добрых и внимательных...

— Слава Верховному Правителю! — крикнул он, не в силах удерживать свой восторг.

— Ура-а!! — закричали Фуксия и Селёдочка.

— Ура-а-а!!! — подхватили все остальные.

Со слезами умиления на глазах Знайка повернулся к своей соседке и с удивлением заметил, что та смотрит на него сердито и даже как-то враждебно.

— Что с вами? — обратился он к Клюковке испуганно. — Неужели вы все еще полны глупых, необоснованных подозрений? Вы так и не поняли, насколько прекрасны все эти коротышки и как мудр их добрейший и справедливейший правитель?

— Идиот... — с досадой прошептала Клюковка сквозь зубы.

— Что? Вам плохо? У вас болит живот? — встревожился Знайка. — Эй, официант! Принесите нам скорее рыбьего жиру! Ложечка рыбьего жира очень способствует пищеварению.

Он даже не заметил, что Огонёк совсем не притронулась к своей тарелке.

— Пейте сами свой рыбий жир, — прошептала она, резко отодвинула стул и выбежала из-за стола, чтобы вернуться в ракету.

Ее догнал Гризль.

— Ах! Что случилось! — заахал он, в отчаянии заламывая себе руки. — Неужели мы чем-то вам не угодили? Мы сейчас же, сию же секунду исправим любую, любую досадную оплошность!

Огонёк остановилась. Она подумала, что действовать напрямик сейчас ни в коем случае нельзя, такое поведение может еще более ухудшить сложившуюся ситуацию.

— Ничего особенного, господин министр, — сказала она. — Просто я вспомнила, что забыла выключить один из приборов в ракете. Сейчас я его выключу и вернусь.

— Хотите, я пойду вместе с вами?

— Пойдемте.

Они поднялись в ракету, и Огонёк для видимости пощелкала выключателем в ближайшем щитке.

— Ну вот, — сказала она. — Все в порядке, теперь можно возвращаться.

На ступеньках трапа Гризль галантно подал ей руку. Теперь ее товарищи были заодно с Верховным Правителем, она осталась одна против всех.

Отшумел банкет, каждого из гостей проводили в специально отведенную для него комнату. Пупс и Гризль остались вдвоем, и на их лицах не осталось ни тени улыбки.

— Что вы обо всем этом думаете? — сказал Пупс.

— Эта малышка, она ничего не ела.

— Почему?

Этот вопрос показался министру непонятным, и он ничего не ответил.

— Я спрашиваю вас, — топнул ногой Пупс, — почему эта малышка ничего не ела! Какие у нее были основания что-либо заподозрить? В чем ВАША оплошность, господин Первый министр?!

— Не могу знать, ваше сиятельство.

Лицо у Пупса сильно покраснело, он с треском раскрыл веер и стал обмахиваться.

— Глаз с нее не спускать. Идите.

Гризль пробормотал какие-то заверения и удалился. Минуту спустя вооруженные коротышки в серых трико и натянутых на головы масках-шапочках заняли посты в коридорах и под окнами дворца. Доложив через рации о своем заступлении, они растворились среди ветвей деревьев, в темных углах и над ложными навесными потолками.

Неожиданная страсть Пончика, с которой он не может совладать, требует все больше денежных средств. Распродажа имущества

Утром следующего дня Незнайка обнаружил, что в номере нет Пончика. Не успел он удивиться по-настоящему, как дверь распахнулась и его приятель, нагруженный разноцветными коробками, ввалился в гостиную.

— Вот, — сказал он, начиная сразу нетерпеливо распаковывать коробки, — теперь хватит еще на четыре станции, потом будет депо, два моста, речка, рощица, овраг и переезд со шлагбаумом. Потом займусь городской застройкой и транспортом, на это пока что фертингов не хватило.

— Чего-чего? Чего тебе не хватило?

— Фертингов, фертингов.

Незнайка поднялся с кровати и вышел.

— Так ты что же, все наши деньги потратил?

— Да ну, какие там были деньги. Снесем обратно весь этот хлам, вот и будут деньги.

Он небрежно махнул рукой, показывая на действительно совсем не нужные вчерашние покупки, которыми был заставлен весь номер.

— Кто же возьмет обратно уже купленные вещи?

— За полцены возьмут. Я когда обанкротился и распродавал имущество, не только за половину — за четверть цены многие возвращал.

— Зачем же хорошие вещи за четверть цены возвращать? Надо найти покупателей и назначить правильную цену.

— Кому охота с рук покупать? — отмахнулся Пончик. — Да и где ты еще таких дураков найдешь — кому нужна твоя искусственная пальма?

Незнайка посмотрел на пальму и вздохнул. Утешала мысль о том, что изделие «велосипед» со дня на день поступит в продажу и денежки, как обещал господин Пудл, сами потекут в их карманы.

По телевидению начался выпуск утренних новостей, и в нем опять прозвучало сенсационное сообщение.

— Сегодня утром, — говорила взволнованная корреспондентка, — железный коротышка вошел в город Паноптикум. На этой самой улице, где я сейчас стою, он учинил жестокую расправу над местными полицейскими. Обер-атаман Дригль тяжело ранен и сейчас находится в больнице; четверо рядовых жандармов отделались легкими травмами и после оказания первой помощи были отпущены домой. Берегитесь железного коротышки! Сообщайте о его появлении незамедлительно, нам не нужны новые жертвы!

Такова была информация в выпуске новостей, но в действительности все обстояло по-другому. Не этим, а вчерашним ранним утром «Дружок» вошел в Паноптикум и начал расспрашивать немногочисленных встречных коротышек о Незнайке и Пончике, давая их словесное описание. Разумеется, прохожие от него в испуге шарахались, и вскоре к нему съехались все имевшиеся в этом маленьком городишке полицейские. Робота окружили плотным кольцом и по приказу обер-атамана Дригля начали палить в него в упор из ружей резиновыми пулями. Первая же пуля, отскочив мощным рикошетом, ударила Дригля в плечо, сбив его с ног и повредив ключицу. Еще несколько полицейских отделались синяками. «Дружок» при этом не шелохнулся. Он только сказал сам себе: «Наблюдаю агрессивное поведение со стороны аборигенов, дальнейшие поиски считаю нецелесообразными», после чего двинулся через леса, поля и реки в обратном направлении. Поскольку поведение местных жителей не имело отношения к его выводам о химическом анализе окружающей среды, прибыв на исходную точку, он запустил в небо зеленую ракету.

Но выданная телевидением информация звучала совсем по-другому.

Что это они врут! — подскочил Незнайка. — «Дружок» не мог никого покалечить! У него программа такая, чтобы коротышек выручать, а не калечить! Вообще, пора тут всех вывести на чистую воду, задурили тут всем головы...

— Ладно, ладно, ты, главное, не волнуйся, — сказал Пончик. — Наши скоро что-нибудь придумают.

— А сами мы на что? Мы вообще зачем сюда прилетели? Четвертый день здесь околачиваемся, велосипед изобрели, а ничего полезного для экспедиции так и не узнали.

— Ну знаешь, мы здесь тоже не одни четвертый день. Тут поумнее нас есть профессора с академиками. Вот где они, интересно?

— Да, правда. — Незнайка вспомнил про Злючкина и Ярилу, по вине которых они здесь вообще-то и оказались. — Странно, что о них ничего не слышно...

— Вот то-то и оно, сиди и не рыпайся. Распорядись-ка лучше там насчет завтрака.

Незнайка вздохнул и набрал номер портье. Но вместо завтрака в номер явился он сам и, рассыпавшись в извинениях, попросил плату за три дня и по возможности на какое-то время вперед. Пончик выпроводил его, пообещав заплатить.

— Вот еще хамство! — начал он кипятиться после ухода портье. — Какое они имеют право требовать вперед! Завтра же перееду в другую гостиницу, пусть только накормят сначала!..

Устав кричать, он сел за телефон и начал обзванивать магазины, в которых изобретателями были куплены вчера громоздкие вещи, ни одна из которых не могла им пригодиться. С хозяевами магазинов Пончик говорил тихо и вежливо, легко уступая.

Вскоре от них начали приходить посыльные и забирать вещи обратно, рассчитываясь наличными.

Выручить, однако, удалось не только не половину, но и не четверть, а только пятую часть от затраченных денег. Но, учитывая, что только одна приобретенная Пончиком шуба стоила сто двадцать фертингов, сложилась все-таки вполне приличная сумма, которой хватило, чтобы расплатиться за номер и дать задаток еще на три дня вперед.

После этого в гостиную как ни в чем не бывало вкатили завтрак, такой же большой и вкусный, как раньше.

— Вот так! — сказал Пончик, усаживаясь за стол и потирая руки. — Фертинги делают здесь всё! Ты вот что, позвони еще этому Пудлу, попроси еще пару сотен в счет аванса. Мне, видишь ли, деньги очень нужны.

Незнайка недовольно окинул взором разложенную на полу железную дорогу, которая требовала для себя все больше и больше затрат.

— Звони, звони, — сказал Пончик. — Теперь твоя очередь деньги искать.

Незнайка вздохнул и взялся за телефон.

К середине дня, к несказанной радости Пончика, они получили еще тысячу фертингов. Г-н Пудл предупредил, что уже завтра начнется большая рекламная кампания по продаже велосипеда. Подготовка к ней велась в строжайшем секрете.

Изобретатели велосипеда на пороге славы, дальнейшее сохранение инкогнито невозможно. Ночь перед началом рекламной кампании

Вечером в дверь гостиничного номера, где жили изобретатели, громко постучали. Из коридора доносилась шумная возня и голоса. Пончик открыл дверь, и в номер ворвалась шумная ватага коротышек со свертками, чехлами, штативами, рулонами, проводами, осветительной и записывающей аппаратурой. Пончик бросился на пол собирать железную дорогу, Незнайка вскочил с кресла.

— Вы — Незнайка, — ткнула в него пальцем энергичная малышка, судя по всему главная.

Незнайка подумал, что все раскрыто и теперь к ним приехали с телевидения, чтобы состряпать

новый сенсационный репортаж о космических путешественниках. Пончик, которому только что раздавили локомотив, повел себя решительно.

— А вы кто такие? — сказал он довольно угрожающе, наступая животом на малышку.

Та сделала шаг назад, но тут же бойко представилась, протянув руку:

— Хлопушка, старший администратор рекламного бюро «Пудл-экспресс». Ведь господин Пудл вас предупредил?

Подумав секунду, Пончик растянул губы в улыбке и пожал протянутую руку. То же самое сделал, глядя на него, и Незнайка.

Минуту спустя Хлопушка уже уверенно всеми командовала, и Пончик едва успевал убирать из-под ног рекламщиков и прятать в коробки свое железнодорожное хозяйство.

На стене развернули белый экран, перед ним собрали и поставили на подножку новенький сверкающий велосипед с ярко-красной рамой, кожаным седлом и хромированными поверхностями.

После того как расставили и настроили аппаратуру, Хлопушка велела изобретателям одеться как-нибудь эффектно и броско.

— А это еще зачем? — испугался Незнайка, вспомнив про инкогнито.

— Как это «зачем»? Вся рекламная кампания построена на ваших образах. Представьте: два наивных мечтателя долгое время изобретают никому не нужные и не понятные вещи, все вокруг считают их безнадежными неудачниками. И вдруг все меняется! Деньги, успех, благодарные лица владельцев велосипедов и все такое, вам понятно?

Незнайка растерянно молчал, но Пончик деловито сказал за него и за себя:

— Нам все понятно, госпожа Хлопушка, делайте свою работу.

В течение последующего часа приятели примеряли всевозможные яркие майки, рубашки, куртки и комбинезоны, извлекаемые из объемистого чемодана. Но всякий раз Хлопушка морщилась, говорила «не то», и приятели снова переодевались.

Наконец, когда весь реквизит был перемерен и отвергнут, она, помолчав немного, обратилась к изобретателям:

— Слушайте, малыши, а что вы вообще-то в жизни носите?

Когда они вышли, переодевшись из гостиничных халатов в свои обычные вещи, раздались единодушные аплодисменты. Это как раз и было именно то, что нужно. В своих нарядах Незнайка и Пончик выглядели замечательно — именно как чудаки-неудачники, которым неожиданно повезло.

Только после этого закипела настоящая работа.

Изобретатели по очереди садились на велосипед, облокачивались на него в разных позах, стояли рядом и неслись на велосипеде с горы. Все это происходило на фоне леса, морского побережья, в горах, в большом городе и в пустыне. Фоном служили закрепляемые поочередно на экране яркие фотоплакаты, а велосипед в необходимом положении удерживался при помощи специальной подставки и лежащих на полу ассистентов. Колеса раскручивались на валиках, в результате чего на снимках получались «смазанные» спицы, это создавало полную иллюзию движения. Вентилятором гнали встречный ветер, из-за которого Незнайке приходилось хвататься одной рукой за шляпу, к полному восторгу всех присутствовавших.

Постепенно друзья сами вошли во вкус, они раскраснелись, на лицах у них появились выражения волнения и азарта, а это и было нужно.

Когда закончили с фотоснимками, принялись за съемку телевизионных роликов. Изобретатели встали

на белом фоне экрана, держась за велосипед, продекламировали два заготовленных для них четверостишия. Чтобы герои чувствовали себя увереннее, одна из ассистенток держала в руках развернутые листы ватмана с крупно намалеванным текстом.

В первом ролике прозвучали такие слова:

Посторонись, лихой водитель,
На чудо рот не разевай,
Велосипед системы НИПель
Беги скорее покупай!

При этом первую строчку говорил Незнайка, и камера наплывала на него; вторую говорил Пончик, и камера показывала его крупным планом. А две финальные строчки они говорили разом и тренькали велосипедным звонком. То, что велосипед назвали их именами, изобретателям очень польстило.

Слова второго ролика звучали так:

Не угара опьяненье,
Не источник разных бед —
Всем несет оздоровленье
Верный друг велосипед!

По счастливым лицам рекламщиков можно было догадаться, что все прошло как нельзя лучше.

— Отлично, снято! — сказала Хлопушка. — Все свободны.

Вся компания быстро свернула аппаратуру с реквизитом, и они распрощались.

— Молодцы, — похвалила Хлопушка изобретателей. — Сегодня о вас узнает вся страна, главное — не дрейфить!

— А мы и не... — сказал Незнайка. — Как сегодня?

Приятели посмотрели на часы: было уже утро.

Клюковка с радостью узнает, что она не одна против всех. Страшный замысел г—на Гризля, которому не суждено было осуществиться

После торжественного ужина во дворце его сиятельства гости разошлись по комнатам, в каждой из которых имелся уже заботливо включенный телевизор, по случайному совпадению показывавший ежевечернее наставление о послушании и любви к Верховному

Правителю. Сытые, обласканные путешественники внимательно выслушали передачу и, еще больше проникшись к Пупсу любовью и послушанием, заснули с чувством возвышенного восторга в сердцах, со слезинками на глазах и улыбками на губах.

Но Огонёк не стала слушать; с негодованием она выключила телевизор и распахнула окно. В слабых отблесках от освещенных окон ей показалось, что в кустах шевельнулись какие-то тени. Так и есть! Повсюду — и внутри и снаружи — выставлена охрана.

В дверь тихонько постучались.

— Открыто, — довольно мрачно отозвалась Клюковка, полагая, что это визит кого-нибудь из здешних притворщиков.

Но это была корреспондентка Кроха, которая уже переоделась в пижаму и отчего-то не легла спать.

— Вы одна здесь? — осторожно спросила Кроха.

— Как видите... — развела руками Огонёк.

— Вы тоже ничего не ели за ужином? — Кроха внезапно перешла на шепот.

— Тоже? — удивилась Огонёк.

— Да, да. Не вы одна догадались о том, что еда отравлена.

— Правда?

Лицо у Клюковки просветлело, она шагнула к Крохе и заключила ее в объятия.

— Ладно, ладно, вы не очень-то радуйтесь. Вы вели себя крайне неосторожно.

— Да, наверное, я вела себя глупо, — огорчилась Огонёк. — Они все поняли?

— Конечно поняли и теперь глаз с вас не спустят. Мы с Буравчиком только делали вид, что едим и пьем, а сами только и делали, что переливали да перекладывали.

— Но как же они сами...

— Я вижу, дорогая профессор, вы совсем растерялись. Ведь это так просто: для каждого яда можно

найти противоядие, какое-нибудь нейтрализующее вещество.

— Да, конечно...

— Дорогая, постарайтесь взять себя в руки, теперь мы должны действовать решительно и сообща.

— А вы уже что-нибудь придумали?

— Для начала необходимо хорошенько осмотреться, чтобы не наделать ошибок, враг хитер и опасен. А сейчас нужно хорошенько выспаться.

— Есть очень хочется...

— Ах да, держите. — Кроха вынула из-под пижамы сверток. — Это Буравчик только что принес из ракеты. Постарайтесь, чтобы никто не видел.

— Соображу.

— Ну, до завтра. — И Кроха бесшумно выскользнула из комнаты.

Огонёк достала из пакета тюбики, брикеты и пластиковые бутылочки с космическим провиантом. Она поела манной каши с вареньем из двухполостного тюбика, похрустела галетами из брикета и выпила бутылочку лимонада. Остатки она спрятала под каминную решетку и присыпала пеплом. После этого она умылась, легла в кровать и моментально заснула.

На следующий день дорогих гостей повезли на экскурсию по городу с посещением музеев, кондитерской фабрики и музыкального театра. Гризль сам выступал в роли экскурсовода, все показывал и объяснял, а позади, за автобусом, следовала вереница черных автомобилей с затемненными стеклами. То ли это был почетный эскорт, как объяснял Гризль, то ли охранники, которые следили за тем, чтобы никто из дорогих гостей не сбежал.

Один раз Клюковка не удержалась и предложила всем разойтись на время, чтобы свободно погулять

по городу. Ей было интересно, как на это отреагирует г-н Гризль.

— Как вы можете говорить такое! — воскликнул тот в сердцах. — Мы продумали каждый шаг, каждую минуту вашего пребывания на нашей многострадальной, но гостеприимной земле! Мы только хотели доставить вам немного удовольствия; неужели наша забота и наше гостеприимство вам настолько неприятны?..

И все посмотрели на Клюковку с укоризной. Она махнула рукой и загрустила. К ней приблизилась Кроха и шепнула, прикрываясь носовым платочком:

— Дорогая, вы ведете себя просто глупо. Время для решительных действий еще не наступило, дождитесь вечера.

Повсюду путешественников принимали торжественно, тепло и радушно. На улицах Гризль останавливал прохожих и расспрашивал. Разумеется, что все как один говорили о своей распрекрасной жизни, через каждое слово рассыпаясь благодарностями по адресу возлюбленного Верховного Правителя. Огонёк внимательно смотрела в их глаза, похожие на пуговицы, и ей становилось страшно.

Поздно вечером, после просмотра модного в этом сезоне музыкального спектакля «Похождения Глупышкина», когда все вернулись во дворец, Кроха опять появилась в комнате Клюковки. На этот раз сверток под ее пижамой топорщился заметнее.

— Вот, — сказала она и выложила на стол небольшой рюкзак. В нем оказалась космическая провизия, перчатки и моток веревки с узлами. — Обувь у вас удобная?

— Обувь? Да я в кедах.

— Сумеете спуститься с крыши второго этажа по веревке?

— Пожалуй... конечно сумею.

— Если вам удастся сбежать отсюда, что вы предпримете первым делом?

Клюковка думала об этом постоянно, поэтому ответила не задумываясь:

— Первым делом я разыщу «Дружка» и с его помощью проведу анализ здешних продуктов питания. Вы знаете, ведь это настоящая ходячая лаборатория.

Кроха кивнула.

— Потом он будет искать противоядие, это самое нейтрализующее вещество.

Кроха кивнула.

— После этого я отправлюсь на радио или на телевидение и расскажу всем о полученных результатах.

Кроха решительно помотала головой:

— А вот это никуда не годится, профессор, вас немедленно арестуют.

— Как же быть?

— Прежде всего необходимо привести в чувство всех этих экскурсантов, пока они окончательно не свихнулись. Все вместе мы сможем вернуться в ракету, а благодаря защитному полю она совершенно неприступна. Находясь в безопасности и зная источник заразы и противоядие от него, мы все вместе что-нибудь придумаем.

— Годится! — сказала Клюковка, и новые подруги ударили по рукам.

В это время Гризль докладывал повелителю о проделанной за день работе. Повелитель до его появления уже почти засыпал и поэтому теперь без стеснения зевал во всю пасть. Он был в кровати, и дело происходило в спальне.

— Ну что ж, — добродушно заметил Пупс, выслушав министра. — Мне кажется, пока все идет

неплохо. Еще пару дней, и земляне отправятся в обратный путь, унося с собой наиприятнейшие воспоминания.

Гризль согласно закивал и захихикал.

— Они больше не настаивали на встрече с этими... космическими строителями?

— Даже ни разу не вспомнили, ваше сиятельство.

— Это хорошо. А найти их вообще-то удалось?

— Ищем, ваше сиятельство. Напомню вам, что, поскольку господин Бигль вплотную занят розысками банды Ханаконды, вы поручили розыск этих личностей министру Связи и Пропаганды.

— Но он мне давно ничего не докладывал.

— Господин Болтик утверждает, что его поиски пока ни к чему не привели.

— Он утверждает? У вас, что же, есть какие-то сомнения на этот счет?

— Ни в коем случае, ваше сиятельство, на этот счет у меня нет никаких фактов.

— Но вы все-таки не уверены?

— Только интуиция, ваше сиятельство, ничего больше.

— Так что же подсказывает ваша интуиция? Не бойтесь, Гризль, это останется между нами.

— У меня есть ощущение, — Гризль оглянулся и заговорил шепотом, — что господин Болтик в последнее время недостаточно предан вашему сиятельству.

— А! — воскликнул Пупс. — А вот это уже серьезное преступление.

— Стало быть, ваше сиятельство не будет упрекать меня за излишнее рвение? Дело в том, что со вчерашнего дня я установил слежку за господином министром Связи и Пропаганды.

— Ну... — Пупс опустил глаза, — если это необходимо в целях государственной безопасности... Хотя, кстати говоря, ведь это ваш выдвиженец?

Не ожидавший такого выпада, Гризль растерялся.

— Вот вы и разбирайтесь. А не то я буду разбираться с вами, господин Гризль, не правда ли?

— Абсолютно справедливо, ваше сиятельство.

Пупс протяжно зевнул и стал смотреть на министра, дожидаясь окончания его доклада.

— Ваше сиятельство... — нерешительно сказал тот.

— Говорите, Гризль, говорите.

— Эта малышка, которая догадалась.

— Так что же?

— Вернувшись на Большую Землю, она все расскажет.

— Увы.

— Нужно сделать так, чтобы она не вернулась.

— Что?! — Пупс подскочил на перине. — Вы отдаете себе отчет?..

— Ваше сиятельство не так меня поняли. Я вовсе не имею в виду самые крайние меры. Я только думаю, что господин Кротик смог бы найти такой состав, от которого бы она навсегда лишилась памяти. Я даже осмелюсь доложить вашему сиятельству, что такой состав уже найден. Этой же ночью мы могли бы слегка придушить дамочку, пока она спит, и сделать ей укол.

Пупс взволнованно потер лицо руками:

— Да, но ведь при этом она забудет не только то, что нам бы хотелось, но и вообще всё. А такой коротышка и коротышкой-то быть перестанет...

— Конечно, ваше сиятельство, это ужасно. Но вопрос о государственной безопасности ставится иногда именно так.

— Послушайте, Гризль, вы меня пугаете.

Гризль собирался ответить, но тут его длинный нос зашевелился, он стал мелко принюхиваться и тревожно озираться. В следующее мгновение и сам Пупс почувствовал запах дыма.

— Пожар... — шепнул он неуверенно.

— Пожар! — крикнул Гризль.

— Пожар! Пожар! — подхватили со всех сторон.

Гризль метнулся к дверям, выбежал, но вернулся и, упав перед кроватью на колени, надрывно воскликнул:

— Я не дам погибнуть в огне вашему сиятельству! Лучше я погибну вместе с вами!..

У Пупса отлегло от сердца: он понял, что крики и запах дыма еще не означают пожар. И действительно, дым скоро проветрился, а в одной из кладовок нашли подброшенную кем-то консервную банку с перегоревшей внутри «дымовухой» — плотного мотка фото- или видеопленки.

Кратковременная паника прекратилась, повылезавшие откуда-то в огромном количестве, словно тараканы, коротышки в серых трико снова растворились. Слуги прошли по комнатам и успокоили каждого из проснувшихся, вскоре снова стало совсем тихо. Но Клюковки во дворце уже не было.

Досадная неувязка: план операции по захвату телевизионной башни срывается из-за пострадавших ягодиц одного из членов банды

Банда Ханаконды давно не давала о себе знать, и на то были причины. После того как картофельный фермер засадил в мягкую часть тела Росомахи заряд крупной соли, с этим полукоротышкой начали происходить непонятные вещи. Он вдруг стал податливым и уступчивым, не огрызался на шуточки, которые любили отпускать по его адресу Хорёк и Губошлёп. А если ему поручали какую-нибудь работу — заготовку дров или сбор грибов, — он безропотно подчинял-

ся, хотя сам не боялся холода и в рот не брал растительной пищи.

Все остальное время, за исключением сна, Росомаха сидел в наполненной водой деревянной кадке и со стонами вымачивал из ягодиц соль. Он ужасно страдал и постоянно грозил какому-то Козлику, ставшему якобы причиной всего того, что с ним произошло.

Росомаха был нужен Ханаконде для нападения на телецентр, откуда он смог бы объявить всем, кто на самом деле является хозяином и Верховным Правителем подлунного мира. Но теперь вся звериная озлобленность Росомахи внезапно куда-то подевалась, а с вялым и покладистым — хотя все еще чрезвычайно сильным и ловким — сообщником на такое дело идти было нельзя.

Ханаконда подолгу дотошно выспрашивал Росомаху, что тот делал и что ел в последние дни. Но ничего, кроме мелких лесных и полевых грызунов, тот совершенно точно не ел, а воду пил прямо из лужи.

Однажды, когда Ханаконда за обедом в очередной раз ломал голову над этой неразрешимой загадкой, Крабс между прочим пожаловался на отсутствие соли. С тех пор как банда обосновалась в лесном домике, питаться приходилось одними вареными козленками, потому что все понимали, что в каждом продовольственном распределителе их наверняка поджидает засада.

И Ханаконду вдруг осенило.

— Повтори, что ты сказал! — прошипел он, подскочив с места.

— Я? — испугался Крабс, застыв с поднятой ложкой. — А я ничего такого не сказал. Я только думаю, шеф, что если бы можно было грибы посолить, есть их было бы не так противно.

— Соль! — сказал Ханаконда. — Все дело в соли...

— Конечно, шеф, — не понял его Крабс. — Росомаха наворовал бы для нас картошки, сварили бы вполне приличную похлебку.

— Болван! При чем тут похлебка! Они травят всю пищу через соль. Все дело только в ней и в водопроводной воде!

Обдумывая сказанное, все перестали есть и притихли.

— А ведь верно, шеф, — догадался Хорёк. Росомаха сделался придурковатым после того, как у него в заду засела порция соли. Теперь выходит; пока он ее до конца не вымочит, для нашей работы он не годится. Хорошо еще, что у нас здесь нет радио, а то бы он наслушался всякой дребедени и прямиком отправился сдавать нас властям

— Ладно, всем — цыц. Будем ждать, когда он очухается, а потом и дело сделаем. План у меня верный, и теперь, с этой солью, все тютелька в тютельку сошлось.

И Ханаконда посвятил своих сообщников в план захвата телевизионной башни.

Как Незнайка и Пончик проснулись знаменитыми. Первый визит к знаменитостям, который напомнил Незнайке о Козлике, Мусорном тупичке и г—же Миноге

Незнайке приснилось, что г-н Пудл раскатывает вокруг него на маленьком трехколесном велосипеде и без устали хохочет. Он смеется потому, что, оказывается, велосипед на Луне такое же привычное дело, как и на Земле, и Незнайку все разыгрывали только для того, чтобы посмеяться над ним. Незнайка смотрит по сторонам и видит, что на улицах пол-

ным-полно велосипедов — новых и уже совсем старых, поскрипывающих; дорожных и спортивных, и даже двухместных, — и совершенно непонятно, почему он их раньше не замечал.

Появляется Знайка и все другие коротышки с Земли и начинают над ним смеяться. Незнайке так стыдно, что он не знает, куда деваться от стыда. Закрыв лицо руками, он бежит прочь, налетает на какой-то столб, и это оказывается телебашня, которая вдруг окутывается клубами дыма и стартует в небо. «Стойте! — кричит Незнайка. — Стойте! Туда нельзя! Там ничего нет!..» Но башня-ракета уже скрылась из глаз, а вокруг него снова начал раскатывать на маленьком трехколесном велосипеде г-н Пудл, смеяться и звонить в звонок. Звонок звенит громче и громче, Незнайка вдруг понимает, что это сон, и заставляет себя проснуться.

Замолкший на время телефон снова зазвенел, и Незнайка схватил трубку:

— Да!

— Господин Пончик? Ах нет, простите, я уже понял: это господин Незнайка.

— Да, это я.

— Вас беспокоит господин Пудл. Портье сказал, что вы в номере, поэтому я решил проявить настойчивость.

Незнайка вспомнил свой сон и испугался.

— Да, господин Пудл, — пролепетал он поникшим голосом.

— Вы уже видели?

— Что?..

— Ах, значит, вы все проспали. Включайте же скорее телевизор: это началось!

— Да? А что именно?

— Как это «что»! И он еще спрашивает! Рекламная кампания, что же! Час назад велосипед поступил в продажу, и от желающих купить его нет отбоя. У

магазинов выстраиваются очереди; это небывалый, невиданный успех!

У Незнайки отлегло от сердца.

— В таком случае я очень рад.

— Разбудите своего коллегу и поздравьте от моего имени. Если будут какие-то вопросы, звоните, до свидания!

— До свидания, господин Пудл. Спасибо, что позвонили.

Незнайка повесил трубку и некоторое время сидел, мечтательно глядя в окно. Быстрый и легкий успех кружил голову, о плохом думать не хотелось. Внезапно в ушах у него зазвучал его собственный голос: «Посторонись, лихой водитель...» — и так далее, тот самый стишок, который они начитывали минувшей ночью для рекламного ролика.

Выскочив из спальни, Незнайка увидел себя на экране телевизора. Это Пончик (а он подслушивал разговор с параллельного телефона) поднялся с кровати и включил телевизор. После рекламы в новостях показали большой репортаж с центральной улицы Давилона, где перед фирменным салоном «Пудл» действительно выстроилась очередь из желающих приобрести велосипед. В перспективе улицы виднелись несколько гигантских щитов: на первом был изображен Незнайка, несущийся на велосипеде с горы; на другом — Пончик, горделиво восседающий на велосипеде перед бурлящим водопадом. Что было на других щитах, было уже трудно разобрать.

— Вот это да... — присвистнул Незнайка. — Даже не верится.

— Проценты небось уже щелкают, — заметил Пончик с удовлетворением.

— Какие проценты?

— Наши, наши проценты. С каждого проданного велосипеда нам на счет проценты начисляются, забыл уже?

— А-а, — сказал Незнайка. — Это хорошо. А мы, что же, все проспали?

— Конечно проспали. Мы уже не только завтрак, но и обед уже почти проспали! А с учетом того, что мы всю ночь напролет...

Но в этот момент в дверь постучали, и в номер зашел незнакомый коротышка.

— Чем обязан? — решительно шагнул к нему Пончик, который очень быстро освоился с ролью богача и знаменитости. А богатые и знаменитые, как известно, не любят тратить время на каких-то там посетителей.

Однако посетитель, одетый, кстати говоря, очень прилично, мягко отстранил его тростью и уселся в кресло. Некоторое время он смотрел на Незнайку, а затем произнес:

— А ведь вы нисколько не изменились.

По его тону и манерам Пончик догадался, что они имеют дело не с обыкновенным коротышкой, и потому счел лучшим прикусить язык. Однако Незнайка не был столь искусным дипломатом и потому спросил напрямик:

— Послушайте, а вы кто вообще-то такой?

Коротышка наигранно поморщился:

— Да вы посмотрите на меня хорошенько, может быть, и вспомните...

Незнайка стал вглядываться в незнакомца, в его маленькие усики под длинным тонким носом, и что-то такое всплыло в его памяти.

— Ну, вспоминайте, вспоминайте: Сан-Комарик, вы служите собачьей няней у госпожи Миноги, дрянингская ночлежка в Мусорном тупичке...

— Да, да, — начал вспоминать Незнайка, — мне кажется, что я вас где-то уже видел.

Коротышка поднялся, величественно протянул руку и представился:

— Бигль. Сыщик Бигль, если вам угодно. В те времена я был еще рядовым сыщиком в сыскной конторе.

— А! — вспомнил наконец Незнайка. — Так это вы следили за мной, когда я носил Козлику лекарства в ночлежку!

— Что поделаешь, каждый зарабатывает свой хлеб, как умеет.

Пончик, который на протяжении разговора лихорадочно шуршал валявшимися на журнальном столике газетами и журналами, стал делать приятелю отчаянные знаки, тыча пальцем в фотографии на первых страницах.

— Совершенно верно, господин Пончик, — сказал Бигль не оборачиваясь. — Это я собственной персоной, Тайный министр его сиятельства Верховного Правителя господина Пупса. Оказывается, бывает и так, что некоторые начинают свою службу в Мусорном тупичке, а продолжают в чине министра. Но и вам, как я понимаю, жаловаться не приходится. Кстати, вы неприкасаемые, но в списках неприкасаемых я вас не обнаружил, почему же так получилось?

Незнайка и Пончик молчали. Они на самом деле не знали, почему так получилось.

— А помните ли вы, господин Незнайка, ту малоприятную историю с лопнувшим акционерным обществом гигантских растений, когда ваша физиономия тоже красовалась во всех газетах? Думаю, что не я один сумел сопоставить характерную внешность космического пришельца и Незнайку — изобретателя велосипеда. Я ведь не просто так сказал вам с самого начала, что вы нисколько не изменились.

Незнайка подумал, что сейчас, наверное, сюда войдут полицейские и его арестуют.

И в дверь действительно постучали.

Но Бигль, перейдя вдруг на шепот, сказал:

— Спросите кто!

— Кто там? — спросил Незнайка.

— Господин Болтик, с вашего позволения, — послышался голос из-за двери. — Репортер или министр, как вам угодно.

— Болтик?! — прошептал Бигль. — Проводите меня в другую комнату и не говорите, что я здесь.

— Пожалуйста... — пожал плечами Незнайка.

Второй визит, во время которого два министра невольно раскрывают друг перед другом свою политическую неблагонадежность

Едва за Биглем закрылась дверь в спальню, как Пончик впустил в номер министра Связи и Пропаганды г-на Болтика.

— А вы ничуть не изменились, — сказал Болтик и уселся в то же самое кресло, из которого секунду назад поспешно выбрался Бигль. — Конечно, вы меня не можете помнить: я только однажды вел репортаж о стычке ваших друзей с полицией, еще тогда, у деревни Неёловки. Но, кроме этого, в свое время я готовил развернутые репортажи об акционерном обществе гигантских растений и о соляном бизнесе на побережье Лос-Паганоса... А память у меня очень хорошая, поверьте.

Незнайка и Пончик молчали, опустив головы.

— Но я пришел сюда не для того, чтобы вас шантажировать. Поверьте, я пришел как друг.

Незнайка и Пончик подняли на него глаза.

— И мне особенно приятно видеть, что вы находитесь в здравом уме, что вы сумели избежать воздействия этого отвратительного гипнотического препарата. Знайте: далеко не все оболванены здесь порошком, в тайный Союз вольномыслия вступает все больше и больше наших коротышек, и недалек тот час...

Незнайка стал делать Болтику предупредительные знаки, показывая на дверь спальни, за которой прятался Тайный министр и, несомненно, все слышал. Бигль это понял и вышел сам.

— Не волнуйтесь, коллега, — сказал он растерявшемуся Болтику. — Ваше тайное общество мне давно известно, иначе я работал бы официантом, а не сыщиком. Пупс ничего не знает, но Гризль о чем-то таком уже догадывается, и развязка наступит не сегодня-завтра. Вы будете еще больше удивлены, когда узнаете, что с некоторых пор...

Но в этот момент в дверь постучали, и Бигль затолкал растерявшегося Болтика в другую комнату.

— Кто там? — спросил Пончик.

— Это я, Жулио, секретарь господина Спрутса. Скажите, я могу видеть господина Незнайку?

— Господин Жулио? — удивился Незнайка. — Час от часу не легче.

Третий визит, во время которого г—н Жулио пытается грубо шантажировать изобретателей, но сам попадает в ужасное для себя положение

Увидев Незнайку, Жулио торопливо подбежал к нему, заглянул в глаза и заключил в объятия как старого, надежного друга.

— Ах, неужели это вы! — воскликнул он, делая вид, что украдкой смахивает слезу. — И вы ни чуточки, ни чуточки не изменились! Как только я увидел вас на рекламном щите, то сразу подумал: а вот и он, мой дорогой, симпатичнейший друг с далекой Большой Земли!

— Знаете что, господин Жулио, — отстранился от него Незнайка, — вы мне, конечно, может быть,

и были друг, но после того, как вы поступили со мной и Козликом...

Жулио отступил и в ужасе прикрыл рот рукою.

— Как! — воскликнул он. — Вы ставите мне в упрек... Но нет! Этого не может быть! Вы не могли сказать такое, знай вы хотя бы сотую, тысячную долю того, что произошло на самом деле!

Такая реакция Незнайку обескуражила.

— Так знайте же, дорогой друг, — продолжал Жулио с надрывом, — что меня обманули еще более жестоко и несправедливо! Мигс и Крабс, эти отвратительные животные, искалечили меня и бросили в дремучем лесу истекать кровью! Только чудом я уцелел в этом кошмаре и теперь снова могу видеть вас, дорогой друг...

Нижняя губа у Жулио затряслась, и Незнайка испугался, что он сейчас расплачется.

— Ладно, вы, того... не плачьте, — поспешил он утешить бывшего казначея акционерного общества гигантских растений. — Я ведь не знал, что вас они тоже обманули.

Жулио отнял руки от лица, снова улыбнулся и приступил к делу. Впрочем, мы не будем приводить здесь полностью витиеватый монолог, во время которого Жулио пытался как можно деликатней выразить свою мысль. А мысль эта была столь же проста, сколь и отвратительна: Незнайка и Пончик, о земном происхождении которых никто, кроме него, не знает, должны выплачивать ему, Жулио, ровно половину своих доходов от продажи изделия «велосипед». В противном случае он, Жулио, предаст огласке источник, из которого они, Незнайка и Пончик, черпали вдохновение для своей изобретательской мысли.

Проще говоря, Жулио догадался, что велосипед никаким изобретением не является и о его устройстве лунатикам мог бы рассказать любой землянин, не взяв за это ни единого сантика.

Слушая его, изобретатели то краснели, то бледнели, то покрывались пятнами. Незнайка подумал, что нужно сейчас же позвонить Пудлу и во всем признаться. Пончик склонялся к тому, чтобы пойти с Жулио на сделку, и настроился торговаться.

Неизвестно, чем бы это закончилось, но тут из спальни вышли оба министра, и Жулио моментально перекосило от страха.

— Итак, господин мошенник, — грозно сказал Бигль, — я давно знал, что вы отпетый негодяй, но

сейчас имел сомнительное удовольствие видеть в вашем лице еще и отъявленного шантажиста.

— Господин министр! — Жулио упал на колени, обращаясь то к одному, то к другому. — Не губите!!

— Кажется, господин негодяй, вы что-то такое говорили о коротышках с Большой Земли? Вы напомнили мне, и очень вовремя, об одном, а вернее, о двух омерзительных субъектах, которые взорвали, да-да!. взорвали ракету этих самых земных коротышек, и только случайность помогла тогда избежать страшных жертв! А имя этим двум омерзительным личностям — Жулио и Спрутс!

Наступила страшная тишина, Незнайка и Пончик ахнули и отступили, а Жулио, с перекосившимся от страха бледным лицом, выбежал из номера.

— Я еще вернусь к этому серьезнейшему преступлению, — пообещал Бигль. — Это дело будет предано гласности и, несомненно, передано в суд.

В номер снова постучали, и министры юркнули в спальню. Дверь отворилась, и перед изобретателями предстал господин Скуперфильд собственной персоной.

Четвертый визит, во время которого господин Скуперфильд предлагает изобретателям приличную сумму за несколько минут работы в кадре

Дверь отворилась, и перед изобретателями предстал собственной персоной господин Скуперфильд. Стоя в дверях, он в некотором замешательстве провожал глазами убегающего по коридору Жулио, с которым только что столкнулся.

— Хм... — проворчал Скуперфильд. — Кажется, я тут уже не первый посетитель. А?!. Что вы сказали?..

Но Незнайка и Пончик только молча переглядывались: ни тот ни другой, кажется, никогда раньше не имели дела с этим знаменитым скрягой.

— Ага. Хорошо. В таком случае, позвольте, я сразу изложу вам суть дела.

Скуперфильд уселся в кресло, поставил свой видавший виды цилиндр на колени, оперся сухими руками о трость и заговорил.

Но и в данном случае мы не станем утомлять читателя длинным и сбивчивым монологом, учитывая в особенности то, что голос у Скуперфильда был чрезвычайно противный — резкий и каркающий. К тому же этот коротышка был туг на ухо и поминутно спрашивал у молчавших как рыбы собеседников: «А? Что вы сказали?.. Я вас плохо расслышал...» Суть же дела, которое привело сюда этого субъекта, сводилась к следующему.

Приехав из Брехенвиля в Давилон по своим делам нынешним утром, Скуперфильд с ходу попал в набиравший силу водоворот рекламной кампании велосипеда. Ощутив масштаб и перспективы этого предприятия и моментально прикинув, какие доходы оно может сулить владельцам, он стал напряженно думать, каким образом он сам смог бы откусить хотя бы небольшой кусок от этого поразившего его размахом товарно-рекламного пирога.

Поразмышляв хорошенько на лавочке в Центральном парке, где он любил кормить голубей во время своих визитов в столицу, и искусав костяной набалдашник своей трости, Скуперфильд не придумал ничего лучшего, как заявиться к изобретателям в гостиницу и уговорить их сняться в рекламном ролике своих макарон.

Сюжет ролика представлялся ему таким. Незнайка и Пончик с аппетитом съедают по порции скупер-

фильдовских макарон, их осеняет догадка, и они изобретают велосипед. После этого они произносят в объектив камеры соответствующий стишок, что-нибудь вроде такого:

Не долго думай, покупатель,
На полки рот не разевай,
Ты макароны Скуперфильда
Беги скорее покупай!

Поняв наконец, чего добивается от них этот известный фабрикант, Незнайка и Пончик перестали волноваться. Но Пончик сразу смекнул, что на этом деле можно заработать еще сотню-другую фертингов.

— Какой хитренький, — сказал он. — А что нам с этого будет?

— Хотите сто фертингов? — мужественно предложил Скуперфильд.

— Тысячу, — сказал Пончик.

И они принялись торговаться. Скуперфильд сказал, что сто фертингов за несколько минут работы в кадре — очень приличная сумма; на это Пончик ответил, что ему следует посоветоваться на этот счет с г-ном Пудлом, и Скуперфильд сразу поднял свою цену до двухсот.

Так они торговались довольно долго, при этом Скуперфильд выдумывал все время новые аргументы в свою пользу, а Пончик использовал только один, один раз проверенный и в дальнейшем совершенно неотразимый, — о том, что ему необходимо посоветоваться с г-ном Пудлом. Эта незамысловатая фраза действовала на Скуперфильда магическим образом, и он сразу поднимал цену еще на пятьдесят фертингов.

В конце концов они сошлись на семистах пятидесяти фертингах, хлопнули по рукам, Скуперфильд нахлобучил на голову свой гремящий барахлом цилиндр и убежал договариваться с телевизионщиками.

А в дверь громко заколотили.

Визит, которого никто не ожидал и который мог плохо кончиться, если бы Незнайка не вспомнил про мотоцикл

В дверь заколотили, и в номер, шумно пыхтя, хрипя и отдуваясь, ввалился на костылях г-н Циклоп. Поначалу его было даже трудно узнать: голову его от макушки и до самых глаз скрывали бинты, правая нога напоминала огромное загипсованное веретено. Конкурент Пудла опирался на костыли, глаза его метали молнии.

— Ждите меня здесь, — приказал он стоявшим в коридоре сопровождающим. — И не выпускайте никого, если вздумают бежать.

Незнайка и Пончик перетрусили не на шутку. В спальне, где все это время шумно совещались министры, стало тихо.

— Это вы! — грозно зарычал Циклоп, вперив глаза в изобретателей. — Помните меня?

Изобретатели кивнули и отступили на шаг.

— Вы пришли ко мне, и я вас выслушал!

Изобретатели кивнули и отступили еще на один шаг.

— Я подарил вам двадцать фертингов!

Изобретатели кивнули и сделали еще один шаг к окну.

— Я отнесся к вам со всем расположением!

Изобретатели кивнули, сделали еще шаг назад и уперлись в подоконник.

— Так почему же, — Циклоп двинулся на них, грозно поднимая правый костыль, — так почему же вы поступили со мной ТАК?!!

Отступать было некуда.

Решив, что настала пора вмешаться, из спальни величественно выступили министры, одетые в черные фраки и цилиндры, белые перчатки и бабочки.

— Опустите ваше оружие, господин Циклоп, — приказал Бигль, коснувшись тростью поднятого над головой костыля. — Эти коротышки ни в чем перед вами не провинились.

Увидев перед собою двух министров его сиятельства Верховного Правителя, Циклоп побледнел, задрожал и опустился в кресло. Костыли с грохотом посыпались на пол.

— У-у! — захныкал он, внезапно и разительно переменившись. — Искалечили ни за что, а сами теперь... у-у... теперь мне конец, Пудл меня в порошок сотрет, я банкрот, у-у!..

По долгу службы Бигль был в курсе происходящего, а Болтику Пончик на ухо вкратце рассказал обо всем, что произошло: как они дали Жучку-Киксу неправильный чертеж велосипеда и что из этого вышло. Когда Болтик все понял, его начал разбирать такой смех, что он, зажав рот рукою и хрюкая, не в силах сдерживаться, скрылся в спальне.

— Вы наказаны, и поделом, — наставительно произнес тем временем Бигль. — Промышленный шпионаж у нас, между прочим, преследуется по закону, и вы еще хорошо отделались: будьте довольны, что господин Пудл не подал на вас в суд, что было бы совершенно справедливо.

Затянутый бинтами и закованный в гипс, конкурент выглядел столь жалко, что Незнайке захотелось его чем-нибудь ободрить. Он думал, что бы такое сказать, и внезапно его осенило.

— Господин Циклоп! Господин Циклоп! — заговорил он, заблестев глазами. — Хотите, я подарю вам еще одно изобретение? Совершенно бесплатно!

Г-н Циклоп поднял на него глаза, полные тоски:

— Вы шутите?

— Нет, честное слово, не шучу!

Все, в том числе вернувшийся в гостиную Болтик, с любопытством уставились на Незнайку.

— Мотоцикл! — произнес тот с воодушевлением. — Понимаете? Мотоцикл!

И Незнайка, как умел, нарисовал фломастером на листке бумаги мотоцикл.

— Это мотор, это бак с бензином, — объяснял он по ходу дела, — это переключатель скоростей, это выхлопная труба...

— И что же, никаких педалей? — осторожно заметил Циклоп, на которого рисунок сразу произвел огромное впечатление.

В разговор включился Пончик, и два изобретателя стали наперебой рассказывать о мотоцикле, но довольно быстро исчерпали свои познания. Впрочем, Циклоп хорошо знал автомобильное дело и сам домыслил все то, чего не смогли объяснить Незнайка и Пончик. Горя нетерпением как можно быстрее добраться до своего опытного цеха, он похватал с пола свои костыли и, рассеянно бормоча слова благодарности, торопливо застучал к выходу.

— Вот и прекрасно, — сказал Бигль. — Теперь они опять будут конкурировать, а значит, выпускать для нас хорошие и дешевые товары. Вы не жалеете, что не взяли с него денег?

— Мы вообще-то скоро собираемся обратно, господин Бигль, — сказал Незнайка. — Как только наши товарищи будут здесь...

— Как! — воскликнул Болтик, вступив в разговор. — Да вы разве не знаете, что они уже здесь?

— Здесь? — Незнайка и Пончик повернулись к нему.

— Конечно здесь. Вот уже третий день они живут во дворце Верховного Правителя, их возят повсюду на экскурсии. На телевидении готовится большой репортаж по этому поводу.

— Но если теперь все про нас знают, значит, и они должны знать?

— А вот этого нельзя сказать наверняка, — покачал головой Болтик. — Пупс и его Первый министр накормили ваших друзей гипнотическим порошком и теперь водят их за нос как хотят. Им показывают только то, что считают нужным показать. Кстати, как вы сами догадались о порошке и чем вы вообще питаетесь?

— Порошок? — растерянно повторил Незнайка. — Какой еще порошок? Мы вообще-то питаемся как все. Ну, может быть, чуточку лучше, чем все... с тех пор как завелись деньги.

— И что же, вы не чувствуете никаких симптомов?

— Никаких...

— Поразительно. Бигль, что вы думаете по этому поводу?

Но ответить на это Бигль не успел, потому что в дверь снова постучали. Министры юркнули в спальню и притихли.

Еще один посетитель, которому Незнайка рад, как никому другому. Болтик готов пустить нейтрализующее вещество в водопровод, но не раньше, чем будет схвачена банда Ханаконды

Настороженно озираясь, в номер юркнул довольно невзрачный коротышка и прикрыл за собою дверь. Незнайка смотрел на него широко раскрыв глаза.

— Козлик... — прошептал он. — Козлик! — крикнул он и бросился другу на шею. — Я ведь к тебе... прилетел!

Прежде чем обнять друга, Козлик на секунду отстранился и внимательно заглянул ему в глаза, но сразу после этого лицо его сделалось счастливым: он

понял, что Незнайка не отравлен гипнотическим порошком.

— Козлик, это вы? — удивленно сказал Болтик, выходя из спальни.

— Господин министр, вы здесь?..

— Выходите, Бигль, — окликнул Болтик другого министра. Это коротышка из Союза вольномыслия, он с нами.

— С вами?.. — пролепетал Козлик, увидев перед собой еще одного министра.

— С нами, с нами, дорогой Козлик, — подтвердил Болтик. — Не волнуйтесь, я только что имел продолжительную беседу с господином Биглем и узнал от него много любопытного. Оказалось, что господин Тайный министр давно уже связан с господином Квантиком и тайно поддерживает наш Союз

— Так вот кого он имел в виду, когда говорил, что министры уже переходят на нашу сторону, — догадался Козлик. — Стало быть, недолго осталось?

— Недолго, Козлик, недолго, — подтвердил Бигль, выступая вперед. — Могу вам даже сказать по секрету, что в ближайшие сутки все и закончится. Как только банда Ханаконды будет в наших руках, мы пустим в водопровод нейтрализующее вещество, а затем все разъясним коротышкам через радио и телевидение.

— Правда, все так просто... А мы столько времени ломали головы. Но где же вы найдете такое огромное количество этого вещества?

— По моему тайному приказу его уже неделю производят и накапливают на химических заводах Грязинга. В данное время бочки уже развозят на водоочистные станции, и нам останется только дать команду для слива вещества в водопровод.

— Что же вы медлите! — радостно воскликнул Козлик. — Дайте же скорее им эту команду!

— Все не так просто, дорогой Козлик. На свободе находятся чрезвычайно опасные преступники,

которые намерены захватить телецентр и диктовать оттуда свои условия. Разгипнотизировав коротышек раньше времени, мы лишимся приманки, на которую они должны клюнуть в ближайшие часы.

— А они действительно настолько опасны?

— Страшно даже подумать, что будет, если им удастся осуществить свои замыслы...

В дверь постучали громко, размеренно и страшновато.

Приключения Клюковки: побег из дворца, встреча с «Дружком» и дорога в город, полная слез. Два фантастических видения картофельного фермера, одно из которых ему удалось подстрелить

Услышав стук, оба министра и Козлик скрылись в спальнях. Пончик, который испугался, что его арестуют как пособника тайного общества «Союз вольномыслия», забрался под кровать и замер, мелко подрагивая всем телом.

Дверь отворилась, и в гостиную зашел великан «Дружок».

— Вижу Незнайку, — бесстрастно констатировал он, ни к кому не обращаясь.

Здравствуй, «Дружок»! обрадовался Незнайка.

— Здравствуйте, господин Незнайка, очень рад вас видеть, — вежливо отозвался робот и продолжал: — В первой комнате больше никого нет. Во второй комнате министры Бигль и Болтик, если я правильно идентифицировал их по газетным фотографиям. В третьей комнате неизвестный мне коротышка, он напуган. Под кроватью господин Пончик. Осмотр окончен, видимой опасности не обнаружено.

— Спасибо, «Дружок», — услышал Незнайка голос позади себя и обернулся.

Перед ним стояла, улыбаясь, Клюковка-Огонёк.

Накануне вечером, когда во дворце Верховного Правителя все улеглись спать, Огонёк стала готовиться к побегу. Первым делом она скатала в рулон матрас и уложила его так, чтобы казалось, будто под одеялом, накрывшись с головой, спит коротышка. Она знала, что невидимые стражники в серых трико то и дело проверяют комнаты, отведенные гостям, с тем чтобы убедиться, что все спят, а не бродят по дворцу и не заглядывают куда не следует.

Затем она надела перчатки, рюкзак с запасом космических продуктов питания, пристегнула к поясу моток веревки и, встав около двери, стала дожидаться условного сигнала. В замке было тихо, все спали.

Внезапно закричали «Пожар! Пожар!», послышался топот, и она поняла, что пора действовать.

По коридорам беспорядочно носились коротышки из прислуги. Огонёк выскользнула из комнаты и тоже побежала, размахивая руками и покрикивая «пожар, пожар». На нее никто не обращал внимания.

Из-под потолка, подобно пещерным летучим мышам, свешивались вниз головами охранники. Их глаза в вырезанных дырках шерстяных шапочек выражали растерянность и смятение.

В отличие от прислуги Огонёк точно знала, куда бежать. Все входы и выходы из дворца охранялись так, что проскочить там не представлялось возможным, даже если бы начался настоящий пожар, потоп или землетрясение. На всех окнах имелись надежные решетки. Поэтому Клюковка направилась не вниз, к столпившимся у дверей охранникам, а наверх, где не было ни души.

Выбравшись на крышу через чердачное окошко, Огонёк хорошенько привязала веревку и начала осторожно спускаться вниз. Упражнение оказалось не таким уж сложным, потому что загородный дворец его сиятельства имел всего два этажа, а веревка была с узлами.

Спрыгнув на газон, беглянка юркнула в кусты шиповника и затаилась.

Все произошло в точности так, как они с Крохой и рассчитывали: послышалась разноголосица сирен и на территорию дворца въехала вереница пожарных машин, столь длинная, что часть их осталась за воротами.

Охранники подбежали к пожарным, что-то объяснили, и те, недовольно ворча, стали расходиться по машинам. Тревога оказалась ложной, можно было возвращаться.

Как только машины тронулись, Огонёк запрыгнула на прицеп одной из них и спряталась под складную лестницу. Она благополучно доехала до города и соскочила незамеченной на одном из перекрестков. Денег на такси у нее не было, и она, выбравшись на восточную окраину, пешком зашагала по шоссе туда, где, по расчетам, ее обязан был дожидаться дисциплинированный «Дружок».

Огонёк шагала по шоссе час, другой и наконец почувствовала, что буквально валится с ног от усталости. Наступила ночь, никаких построек поблизости уже не было; кажется, она переоценила свои силы. Возвращаться не было смысла, идти дальше не было сил. Она уже собиралась прилечь где-нибудь возле дороги, выбрав место посуше, но тут впереди за деревьями что-то блеснуло.

Окно светилось в хозяйстве все того же картофельного фермера, а других домов поблизости и не было.

Орешек засиделся в столь поздний час перед телевизором, досматривая увлекательный кинофильм под названием «Таинственное преступление, совершенное в зловещих развалинах». Он радушно принял гостью, и они вместе досмотрели до конца фильм. Но когда он выключил телевизор и предложил гостье чего-нибудь закусить перед сном, оказалось, что она уже спит. Орешек не стал ее беспокоить, а только прикрыл сверху байковым одеялом.

Утром фермер встал пораньше, чтобы успеть приготовить свой любимый картофельный пирог. но, к его огорчению, кресло оказалось пустым, малышки в доме уже не было. Едва начало светать, Огонёк мысленно поблагодарила хозяина и продолжила свой путь, закусывая на ходу космическим завтраком.

Она углубилась в лес и вскоре ступила в зону действия миниатюрного радиомаяка, приколотого у нее под воротником. Сразу после вызова пискнул ответный сигнал, послышалось шуршание листьев, тяжелые шаги, и на поляну из лесного мрака выступила огромная фигура.

— Не хотела бы я тебя чем-то расстроить, — сказала Клюковка, почувствовав, как по спине у нее пробежал совершенно беспричинный холодок. — Иди, иди сюда, дылда неразумный.

После завтрака картофельный фермер уселся с чашкой кофе в своем любимом кресле на веранде. Не спеша прихлебывая, он смотрел на раскинувшийся перед ним в легкой утренней дымке знакомый пейзаж и улыбался. Но вот что-то внезапно нарушило привычную картину: двое запыхавшихся коротышек, цепляясь друг за друга, бежали по шоссе в сторону города. Они поминутно оборачивались, как видно опасаясь погони, и от этого их носило от одной обочины к другой.

Орешек отставил пустую чашку и поспешил в дом, чтобы взять ружье и патроны. Он подумал, что если за этими несчастными гонится дикий коротышка, то еще один заряд крупной соли ему определенно не помешает. Дело чуть не испортила досадная случайность: новые, набитые свежей солью патроны кончились и ему пришлось шарить по полкам в поисках старых. Но вот две штуки нашлись, и он поспешно вернулся на веранду, на ходу заряжая двустволку. И вовремя: на шоссе показался дикий коротышка.

Он бежал по-обезьяньи, вполоборота, перебирая время от времени длинными передними конечностями. Было понятно, что скоро он настигнет беглецов, и картофельный фермер решительно вскинул ружье. Он хорошенько прицелился и, когда отвратительное волосатое существо оказалось напротив, всадил ему крепкий заряд соли все в ту же часть туловища, расположенную пониже хвоста.

Эхо выстрела разнеслось по округе, существо взвизгнуло и несколько раз перевернулось в воздухе. Но как только оно снова опустилось на лапы, Орешек бабахнул из второго ствола в то же самое место. Дикий коротышка взревел, заскулил, завертелся волчком и, слабо попискивая, скрылся в зарослях.

Картофельный фермер удовлетворенно кивнул, отставил ружье и снова удобно расположился в кресле.

— Кто-нибудь из городских может сказать, что это грубо, — начал он рассуждать сам с собой, неторопливо раскуривая трубочку, — но он, как бы там ни было, гнался за правильными коротышками. Еще неизвестно, может быть, они состоят на службе у его сиятельства Верховного Правителя, тогда без медали меня не оставят. Пожалуй, стоит сообщить обо всем в полицию, впрочем, нет, лучше не надо. Вот если бы я его поймал и сам привез в город... Ой! А это еще что такое! — воскликнул он, едва не уронив трубку и закашлявшись.

Новая картинка, представшая перед его глазами, была еще похлеще первой: под мерный стук конечностей по асфальту на четвереньках бежал железный коротышка, а на его спине, ничуть не смущаясь, сидела его ночная гостья! Малышка приветливо помахала рукой, послала воздушный поцелуй и с улыбкой поворачивалась в его сторону до тех пор, пока не скрылась из виду за поворотом.

А картофельный фермер еще долго сидел на крыльце с открытым ртом, пощипывая себя за разные части тела, чтобы убедиться, что все это не сон и не видение.

По мере приближения к городу Огонёк обратила внимание на то, что вдоль шоссе рабочие устанавливают новые рекламные щиты. В ярких изображениях она краем глаза уловила что-то знакомое и велела «Дружку» притормозить перед одним из них. Ослепительно улыбающиеся Незнайка и Пончик смотрели прямо на Клюковку, держа перед собою велосипед.

— Вот так штука! — удивилась Огонёк. — Интересно, чем это они уже успели здесь так прославиться?

И она стала читать подпись:

САМОХОДНАЯ ДВУХКОЛЕСНАЯ ТЕЛЕЖКА «ВЕЛОСИПЕД»
СИСТЕМЫ НЕЗНАЙКИ И ПОНЧИКА!
ТОЛЬКО НА ЗАВОДАХ ПУДЛА!
БЫСТРО, УДОБНО, ДЕШЕВО!

- Так-так-так, — сказала себе Огонёк, трогая дальше. Ничего не понимаю.

Она поехала дальше и по ходу рассмотрела еще несколько щитов, на которых изобретатели велосипеда красовались в разных позах, но с неизменной белозубой улыбкой.

— А ну-ка, «Дружок», — приказала она роботу, — настройся на местное радио.

«Дружок» поймал местную радиостанцию, и Огонёк услышала голос диктора:

«...Но тернистый путь Незнайки и Пончика был усеян колючками и шипами. Не сразу приняло общество поделки талантливых изобретателей, не сразу оценило их мудрость и конструкторский талант...»

Огонёк слушала диктора, разглядывала щиты, которые рабочие крепили на дороге, и постепенно до нее начал доходить смысл происходящего. Одновременно ее начал разбирать смех. Сначала она недоверчиво улыбалась, потом начала время от времени фыркать, но вскоре ее окончательно прорвало, и она начала смеяться так, что «Дружок» несколько раз останавливался и спрашивал, не может ли он чем-нибудь помочь госпоже.

Добравшись до города и утерев слезы, Огонёк решила немедленно встретиться с Незнайкой и Пончиком.

Через справочную службу гостиниц Клюковка разыскала изобретателей. Прибыв на улицу Лоботрясов и поднявшись на двадцать девятый этаж гостиницы «Изумруд», перед самым номером она поосторожничала и пустила вперед «Дружка», который докладывал ей об увиденном внутри по рации.

Вскоре она была в курсе всех дел и заторопилась обратно в замок.

— Меня там ждут, — сказала она. — А пока вы будете ловить свою банду, я потихоньку сама разгипнотизирую всех наших. А то противно на них смотреть, уж лучше бы велосипеды изобретали... Вот эти грибы, — она вытащила из рюкзака несколько сорванных в лесу козленков, — эти грибы содержат в себе нейтрализующее вещество. Достаточно съесть

хотя бы штучку, чтобы в течение суток не испытывать на себе действия гипнотического...

Огонёк внезапно замолчала, глядя на Пончика, который, внимательно ее слушая, неторопливо жевал наваленные в вазу сушеные козленки. Они с Незнайкой прикладывались к грибам уже по привычке, будто в вазу был насыпан изюм или хрустящий картофель. Услышав слова Клюковки, но не поняв их смысл, Пончик перестал жевать, а лицо у него сделалось испуганное.

— Что... — сказал он, — в течение суток? Грибы ядовиты?

Клюковке очень хотелось сказать, что да, ядовиты, а затем полюбоваться им еще минутку, но она пожалела Незнайку и успокоила обоих:

Грибы не ядовиты. Но достаточно съесть хотя бы один, чтобы в течение последующих суток не испытывать на себе действия гипнотического порошка. А зачем же вы их ели? Вы ведь даже об этом не знали?

Мы их ели просто потому, что они вкусные, — сказал Незнайка. — Только лучше подсушить немножко...

— Некоторым удивительно везет, — сказала Огонёк, обращаясь к роботу. — Даже непонятно, как это у них получается.

Тут послышался шум, и в номер без стука ввалились Мига и Крабс.

Самый последний визит, после которого мы уже едва успеваем следить за событиями

В номер без стука ввалились Мига и Крабс. На них было жалко смотреть: грязные, худые, в изорванной одежде, с красными, обезумевшими глазами.

— Где господин министр? — просипел Крабс, тяжело дыша. — Нам сказали, что он здесь...

— А который вам нужен? — поинтересовался Бигль. Вместе с Болтиком они сидели на диване и прикрывались развернутыми газетами.

— Господин Тайный министр, это вы!

— Допустим, это я. А вы кто такие?

— Господин министр! В полиции нас даже не стали слушать, но, по счастью, кто-то из ваших личных сотрудников оказался рядом и посоветовал, где вас можно найти...

— Так в чем же дело?

Господин министр...

— Послушайте, Крабс, на кого вы похожи! — шагнул к нему Бигль. — Я вас едва признал!

— Ах, господин министр, вы даже не представляете себе, чего мы натерпелись с того самого дня, когда вы посоветовали нам обратиться к этим...

— Ни слова больше! — Бигль предостерегающе поднял руку. — То, что вы намерены сейчас сказать, является государственной тайной!

— Хорошо, хорошо, господин министр, ни слова больше, как прикажете.

— Так что же, вам удалось сбежать из банды?

— Мы с самого начала хотели сдаться, но Ханаконда удерживал нас насильно, он бил нас!..

У Крабса из глаз брызнули слезы, он разрыдался, не в силах больше говорить.

— Может быть, вы, Мигс, объясните нам, в чем дело? — обратился Бигль ко второму чумазому субъекту.

— Они собираются захватить телебашню, — угрюмо доложил Мига.

— Когда?! — вскричал Бигль.

— Да может статься, что они уже и там...

— Что?! — Бигль бросился к телефону, а Крабс поднял заплаканную физиономию на второго министра.

— Им нужен был ветр-аха-лет, — выговорил он, всхлипывая и размазывая слёзы по грязным щекам. — Они хотели угнать верт-аха-алет и лететь к ба-ашне. Мы спрята-ались в лесу, а потом за нами гнался Рос-амаха...

— Это какой Росомаха? — поинтересовался Болтик. — Тот, который пропал без вести?

— Да, дикий ко-ротышка.

— Чего-чего?..

— Росомаха стал диким коротышкой.

А Бигль в это время уже отдавал по телефону судьбоносные для всего подлунного мира распоряжения:

— Внимание, внимание! Передать информацию по цепочке: СИРОП В ТРУБЫ! СИРОП В ТРУБЫ! Срочно!

Бигль отстучал на трубке еще один номер:

— Ригль, вы готовы? (Лейтенант Ригль руководил обороной телецентра.) Что? Уже?!. Почему!!!

Бигль уронил трубку. Он был бледен, по его лицу катились капли пота.

— Они уже там, — произнес он еле слышно. — Никто не ожидал, все произошло слишком быстро.

Как Жмурик и Тефтель выполнили работу, которую согласно плану должны были выполнять Мига и Крабс

Часом раньше в пустынном переулке остановился темно-зеленый «Циклоп» повышенной проходимости и из него вышли двое коротышек. Они молча осмотрелись по сторонам, достали из багажника четыре канистры с бензином и, сгибаясь под их тяжестью, засеменили к автостоянке, занимавшей всю площадь

перед телевизионной башней. Остановившись в проходе между тесными рядами автомобилей, первый начал отворачивать крышки, но второй, одноглазый, сказал ему:

— Погоди, Тефтель, осталось еще четыре минуты. Шеф любит, чтобы все было точно.

Оба присели на канистры, и Тефтель проворчал:

— Что толку с этих минут, если полыхать будет всю ночь? Этих минут хватит, чтобы нас здесь арестовать: вся полиция наверняка поднята на ноги, надо было пристукнуть Мигу и Крабса еще тогда, когда они в первый раз к нам заявились. А, как ты думаешь, Жмурик?

Но Жмурик не отвечал. Он вообще мало разговаривал, а больше присматривался и прислушивался.

— Пора, — сказал он, поднялся и начал откручивать крышки.

Опрокинув канистры, они начали щедро поливать асфальт. Бензин глухо булькал и струился под машины, готовый вспыхнуть от малейшей искры.

— Эй, что вы делаете! — крикнул сторож, высунувшись из своей кабинки и принюхиваясь.

— Беги отсюда, студент, — посоветовал Тефтель, едва на него взглянув. — Сейчас здесь будет жарко.

Несколько секунд сторож еще стоял, силясь что-то сказать, но потом повернулся и молча припустил прочь во все лопатки.

Когда весь бензин оказался на асфальте, Жмурик достал спички и поджег закатившийся на край стоянки ручеек. Синее пламя скользнуло под брюхами автомобилей и внезапно ахнуло ярким заревом. Поджигатели спокойно вернулись в переулок и залезли в машину. Свое дело они сделали, оставалось только ждать от шефа новых распоряжений.

Вот взорвался первый бензобак, второй, третий... «Циклоп» содрогнулся, в окрасившемся заревом пожара вечернем небе замелькали обломки — колеса и

куски искореженного металла. Беспорядочный грохот нарастал с каждой минутой, небо заволокли черные клубы дыма.

— Ну где же они? — забеспокоился Тефтель. — Тебе что-нибудь слышно?

Жмурик опустил стекло и с улыбкой закивал: за канонадой, криками и сиренами слабо, но прослушивался рокот скрытого за дымовой завесой вертолета.

Как Ханаконда перехитрил всех и осуществил свой план. Почти осуществил. Не наворняка

— Прыгай, — приказал Ханаконда.

— Ничего... — гортанно прорычал Росомаха, — не видно...

— Прыгай!

— Дым... темно... я не вижу...

Ханаконда взвел затвор и приставил дуло автомата к виску заросшего шерстью полукоротышки.

— Хорошо, — прохрипел тот, — я прыгну. Опуститесь ниже. Еще ниже.

В клубах дыма совсем рядом показалась мачта антенны, Росомаха сжался пружиной и прыгнул. Вертолет пошел вверх, но Ханаконда успел заметить, что Росомаха всеми четырьмя конечностями ухватился за металлическую арматуру.

Этим утром, когда Росомаха приплелся в лесную хижину с поджатым хвостом и новой двойной порцией соли в мягкой части, Ханаконда в ярости едва не зашиб его кочергой. Казалось, все планы рухнули и придется еще неделю вымачивать проклятую соль из ягодиц этого бестолкового звереныша. Но прошел

час, другой, и всем стало ясно, что новый заряд соли не причинил Росомахе никакого вреда, за исключением душевных и физических мучений.

Жмурик, Тефтель и Ханаконда начали совещаться и вскоре пришли к совершенно правильному выводу о том, что в данном случае зловредный фермер использовал патроны старого образца, в которых соль еще не была отравлена гипнотическим порошком. И они решили действовать по оговоренному раньше плану.

По этому плану Мига и Крабс должны были взорвать автостоянку, чтобы отвлечь внимание полиции. Тем временем остальные, пользуясь дымовой завесой, темнотой и грохотом взрывов, могли незамеченными совершить посадку на вертолетной площадке, расположенной в верхней части башни. Но для этого кто-то должен был включить на площадке сигнальные огни, а прыжок с вертолета на верхушку мачты антенны был способен совершить только наполовину превратившийся в обезьяну Росомаха. Как мы уже знаем, он проделал это с успехом.

Ловко цепляясь за железо пальцами рук и ног, Росомаха спустился на площадку. За дверцей электрического щитка он нащупал рубильник и решительно рванул его в верхнее положение. Посадочная площадка вспыхнула кольцом сигнальных огней.

За штурвалом сидел Хорёк; в школе телохранителей он прошел курс пилотирования вертолета, поэтому посадка в центр светящегося кольца не вызвала у него затруднений. Сам вертолет они тоже угнали легко, купив билеты для обзорного полета над городом и прогнав из машины экскурсантов вместе с пилотом.

Бандиты спрыгнули на бетонное покрытие и с автоматами наперевес двинулись по коридорам верхнего

этажа студии. Росомаха скакал рядом, но безоружный — доверять автомат ему пока не решались. Коридоры были пусты: охрана и персонал, как они и рассчитывали, спустились вниз, где продолжали греметь взрывы. Заметив в одной из аппаратных коротышку, Ханаконда подошел к нему, смахнул дулом автомата с его головы наушники и прошипел:

— Студия прямого эфира.

Коротышка моментально понял вопрос и указал дрожащей рукой в сторону лифта.

— Номер, — прошипел Ханаконда.

— Пятьсот тридцать шесть, — пролепетал коротышка.

— За мной, — сказал Ханаконда. — Это на пятьдесят третьем этаже.

— То есть, — поправился коротышка, — я хотел сказать, шестьсот тридцать пять!..

Но бандиты уже шагали к лифту, и его никто не расслышал.

Выясняется, что цифра 536 совсем не одно и то же, что 635, обстановка обостряется, минуты решают все

Сломленный своим внезапным поражением, Бигль сидел в кресле и расширенными глазами смотрел в одну точку. Болтик включил телевизор. Как министр Связи и участник сопротивления он разделял с Биглем ответственность за свершившееся злодеяние.

Экран вспыхнул, но вместо зачитывающего новые установки бандита там замелькали кадры включенного в вечернюю программу веселенького кинофильма.

Министры быстро переглянулись. Бигль схватил трубку, лихорадочно отбил номер и закричал:

— Ригль! Что у вас происходит? Они еще не в студии?

— Они на пятьдесят третьем этаже, — отвечал Ригль, перекрикивая грохот все еще рвущихся на стоянке бензобаков.

— Почему они не вышли в эфир?

— Мы этого не понимаем, господин министр! Студия прямого эфира десятью этажами выше!

— Прекрасно, Ригль! Их оплошность может спасти всех нас!

Болтик выхватил у Бигля трубку и простучал по кнопкам. Министры прекрасно понимали друг друга, и теперь все решали секунды.

— Алло, аппаратная?

— Господин министр, это вы... — залепетал перепуганный, но не покинувший свой пост главный администратор Масленка. — Сейчас они будут здесь, они выйдут в эфир, что делать, что делать!..

— Слушайте меня внимательно, Масленка, — твердо заговорил Болтик. — Выходите в эфир прямо сейчас, под мою диктовку. Быстро к микрофону и радиосуфлер в ухо! Остальным баррикадировать двери; нам потребуется на все про все меньше минуты. Готовы? Три-два-один — поехали! «Дорогие телезрители...»

— Дорогие телезрители, — заговорил появившийся на экране коротышка. — В это вечернее время вы, как всегда, у своих экранов. Если же кто-то по своей надобности отлучился, позовите, позовите его скорее к телевизору, потому что сейчас мы сообщим вам нечто особенно важное. Ну вот, теперь вы все в сборе. Наверняка вы успели поужинать, и на столе перед вами расставлена чайная посуда. Сейчас каждый из вас возьмет в руки чашку или стакан, подойдет к водопроводному крану, наберет воды и выпьет. Но вот непременное условие: вы должны позволить воде протечь не меньше двух минут, только после этого

вы наберете воды и выпьете весь свой сосуд до дна. Итак...

Послышались выстрелы и треск разбиваемой двери.

– Итак, действуйте!

В следующее мгновение Масленка исчез, и на экранах появились улыбающиеся Незнайка и Пончик. В эфир пошел блок рекламы.

Гризль пытается спасти от незора своего правителя, но вынужден сам испить эту чашу до дна. Знайка выпивает стакан воды, и ему тоже становится стыдно

В этот день путешественников с Большой Земли возили на экскурсию к Хрустальным озерам — на фешенебельную туристическую базу для богачей и высокопоставленных чиновников. Там они играли в мяч, в жмурки, в догонялки, катались на лодках и кормили птиц. А на обратном пути в автобусе дружным хором пели песни. Вернулись вечером усталые и раскрасневшиеся. За ужином, а правильнее сказать, за ежевечерним банкетом наперебой провозглашали здравицы в честь Верховного Правителя, его министров и нерушимой дружбы между коротышками двух планет.

Кроха и Буравчик, растягивавшие губы в идиотских улыбках, на самом деле очень волновались. Огонёк во дворец не вернулась, а ее отсутствия будто никто и не заметил. Знайка пытался несколько раз ее окликнуть на экскурсии, но Гризль неизменно оказывался рядом и говорил, что видел ее буквально минуту назад. Пупс не хотел волновать гостей ее исчезновением и рассчитывал вернуть беглянку до наступления темноты. А ночью в ее комнату должны

были пустить снотворный газ и сделать укол, который навсегда лишил бы ее памяти.

После ужина Верховный Правитель уединился с Гризлем и раздраженно потребовал у него отчета о проведенной работе. Пупс уже видел, что почва уходит у него из-под ног, что он зарвался, зашел слишком далеко и не сегодня-завтра его невиданная, гигантская авантюра рухнет и тогда ему придется очень, очень плохо. Но он уже почувствовал дурман безграничной власти и понимал, что вопреки здравому смыслу и даже собственной воле будет цепляться за эту власть до последнего.

— Гризль, — сказал Пупс, нервно кусая себе губы, — почему вы до сих пор ее не поймали?

Министр открыл рот, чтобы ответить, но Пупс его перебил:

— Я знаю, весь день вы были заняты: прохлаждались на озерах. Бегали, смеялись и размахивали руками... Вместо того чтобы спасать от позора своего правителя!

— Но ваше сиятельство сами велели мне находиться возле землян неотступно. Господа Тайный министр и министр Связи могли бы в мое отсутствие...

— Не могли! Банда Ханаконды намерена захватить телевидение и диктовать условия моему народу! Эти двое готовят ему засаду, а не прохлаждаются, как некоторые, на озерах. Ах, какой ужас! — Пупс застонал и обхватил голову руками. — Враги, враги обступили меня со всех сторон! Они щелкают зубами, они готовы прыгнуть и вцепиться мне в горло!!. — Пупс схватил себя за горло и задергался.

Зазвенел телефон, он перестал кривляться и взял трубку. Но от услышанного ему пришлось задрожать по-настоящему.

— Что? Как захватили? Как же вы... — От волнения он стал задыхаться и схватился за грудь. — Они захватили телецентр... банда Ханаконды...

Гризль подбежал к телевизору и щелкнул кнопкой. Огромный, в полстены, экран вспыхнул, на нем появилась голова коротышки с аккуратно прилизанным пробором.

— ...Сейчас каждый из вас возьмет в руки чашку или стакан, — говорил он, прижимая к уху радиосуфлер, — подойдет к водопроводному крану...

— Это не Ханаконда! — слабо произнес Пупс, указывая на прилизанного коротышку.

— Это администратор прямого эфира, — сказал Гризль. — И он говорит под чью-то диктовку. Вода, вода... Ах, чтоб тебя! — До Гризля внезапно дошел смысл происходящего. — Нельзя, чтобы они пили эту воду!! — И он выбежал из кабинета.

Первой по коридору была комната, в которой остановился Знайка. Гризль распахнул дверь, но никого не увидел, только администратор Масленка с экрана включенного телевизора заканчивал свое обращение командой «действуйте!». И скорее всего, что коротышки уже действовали: дверь в ванную комнату была открыта, оттуда доносилось журчание льющейся из крана воды.

Гризль шагнул в ванную и увидел, как землянин, послушно вытряхнув из стаканчика зубную щетку, полощет его, одновременно пропуская воду положенные две минуты.

— А, это вы, господин Первый министр! — улыбнулся ему Знайка. — Вы, случайно, не знаете, что это за странное пожелание прозвучало только что в эфире? Наверное, это еще одна форма заботы мудрейшего Верховного Правителя о здоровье коротышек. Стакан водопроводной воды перед сном — гениально и просто! Нужно будет сказать Пилюлькину, чтобы он распространил этот опыт у нас в Цветочном городе. А что это у вас такой странный вид? Может быть, вам тоже надо выпить воды и лечь спать?

Знайка протянул Гризлю наполненный стакан.

— Нет, не хочу, — сказал тот неожиданно резко. — И вы не будете пить эту воду, она отравлена!

Знайка изумленно на него уставился.

— Враки, она не отравлена! — послышался рядом писклявый, но решительный голос. — Не слушайте его и пейте!

В дверях стояла Кроха, и вид у нее был довольно-таки угрожающий.

— Он не будет пить! — повысил голос Гризль и замахнулся, чтобы выбить стакан у Знайки из рук.

Но тут Кроха внезапно сделала ему быструю подсечку, и Гризль, успев только ахнуть, загремел на пол.

— Ах ты... да я тебя сейчас.. — зашептал он в ярости, вставая на ноги.

Но едва он только протянул руки, чтобы схватить малышку за горло мертвой хваткой, как та ловко увернулась и в стремительном развороте ударила его ногою в живот. Гризль согнулся в три погибели и застонал от боли и унижения.

— А теперь ополоснись немножко, — сказала Кроха и легонько толкнула его ладошкой в лоб.

Первый министр кувыркнулся спиной в наполненную водой и пеной ванну и забарахтался.

Кроха обратилась к Знайке, который смотрел на все происходящее, не зная, верить ли своим глазам:

— Пейте же скорее, что вы смотрите!

Знайка послушно выпил до дна весь стакан, Кроха отвела его в комнату и усадила в кресло. На экране телевизора в это время Незнайка и Пончик читали стишок про велосипед, и Знайка почувствовал, как ум у него заходит за разум.

Но вот в следующее мгновение он ощутил, как пальцы его ног свела легкая судорога, как она горячей волной пробежала по ногам и по животу, руки непроизвольно задергались, напряглась шея и ходуном

заходила голова. Он забормотал что-то нечленораздельное, спина вдруг выгнулась мостиком, Знайка весь напрягся, как струна, затем осел, расслабился и обмяк. На его бледном лице заблестели крупные капли пота.

— Как вы? — прошептала с испугом следившая за его превращениями Кроха.

Знайка рассеянно посмотрел по сторонам, кивнул и, опустив голову, стал сосредоточенно протирать платочком стекла очков. В одно мгновение он все вспомнил, и ему стало стыдно. На его бледном лице начала быстро проступать густая краска стыда.

— В водопроводной воде было нейтрализующее вещество? — спросил он тихо, не поднимая глаз.

— Да, — подтвердила Кроха. — Огонёк позвонила и предупредила нас об этом.

— Где она?

— В гостинице «Изумруд», с Незнайкой и Пончиком. Там с ними еще два министра, они тоже против Пупса.

— Значит, теперь все кончено?

— Надеюсь, что так.

— И нашего вмешательства не потребовалось...

— Что ж, и это неплохо.

Захлюпали ботинки: через комнату прошагал Первый министр. Он был весь в пене, а в сторону дорогих гостей даже не взглянул.

— Теперь они, наверное, сбегут, — сказал Знайка.

— А это уже не наша забота, — ответила Кроха. — Пусть с ними теперь сами лунатики разбираются.

Телевизор продолжал работать, но блок рекламы внезапно прервался. На экранах появился коротышка с жестоким, неприятным лицом. По его удлиненному туловищу прошло легкое волнообразное движение, он снял маленькие темно-зеленые очки, вперил

суженные, разбегающиеся в стороны зрачки в объектив и зашипел:

— А вот и я, мои дружные и послушные коротышки. Меня зовут Ханаконда, я ваш новый возлюбленный Верховный Правитель. Забудьте все, что было раньше; с этой минуты для вас начинается новая жизнь, новый порядок. Те из вас, кто служит в полиции, больше не будут подчиняться коротышкам из так называемой касты неприкасаемых. С этой минуты больше не будет никаких каст. Вы должны арестовать всех, кто работал на прежнюю власть, они будут сосланы в такие места, где больше не смогут причинить вам вред. Все ваше имущество — дома, автомобили, одежда, мебель, фабрики, заводы, земля и вода — с этой минуты принадлежит государству. Государство — это я. Все, что вам нужно, вы будете получать от меня поровну. Не будет больше ни бедных, ни богатых; вы все наденете форму одинакового покроя, удобную и свободную; каждый из вас получит удобную и компактную ячейку для жилья. С отменой собственности вы больше не будете испытывать зависти друг к другу. Каждый из вас будет подчиняться единому для всех порядку. Если же кто-то узнает про другого, что тот не соблюдает распорядок или, хуже того, допускает невежливые высказывания по адресу новой власти...

Ханаконда продолжал говорить, а Знайка и Кроха смотрели на экран с нескрываемым ужасом.

— Послушайте! — воскликнула Кроха. — Да ведь наш возлюбленный господин Пупс был по сравнению с этим настоящим подарком!

— Надеюсь, что все успели выпить воду... — проговорил Знайка, еще сильно смущенный.

— Воду из-под крана? Думаю, что все успели, и теперь для лунатиков его выступление будет хорошим уроком на будущее.

В коридорах дворца послышались шаги и взволнованные голоса.

— Похоже, что наши тоже очухались. Давайте соберемся все вместе и поговорим наконец не только о мудрости и скромности господина Пупса.

Знайка снова густо покраснел.

Страсти продолжают накаляться. Их сиятельство и Первый министр бегут из города, воспользовавшись замешательством

— А ведь господин Пупс был по сравнению с этим настоящим подарком! — произнесла слово в слово Огонёк одновременно с Крохой.

Два министра, два изобретателя и Козлик напряженно смотрели в телевизор, и каждый чувствовал, как по спине у него бегают мурашки. Пончик зачерпнул из вазы горсть сушеных грибов и запихал в рот. Поспешно разжевав и проглотив, он забежал в ванную, пропустил воду из-под крана и выпил залпом стаканчик. Подумав немного, набрал еще один и выпил. «Это не помешает, — сказал он, глядясь на себя в зеркало. — Так-то оно вернее будет».

Когда он вернулся в гостиную, министров уже не было — они помчались на телевидение, где страсти продолжали накаляться с каждой минутой. Не было здесь и «Дружка» — по общему решению «железный коротышка» отправился вместе с ними для усиления.

— Едемте во дворец, — предложила оставшимся Огонёк. — Если их сиятельство еще не сбежал, я вас с ним познакомлю. Кроме того, пора бы вам уже присоединиться к экипажу: как ни крути, а вы еще члены спасательной экспедиции.

Оставшиеся не возражали. Но едва они шагнули за дверь, как на изобретателей налетела и закружила обратно в номер стая телевизионщиков, которыми верховодил, размахивая тростью, господин Скуперфильд. Незнайка и Пончик совсем уже про него забыли, а теперь надо было держать данное слово.

— Ладно, поезжайте пока без нас, — сказал Незнайка. — Мы после подъедем.

Огонёк покачала головой, но ничего не сказала. Все-таки коротышки, которые сумели здесь в несколько дней разбогатеть и прославиться, вызывали некоторое уважение.

Их сиятельство все-таки сбежал.

Будучи умным коротышкой, Пупс давно уже поручил Первому министру заготовить для него новые документы на вымышленное имя. Будучи коротышкой осторожным и предусмотрительным, Гризль изготовил фальшивые документы не только для него, но и для себя самого.

Когда Первый министр, покрытый мыльной пеной и несмываемым позором, вернулся в кабинет, Верховный Правитель сидел в своем похожем на трон кресле и с ужасом смотрел на Ханаконду, зачитывающего с экрана телевизора манифест о перемене власти и основных положениях нового порядка.

— Эй, вы! — грубо окликнул его Гризль. — Собирайтесь, пора сматываться отсюда.

— Как... вы смеете! — испуганно произнес Пупс, пораженный как увиденным и услышанным с экрана телевизора, так и немыслимым поведением Первого министра. — Это мятеж! Я прикажу сейчас же...

— Ах, оставьте, ничего вы не прикажете.

— Что такое! В своем ли вы уме, господин Гризль? — Пупс задергал шнурок колокольчика.

— Одевайтесь, ваше сиятельство, одевайтесь, никто не придет. Охранники и прислуга разбегаются из дворца, словно крысы.

— Нет, нет, этого не может быть!

Гризль открыл сейф и начал шарить по полкам.

— Держите. — Он протянул Пупсу документы. — Это ваше новое удостоверение личности: с этого момента вас зовут Пуфик и вы старший приказчик галантерейного магазина в Сан-Комарике.

— Пуфик!.. А почему только приказчик?. А вы думаете, они все выпили воду?..

Теперь Пупс говорил только для того, чтобы не молчать. Он все понял и теперь быстро одевался. Надев на себя добротный шерстяной костюм, он окликнул Гризля, продолжавшего рыться на полках огромного сейфа:

— Что вы там ищете?

— Как это что! Где у вас тут наличные деньги?

— Наличные деньги? — удивился Пупс. — Я как-то уже и забыл, что это такое — наличные деньги. На банковском счету есть какие-то милллиарды...

Гризль перестал рыться и проговорил, глядя на Пупса с нескрываемой неприязнью:

— Вы понимаете, что мы теперь нищие?

— А у вас самого, что же, нет наличных денег?

Гризль вынул пухлый бумажник и пересчитал купюры:

— Четыре тысячи шестьсот пятьдесят фертингов. И это вместо того, что у нас было...

— Ничего, на первое время хватит, — заметил Пупс примирительно.

Гризль посмотрел на него еще более враждебно, но ничего не сказал. Разыскав в гардеробе пузатый чемодан-саквояж, он принялся сгребать в него все, что подворачивалось под руку: золотые и серебряные безделушки с полок; статуэтки, чернильницу и пресс-папье с письменного стола. Пупс снял со стен не-

сколько картин, отодрал холсты от рам, кое-как свернул и тоже уложил в саквояж.

Внезапно и громко зазвонил телефон. Оба вздрогнули и переглянулись.

— Не подходите, — сказал Гризль. Но не успел замолкнуть первый телефон, как его трель на свой лад подхватил второй, третий, четвертый.. Кабинет наполнился тревожным и пронзительным перезвоном стоящих на письменном столе телефонных аппаратов.

— Идемте, — сказал Гризль. — Сейчас сюда придут.

Они вышли в пустой коридор, и Пупс направился к парадной лестнице.

— Не туда! — схватил его за рукав Гризль. — Сюда, через кухню!

Пробравшись через опустевшую кухню и подсобные помещения, они вышли на хозяйственный двор и, перескакивая через грязные лужи и отбросы, заторопились в сторону темнеющего за каменной оградой леса.

— Если пойдем напрямик, выйдем к железнодорожной станции, — объяснил Гризль. — Помогите мне забраться.

Пупс подтолкнул Гризля на кромку стены, подал ему саквояж и протянул руку.

— Ну, помогайте же теперь мне! — зашептал он в нетерпении.

Но Гризль не спешил давать ему руку. О чем-то задумавшись, он медлил.

— Вы даже не знаете моего нового имени, — сказал он, переживая внутренние колебания.

Но, как бы там ни было, Пупс стоил немножко больше, чем Гризль.

— Опознать ваш труп не составит труда, — заверил он своего бывшего министра, взводя курок огромного револьвера, извлеченного из-за пазухи, и прицеливаясь. — Новое имя вам даже не понадобится.

Гризль быстро протянул ему руку:

— Ну, давайте же! Что за ерунда пришла вам в голову?..

Пупс схватился за руку и, цепляясь ногами за неровности, вскарабкался на стену. Они сели рядом и отдышались.

— В саквояже мое добро, — напомнил Пупс. — Оно стоит больше ваших четырех тысяч.

— Хорошо, хорошо. Не хватало нам еще ссориться из-за пустяков. Прыгайте первым.

— Нет, вы прыгайте.

— Хорошо.

По ту сторону стены загремел саквояж, затем почти бесшумно спрыгнул Гризль. Пупс прыгнул за ним следом, и земля ощутимо вздрогнула. Гризль сдавленно вскрикнул, — очевидно, он не успел посторониться. Послышались удаляющиеся шаги и затихающая брань.

С безграничной властью Верховного Правителя было покончено.

Телезрители звонят в студию, потому что этого шоу нет в программе. Бигль предлагает сдаться. Дикий коротышка против железного робота

Ханаконда закончил чтение манифеста и вперил свои колючие глаза в объектив телекамеры.

— Запомните этот взгляд, — прошипел он зловеще. — Теперь вы все будете меня бояться. Бояться и ненавидеть. Ненавидеть, но бояться. Мне не нужно вашей любви, мне нужно ваше послушание. Послушание и страх — именно это необходимо для поддержания нового порядка, который, — Ханаконда торжественно повысил голос, — я объявляю с этой минуты!

Он поднялся с места и тут только заметил, что Губошлёп делает ему какие-то отчаянные знаки из-за стекла режиссерской кабины. Он приложил к уху радиосуфлер и услышал:

— Шеф, тут творится что-то непонятное! Зрители звонят наперебой и спрашивают, почему этого шоу нет в программе. Кажется, они принимают вас за клоуна из шоу вечерних страшилок!

— Что... Что ты сказал?.. — Ханаконда задрожал от ярости, на его губах выступила пена. — Они приняли меня за клоуна?..

— Погодите, шеф, еще кое-что! На связь вышел Бигль, Тайный министр, он хочет с вами поговорить!

В радиосуфлер ворвался голос Бигля:

— Ханаконда, слушайте меня внимательно: только что мы взяли двух типов, которые запалили автостоянку. Это ваши дружки — Тефтель и Жмурик. Сейчас мы отправим их к вам, а дальше думайте сами. Они вам все объяснят, потому что нам вы все равно не поверите. Предупреждаю сразу: если не начнете выходить по одному с поднятыми лапами, забросаем слезоточивыми шашками и начнем штурм. Вы все поняли?

— Тьфу на тебя, — прохрипел Ханаконда. — Моя уже взяла, Пупсу хана. А этих двоих можешь оставить себе...

Но в это время в коридоре уже слышались голоса Тефтеля и Жмурика: «Не стреляйте, не стреляйте!»; Хорёк, который держал на прицеле дверцу лифта, пропустил их на этаж.

— Шеф! Шеф! — закричали те наперебой. — Все кончено! Порошок больше не действует, они все очухались! Надо сдаваться, шеф, пока еще не поздно! Бигль обещал, что, если мы выйдем с поднятыми руками, он устроит нам вполне приличные условия — там, на болоте. Чистые продукты, баня, смена белья...

— На болоте?! — взвизгнул Ханаконда и схватил Жмурика за горло.

Это было тем более несправедливо, что про болото сказал не Жмурик, а Тефтель. В запале Ханаконда душил все сильнее и сильнее, и, если бы ему не разомкнули руки, работы у полиции бы поубавилось.

— Пошли, уходим, — скомандовал шеф. — Фараоны так и не поняли, что у нас есть вертолет.

— Но, шеф... — пролепетал Тефтель.

— Что такое?

— Они знают, что у нас есть вертолет.

— Откуда они могут это знать, болван?

- Я им сказал. Я же не думал...

Ничего не сказав, Ханаконда размахнулся и нанес Тефтелю сокрушительный удар в челюсть. Но толстокожий здоровяк лишь покачнулся и потер ушибленное место, зато сам Ханаконда схватился за кулак и зашипел.

Из шахты лифта послышался голос Бигля, говорившего через рупор:

— Даю вам одну минуту! Только одну минуту! Спускайтесь вниз с поднятыми руками! Это последнее предупреждение, через минуту мы начинаем!

— Все наверх, — скомандовал Ханаконда. — Росомаха первым.

Росомаха послушно поскакал первым, за ним следом побежали пятеро вооруженных бандитов. Выход на вертолетную площадку был свободен. Ханаконда открыл щиток и повернул рубильник.

Вспыхнули огни, и в ярком свете все увидели возвышающуюся на пути к вертолету огромную фигуру лысого коротышки в темных очках и черном блестящем плаще, свободно свисающем до самого пола. Он был безоружен, руки его были спокойно сложены на груди, ноги уверенно расставлены.

— Огонь, — сказал Ханаконда.

Бандиты вскинули автоматы и разом затарахтели. Пули загудели и зазвенели по арматуре. Одна из пуль, расплющившись, рикошетом ударила Росомахе

в истерзанную задницу. Несчастное существо взревело, как пароходная сирена.

— Взять его! Фас! — крикнул шеф.

Обезумевший от боли зверь-полукоротышка бросился на «Дружка» и вцепился зубами в его резиновое лицо.

— За мной, — махнул рукой шеф, и бандиты следом за ним быстро запрыгнули в вертолет.

Робот отшвырнул от себя рычащего звереныша, но в то же мгновение вертолет оторвался от площадки. Сильно оттолкнувшись обеими ногами, «Дружок» прыгнул и уцепился за посадочную лыжу. Машина тяжело осела, но винт прибавил обороты и вытянул ее на подъем. В момент снижения Росомаха с визгом прыгнул и тоже уцепился, но не за лыжу вертолета, а за плащ робота, изрешеченный пулями. Словно кошка цепляясь когтями за дырки, он взлетел по плащу наверх и юркнул внутрь вертолета. Машина взмыла высоко в темное небо, башня и высыпавшие на взлетную площадку полицейские скрылись из виду.

Ханаконда снова становится опасен. «Дружок» выходит из игры. «Космические поставки» в последний раз работают на бандитов

Зарево давилонских огней осталось позади, внизу со всех сторон темнел лес.

— Куда лететь, шеф? — спросил Хорёк, сидевший за штурвалом.

Ханаконда развернул на коленях карту и, склонившись над нею, напряженно думал. Он уже никуда не смотрел, а только сосредоточенно думал. Думал так, что на лбу у него вздулись и ходили ходуном синие прожилки.

— На юго-запад, — наконец произнес он тихо. — В Научный городок.

— А потом куда рванем?

— Потом на Большую Землю.

— Что?! — от неожиданности Хорёк завалил вертолет на бок.

— Осторожно, болван. Здесь, на Луне, нам не спрятаться, слишком тесно. На Большой Земле нас никто не знает, начнем все сначала. Тамошних коротышек ничего не стоит облапошить, они даже не знают, что такое деньги. Там мы быстро наведем свой порядок.

— Вам виднее, шеф. А что делать с этим? — Он кивнул вниз, туда, где висел «Дружок».

— Это всего-навсего машина, а машину легко обмануть. На каких частотах ведет свои переговоры полиция?..

«Дружок» бездействовал в эти минуты потому, что дожидался ответа от Бигля, которому временно переподчинила его Огонёк. В последний раз он доложил о том, что висит на лыже вертолета и летит неизвестно куда. Бигль совещался и медлил с ответом. Наконец робот услышал в своем приемном устройстве голос:

— Эй, робот, ты меня слышишь?

— Слышу вас хорошо, господин Бигль, — откликнулся «Дружок». — Вы приняли решение?

— Принял, принял; слушай сюда.

— А что у вас с голосом, господин Бигль? Вы простудились?

— Да, да, точно, чтоб тебя... Выпил холодного, вот и сел голос. Ты вот что, робот: прыгай сейчас вниз и быстро возвращайся. Твои дружки с Земли в опасности, понял?

— В опасности, — повторил робот. — Выполняю немедленно. Спешу на помощь.

Он разжал пальцы и рухнул вниз. Пролетев с треском через густую сосну и переломав половину

сучьев, он взгромоздился на спящий муравейник, но сразу поднялся и зашагал обратно, в сторону города. Всю дорогу он беспрестанно повторял себе на одной фальшивой ноте: «Дружки в опасности. Быстро возвращайся. В опасности...»

Вертолет приземлился в центре Научного городка, у колоннады главного здания. Бандиты спрыгнули на землю и с автоматами наперевес взбежали по ступенькам.

В это время Альфа, Мемега, обер-атаман Пшигль и доцент Квантик сидели за совещательным столом и обсуждали внезапно разразившиеся в телевизионном эфире судьбоносные события. Просуществовавший меньше месяца, Союз вольномыслия, хотя и не успел сделать ничего существенного, все-таки сплотил и объединил многих коротышек перед лицом опасности. Как это ни странно, к этому времени в Союз вступили почти все министры, члены большого бредлама промышленников и высшие полицейские чины. Списки тайного общества было решено опубликовать в газетах, чтобы все знали своих героев, а также и тех, кто, несмотря ни на что, сотрудничал с узурпатором. Предателей насчитывалось совсем немного, и правление Союза (здесь были все, за исключением Козлика) в эту минуту обсуждало, стоит ли вообще предавать гласности их имена.

Внезапно дверь распахнулась и в кабинет шумно ввалилась ощетинившаяся стволами пестрая компания. Альфа и Мемега сразу узнали хозяев «Космических поставок» и нескольких мелькавших здесь в то время охранников. Росомаху пока не было видно за их спинами.

— Руки кверху! — что было мочи завопил Губошлёп. — Всех положу!!

— Здравствуйте, господа ученые, — поздоровался Ханаконда, присаживаясь к совещательному столу. — Господин Квантик, господин Пшигль, вы тоже здесь? Но как же вы уцелели? До меня дошли слухи, что Пупс взорвал нашу ракету. Впрочем, это хорошо, что вы уцелели: найдите и раздавите его, как поганую жабу, теперь он наш общий враг.

Послышалось нарастающее злобное рычание, из-за спин бандитов выскочил Росомаха, запрыгнул на стол и схватил Квантика за волосы. При виде знаменитого дикого коротышки все повскакивали с мест.

— Успокойтесь, господа, — сказал Ханаконда. — Этот несчастный — наш товарищ. Мне кажется, он только хочет что-то спросить у господина Квантика.

— Где, — выдавил из себя страшное рычание звереныш, — Козлик!

Перекосившись от боли, с запрокинутой головой, Квантик сказал:

— Его здесь нет.

— Где — он!

— Не знаю.

— Где — он!!

Росомаха приставил большой палец ноги к глазу Квантика, приготовившись надавить. Но тут счел необходимым вмешаться обер-атаман Пшигль: он снял с пояса электрическую дубинку, перегнулся через стол и ткнул ее концом в многострадальную часть тела Росомахи. Послышался треск, сверкнула молния электрического разряда, запахло паленым. В следующее мгновение раздался такой крик, что у всех присутствовавших разом заложило перепонки. Перекувыркнувшись несколько раз в воздухе, несчастное полуживотное разнесло вдребезги оконное стекло и вылетело наружу. Приблизившись к окну, бандиты увидели, что Росомаха, целый и невреди-

мый, с воем катается по мокрым листьям, схватившись за больное место.

— Послушайте, никакого Козлика здесь нет! — воскликнул Мемега. — И прошу вас, оградите нас от этого ужасного дикого существа!

— Плевать на него, — сказал Ханаконда. — Идемте, где тут у вас реактивное снаряжение? И вы двое тоже. — Он кивнул Пшиглю и Квантику. — Вы тоже полетите с нами. Будете показывать дорогу.

— Куда? — не понял Квантик.

— Туда. — Ханаконда указал пальцем вверх. — На внешнюю оболочку. Туда, где вторая ракета землян. Хотим наведаться к ним в гости, несмотря на то что они забыли нас пригласить.

Квантик дернулся, но в ту же секунду заклацали затворы автоматов, и четыре ствола уперлись в затылки четверых сидевших за столом коротышек. Выбора не было.

Ночной полет. Обер-атаман Пшигль действует как профессионал; доцент Квантик ведет себя как дилетант, потому что его обучали совсем другому

Не прошло и часа, как восемь облаченных в космические скафандры и оснащенные реактивными ранцами фигур взмыли в черное ночное небо. Лететь приходилось по касательной, потому что ледяной тунель в это время суток находился где-то над Большим Материковым проливом и продолжал смещаться в сторону полуострова Клушка. Догоняя время, стремительно уносящиеся огоньки-кометы скрылись за восточным горизонтом.

Вот впереди снова забрезжил вечер, стало светлее, внизу заблестела вода пролива. Вот стало совсем

светло: они догнали вчерашний день, еще только катившийся к вечеру на западе полуострова Клушка.

— Вверх, за мной, — скомандовал Квантик, и вереница комет-коротышек круто рванулась вверх, прорезав слой облачности, словно рыхлый снег.

В сиянии светящегося газа, обволакивающего изнутри скалистую небесную твердь, стали видны обращенные книзу своими вершинами покрытые инеем каменные горы, ущелья и долины, сверкающие и искрящиеся в свете дня.

Зачарованные представившимся зрелищем, бандиты нарушили строй, беспорядочно разлетелись, и обер-атаман Пшигль сразу воспользовался этим. Оказавшись позади, вне поля их зрения, осторожно маневрируя, он подлетел к ближайшей фигуре и повернул краник подачи топлива. Двигатель зафыркал, давая первые сбои. Пшигль залетел со спины к другому бандиту и проделал с его реактивным ранцем ту же самую операцию.

— Эй! — закричал первый в переговорное устройство. — У меня мотор сломался! Я падаю!..

— Ай! — закричал второй. — Держите, держите меня скорее!!

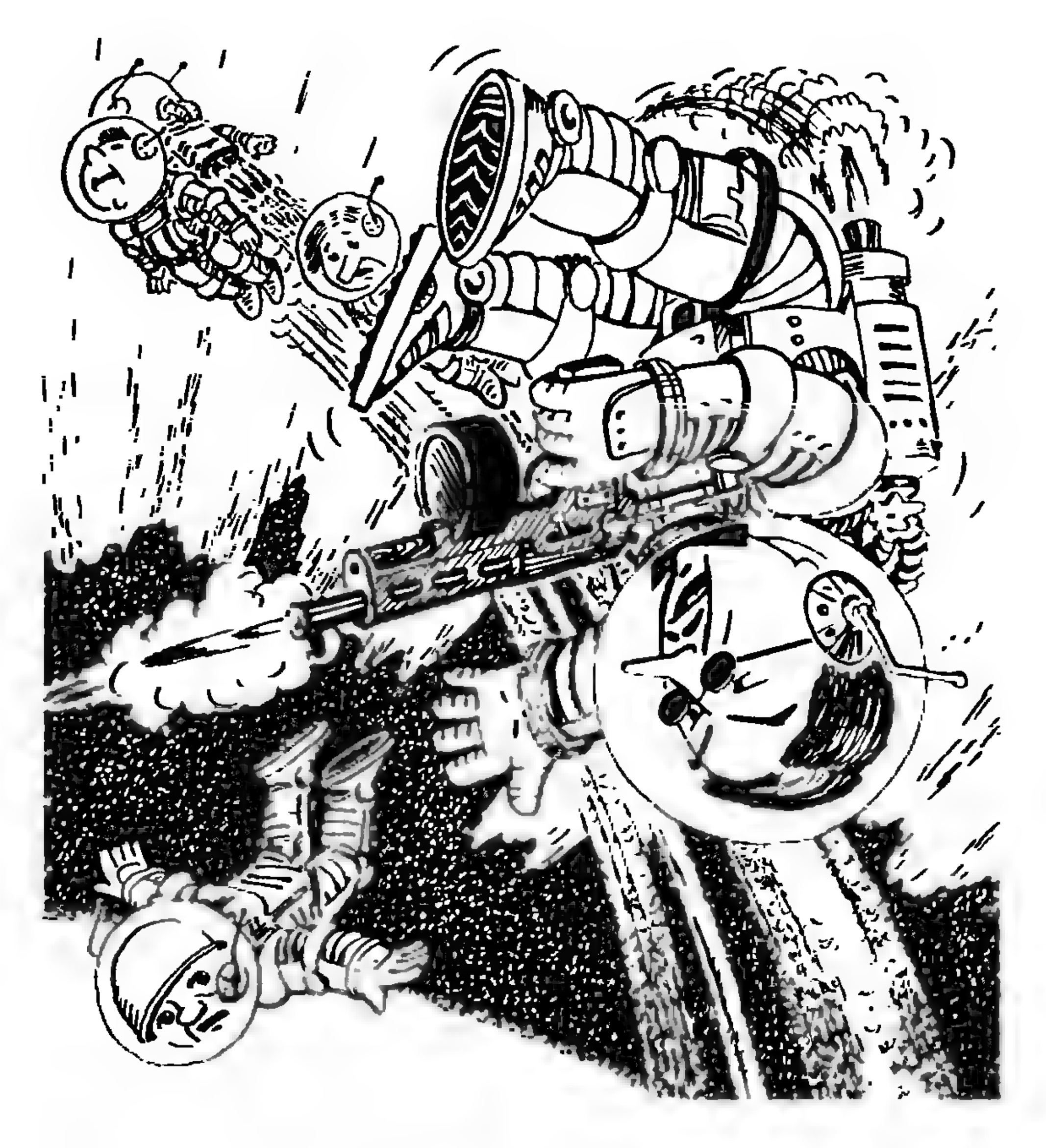
В это время доблестный полицейский уже подлетал к третьему бандиту. Но тут третий, оказавшийся Ханакондой, повернулся к нему лицом.

— Пшигль! — прохрипел он в ярости. — Это Пшигль, стреляйте в него!

И он первый дал очередь из автомата, но, по счастью, его закрутило, и все пули пролетели мимо. Не долго думая Пшигль отстегнул ранец и полетел вниз, следом за Хорьком и Губошлёпом, которые продолжали вопить, обезумев от страха.

— Тише, вы! — прикрикнул на них обер-атаман. — Сейчас раскроются парашюты, ничего с вами не будет.

Воспользовавшись замешательством, Квантик тоже сделал движение, чтобы скинуть с себя ранец, но



Ханаконда, зорко за ним следивший, сразу нацелил на него ствол автомата:

— Даже не пытайтесь, господин Квантик. С такого расстояния я не промахнусь.

Над головами Хорька и Губошлёпа хлопнули парашюты, и они сразу перестали вопить. Потягивая то одну, то другую сторону, Пшигль старался держаться от них поблизости. Автоматы эти двое в панике побросали, и теперь опытный полицейский намеревался взять их голыми руками.

Так оно и вышло. Едва коснувшись земли и не дав бандитам опомниться, Пшигль вылез из своего скафандра, снял с пояса наручники и щелкнул замками на их запястьях. Наручников была только одна пара, поэтому Хорьку достался браслет на левую, а Губошлёпу на правую руку. Поднявшись, они сделали попытку побежать, но вышло так, что побежали они в разные стороны, тут же упали и завыли от боли.

Пшигль свинтил с их голов гермошлемы и скомандовал:

— А теперь вперед, чуда морские. До ближайшего участка будете топать прямо в обмундировании. Придется, конечно, как следует попотеть, да уж ничего не поделаешь... Зато в каталажке обещаю вам холодный душ из шланга. Ну, живо!..

Они находились поблизости от Фантомаса. Вдалеке, за мокрым картофельным полем, уже виднелись первые городские застройки. Двое коротышек в пузатых скафандрах и один в полицейской форме поплелись напрямик, увязая по щиколотку в черноземе.

Как бесполезное и легкомысленное времяпрепровождение Фуксии и Селёдочки поставило под вопрос дальнейшую судьбу Жмурика, Тефтеля, Ханаконды и Росомахи

Прошла неделя с тех пор, как спасательная экспедиция земных коротышек совершила посадку на лунной поверхности. И прошло три дня с тех пор, как астроном Стекляшкин и писатель Смекайло остались вдвоем в ракете наблюдателей. Наблюдать было нечего и, соответственно, передавать на Землю тоже было нечего. Но скучать им не приходилось:

обе эти творческие натуры были целиком поглощены своей работой. Стекляшкин, пользуясь идеальными условиями для астрономических наблюдений — такими, как полное отсутствие облаков и вообще какой бы там ни было атмосферы, затрудняющей видимость, — проводил все время у телескопа. Смекайло же продолжал неустанно испещрять страницу за страницей черновыми записями своего первого романа. И это было удивительно, потому что роман должен был создаваться прямо с натуры. То есть Смекайло намеревался описывать художественным словом ход экспедиции со всеми приключениями, опасностями и репликами героев. Однако Смекайло ничего подобного видеть и слышать не мог, потому что не выходил из ракеты и даже вообще редко поднимал голову от бумаги.

Время от времени кто-нибудь из этих двоих вспоминал, что нужно поесть, тогда он звал другого, и они вместе уминали порядочное количество содержимого всевозможных пластиковых бутылочек, тюбиков и брикетов. Потом Стекляшкин залезал в скафандр и отправлялся к расположенной в маленькой пещере радиостанции. Эта радиостанция, напомним, имела брошенную в расщелину проволочную антенну, поэтому оттуда можно было держать связь с находившимся в зоне риска экипажем сталкеров, сильно размножившимся за счет нескольких переметнувшихся наблюдателей. Но поскольку вплоть до последних событий все посторонние радиосигналы в эфире глушились, связи между сталкерами и двумя оставшимися на поверхности наблюдателями не происходило. Тем не менее Стекляшкин честно наведывался в пещеру после каждого приема пищи и выходил в эфир с позывными.

В описываемое время эти двое как раз вспомнили об ужине и, расположившись в кают-компании, поглощали емкости с незатейливой космической пищей.

— Знаете, меня уже начинает беспокоить их отсутствие, — сказал Стекляшкин, обращаясь к своему ставшему чрезвычайно рассеянным приятелю. — Если в ближайшее время они не появятся или не выйдут на связь, надо будет принять какие-то решительные меры.

— Мне кажется, что волноваться еще рано, — возразил Смекайло. — Пускай пройдут хотя бы сутки, а уж там...

— Сутки? Сколько же они, по-вашему, отсутствуют?

— Ну, часа три или четыре...

— А трое суток не хотите?

— Трое суток?

— Конечно! С тех пор как они спустились, прошло уже более трех суток!

— Да что вы говорите! Вот что значит, позабыв обо всем, оседлать крылатого коня вдохновения!..

— Знаете что, дружище, — Стекляшкин похлопал писателя по плечу, — коню вдохновения тоже не мешало бы передохнуть; пора бы вам выйти из ракеты и прогуляться пешком. Разомнетесь, посмотрите по сторонам, в конце концов. Сейчас я иду в пещеру, вы тоже одевайтесь.

— Что ж, пожалуй, вы правы, — согласился Смекайло. — Я иду с вами.

Два наблюдателя благополучно добрались до пещеры, Стекляшкин подключился к радиостанции, настроился на нужную частоту и, к своему удивлению, не услышал в эфире противного гудения глушилок. Вместо этого в переговорные устройства ворвались отчаянные позывные:

— Ракета «ЗОВ» вызывает ракету «ФиС»! Стекляшкин, отзовись!..

— Да! — крикнул Стекляшкин. — Я здесь! Я слушаю!

— Это мы! Фуксия! Селёдочка! — наперебой закричали Фуксия и Селёдочка.

— Что у вас случилось?

— Не у нас, у вас! Возвращайтесь в ракету! Закройтесь, включите защиту, никого не пускайте! Они летят к вам, они уже рядом!

— Чего-чего? — глупо сказал Стекляшкин и выглянул из пещеры.

Увиденное заставило его сказать «ой»: к ракете торопливо приближались пятеро коротышек в скафандрах лунного образца.

— Что! Что случилось?!

— Они... они, кажется, уже здесь.

В наушниках стало тихо. Четверо из прибывших коротышек поднялись по трапу, но пятый вдруг вырвался и побежал. По нему начали стрелять, и пули вокруг него взбивали маленькие фонтанчики пыли.

— Погодите... — сказал Стекляшкин. — Кажется, один из них бежит к нам.

— Будьте осторожны, они вооружены!

Стекляшкин совершенно растерялся, но тут коротышка закричал:

— Это я, Квантик! В ракете кто-нибудь остался?

— Нет, — ответил Стекляшкин. — В ракете никого нет.

Они были хорошо знакомы, поэтому представляться не было нужды. Узнав, что в ракете никого нет, Квантик вздохнул с облегчением.

— А программа возвращения уже введена в компьютер?

— Кажется, еще нет. Фуксия, Селёдочка, что вы оставили в главном компьютере?

Фуксия и Селёдочка молчали. Им было стыдно признаться, что в главном бортовом компьютере они оставили диск с игрой в космические догонялки. Так

они в последние часы коротали время, чтобы унять волнение в ожидании сигнала от «Дружка».

— В компьютере диск, который не имеет отношения к полету, — сказала наконец Селёдочка.

В это мгновение из сопла в грунт ударили искры и пламя, включился прибор невесомости, и ракета стремительно взмыла ввысь. Набирая скорость, она пошла внезапными зигзагами, быстро удаляясь и превращаясь сначала в мечущийся из стороны в сторону факел, затем в выписывающую во тьме замысловатые узоры звездочку, а затем в едва заметную искорку, которая вскоре совсем растаяла в черной космической бездне.

— Куда же они полетели... — растерянно проговорил Квантик.

— ???

Пораженные случившимся, остальные молчали.

Лунатики празднуют День свободы и независимости. Улицы имени героев. Незнайка опять прощается с Козликом. Последняя пресс-конференция

В последующие дни состоялись две большие пресс-конференции, транслировавшиеся по радио и всем телевизионным каналам. На первой из них представлявшие Союз вольномыслия г-да Квантик, Пшигль, Козлик, Альфа и Мемега, а также бывшие министры Бигль и Болтик подводили итоги. Еще ночью соль на заводах Дракулы перестали «обогащать» порошком, а те запасы, которые скопились на складах, пустили в обратную переработку. Но поскольку запасы провизии у населения и в магазинах были сдобрены порошком, в воду продолжали добавлять нейтрализую-

щее вещество! Вся собственность, присвоенная узурпатором за время его правления, возвращалась прежним владельцам, а сеть его знаменитых магазинов пускалась с торгов. Приобрести их выразил желание г-н Спрутс, активно сотрудничавший, как оказалось, с Союзом вольномыслия. А поскольку теперь он был самым богатым коротышкой на Луне, конкурентов в этом деле у него не предвиделось.

В этот праздничный день никто не работал, царило всеобщее ликование, играли оркестры, а мороженое и лимонад раздавались на улицах бесплатно. Лунатикам все это настолько понравилось, что День свободы и независимости решили отмечать ежегодно, а кое-кто предлагал даже и ежемесячно.

Когда стемнело, над Давилоном и другими крупными городами миллионами разноцветных огней вспыхнул салют.

Особых почестей были удостоены Квантик, Пшигль и Козлик, которые первыми не подчинились узурпатору, послали сигнал бедствия землянам, а затем возглавили повстанческое движение. В некоторых городах их именами даже назвали улицы: улица героя Квантика (бывшая Болотная), улица героя обер-атамана Пшигля (бывшая Кривая) и переулок героя Козлика (бывший безымянный).

Что касается последнего, то Козлик ничуть не обижался из-за того, что ему достался только Безымянный переулок. Во-первых, он в глубине души переживал свою вину за взрыв ракеты по проекту «Космических поставок»: все-таки он тогда поставил под угрозу жизнь и здоровье ни в чем не повинных членов экипажа. А во-вторых, он снова встретился со своим лучшим другом Незнайкой и был абсолютно счастлив. Они рассказывали о себе и вспоминали прошлое, не разлучаясь ни на минуту до самого

отлета. Во время расставания Козлик плакал, а Незнайка, стиснув зубы, рукавом вытирал глаза. Он дал себе слово никогда не плакать, но после старта подозрительно долго сидел запершись у себя в каюте.

Как-то незаметно, стараясь не привлекать к себе внимание, во дворце появились Злючкин и Ярило. Они разгипнотизировались одновременно со всеми, выпив по команде Масленки воды из-под крана. На вопросы они отвечали довольно вяло и неохотно. Они только пояснили, что работали в одной из местных академий наук, поскольку хотели вникнуть в проблему изнутри и больше узнать о достижениях лунной науки и техники. От ответа на вопрос, что же они все-таки почерпнули из достижений лунной науки, Ярило и Злючкин уклонялись.

До отлета состоялась также пресс-конференция земных коротышек. Конечно, они не успели ничем помочь лунатикам, но они все-таки прилетели, и кто знает, как бы повернулись события, если бы развязка не наступила так быстро.

Сначала выступил командир экспедиции Знайка. Он сказал, что, к сожалению, сам стал жертвой обмана со стороны Верховного Правителя и его приспешников. На торжественном банкете экипаж был отравлен гипнотическим порошком и не мог вмешаться в происходящее. Но все они, сказал Знайка, тем более рады, что лунатики сами справились со своей бедой без посторонней помощи.

После этого корреспонденты различных средств информации начали задавать вопросы. Мы приведем здесь лишь только некоторые.

Корреспондентка. Егоза, газета «Деловая смекалка». Вопрос к командиру экспедиции. Госпо-

дин Знайка, скажите, пожалуйста, что вы подумали в тот момент, когда получили с Луны радиограмму о случившемся здесь государственном перевороте?

Знайка. К сожалению, полный текст радиограммы был нам неизвестен. Поломка антенны передатчика создавала препятствия для прохождения сигнала в эфире. Мы только поняли, что нужно лететь, а не раздумывать.

Корреспондентка. Стало быть, вы летели на свой страх и риск, не имея понятия о том, что здесь происходит?

Знайка. Выходит, что так...

Дружные аплодисменты зала, новые корреспонденты, новые вопросы.

— ...Господин Стекляшкин, нам известно, что на момент угона ракеты «ФиС» бандитами вы являлись командиром этого корабля, а следовательно, материально ответственным лицом. Будет ли по возвращении на Большую Землю с вас взыскана стоимость ракеты и не собираетесь ли вы в связи с этим просить у наших властей политического убежища?

У Стекляшкина довольно-таки напуганный вид, он разводит руками, вопрос остается без ответа.

— ...Вопрос к господам Незнайке и Пончику: намерены ли вы в оставшееся до отлета время продолжать рекламную кампанию по продвижению на рынок конструкции «велосипед» и макарон Скуперфильда?

Изобретатели пихают друг друга локтями, вопрос остается без ответа. (Отснятый второпях рекламный ролик скуперфильдовских макарон «Не долго думай, покупатель...» заполонил в эти дни все каналы телевидения. Пудл был в ярости и грозил Скуперфильду судом.)

— ...Господин Незнайка, как вы намерены распорядиться денежными средствами, непрерывно растущими на вашем банковском счету?

— Весь свой растущий счет я передаю в полное распоряжение моего друга Козлика, вот он здесь, в зале.

Прослезившийся Козлик поднимается и кланяется залу, раздаются аплодисменты, слышны крики «Браво!».

— Господин Пончик, а вы? Вы тоже кому-нибудь передаете?

- А я еще подумаю. Мне тут надо еще прикупить кое-что, денежки пригодятся. Да и вообще... неизвестно еще, как судьба повернется...

Очень жидкие аплодисменты, только для приличия.

Ведущий. А вот звонок в студию от телезрителя. Фермер Орешек передает привет земным коротышкам и спрашивает, не желают ли они взять в дорогу большой картофельный пирог, который он приготовит специально для них.

Огонёк (*приветливо машет рукой*). Спасибо! Обязательно приходите провожать нас, вас обязательно пропустят!

Незнайка. Мы тоже передаем ему горячий привет, однажды этот коротышка нас здорово выручил. Если господа Пудл и Циклоп сейчас нас видят и слышат, пусть они пришлют ему за наш счет велосипед и мотоцикл.

Всеобщие аплодисменты, хотя никто еще не знает, что такое «мотоцикл».

— ...Господин Смекайло, мы слышали, что все записи вашего нового романа остались в ракете и улетели в неизвестном направлении. Что вы теперь будете делать?

— Благодарю вас, не беспокойтесь; я уже начал восстанавливать записи по памяти. У меня, знаете ли, по счастью, совершенно феноменальная память: все страницы до последней перед глазами, как живые. Кстати, я даже рад, что могу внести в текст

необходимые исправления и добавления, которые бы непременно упустил, не представься мне такой случай.

— Не забудьте прислать нам экземпляр вашей книги!

— Непременно, непременно.

Аплодисменты.

— ...Вопрос к профессору Клюковке: как вам удалось обмануть всех и сбежать из надежно охраняемого дворца? Вам кто-нибудь в этом помогал?

И Огонёк рассказывала историю побега, а потом задавались другие вопросы, и следовали аплодисменты, аплодисменты, аплодисменты...

Пресс-конференция затянулась до глубокой ночи: вопросы от телезрителей и корреспондентов в студии так и сыпались. Отвечать пришлось всем, даже «Дружку», и робот принялся заунывно излагать какую-то инструкцию, но его вовремя выключили.

К величайшему удивлению и радости Незнайки и Пончика, никто не задал им ни одного вопроса об изобретательстве велосипеда: разоблачения, которого они так боялись, не последовало. Наверное, лунатики даже не подумали, что здесь могло быть какое-то надувательство. Велосипед был по всем правилам запатентован, он оправдал все ожидания — чего же еще?

— Слушай, — сказал Пончик Незнайке после окончания пресс-конференции, — здорово нам здесь все это сошло. Может, для них еще что-нибудь изобрести? Мне, знаешь ли, понравилось быть изобретателем. Ну лыжи или санки, например... у них ведь на лыжах никто не катается?

— Так ведь у них и снега здесь нет, — ответил Незнайка. — У них здесь зимой дождик моросит. Нужны им твои лыжи, как рыбе зонтик.

— Зонтик? — повторил Пончик.

— Зонтик, — подтвердил Незнайка.
— А ты видел у кого-нибудь из них зонтик?
— Никогда.
— Зонтик!
— Зонтик!..

Утром ракета «ЗОВ» с пятнадцатью членами экспедиции и одним роботом на борту прошла через ледяной туннель, стартовала в космическое пространство и благополучно вернулась на Землю. Так закончилось второе путешествие на Луну Незнайки и его друзей.

Эпилог

После свержения Верховного Правителя жизнь лунных коротышек быстро вошла в привычную колею. Портреты узурпатора, красовавшиеся до этого в каждом доме, были уничтожены, и скоро все позабыли, как он вообще выглядел.

И напрасно, потому что многие дамочки, покупающие шляпки и шпильки в модном магазине курортного городка Сан-Комарика, были бы по-особенному приятно удивлены, узнав, что обслуживающий их столь обходительный старший приказчик — кругленький и гладкий, пахнущий одеколоном и всегда улыбающийся, говорящий нараспев, а иногда и нашептывающий в ухо обворожительные комплименты, — что этот коротышка и есть не кто иной, как г-н Пупс, бывший Верховный Правитель подлунного мира, бывший злодей и самозванец.

Модные дамочки щедро одаривают г-на Пуфика (а теперь его зовут именно так) чаевыми, которые он аккуратно складывает в деревянную шкатулку из-под сигар, чтобы в выходные получить в обмен

на них свои самые сокровенные удовольствия, которых он едва не лишился навсегда, став самым богатым, могущественным и... самым несчастным коротышкой на своей планете.

Конечно, такое положение вещей некоторым покажется несправедливым. Выходит, что этот коротышка, причинивший столько зла своим согражданам, с легкостью избежал вполне заслуженного им наказания?.. Выходит, что так, и мы не в силах уже что-либо исправить. Но все же заметьте, что в видимом нами отрезке нашей собственной жизни злодеи далеко не всегда получают по заслугам, а часто выходит даже совсем наоборот. Что же касается г-на Пупса, то не такой уж он был неисправимый злодей. Вполне симпатичный коротышка, только большие деньги и власть его испортили, да и то ненадолго.

Хозяином модного магазина является господин Гризль, то есть, как его теперь зовут, господин Пипс. Услышав впервые это имя, Пупс был совершенно ошеломлен.

— Что?! — закричал он. — Да как же вы посмели! Как это понимать: как насмешку или как откровенное издевательство?!

— Понимайте как хотите, — нагло заявил Гризль. — Пипс — это большая игра; а Пупс — это еще непонятно что. Вот непонятно чего вы и достигли в жизни.

Пупс так и остался стоять с открытым ртом.

Свою «большую игру» новоявленный г-н Пипс ведет на местной бирже с какими-то ценными бумагами. Но дело не клеится, и он кое-где порою мухлюет. За ним уже наблюдают секретные агенты страховой компании, и похоже, что его «большая игра» скоро закончится каталажкой. А у модного магазина появится новый хозяин, который никогда не будет обижать своего столь любимого поку-

пателями приятного и обходительного старшего приказчика.

Хорёк и Губошлёп, которых обер-атаман Пшигль вовремя скрутил и доставил в полицейский участок, снова оказались на болоте. Они опять заготавливают клюкву и кормят комаров, но сами питаются вполне прилично, если, конечно, выполняют норму. Через год, при хорошем поведении, их обещают перевести на юг, где они будут круглый год выращивать парниковые ананасы, и эта радужная перспектива поддерживает их в упорной борьбе с непогодой, сыростью и кровососущими насекомыми.

Измученные до полного нервного истощения, Мига и Крабс наконец обрели долгожданный покой. В том смысле, что они устроились на постоянную работу и получили возможность полноценно отдыхать, не лязгая постоянно зубами от страха. Крабс, как опытный финансист и бывший управляющий делами Спрутса, нашел себе работу в банке; Мига пока что работает посыльным в сыскной конторе, но имеет перспективу служебного роста вплоть до заведующего отделом. До этого оба имели серьезный разговор с Биглем, после которого вся история с их постыдными похождениями стала выглядеть так, будто они выполняли секретное задание, нарочно втеревшись в доверие к бандитам. И Бигль якобы держал ситуацию под контролем с самого начала.

Теперь Бигль имеет крупнейшее сыскное агентство с роскошным офисом в самом центре Давилона. У него-то Мига и служит посыльным, работая рядом с неразговорчивыми оперативниками — бывшими охранниками в серых трико.

Министр Связи и Пропаганды снова превратился в репортера Болтика. Возобновился выход его газеты

«Правдивые расследования», тираж которой пришлось увеличить вдвое. А его передача «Момент секретности» стала выходить в лучшее эфирное время, с двумя повторами для тех коротышек, которые работают в вечернюю и ночную смены.

Помимо своей обычной захватывающей работы, связанной со всевозможными разоблачениями, вечерами он пишет воспоминания, озаглавленные так: «Четыре недели смуты. Хроника глазами очевидца». Разумеется, что сам он в этих воспоминаниях выглядит как активнейший деятель сопротивления.

Изобретатель гипнотического порошка Кротик работает главным технологом на мыловаренном заводе Грязинга. Из его химической лаборатории один за другим выходят удивительно хорошо пахнущие и замечательно пенящиеся сорта мыла. Для того чтобы Кротика не переманили к себе конкуренты, Грязинг платит ему огромные деньги.

Последний составленный им сорт банного мыла «В объятиях мечты» пользуется у коротышек невиданной популярностью и обладает несомненным целительным эффектом.

Благодаря рекламному ролику, в котором модные изобретатели велосипеда призывали лунных коротышек покупать макароны Скуперфильда, дела этого скряги поначалу стремительно пошли в гору. Но жадина всегда остается в проигрыше, потому что ему вечно мало: чем больше он имеет, тем большего ему хочется, и так до бесконечности, до полного изнеможения.

Для того чтобы меньше платить своим рабочим, Скуперфильд начал незаметно подсыпать им в столовские обеды гипнотическую соль. Этой соли, которую всем было приказано уничтожить, у него сохранилось на складе несколько мешков.

Первое время ему это сходило с рук, но вот однажды утром он явился в свой офис и выпил свою обычную чашку кофе. Вскоре он почувствовал легкое головокружение и вдруг ощутил в себе беспричинную доброту и благостное расположение ко всем окружающим. Ему стало стыдно, что он бессовестно обирает своих ближних, ему захотелось немедленно сделать что-нибудь хорошее и правильное.

В этот момент в дверь постучали и к нему в кабинет вошли несколько рабочих-представителей, юрист и нотариус. Переговоры были недолгими: Скуперфильд с радостью подписал новые расценки и льготы для своих рабочих на много лет вперед. Он даже прослезился от умиления. Потом он отправился на склад, самолично погрузил мешки с гипнотической солью на машину, доехал до ближайшего моста и сбросил их в реку.

Проснувшись на другой день и вспомнив, что произошло, Скуперфильд едва не заболел от огорчения. Чтобы хоть частично возместить убыток, он изменил рецептуру, снизив тем самым себестоимость своих знаменитых макарон. Но покупатели сразу заметили перемену, и спрос на макароны резко упал. Скуперфильд немедленно вернулся к прежней рецептуре, но доверие к нему покупателей было подорвано, объем продаж катастрофически падал. В отчаянии он начал снижать цену на свою продукцию — до тех пор, пока она не стала убыточной. И вот только на этой критической точке доверие покупателей к его макаронам вернулось, появился массовый спрос, и постепенно он сумел поднять цену до прежнего уровня.

Вздохнув наконец облегченно, Скуперфильд дал себе слово больше никогда не устраивать подобных экспериментов, потому что в мелочной погоне за сантиком в итоге чаще всего теряешь целый фертинг.

Тяжелые мотоциклы фирмы «Циклоп» произвели на рынке настоящий фурор. Те коротышки, которые

любили быструю езду, но не желали обременять себя автомобилем, получили то, о чем раньше не могли даже мечтать. Пудл продавал огромное количество дешевых велосипедов; Циклоп — ограниченное число дорогих мотоциклов. Таким образом, их доходы снова выравнялись, снова началась их конкурентная борьба за покупателя, а покупателю только этого и надо.

Выполняя просьбу Незнайки, оба промышленника подарили картофельному фермеру Орешку свои прославленные машины. От Циклопа ему пригнали новенький трактор, грузовичок и мотоцикл; от Пудла — легковой спортивный автомобиль, велосипед, набор особо блестящих ножей, кастрюль и сковородок, которые Пудл делал из отходов производства, кухонный комбайн и в придачу большой набор пластмассовых загогулинок для фигурной резки картофеля.

Расчувствовавшийся фермер, которого в торжественный момент дарения показывали по телевизору, успел-таки в прямом эфире ввернуть два раза свой адрес для оптовых покупателей картофеля.

Как-то незаметно из моды вышли «новые коротышки». Больше никто не надевает на себя пестрые цилиндры, никто не ездит на сверхдлинных автомобилях. Наоборот, бывшие «новые» теперь стараются во всем походить на «старых» — носят очки с простыми стеклами, учатся говорить на правильном языке и даже пытаются читать книжки, которые почти все — за исключением тех, в которых беспрестанно дерутся и стреляют, — кажутся им ужасно скучными.

По совершенно не поддающимся объяснению причинам возобновил свое существование тайный Союз вольномыслия. В нем насчитывается не больше десяти коротышек и совсем никого из прежних участников сопротивления. Верховодит этим собранием

вредный дворник, по-прежнему работающий в Научном городке. Один раз в неделю эти несчастные собираются в дворницкой, ругают теперешнюю власть, сожалеют о временах Верховного Правителя, когда «был порядок», и вполголоса распевают гимн. Их никто не осуждает и не трогает, потому что вреда от них никакого.

Между подлунным миром и Большой Землей восстановлена постоянная радиосвязь, благодаря которой информационные агентства двух планет обмениваются новостями.

О трех бандитах и одном полукоротышке, улетевших неизвестно куда, ничего не известно. О них не принято вспоминать, и будет лучше, если они сами о себе никогда не напомнят.

Еще до начала экспедиции Знайка был ошарашен тем фактом, что Клюковка-Огонёк является профессором солнечногорской Академии наук. Потом об этом было некогда думать, но сразу по возвращении на Землю он начал усиленно готовиться и вскоре тоже успешно сдал экзамен на профессора. Только после этого он перестал дуться на Клюковку и опять начал говорить ей «уважаемая (или даже «дорогая») коллега».

Вышел долгожданный роман Смекайлы и сразу произвел фурор. В этом романе было все: и покрытые чешуей злые восьмилапые чудовища из далекого космоса, и горстка земных смельчаков из спецгруппы сопротивления, и космические погони, и драки, и стрельба из лазерных бластеров. Не было в нем только одного: спасательной экспедиции на Луну. И стало понятно, чем занимался Смейкало, исписывая страницу за страницей на протяжении всей экспедиции

и совершенно не интересуясь окружающими событиями. Тем не менее роман «Космический агрессор» разошелся огромным тиражом, и теперь Смекайло напряженно работает над своим вторым романом, который будет называться, понятное дело, «Космический агрессор-2».

В Цветочном городе коротышки дразнят Незнайку и Пончика «системой ниппель». После того как сюда просочилась история про то, как эти двое изобрели на Луне велосипед, первое время им буквально не давали прохода. Пончик привез с собой с Луны несколько больших коробок с железной дорогой. Помимо многочисленного подвижного состава у него есть депо, поселок городского типа, лес, овраг, тоннель в скалистой горке, два моста и река с настоящей водой, которая струится по замкнутому руслу при помощи маленького потайного насоса. Смотреть на железную дорогу приходят коротышки со всего города, благодаря чему авторитет Пончика снова неуклонно растет.

Как только солнце растопило снег и по сказочной стране зазвенели ручьи, Незнайка снова почувствовал непреодолимую тягу к путешествиям и приключениям, ему снова не сиделось на месте. Нечто похожее было заметно и в поведении его друзей, живущих с ним в одном доме на улице Колокольчиков. Вечерами все как-то бесцельно слонялись из комнаты в комнату и не знали, чем себя занять.

И вот в один из таких вечеров в коридоре раздался телефонный звонок: Снежинка и Синеглазка приглашали малышей в Зелёный город на праздник Весны. Стоит ли говорить, как малыши этому обрадовались и как основательно они собирались в дорогу. Винтик и Шпунтик заново покрасили большой гусеничный вездеход, на котором предстояло отправиться в путь,

а Незнайка почистил шляпу и погладил свою самую красивую рубашку. Он уже с нетерпением ждал минуты, когда снова увидится с Синеглазкой и она поднимет на него свои большие чуть-чуть грустные глаза и скажет:

— Как замечательно, что вы все-таки приехали...

Так оно и вышло. Малыши прогостили в Зелёном городе целую неделю, и за это время, конечно, там произошло множество всяких интересных событий, о которых здесь уже нет места рассказывать.

КОНЕЦ

СОДЕРЖАНИЕ

Книга первая
ДЕЛО О КОСМИЧЕСКИХ ПОСТАВКАХ

Часть первая 7
Часть вторая 73
Часть третья 149

Книга вторая
ЗИМА В СТРАНЕ КОРОТЫШЕК

Часть первая 199
Часть вторая 263

Книга третья
ЭКСПЕДИЦИЯ В ЗОНУ РИСКА

Часть первая 315
Часть вторая 431
Эпилог 548

Литературно-художественное издание

Борис Карлов

НОВЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ НЕЗНАЙКИ

Снова на Луне

Роман-сказка
для детей и взрослых

Редактор
Андрей Ефремов
Художественный редактор
Вадим Пожидаев
Технический редактор
Татьяна Раткевич
Корректоры
Татьяна Виноградова,
Ирина Киселева,
Маргарита Ахметова
Верстка
Алексея Положенцева

ЛР № 071177 от 05.06.95

Подписано в печать с готовых диапозитивов 12.01.99.
Формат издания 84x108 1/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Петербург». Тираж 10 000 экз. Усл. печ. л. 29,4.
Изд. № 719. Заказ № 694.

Издательство «Азбука». 196105, Санкт-Петербург, а/я 192.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГИПК «Лениздат» (типография им. Володарского)
Государственного комитета РФ по печати.
191023, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, 59.

...Робот отшвырнул от себя рычащего звереныша, но в то же мгновение вертолет оторвался от площадки. Сильно оттолкнувшись обеими ногами, «Дружок» прыгнул и уцепился за посадочную лыжу. Машина тяжело осела, но винт прибавил обороты и вытянул ее на подъем. В момент снижения Росомаха с визгом прыгнул и тоже уцепился, но не за лыжу вертолета, а за плащ робота, изрешеченный пулями. Словно кошка цепляясь когтями за дырки, он взлетел по плащу наверх и юркнул внутрь вертолета. Машина взмыла высоко в темное небо, башня и высыпавшие на взлетную площадку полицейские скрылись из виду.

ISBN 5-7684-0719-7

Новые приключения

НЕЗНАЙКИ

СНОВА НА ЛУНЕ